100 ВЕЛИКИХ КАЗАКОВ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга военного историка и писателя А. В. Шишова повествует о жизни и деяниях ста великих казаков, наиболее выдающихся представителей казачества за всю историю нашего Отечества — от легендарного Ильи Муромца до писателя Михаила Шолохова. Казачество — уникальное военно-служилое сословие, внёсшее огромный вклад в становление Московской Руси и Российской империи. Это сообщество вольных людей, создававшееся столетиями, выдвинуло из своей среды прославленных землепроходцев и военачальников, бунтарей и иерархов православной церкви, исследователей и писателей. Впечатляет даже перечень казачьих войск и формирований: донское и запорожское, яицкое (уральское) и терское, украинское реестровое и кавказское линейное, волжское и астраханское, черноморское и бугское, оренбургское и кубанское, сибирское и якутское, забайкальское и амурское, семиреченское и уссурийское…

- Алексей Шишов
  - От автора
  - Илья Муромец
  - Гермоген (Ермоген, в миру Ермолай)
  - Ермак Тимофеевич (Тимофеев)
  - Пётр Кононович Сагайдачный (Конашевич)
  - Иван Мартынович Заруцкий
  - Богдан (Зиновий) Михайлович Хмельницкий
  - Иван Дмитриевич Каторжный
  - Иван Балаш
  - Михаил Иванович Татаринов
  - Иван Алексеевич Галкин
  - Максим Кривонос
  - Иван Богун
  - Семён Иванович Дежнёв
  - Пётр Дорофеевич Дорошенко
  - Степан Тимофеевич Разин
  - Иван Мартынович Брюховецкий
  - Иван Степанович Мазепа (Калединский)
  - Димитрий Ростовский
  - Даниил (Данило) Павлович Апостол
  - Кондратий Афанасьевич Булавин
  - Игнат Фёдорович Некрасов (Некрас)
  - Владимир Васильевич Атласов

- Иван Матвеевич Краснощёков
- Иван Петрович Козыревский
- Данила Ефремович Ефремов
- Алексей Григорьевич Разумовский
- Фёдор Иванович Краснощёков
- Василий Иванович Могутов
- Захарий Алексеевич Чепега (Кулиш)
- Кирилл Григорьевич Разумовский
- Фёдор Петрович Денисов
- Максим Железняк (Зализняк)
- Сидор Игнатьевич Белый
- Емельян Иванович Пугачёв
- Афанасий Филимонович Шафонский
- Антон Андреевич Головатый
- Александр Андреевич Безбородко
- Дмитрий Евдокимович Греков 1-й
- Иван Козьмич Краснов 1-й
- Матвей Иванович Платов
- Давыд Мартемьянович Бородин
- Аким Акимович Карпов 2-й
- Степан Фёдорович Балабин 2-й
- Андриан Карпович Денисов 6-й
- Дмитрий Ефимович Кутейников 2-й
- Василий Андреевич Углицкий (Углецкий)
- Алексей Васильевич Иловайский 3-й
- Максим Григорьевич Власов 3-й
- Иван Дмитриевич Иловайский 4-й
- Гавриил Амвросиевич Луковкин
- Пётр Матвеевич Греков 8-й
- Николай Васильевич Иловайский 5-й
- Василий Алексеевич Сысоев 3-й
- Григорий Дмитриевич Иловайский 9-й
- Пётр Фёдорович Тацын
- Василий Васильевич Орлов-Денисов
- Афанасий Фёдорович Бурсак 2-й
- Степан Фёдорович Тацын
- Василий Дмитриевич Иловайский 12-й
- Осип Михайлович Гладкий
- Алексей Данилович Безкровный (Бескровный)
- Иван Васильевич Падуров
- Феликс Антонович Круковский
- Яков Петрович Бакланов
- Герасим Алексеевич Колпаковский
- Иван Васильевич Турчанинов

- Иосаф Игнатьевич Железнов
- Василий Иродионович Серов
- Григорий Николаевич Потанин
- Ростислав Александрович Хрещатицкий
- Василий Иванович Суриков
- Павел Иванович Мищенко
- Василий Фёдорович Белый
- Алексей Максимович Каледин
- Николай Андреевич Бородин
- Михаил Александрович Павлов
- Николай Николаевич Баратов
- Константин Константинович Мамантов
- Пётр Николаевич Краснов
- Лавр Георгиевич Корнилов
- Фёдор Васильевич Токарев
- Филипп Козьмич Миронов
- Африкан Петрович Богаевский
- Александр Алексеевич Ханжонков
- Ока Иванович Городовиков
- Александр Ильич Дутов
- Дмитрий Михайлович Карбышев
- Георгий Георгиевич Горшков
- Митрофан Борисович Греков (Мартыщенко)
- Борис Михайлович Шапошников
- Иван Лукич Сорокин
- Вячеслав Матвеевич Ткачёв
- Андрей Андреевич Гордеев
- Андрей Григорьевич Шкуро (Шкура)
- Николай Дмитриевич Каширин
- Борис Владимирович Анненков
- Кузьма Фирсович Крючков
- Григорий Михайлович Семёнов
- Харлампий Васильевич Ермаков
- Михаил Александрович Шолохов

Алексей Шишов
100 ВЕЛИКИХ КАЗАКОВ

От автора

Казачество на непростых путях-дорогах своего существования, отсчётная точка которого теряется во временах древних, на степных просторах Дикого Поля, раз за разом являло окружающему миру всё новые и новые сообщества вольных людей, воинов-землепашцев.

Один перечень казачеств сам по себе впечатляющ: донское и запорожское, яицкое (уральское) и терское, городовое рязанское, украинское реестровое и кавказское линейное, волжское и астраханское, черноморское и бугское, оренбургское и кубанское, сибирское и якутское, забайкальское и амурское, семиреченское и уссурийское…

Каждое из них дало для истории Российской державы (не страны или государства, а именно державы) немало великих личностей. Выходцев из казачества, которыми с полным на то правом может в веках гордиться наше Отечество.

Величие той или иной личности казака — атамана или генерала, героя войны или военного похода, землепроходца, учёного или писателя — заключается прежде всего в его значимости для отечественной истории. Эта значимость непреходяща, но различна: всплеск славы человека может пройти через века, а может ограничиться только какой-то страницей в летописи государства Российского, к примеру, одной войной или географическим открытием.

История предопределила назначение того военного сословия Русского царства и Российской империи, которая называется казачеством. В своей сути оно уникально, и создавалось не годами, а многими столетиями. Его исторические роли общеизвестны и сомнению не подлежали и не подлежат ни вчера, ни сегодня, ни в будущем. Вот их главный перечень.

…Во-первых, это землепроходство и открытие новых земель на «восходе солнца», то есть «за Камнем», как в старину назывались Уральские горы. Это прежде всего Сибирь — необъятные, почти не заселённые таёжные пространства, богатые пушниной — «мягкой рухлядью» и «соболиной казной». Походы «за Камень» всегда предпринимались людьми мужественными, бесстрашными и предприимчивыми. Ведь они шли в неизвестные края. И дорога эта была проложена казачьей дружиной атамана Ермака Тимофеевича.

Землепроходцы открывали для Отечества безбрежные арктические пространства — царство вековых льдов и стужи. Северный Ледовитый океан открыл для казаков-первопроходцев

путь на Восток, в неизведанные «землицы». Но отмечен этот путь тысячами безмолвных могил безвестных удальцов с крестами из плавника, найденного на морских берегах.

Казачьи головы Семён Дежнёв, Владимир Атласов и Иван Козыревский запечатлели свои славные имена первопроходцев на географической карте нашей планеты благодаря поразительной целеустремлённости. Восточные территории России, берега Тихого океана будут хранить вечно имена этих трёх великих первооткрывателей.

Среди их соратников — сибирских и якутских казаков — не видится людей слабых душевно и физически, способных спасовать перед теми трудностями, которые постоянно вставали на их пути. Если и отступали, то только для того, чтобы пойти вновь и вновь к заветной цели, чтобы добиться её любой ценой — ценой человеческих жизней, трудов, перенесённых опасностей…

И такое три столетия повторялось раз за разом в бассейнах великих рек России — Оби и Енисея, Лены и Амура, а также на Чукотке и Камчатке, Курильских островах, где наши предки пытались сеять рожь и ставили приметные путеводные кресты.

Следует сказать, что «ясачные землицы» далеко не всегда играли побуждающую роль в поступках тех первооткрывателей, которые слали в Якутск, а оттуда в Москву «Чертежы» новых земель нашего Отечества. И тех, часто безвестных, предводителей казаков и промышленников, которые «сгинули странствуя» в эпоху великих географических открытий на восточной окраине Сибири.

…Во-вторых, это «хождение казаков в отцах духовных» православного народа в злую годину смут и национальных испытаний, социальных катаклизмов, борьбы России за своё историческое величие. Для выходцев из казаков патриархов Гермогена и Димитрия Ростовского независимость Отечества от покушений на него явных и тайных врагов была превыше всего в жизни. Им пришлось ходить в иерархах Русской Православной церкви в непростое время.

Гермоген стал для потомков, для всех последующих поколений россиян образцом непреклонного идейного борца за существование Русского царства тогда, когда царству этому грозила подлинная национальная катастрофа. Именно по зову патриарха Гермогена обнажили свои мечи освободители Москвы — князь Дмитрий Пожарский и нижегородский гражданин Кузьма Минин, тысячи их бескорыстных соратников. Мученическая смерть вдохновителя земской рати стала лишь последним добровольным даром — дороги жизни, положенной на алтарь Отечества.

Димитрий Ростовский жил и проповедовал в Петровскую эпоху, которая предопределила будущее государства Российского, превратившегося из царства в империю. В своё время он прославился как литератор. Значимость его праведных трудов подтверждена тем, что митрополит был канонизирован Русской православной церковью.

…В-третьих, это стремление самых широких казачьих кругов стать объединительной силой Русской земли, древней страны русичей, которая простиралась в Восточной Европе от Подвинья на севере и до днепровских берегов на юге. То есть казаки во все времена были государственниками.

Казачество всегда выдвигало из своей среды борцов за единение — единокровное и единоверное — земель, которые когда-то составляли целостное государственное образование — Древнюю Русь. Лучший пример — длительная освободительная война украинского народа и воссоединение его с русским народом в рамках Московского (или Русского) царства. Воссоединение Великороссии и Малороссии далось казачеству, в первую очередь реестровому украинскому, дорогой ценой в десятки тысяч человеческих жизней.

Та освободительная борьба дала истории казаков немало великих личностей, познавших свой долг государственников. Среди них — гетман Богдан Хмельницкий, полковники Максим Кривонос, Иван Богун и Даниил Апостол. Все они стали на века героями воссоединения Украины с Россией. И не их вина в том, что этот древний исторический союз двух славянских, православных народов на закате XX века распался.

…В-четвёртых, это руководящая роль казаков в народных восстаниях и крестьянских войнах, которыми так полна история старой России. Вольные люди с Дона и Днепра, Волги и Яика (Урала) как нельзя лучше подходили для роли военных вождей «возмущений» и «бунтов» чёрного люда: голутвенного казачества и крепостного крестьянства, холопов и городской бедноты, народов Поволжья и раскольников. Хождение в бунтарское атаманство и самозванство делало таких казаков действительно великими личностями отечественной истории.

Мало кого из любителей истории может оставить равнодушным «бунт Стеньки Разина», самого удачливого казака-разбойника России.

Но ещё выше шагнул другой донской казак — Емельян Пугачёв. Он стал предводителем крупнейшей в российской истории крестьянской войны и под именем «счастливо спасшегося от убийц императора Петра III». И тот и другой собирались «дойти до Москвы».

Бунтарь Степан Разин стал героем множества песен и легенд, сказаний и романов, присказок и стихов. Пугачёв со своей «пугачёвщиной» таких почестей от народа не получил. Зато он потряс до основания державу императрицы Екатерины II Великой.

Под стать им оказался предводитель Колиевщины — казацко-крестьянского восстания на Правобережной Украине Максим Железняк. Сродни ему и вождь Балашовщины на Смоленщине Иван Балаш. Также удалось взбунтовать тихий Дон Кондратию Булавину, сумевшему походить, пусть и самое короткое время, в войсковых атаманах.

…Наконец, это выдвижение казачеством из своей «могутной» среды великих людей в разные области науки, литературы, медицины, изобразительного искусства… Обращение к исследованиям и творчеству было уделом многих поколений воинского сословия России, как старой, так и современной. Это было частью служения казаков Отечеству.

Михаил Шолохов, выходец с Верхнего Дона, стал крупнейшим советским романистом, автором всемирно известных «Тихого Дона» и «Поднятой целины». Дважды Герой Социалистического Труда, он стал и обладателем престижной Нобелевской премии в области литературы. А бело-красный казак Григорий Мелехов — одним из любимейших образов для читателей и кинозрителей.

Под стать ему — такие известные писатели, как певец уральского казачества Иосаф Железнов и белый генерал с Дона Пётр Краснов. Возвращается из незаслуженного забытья историк-белоэмигрант Андрей Гордеев, автор замечательного произведения под названием «История казаков». Прославил себя даром живописца баталист Митрофан Греков.

Наука тоже стала славным поприщем казачьей деятельности. Афанасий Шафонский в самом начале XVIII века вписал своё имя в историю медицины как один из видных эпидемиологов. Он стал одним из победителей эпидемии чумы — «моровой язвы», которая грозила опустошить первопрестольный град Москву. Дмитрий Карбышев стал известен как один из крупнейших фортификаторов России, как старой, так и Советской. Изобретатель Фёдор Токарев стал оружейником-конструктором с мировым именем.

…Нельзя не сказать об историческом величии и совсем иного плана. Рядом с героями казачества ходят и его антигерои. Но вместе с тем по своим неправедным делам они всё же остаются великими личностями, пример которых настолько заразителен, что они имеют поклонников даже в наши дни. Хотя для славянского, православного мира они являются не созидателями,

а его разрушителями в угоду тем силам, которые всегда были враждебны Русской земле, её единению.

Среди таких антигероев казачества, несомненно, пальму первенства держит Иван Мазепа (Калединский), гетман Левобережной Украины, который неправдой занял этот пост, устранив своего предшественника и прочих опасных соперников с помощью обманутой им Москвы. Прозванный малороссиянами «ляхом», он остался для них таким до самых последних своих дней. Дав клятву на верность царю Петру I Романову, он изменил ему для того, чтобы вновь отдать польскому панству бразды правления на Украине, призрачно надеясь, что шведский король-полководец Карл XII усилит его личную власть. Но поле битвы под Полтавой разрушило все планы клятвопреступника Мазепы, сбежавшего в конце концов в пределы турок-османов.

Под стать ему другой антигерой — гетман Правобережной Украины Пётр Дорошенко. При нём турки и крымские татары, которых он навёл на собственное Отечество, причинили украинской земле столько бед, которые трудно сравнить даже с военным временем. Иноверцы торговали под стенами гетманской ставки православными полоняниками многими тысячами.

Но самое главное предназначение казачества и его войск — это защита пределов родной земли, её вооружённая защита. Собственно говоря, это основная, идущая из глубокой древности, роль казака. Ведь совсем не случайно первым летописным казаком для нас видится Илья Муромец, витязь с богатырской заставы с северной окраины Дикой Степи. Он для отечественной истории — «матёрый, первый казак».

Так уж сложилось, что величие личности казака всегда связывается с защитой Отечества. Он мог быть писателем или учёным, оружейным конструктором или офицером штаба в Санкт-Петербурге. Но когда начиналась война, все эти люди становились в полковые ряды своих, родных им казачьих войск России.

Пожалуй, в истории нет более прославленного, более великого казака, чем атаман Войска Донского генерал от кавалерии Матвей Платов. О нём, как герое, Россия узнала после славного для донцов боя на берегах степной реки Калнах. Произнесённые тогда юным полковым командиром слова «Честь дороже жизни!» стали девизом его удивительной судьбы на все последующие годы.

Матвей Платов для нас видится прежде всего олицетворением подвига русской армии и русского народа, совершённого во время Отечественной войны 1812 года. Изгнание наполеоновской Великой армии, собранной императором

французов, без преувеличения, с половины Европы, есть величайшая заслуга казачества перед нашим Отечеством.

В созвездии великих казаков блистают целые династии. Среди них прежде всего значатся Иловайские — больше десятка генералов Войска Донского. Рядом с ними стоят не менее славные фамилии: Иван и Фёдор Краснощёковы, Фёдор и Андриан Денисовы, Дмитрий и Пётр Грековы, Пётр и Степан Тацыны…

Казачьи военачальники — войсковые и наказные атаманы, и просто полковые командиры, есаулы, сотники — и герои из рядовых бойцов составляли гордость русского оружия во всех войнах, которые довелось вести Великому княжеству Московскому, Русскому царству и Российской империи. С кем только не велись эти войны — с Оттоманской Портой и Францией, Швецией и Речью Посполитой, Пруссией и Персией, Англией и Сардинией, Японией и Германией, Австро-Венгрией и имаматом Шамиля, Хивинским ханством и Бухарским эмиратом… Всё это не считая военных походов — Каспийского и Персидского, Итальянского и Швейцарского, Венгерского и Китайского, Кокандского и Кульджинского, Текинского…

Казачья слава блистала на поле Бородина и на берегах реки Чернишня, в сражениях при Кунерсдорфе и Малоярославце, под Измаилом и Карсом, Прагой и Очаковом, Азовом и Малоярославцем, Лейпцигом и Парижем, на полях Маньчжурии и в горах Кавказа.

Великими казачьи военачальники становились под знамёнами великих полководцев. Таких, как русский военный гений генералиссимус А. В. Суворов-Рымникский, князь Италийский. Дмитрий Кутейников сражался бок о бок с ним в Кинбурнском сражении против турецкого янычарского десанта. Андриан Денисов прославлен в суворовских приказах в ходе Итальянского и Швейцарского походов 1799 года.

Штурм крепости Измаил в 1790 году — вершина славы непобедимого Суворова. Бескомпромиссный приступ по своему кровопролитию не имеет себе равных в мировой военной истории. Именно это славное дело позволило с достоинством войти в число великих казаков донцам Матвею Платову и Ивану Краснову, черноморцам Захарию Чепеге и Антону Головатому. Да и не только им.

Нашествие Наполеона на Россию поставило под ружьё все наличные силы казачьих войск, не задействованные в охране государственной границы. В «грозу Двенадцатого года» казачество ополчилось на врага. Именно изгнание французов из пределов Отечества возвеличило военачальников Василия Орлова-Денисова, Алексея Иловайского, Акима Карпова, Степана

Балабина и Дмитрия Грекова.

Другим серьёзным испытанием для казачества стало утверждение Российской империи на Кавказе, целая серия войн на этом горном театре военных действий. Среди них выделяется затянувшаяся Кавказская война, главными аренами которой стали Чечня и Нагорный Дагестан, Черкесия.

Её главными действующими лицами стали Черноморское и Кавказское линейное, а также Донское казачьи войска. Из первых двух в самом конце войны будут образованы два новых войска — Кубанское и Черноморское. В тех событиях на Северном Кавказе прославили свои имена генералы Яков Бакланов, Алексей Бескровный и Феликс Круковский.

Исторические пути-дороги казачества привели его к голгофе старой России, которой стали две войны — Первая мировая и Гражданская. Если первая привела к крушению более чем 300-летней империи Романовых, то вторая стала кровавым водоразделом между старой и Советской Россией.

Гражданская война поставила казачество в ряды военных сил двух полярных движений — белого и красного. Большинство казаков стало бойцами Белого дела. Та стихия выдвинула из казачьей среды военных вождей, многие из которых не избежали собственной гибели. Среди белых — это Лавр Корнилов и Алексей Каледин, Александр Дутов и Андрей Шкуро, Пётр Краснов и Григорий Семёнов. Среди красных — Филипп Миронов и Иван Сорокин, Николай Каширин и Дмитрий Карбышев.

Книга о ста великих казаках включает имена наиболее исторически известных личностей; часть их вызволена автором из незаслуженного забытья. Бесспорно, что за чертой «сотни» осталось немало достойных имён. Думается, что они не канут в Лету и станут героями других книг.

Алексей Шишов, военный историк и писатель

Илья Муромец (?—?)

Самый популярный русский былинный герой. Первый казак в народных преданиях

Исследователи Древней Руси склонны считать, что Илья Муромец является личностью исторической, вполне реальной. Ведь не случайно все былины называют местом рождения крестьянина-богатыря, защитника родной земли, село Карачарово под городом Муромом (ныне Владимирской области). А Муромский край считается его родиной.

Известно, что муромчане издревле гордились своим былинным земляком. В память о нём одна из улиц города носила название Ильинской. В черте города одна из высот называлась с древности Богатырёвой, другая — Скоковой (с неё поскакал витязь совершать былинные подвиги). Сегодня Муром, стоящий на высоком берегу реки Оки, украшает памятник древнерусскому богатырю — «матёрому казаку Илье Муромцу».

В Киево-Печерской лавре сохранилась гробница его с останками (мощами). Русская православная церковь канонизировала Илью Муромца как святого воителя. День его памяти православными людьми неизменно отмечается 19 декабря.

Русская православная церковь считает, что святой воитель из земли Муромской жил в XII столетии. Научная экспертиза мощей, почитаемых верующими, проведённая в 1988 году авторитетной комиссией специалистов, определила, что Илья Муромец как реальная личность действительно жил в XI–XII веках.

В том же 1988 году известный советский скульптор С. А. Никитин сделал на основании мощей скульптурный образ Ильи Муромца. Он действительно поражает воображение зрителей своим поистине богатырским внешним видом и какой-то непостижимо огромной духовной силой.

Однако церковное житие святому богатырю составлено, по не известной для истории причине, не было. Вполне возможно, что оно по разным обстоятельствам (войны, пожары и прочее) просто не сохранилось до нашего времени.

Зато на удивление большое число хорошо сохранившихся древнерусских былин подробно повествуют о любимом народном

герое, выводя его «из того ли города из Мурома, из того села из Карачарова». Именно из былин нам известно о нём от дня рождения и до самой кончины.

Интересно, что в старинном селе Карачарове по сей день считается, будто прямыми потомками былинного богатыря является род Гущиных, представители которого славились недюжинной физической силой.

В героическом былинном эпосе, среди образов оставшихся в нашей исторической памяти богатырей, Илья Муромец является одним из самых привлекательных и замечательных в своих мыслях и поступках. Для нас он смотрится как «старый казак да Илья Муромец, Илья Муромец да сын Иванович».

Былинный герой, крестьянский сын Илья стал совершать ратные подвиги в возрасте 30 лет. До этого он лежал дома на печи, будучи парализованным, с мальчишечьих лет. Но увечного Илью излечили захожие странники-калики, идущие на богомолья, дав испить ему целебного медового напитка, который в Древней Руси являлся лекарственным средством.

После этого Илья Муромец, вставший на ноги и почувствовавший в себе богатырскую силу, отпросился у стариков-родителей, как подобает послушному сыну-кормильцу, в далёкий стольный град Киев, к князю Владимиру. Те отпустили его («перечить не стали») с добрыми отеческими наставлениями. Больше в родительский дом он уже не вернётся, окончив жизнь на Киевщине.

По пути туда былинный герой сразился со злым богатырём Святогором, победил его в поединке и завладел богатырским мечом-кладенцом. Затем он освободил город Чернигов, один из крупнейших в Древней Руси, от «злой» осады орды степняков-печенегов. Но остаться у черниговцев воеводой всё же отказался, сказав, что хочет стать дружинником у великого киевского князя.

Затем Илья Муромец совершает ещё один героический былинный подвиг. В дремучих брянских лесах у села Девять Дубов он пленил Соловья-разбойника, которого привёз в стольный град Киев, к князю Владимиру, крестителю Древней Руси.

Надо сказать, что «дорожка прямоезжая», которой ехал крестьянский сын-богатырь из родного Мурома в Киев «через те леса Брынские, через речку Смородинную», существовала на самом деле. Она пролегала через Карачев, Чернигов и Моровийск. К этому можно добавить, что в старинном городе Карачеве «матёрого казака» Илью Муромца помнили долго.

Киевский князь за содеянные подвиги, силу и храбрость назначил Илью Муромца старшим воеводой над дружиной

древнерусских витязей, которые стерегли южные рубежи родной земли от разбойных и опустошительных набегов степных народов, прежде всего печенегов.

Под его начало поступили знаменитые былинные богатыри: Добрыня Никитич, Алёша Попович, Дунай Иванович, Самсон Сильный, Чурило Пленкович, Ванька Заолешанин и Пересмяка. Эти витязи и стали богатырской заставой на границе Дикой Степи (или, как её ещё называют в старинных сказаниях и летописях — Дикого Поля), защищая южнорусские земли от нападения печенегов и других «ворогов».

Среди наиболее известных былинных подвигов, совершённых «матёрым казаком» Ильёй Муромцем, стало освобождение Киева от ханского войска Калина, осадившего город и старавшегося взять его измором. Богатыри смогли победить степняков, а их правитель стал платить дань князю Владимиру, больше не пытаясь вторгаться в русские пределы, которые бдительно оберегала былинная богатырская застава.

Затем Илья Муромец вместе со странником-богомольцем силачом Иванищем победили «Идолище поганое», которое со своими «татарами» захватило земли у священного христианского города Иерусалима и требовало дани с греческого (византийского) царя Константина.

Отношения богатыря с киевским князем в былинах всегда описываются как натянутые. Владимир презрительно относился к крестьянскому сыну и часто «забывал» приглашать воеводу на пир. Но когда требовалась ратная помощь, то он вспоминал о богатыре сразу и говорил ему «слова ласковые», перед тем как послать его на дело смертельно опасное.

Однажды Илья Муромец за пустяковую провинность был посажен в «погреб», то есть в земляную тюрьму, в котором, по былинам, пробыл долгое время. Он был выпущен на свободу по призывному княжескому слову только «по случаю»: стольный град Киев вновь осадили «бессчётные» конные полчища кочевников-печенегов. Выйдя из «погреба», былинный герой сказал:

Я иду служить за веру христианскую,
И за землю российскую,
Да и за стольный Киев-град,
За вдов, за сирот, за бедных людей…

Во всех былинах о русских богатырях Илья Муромец предстаёт как самая яркая фигура, как великий патриот родной земли, бескорыстный защитник всех обездоленных и обиженных, как честный человек. То есть «первый казак» на Древней Руси

описывается как притягательная, нравственная народная личность.

Его благородные рыцарские черты несомненны, как и у его самых близких друзей по богатырской заставе — Добрыни Никитича (родного брата Малуши, ключницы княгини Ольги, матери князя Владимира) и Алёши Поповича (сына ростовского священника Александра-хоробра, то есть Храброго). Эта троица витязей — порубежных стражей — в древнерусских былинах описывается с неизменной, исключительной теплотой и признательностью за совершённые подвиги.

Всё же более популярного былинного героя на Руси, чем Илья Муромец, исследователям не сыскать. Поэтому в преданиях старины глубокой простые люди отзываются о нём действительно с великой любовью:

> Как одно-то на небе красно солнышко,
> А один-то на Руси Илья Муромец!..

Дань памяти «первому казаку» Илье Муромцу и его витязям с богатырской заставы, затерянной на краю Дикого поля, отдавалась и в гораздо более позднее время. В отечественной живописи общенародно известно историческое полотно замечательного русского художника В. М. Васнецова «Богатыри». На картине изображены три русских былинных героя — Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алёша Попович. Все трое, согласно былинным сказаниям, были витязями «из первых» в дружине крестителя Древней Руси князя Владимира.

Интересно то, что знали о богатыре Илье Муромце и в Средневековой Европе. Могучий витязь Илья Русский, «родственник» киевского князя, являлся одним из главных действующих лиц германских эпических поэм XIII столетия.

Как известно, в древнерусских былинах и летописях второго человека, прославившегося на ратном поприще, по имени Илья больше не встречается. То есть о каком-то случайном совпадении образов Ильи Русского и Ильи Муромца, говорить, вероятнее всего, не приходится.

Древнерусские былины, в которых рассказывается о «матёром казаке» Илье Муромце свидетельствуют, что ещё задолго до монгольского нашествия на Русь слово «казак» русским людям от Новгорода до Киева было доподлинно известно и в народе почитаемо. Как известен по имени, роду-племени первый «матёрый» казак, которому судьба уготовила быть не просто порубежным стражем, а подлинным героем.

Образ былинного Ильи Муромца, самоотверженно

защищавшего русскую землю, в чём сходятся исследователи Древней Руси являлся воплощением представлений простого люда о подлинной ратной доблести, был идеалом народного героя.

О первом «матёром казаке» хочется сказать ещё одно доброе слово. Если собрать воедино все былины и героические песни об Илье Муромце, сложенные, как считают не без оснований специалисты, именно в XI–XII веках, то получится прекрасная по историческому и литературному звучанию «Русская Илиада». По другому её назвать невозможно, иначе можно исказить историческое звучание былинного эпоса.

Гермоген (Ермоген, в миру Ермолай) (около 1530–1612)

Патриарх Московский и всея Руси. Из донских казаков

Смутное время начала XVII столетия смотрится для Русского государства как национальная трагедия: речь шла о самом существовании этого государства как такового. Но благодаря патриотическому, духовному народному порыву была освобождена от иноземцев первопрестольная Москва и в стране воцарилась более чем на 300 лет новая династия — Романовы.

У истоков той великой победы стояли национальные герои России — князь Дмитрий Пожарский и нижегородский староста из «меньших» купцов Кузьма Минин. Но у них был духовный наставник — Патриарх Московский и всея Руси Гермоген, в миру Ермолай. Родом он был из донских казаков.

…Считается, что Гермоген родился около 1530 года. О его молодости истории почти ничего не известно, кроме одного достоверного факта — будущий патриарх «служил» в донских казаках. Вне всякого сомнения, в ту бранную эпоху он ходил в походы и участвовал во многих боях в порубежье Московского царства. И, вероятнее всего, не только на российском Юге, то есть на Дону и в донских степях. Казаки во времена царя Ивана Грозного и его наследников (по престолу) не могли не воевать.

Со временем он стал священником, причём тоже в годы царствования Ивана IV Васильевича. В 1579 году, уже достаточно пожилым человеком, Гермоген становится священником церкви Святого Николая в Гостином ряду города Казани, которая была тогда одним из крупнейших городов Поволжья.

Можно утверждать, что уже в те первые казанские годы Гермоген получил известность своими речами и священническим служением делам государственным. Он стал известен «на Москве» и среди иерархов Русской православной церкви, бывших главной политической силой на Руси.

В 1587 году Гермоген становится монахом — иноком казанского Свято-Преображенского монастыря. Вскоре он — его игумен, а затем и архимандрит. Такое быстрое продвижение по иерархической лестнице свидетельствовало прежде всего о его личных достоинствах и высокой духовности.

С учреждением в 1590 году в Русском царстве патриаршества

Гермоген становится митрополитом Казанским и Астраханским. Уже в то время он «ревностно» занимался церковно-политической деятельностью. Проводил христианизацию нерусского населения Поволжья, создавал особые слободы «новокрещёнов». Вёл энергичное церковное строительство в своей митрополии.

В 1592 году он обращался к патриарху Иову с просьбой установить ежегодное поминание казанских христианских мучеников за веру и русских воинов, павших под Казанью в 1552 году.

Гермоген также был известен как видный церковный литератор своего времени. Его перу принадлежит «Сказание о явлении иконы Казанской Богоматери», одной из самых почитаемых в Русской православной церкви.

…Казанский и Астраханский митрополит деятельно участвовал в избрании ближнего боярина Бориса Годунова на царство. Так на смену династии Рюриковичей пришла династия Годуновых, которой не суждено было долго просуществовать. В Русском царстве наступило Смутное время.

Лжедмитрий I (он же галичский дворянин Григорий Отрепьев), став обладателем шапки Мономаха и царём всея Руси Дмитрием I, попытался наладить или, вернее сказать, уладить отношения с православными иерархами. Он вызвал в Москву, среди прочих лиц, и влиятельного митрополита Гермогена.

Однако Гермоген не стал прислужничать самозванцу. В Московском Кремле митрополит во всеуслышанье потребовал от воцарившегося Лжедмитрия I перехода его невесты католички Марины Мнишек в православие. Но ни она, ни поляки, наводнившие Москву, о том и слышать не желали. Митрополит был подвергнут царской опале и сослан в Казань.

Однако самозванцу долго царствовать не пришлось. Он был свергнут в результате народного взрыва, который подготовили бояре-заговорщики во главе с братьями Шуйскими. Один из них, Василий Шуйский, стал новым государем всея Руси.

…В 1606 году в Москве состоялись выборы нового Патриарха Московского и всея Руси. Им стал Гермоген, митрополит Казанский и Астраханский, известный патриот родной земли, ярый противник прихода «на Москву» иноземцев и иноверцев, сторонник народного единения в Русском царстве, которое в злую годину смуты переживало национальную трагедию.

Новый Всероссийский Патриарх поддержал царя Василия Шуйского во время народного восстания под руководством Ивана Болотникова 1606–1607 годов. Более того, он предал восставших церковному проклятию, что было тогда сильным, действенным средством против любых народных волнений.

Чтобы «избавить» Отечество от поветрия самозванчества, патриарх организовал перемещение мощей царевича Дмитрия Ивановича из Углича в Москву. Тем самым на официальном церковном уровне признавалась смерть самого младшего сына царя Ивана Грозного.

20 февраля 1607 года Гермоген провёл ещё одно важное мероприятие, имевшее большую политическую значимость и направленное на укрепление государственности Московского царства, на его способность защититься от внешних врагов. Это было проведение в кремлёвском Успенском соборе всенародного церковного покаяния с целью прощения всех совершённых в годину Смуты клятвопреступлений.

Когда же на политическую сцену вышел Лжедмитрий II (он же Богданка), патриарх Гермоген посылал в Тушинский лагерь «увещевательные грамоты». Он же воспротивился свержению с престола царя Василия Шуйского, который был ему обязан сильной поддержкой при избрании.

…Когда Семибоярщина пригласила на царствование польского королевича Владислава, патриарх выдвигал непременным условием этого принятие католиком Владиславом православия. Однако к его голосу власть держащие люди «на Москве» не прислушались, хотя Гермоген увещевал бояр:

«Скажу вам прямо: буду писать по городам, если королевич примет греческую (православную. — *А. Ш.*) веру и воцарится над нами, я им подам благословение; если воцарится, да не будет с нами единой веры, и людей королевских из города не выведут, то я всех тех, которые ему крест целовали, благословлю идти на Москву и страдать до смерти».

Гермоген не подписал грамоту с распоряжением героическим защитникам города-крепости Смоленска о сдаче его полякам. Он резко протестовал против национального предательства бояр, впустивших ночью в Москву, в Кремль, польское коронное войско гетмана Жолкевского, благодаря чему первопрестольный русский град оказался в руках не просто иноземцев, но ещё и иноверцев-католиков.

Первопрестольная столица Русского государства была захвачена поляками. В те дни Гермоген совершил мужественный, высокопатриотический поступок: Патриарх Московский и всея Руси запретил москвичам присягать польскому королю Сигизмунду III. Начиналось противостояние интервентам и Семибоярщине со стороны народных масс.

Всероссийский патриарх, как общепризнанный духовный лидер, встал во главе народного сопротивления иноземцам, во главе патриотического движения, охватившего большую часть

государства. Грамоты-воззвания Гермогена стали расходиться из Москвы по многим русским городам: они посылались в Нижний Новгород, Ярославль, Суздаль, Владимир, Рязань, Кострому, Вологду, Великий Устюг, Арзамас и многие другие. Уходили они и на казачий Дон. В посланиях звучал призыв к вооружённому восстанию во имя спасения Отечества.

Командование польским гарнизоном решило избавиться от опасного противника: 16 января 1611 года Гермоген был арестован на патриаршем дворе. В это время к Москве уже начинали сходиться отряды Первого земского (народного) ополчения рязанского воеводы Прокопия Ляпунова. Противостоять ему в чистом поле поляки не смогли.

Патриарх, оказавшись под арестом, держался исключительно мужественно и «праведно». Он решительно отверг требование одного из лидеров Семибоярщины — М. Г. Салтыкова — остановить продвижение к Москве отрядов Первого земского ополчения:

«Отпиши им, чтоб не ходили к Москве…»

Гермоген, невзирая на прямые угрозы, отказался это сделать. Он бесстрашно заявил Салтыкову и другим посланцам от поляков:

«Если вы, изменники, и с вами все королевские люди, выйдете из Москвы вон, тогда отпишу, чтобы они воротились назад. А не выйдете, так я, смиренный, отпишу им, чтоб они совершили начатое предприятие».

Когда в Москве 19 марта 1611 года вспыхнуло антипольское восстание и интервенты предали восставший город огню, Гермоген был заключён интервентами в кремлёвскую темницу Чудова монастыря. Оно действительно оказалось надёжным узилищем для главы Русской православной церкви.

Но и из монастырской темницы патриарх продолжал рассылать по Руси грамоты-воззвания. Так, в грамоте, датированной 30 августа 1611 года, отправленной в Нижний Новгород, он призвал нижегородцев не поддерживать казачьего атамана Ивана Заруцкого и Марину Мнишек в их попытке провозгласить русским царём «ворёнка» — сына Лжедмитрия II и Марины — Ивана.

…Полякам, затворившимся от ополченцев-земцев за стенами Московского Кремля и Китай-города, стало ясно, что сломить дух патриарха им не удастся. Тогда они решили уморить его голодом, выдавая на день только воду и пучок необмолоченного овса. На открытое убийство такого авторитетнейшего человека, каким являлся Гермоген, интервенты и их пособники не решились.

Так в 1612 году Патриарх Московский и всея Руси Гермоген,

великий патриот земли Русской, был уморён голодом. Есть версия, вполне реальная, что он был убит в темнице Чудова монастыря. Датой его смерти считается день 17 февраля.

…Русская православная церковь канонизировала патриарха Гермогена, выходца из донского казачества, духовного наставника освободителей Москвы от поляков в далёком 1612 году.

Ермак Тимофеевич (Тимофеев) (около 1537–1585)

Донской атаман. Первопроходец. Покоритель земли Сибирской

Среди народных героев казачьего роду-племени времён далёких, о которых уважительная намять сохранилась не только в исторических летописях, сказаниях и песнях, есть человек с именем коротким, но звучным и романтичным. Имя это — Ермак.

О нём не без восторга говорили едва ли не все крупные отечественные историки. Так, Н. М. Карамзин в своей знаменитой «Истории Государства Российского» писал о Ермаке:

«Он был видом благороден, сановит, росту среднего, крепок мышцами, широк плечами; имел лицо плоское, но приятное, бороду чёрную, волосы тёмные, кудрявые, глаза светлые, быстрые, зерцало души пылкой, сильной, ума проницательного».

Дата и место рождения Ермака Тимофеевича неизвестны. Однако большинство исследователей сходятся на том, что он был родом из старинной донской станицы Качалинской. Считается, что фамилия его Тимофеев, хотя обычно в исторических трудах казачий атаман зовётся Ермаком Тимофеевичем.

…Известно, что в 1552 году Ермак командовал отдельным казачьим отрядом с Дона в войске государя-самодержца Ивана IV Васильевича Грозного, сумев отличиться в ходе покорения Казанского ханства (царства) и присоединения его к Русскому царству, особенно при штурме города-крепости Казани. Тому есть летописные свидетельства.

Во время длительной Ливонской войны 1558–1583 годов Ермак Тимофеевич был уже прославленным казачьим атаманом, лично известным польскому королю-полководцу Стефану Баторию, о чём свидетельствуют документы переписки королевской канцелярии.

Когда Ермак Тимофеевич вернулся из Ливонии в станицу Качалинскую, которая, вероятнее всего, была для него родной, казаки избрали заслуженного ратного человека станичным атаманом. Вскоре после избрания он с несколькими сотнями казаков ушёл «вольничать» на Волгу, то есть разбойничать на её берегах. Случилось это около 1570 года.

Историк-белоэмигрант А. А. Гордеев, автор четырёхтомной «Истории казаков», так описывает события в волжских степях, в

которых атаману Ермаку Тимофеевичу пришлось сыграть одну из главных ролей:

«…Под начальством Ермака собрались яицкие, гребенские казаки и отряд Ивана Кольцо, что составило дружину в несколько тысяч человек, с которыми Ермак и двинулся на Волгу. Отрядом было нанесено поражение Ногайской орде, был занят их главный городок Ногайчик и разрушен до основания.

Отряд Ермака был достаточно силён, чтобы нанести окончательное поражение Ногайской орде и покончить с ней навсегда, обеспечив юго-восточную часть московских границ, а также и городки донских казаков от угрозы постоянных набегов.

Но уничтожение Ногайской орды нарушало политику московского царя в отношении Крыма и Турции, и успехи Ермака явились преступлением против строгих царских указов — мирного сожительства с азиатскими ордами…»

Разгром Ногайской орды, нападения на персидских и бухарских послов, разбойные дела в отношении купеческих караванов на Волге вызвали праведный гнев царя Ивана IV Васильевича Грозного. Который, как известно, был скор и крут на расправу с любыми «ослушниками» его воли.

На Волгу один за другим посылаются сильные отряды воинских людей, которые наносят казачьей вольнице ряд поражений. Очистить Волгу от речных разбойников государь получил казанскому воеводе — голове Ивану Мурашкину с несколькими стрелецкими полками, которые были посажены на речные суда.

В 1577 году царский воевода Мурашкин, как докладывалось в Москву, действительно очистил Среднюю и Нижнюю Волгу от разбойной казачьей вольницы. Были разбиты и рассеяны немало больших и малых казачьих отрядов. Несколько пленённых атаманов казнили. Часть донцов с Волги ушла в свои станицы, больше не помышляя о «вольностях» на этой реке.

Из Москвы на Дон был отправлен посланник с требованием государя, чтобы Донское войско остановило «разбой» своих казаков, а виновников этого «воровства» схватить и отправить под крепкой стражей в столицу на суд самодержавного монарха.

Посланные с Дона гонцы, имевшие при себе решение войскового круга, нашли отряд Ермака и прочие уцелевшие отряды разбойных казаков на Яике (Урале). Большая часть донцов подчинилась приказу круга и разошлась по своим «юртам», то есть по станицам. В отряде Ермака остались те донские и волжские казаки, которые «попали в царскую опалу» и не могли по этой причине возвратиться домой. Их атаману теперь тоже была «заказана» дорога на Дон, в родную станицу Качалинскую.

Опальные казаки собрали свой «круг», чтобы решить, как им жить дальше. Принятое решение было таково: с Волги уйти на Каму и поступить на «казачью службу» к богатейшим купцам-солепромышленникам Строгановым, которые, бывало, одалживали деньги и царской казне. Тем требовалась охрана своих огромных владений от «сибирских инородцев», которые совершали набеги в поисках военной добычи.

…Ермак не стразу выступил в поход «за Камень». Получив от Строгановых всё необходимое, казаки от городка Орла двинулись на речных судах вверх по Чусовой, а потом по её левому притоку Сыльве (Сылве). Судовая рать поднялась до её вершины. Там казаки построили укреплённый городок-острожек, в котором остановились на зимовку.

Отзимовав на Сыльве, построив достаточное число лёгких стругов, казаки (540 человек) весной 1579 года прибыли к Строгановым в городок Орёл, чтобы на месте получить всё необходимое для похода в царство Кучума.

Строгановыми было выдано из своих запасов на каждого казака: по три фунта пороха, по три — свинца, по три пуда ржаной муки, по два пуда крупы и толокна и по половине солёной свиной туши. То есть купцы-солепромышленники сделали всё для успеха похода против враждебного Сибирского царства и его правителя Кучума. Атаман Ермак Тимофеевич повёл за собой не 540 казаков, а войско в 840 воинов (это по одним сведениям). К казачьему отряду Строгановы добавили три сотни своих ратников.

На вооружении отряда были три пушки малого калибра, 300 пищалей-ручниц, небольшое количество дробовых ружей, луки со стрелами, сабли, кинжалы и топоры. И даже несколько испанских аркебуз, по заморским торговым путям оказавшихся на Каме. Считается, что около трети казаков владели огнестрельным оружием, а судовая рать казачьего войска состояла примерно из около сотни построенных их же руками лёгких стругов, то есть больших речных лодок. На каждом из таких стругов могло разместиться до двадцати человек с оружием и припасами.

Атаман имел испытанных помощников — казачьих воевод. Его ближайшими сподвижниками при покорении Сибири стали Иван Кольцо, Матвей Мещеряк, Савва Болдырь, Никита Пан, Иван Гроза. Все они имели немалый боевой опыт, обладали личной храбростью и предприимчивостью, пользовались среди казаков большим личным авторитетом.

…Получив всё необходимое, казаки 13 июня 1579 года двинулись судовой ратью вверх по Чусовой до Тагильского волока. Дальше они четыре дня шли до реки Серебрянки. По этой

реке двигались ещё два дня.

Здесь казакам пришлось сойти на берег: дальше струги по воде не могли пройти ни на вёслах, ни на шестах, ни на «бечеве», тогда команды превращались в бурлаков с их поистине каторжным трудом. Приходилось рубить просеки. Люди тащили суда вверх волоком, а все немалые походные грузы переносили на себе.

Волок от устья реки Серебрянки до истоков реки Тагил (Тагиль) — речки Наровля тянулся почти на 25 вёрст полного бездорожья. Лёгкие суда казаки перетащили «на ту сторону Камня», то есть Уральских гор. А вот какую-то немалую часть тяжёлых стругов пришлось бросить в верховьях Серебрянки. Они сохранились там до XIX столетия.

…К 1580 году дружина атамана Ермака Тимофеевича вышла к Тагилу. В одном из лесных урочищ, в стане местного князька Абугая был построен походный лагерь, в котором казаки остановились на зимовку. Однако спокойной жизни там для них не было. Они «воеваша всю зиму владения Пелымского хана».

В мае 1580 года на старых стругах и новопостроенных судах казаки вышли из Тагила на реку Туру. Поход продолжился с началом весеннего половодья. Дружинники «воевали окрестные улусы». Это были владения улусного хана Епанчи, который попытался было оказать пришельцам сопротивление, но был разбит в первом же столкновении. После боя казачья судовая рать спустилась вниз по Туре, и в её низовьях Ермак занял городок Тюмень, который по-татарски назывался Чинги-Тура. Там прошла следующая зимовка.

…Весной 1581 года в самых низовьях Туры произошёл новый бой казаков с ополчением сразу шести местных князьков. На этот раз сопротивление было оказано упорное, и бой длился несколько дней. В итоге победа оказалась на стороне Ермака.

Когда казачья флотилия по реке Туре вышла на просторы гораздо более полноводного Тобола, здесь её встретили главные силы хана Кучума, которые имелись у него на тот день. «Сибирцы» занимали урочище Бабасан (или Караульный Яр), где река суживалась в высоких, обрывистых берегах. По летописи, реку в этом месте преградили железной цепью.

Ханским войском командовал наследник Кучума царевич Маметкул. Когда казачьи струги подошли к речной узкости, на них с берега посыпались стрелы. Атаман Ермак принял бой, высадив часть своей дружины на берег. Другая осталась на стругах, обстреливая противника из пушек.

Маметкул во главе татарской конницы атаковал высадившихся на берег казаков. Но те встретили нападавших

кучумовцев «огненным боем». Как сказано в летописи: «стреляли из пушек, скорострельных пищалей и из дробовых и шпанских ружей и аркебузов».

Преодолев сопротивление вражеского авангардного отряда, судовая рать Ермака двинулась дальше вниз по Тоболу. Вскоре произошло столкновение с главными силами царевича Маметкула, которое растянулось на пять дней, после чего ханское войско отступило. По преданию, казаков воодушевило на бой видение Николая-угодника.

На этот раз ханское войско во всём своём множестве заняло высокий обрыв на правом берегу Тобола, который назывался Долгим Яром. Течение реки было перегорожено сваленными деревьями. Когда казачья флотилия подошла к преграде, с берега её встретили тучами стрел.

Атаман Ермак отвёл струги назад и в течение трёх дней готовился к предстоящему сражению. Он пошёл на военную хитрость: часть ратников с чучелами, сделанными из хвороста и одетыми в казачье платье, оставалась на стругах, хорошо видимых с реки, в то время как большая часть отряда сходила на берег, чтобы атаковать врага, по возможности, с тыла.

Судовой караван, на котором оставалось всего двести человек, двинулся вновь по течению реки, обстреливая из «огненного боя» неприятеля на берегу. Тем временем основная часть казачьей дружины зашла ночью в тыл ханскому войску, внезапно обрушилась на него и обратила его в бегство.

Не дойдя шестнадцати вёрст до устья Тобола, судовая рать подошла к полуострову у большого озера Тара. Здесь находился юрт знатного хана Карачи, который смог собрать для защиты своих владений многочисленное войско. Воинов на берегу было столько, что часть людей атамана «объял страх» и они стали требовать прекращения дальнего похода. Ермаку Тимофеевичу удалось уговорить «сомневающихся в успехе» продолжить поход.

Стало ясно, что юрт Карачи придётся брать штурмом. Атаман решил начать сражение за городок, находившийся недалеко от столичного Искера, после сорокадневного поста, то есть 1 августа 1581 года. Победа была полной, и войско хана бежало.

Теперь на пути казаков стоял Искер. Хан Кучум сумел собрать для защиты своей столицы, пожалуй, все наличные воинские силы. Местом для битвы он умело выбрал излучину Иртыша, так называемый Чувашский Мыс. Подходы к нему прикрывались засеками. В ханском войске имелось две пушки, привезённые из Бухары.

Сражение 23 октября началось с того, что конный татарский отряд приблизился к стоянке казачьей дружины и обстрелял её из

луков. Казаки разбили противника и, преследуя его, вышли на главные силы ханского войска, которым командовал царевич Маметкул.

В начале битвы Маметкул получил ранение и был унесён с поля боя. Бухарские пушки хана Кучума так и не выпалили ни разу: из них просто никто не умел стрелять. Перед тем как самому обратиться в бегство, Кучум приказал сбросить «заговорённые пришельцами» пушки в Иртыш. Его действительно огромная армия разбежалась, и её остатки преследовались казаками два дня. То есть бои в окрестностях Искера шли ещё 24 и 25 октября.

Победа в сражении у Чувашского Мыса досталась Ермаку Тимофеевичу дорогой ценой. На поле брани пало 107 его боевых товарищей, заметно умалив его и без того небольшую казачью рать.

Поняв, что защитить свою столицу он не смог, хан Кучум с приближёнными лицами в ночь на 26 октября 1581 года бежал из неё, захватив казну и семью. В день 26 октября казаки заняли брошенный главный город Сибирского царства — Искер, который стал называться Сибирь. Здесь нашлись большие запасы продовольствия, что было особенно важно для казаков, которые собирались здесь зимовать.

Этот город стал главной ставкой атамана Ермака. Уже вскоре сюда стали прибывать местные князьки, которые доставляли дань и присягали на верность московскому государю. Ермак Тимофеевич в «дипломатических целях» брал с недавних ханских подданных ясак меньший, чем это делал Кучум.

Отношения с местными владельцами устанавливались дружественные, о чём вести расходились быстро и далеко. Остяцкие, вогульские и другие князьки добровольно прибывали в Сибирь и там принимались в подданство русского царя.

Из Сибири (Искера) атаман известил купцов Строгановых о своих победах. Одновременно стало готовиться посольство («станица») в Москву во главе с атаманом Иваном Кольцо — «бить челом царю царством Сибирским». С ним отправлялось 50 «лучших» казаков. То есть речь шла о присоединении к Русскому государству ещё одного (после Казани и Астрахани) «осколка» Золотой Орды. Историческое значение этого события недооценить, пожалуй, просто невозможно.

С посольством отправляли Ивану Грозному драгоценные подарки («соболиная казна») — большой ясак, знатные пленники и челобитная, в которой Ермак Тимофеевич просил прощения за свои прежние вины. Просил за себя и за своих казаков-разбойников.

Самодержец Иван Грозный сказал покорителям Сибири своё благодарственное слово, о котором в истории говорится так:

«Ермаку с его товарищи и всем казакам царём были прощены все их прежния вины, и царь одарил Ивана Кольцо и прибывших с ним казаков подарками. Ермаку были пожалованы шуба с царского плеча, боевые доспехи, в числе которых два панциря и грамота на его имя, в которой царь жаловал атамана Ермака писать Сибирским князем, а в грамоте своей жалованной написал:

„Сибирскому князю Ермаку Тимофеевичу и товарыщи за многую вашу заочную службу и за охочия кровопролития и за взятие Сибирского царства во всех винах ваших, мы, великий государь, прощаем, сверх того награждаем Вас своим государевым жалованьем“».

Иван Кольцо возвратился к Ермаку 1 марта 1582 года.

…Хотя Сибирское царство (ханство) фактически распалось, многие местные князьки сохранили свои воинские силы и порой небезуспешно противостояли небольшим казачьим отрядам из дружины Ермака, когда те прибывали к ним за ясаком. Однако Ермак Тимофеевич твёрдой рукой устанавливал власть московского государя в «сибирской землице». Из Сибири по Иртышу и Оби рассылались казачьи отряды, которые «приращивали» к Московскому царству новые земли.

К тому времени произошло ещё одно важное событие. Один из кучумовских сановников, знатный хан Карачи, откочевал от своего владыки и заявил о своей покорности Ермаку. Тот разрешил хану возвратиться в свои владения у большого озера Тара. Но последующие события показали, что атаман в лице Карачи «пригрел змею».

В 1852 году казакам удалось утвердить власть московского государя «от Пелыма до реки Тобола». То есть во всех областях по течению этих двух больших рек Западной Сибири (в современной Тюменской области).

В том же 1582 году атаману Ермаку Тимофеевичу удалось одержать ещё одну очень важную для него победу. Один из местных жителей, татарский мурза, натерпевшийся бед от власти хана Кучума, сообщил о месте временного нахождения царевича Маметкула. Ермак снарядил небольшой отряд в 60 казаков, которые ночью напали на стан Маметкула и захватили его в плен.

Хан Карачи, видя, как тают силы русских, решился на предательский удар. О нём в летописи говорится так:

«В третье лето к Ермаку прибыл посол от Карачи с просьбой о помощи против казахской орды. Ермак поверил ему и отрядил сорок казаков под начальством атамана Ивана Кольцо. Казаки

прибыли во владения Карачи и в ночь на 17 августа 1583 года обманом Карачи льстивого подверглись нападению, и все были побиты, в числе их погиб и атаман Иван Кольцо».

Ермак Тимофеевич, получив известие о таком «злодействе», выслал карательный отряд во главе с атаманом Яковом Михайловым. Тот попал в засаду и тоже погиб вместе со своим командиром, которого в числе первых сразила стрела.

Эти две вести о гибели двух казачьих отрядов и двух известных своими боевыми делами атаманов придали хану Кучуму новые силы. Он решил поднять своих бывших верноподданных, прежде всего из числа татарского населения, на восстание против власти далёкой и почти неизвестной Москвы. Во главе мятежа стал хан Карачи.

В скором времени ханские отряды окружили город Сибирь и окрестные юрты. У Ермака стал ощущаться недостаток продовольствия, среди его людей появилась страшная по последствиям болезнь — цинга, которая привела к большой смертности.

Зная о бедственном положении в стане противника, хан Карачи со своими отрядами подступил уже под деревянные стены самой Сибири. С 12 марта 1854 года казаки выдержали настоящую вражескую осаду в целый месяц. Однако Ермак Тимофеевич нашёл верный выход из действительно опасного положения.

В ночь на 9 мая, в канун святого покровителя казачества Николая-угодника, атаман Матвей Мещеряк с отрядом казаков незаметно пробрался через неприятельские караулы, которые вели себя беспечно, и напал на стан хана Карачи. Нападение отличалось и внезапностью, и дерзостью. Ханский стан подвергся разгрому; в числе убитых оказались и два сына изменника Карачи. Ему самому с тремя приближёнными удалось добраться до лошадей и бежать подальше от Сибири.

Низверженный правитель Сибирского ханства сразу осознал, что ему грозит смертельная опасность, ибо в открытом бою он не мог противостоять казакам. Тогда он пошёл на хитрость, которая ему вполне удалась. Он подослал к Ермаку верных людей, которые сообщили атаману о том, что вверх по реке Вагай движется купеческий караван из Бухары, а хан Кучум его задерживает.

Ермак действительно ждал прибытия бухарских купцов в Сибирь. Он во главе небольшого отряда всего в 50 казаков поплыл навстречу купеческому каравану вверх по Вагаю. В ночь на 6 августа 1585 года казачий отряд остановился на отдых в месте слияния Вагая с Иртышом. Уставшие от тяжёлой работы

казаки не выставили дозорных. Или, что более вероятно, те просто уснули в непогожую ночь. О том, что хан Кучум со своими воинами неотступно следует по противоположному берегу за стругами, атаман Ермак не догадывался.

События той трагической ночи развивались так. Казаки заночевали на небольшом островке. Ночь выдалась бурная: шёл сильный дождь и бушевал сильный ветер. Кучум со своими воинами оврагами незаметно прошёл к месту, куда причалили казачьи струги.

Во время ночной непогоды конный ханский отряд переправился на островок, на котором безмятежно спали утомлённые работой на вёслах казаки. Воины Кучума, с саблями в руках, подкрались к ним незамеченными. Нападение на спящих было внезапным: немногие успели схватиться за оружие и вступить в неравную схватку.

Из всего казачьего отряда в той ночной резне уцелело только двое. Первым был казак, который сумел-таки добраться до Сибири и сообщить печальную весть о гибели товарищей и атамана, окончившего свою бурную жизнь.

Вторым был сам Ермак Тимофеевич. Будучи раненым, одетый в царский подарок — тяжёлую кольчугу (или панцирь?), он прикрывал отход немногих казаков к стругам. Не сумев взобраться на струг (видимо, он уже оставался в живых только один), атаман утонул в реке Вагай.

По другой вполне правдоподобной версии, Ермак погиб у самой кромки берега, отбиваясь от нападавших кучумовцев. Но тем не досталось его тело, унесённое в ночь сильным речным течением.

…Остатки ермаковской дружины, в которой за время покорения Сибирского ханства погибло до 300 казаков, осенью 1585 года оставили город Сибирь.

Но с гибелью атамана Ермака Тимофеевича, князя Сибирского, русские не ушли из «сибирской землицы». Дело казачьей дружины было продолжено новыми отрядами казаков и промышленников, которые для отечественной истории стали землепроходцами, или первопроходцами. Строились городки-острожки, разведывались всё новые и новые пути по полноводным сибирским рекам, по ним летом уходили на восход солнца судовые рати, а зимой — пешие отряды казаков и промышленников, то есть охотников.

Имя атамана Ермака Тимофеевича (Тимофеева) в старой России неразрывно было связано с историей двух казачьих войск — крупнейшего и старейшего Донского и Сибирского. Это была благодарная дань памяти казачества своему легендарному

герою.

Сибирское казачье войско вело свою историю с 6 декабря 1582 года. В этот день атаман Иван Кольцо, посланный Ермаком Тимофеевичем в Москву, «бил челом Царю Иоанну Грозному новым Царством Сибирским». За это первопроходцу Ермаку и его товарищам по ратным государевым трудам были прощены все старые грехи, и они были названы «Царской служилой ратью». То есть казачья дружина зачислялась в московское войско.

Наиболее прославленным полком войска являлся 1-й Сибирский казачий Ермака Тимофеева полк. Это была конная часть первой очереди. Имя своего вечного шефа полк получил по высочайшему указу от 12 декабря 1882 года.

В Донском казачьем войске тоже свято берегли память о покорителе Сибирского царства, выходца из станицы Качалинской. Один из его лучших полков — 3-й Донской казачий полк — носил по высочайшему указу от 26 августа 1904 года имя атамана Ермака Тимофеева.

В благодарной памяти россиян навсегда останутся слова казачьего атамана с берегов тихого Дона, ставшего по царскому указу обладателем титула князя Сибирского, сказанные после победы в решающей битве с войском хана Кучума у Чувашского Мыса. Слова эти дошли до нас в народном предании: «Казачье вершим дело, а обернулось оно общерусским».

Пётр Кононович Сагайдачный (Конашевич) (около 1570–1622)

Гетман Запорожской Сечи. Руководитель походов против Крыма, Турции и Москвы

Родился на Львовщине, в селе Кульчицы близ города Самбора. По происхождению он был православным «гербовым шляхтичем». Немалое состояние отца позволило ему закончить престижную Славяно-греко-латинскую академию (коллегиум), которая была основана православным князем Константином Острожским.

О молодых годах будущего гетмана истории известно мало. После окончания академии Конашевич-младший работал учителем в доме одного из магнатов — киевского судьи Яна Аксака. Служил и канцеляристом. Считается, что неудачный брак с богатой родственницей пана Аксака заставил шляхтича податься в запорожцы. Не случайно в песне о Сагайдачном поётся, что Пётр «променял жинку на тютюн (табак) и люльку (трубку)».

Вступил Пётр Конашевич в ряды «казацкого рыцарства», когда ему было лет тридцать от роду. В Сечи ему дали прозвище «Сагайдачный», которое и стало его именем. Время было бурное, запорожцы часто воевали, ходили в морские походы против крымских татар и турок. Личное мужество шляхтича позволило ему быстро выдвинуться, и он вскоре стал кошевым атаманом.

Пётр Сагайдачный участвовал в походе, когда запорожцам удалось прорваться через Перекоп в Крым. Затем он отличился во время походов казаков на лодочных флотилиях в низовья Днестра и Дуная, в боях с турками и крымчаками у Аккермана (ныне Белгород-Днестровский) и Измаила. После этого был поход в княжество Молдову, подвластную Оттоманской Порте.

В ту эпоху запорожцы часто воевали на стороне польского короля. Сагайдачный во главе казачьего отряда удачно действовал в Ливонии (Прибалтике).

…В 1605 году Пётр Конашевич-Сагайдачный избирается гетманом Войска Запорожского, став для истории одним из наиболее знаменитых его предводителей, одарённым казачьим

полководцем, чей жизненный путь был отмечен многими победами.

Начало своего гетманства Сагайдачный отмечает удачным морским походом флотилии казачьих «чаек» на черноморскую Варну. Турецкий город-крепость на болгарском берегу был взят с боя. Случилось это событие в том же 1605 году.

В течение двух десятилетий запорожцы не знали серьёзных поражений. Крымское ханство постоянно находилось под угрозой. В 1606 году казачьи флотилии и войска появляются перед Перекопом и турецкой Очаковской крепостью.

Вскоре совершается нападение со стороны моря на крымскую портовую Кафу (ныне Феодосию), где находился самый большой невольничий рынок на Чёрном море. Тогда было сожжено большое число султанских кораблей, а в Кафе освобождена не одна тысяча невольников-христиан. Этот поход прославил гетмана.

В эпоху гетманства Петра Сагайдачного флотилии мореходных казачьих лодок совершали походы не только вдоль черноморских берегов. В 1614 году запорожцы пересекли море и напали на собственно турецкие берега, взяв крепостной город Синоп.

Не смогли султанские власти и крымский хан отразить походы запорожцев и в 1615, 1616 и 1620 годах. Кроме побед на суше и на море и взятия богатой военной добычи, казаки всюду освобождали невольников-христиан, причём не только из славянских земель. Считается, что тем самым Сагайдачный сознательно осложнял отношения между Польшей и Стамбулом, который в христианском мире продолжал называться Константинополем.

…В силу ряда причин запорожское казачество составляло часть военной силы Речи Посполитой в противостоянии с Османской империей и её вассалом — Крымом. Запорожцы, как было сказано, не раз воевали под знамёнами польского короля. И не только с османами.

Если походы против врагов христианства — Турции и Крымского ханства — делали большую честь гетману Петру Сагайдачному, то военный поход 1618 года против православного Русского царства этой чести ему не прибавил. Дело обстояло так.

Московское государство к тому времени только начинало оправляться после лютой годины Смуты, после всех бед, которые принесли ему самозванцы Лжедмитрий I и Лжедмитрий II, польская и шведская интервенции. Смутное время для Русского царства завершилось избранием на престол Михаила Романова и утратой части земель, в том числе Смоленщины, и выходов в

Балтийское море.

Польский король Сигизмунд III между тем не оставлял надежд посадить на московский престол своего сына королевича Владислава. В 1618 году польские коронные войска в больших силах совершают новый поход на столицу Русского царства. Основу весьма многочисленных польских сил составили запорожцы и «черкасы», то есть малороссийские реестровые казаки.

Если королевич Владислав двигался к Москве по прямой от Смоленска, то гетман Сагайдачный вёл своё войско, которое составляло, по разным источникам, от 20 до 40 тысяч человек, шло быстрым конным маршем с юго-запада. По пути было разорено много городов — Путивль, Ливны, Елец, Данков, Лебедянь, Скопин, Ряжск и ряд других, а также множество селений.

Но взять рязанский город Михайлов, на защиту которого стало всё население, гетманцы так и не смогли. Более того, вид православных священников на городских стенах внёс разлад в ряды запорожцев. Они отказались от дальнейших попыток взять Михайлов, «севший в осаду».

Войско Сагайдачного, нанеся поражение царской рати, которая не смогла удержать речные переправы, перешло Оку и под осаждённой Москвой соединилось с польскими отрядами королевича Владислава. Прибытие кошей запорожцев ускорило подготовку к штурму Москвы, оборону которой по поручению царя возглавил воевода князь Дмитрий Пожарский.

…В ночь на 1 октября 1618 года польские роты и отряды запорожцев двинулись на приступ. Под покровом ночи королевские солдаты взорвали ворота деревянного острога Земляного города и подошли к Арбатским и Тверским воротам Белого города. Там нападавших встретил град пуль. То есть внезапного нападения у королевича Владислава и гетмана Петра Сагайдачного не получилось.

Кровопролитный бой у Арбатских и Тверских ворот длился до рассвета. Утром защитники Москвы совершили удачную вылазку и отбросили штурмующих от городских стен. Королевскому войску взять столицу Русского царства не удалось, и пришлось уйти в свои пределы.

По пути назад Сагайдачный подступил к Калуге, но взять укреплённый город тоже не смог. В рядах простых казаков зрело широкое недовольство против чуждой им войны, навязанной им казачьей верхушкой и гетманом.

Но в ненадёжности казаков-запорожцев польским властям пришлось убедиться в том же году. Сказалась кровная близость и

единая православная вера русского и украинского народов. Так, на русскую службу с отрядом в 600 сабель перешёл полковник Ждан Коншин.

Однако король Сигизмунд III очень высоко оценил роль гетмана Петра Сагайдачного в военном, пусть и неудачном, предприятии своего сына-наследника. Гетман был щедро награждён монархом Речи Посполитой. Из похода на Москву Сагайдачный вернулся не в Запорожскую Сечь, а в древний Киев, где поселился в богатом доме, фактически взяв город под свою опеку.

Считается, что в этот период Конашевич-Сагайдачный очень ревностно отстаивал интересы православной церкви. При Богоявленском монастыре при его участии и материальной поддержке был создан коллегиум, который впоследствии стал основой Киево-Могилянской духовной академии. На помощь гетмана могли рассчитывать деятели церкви и культуры на Киевщине и Галичине.

В 1620 году гетман Сагайдачный, ставший фактическим главой украинского реестрового казачества, отправил в Москву делегацию запорожских казаков с просьбой о принятии в подданство России. Но та тогда не была готова к такому важному политическому решению.

…Самым главным жизненным подвигом Петра Конашевича-Сагайдачного является знаменитая хотинская битва между армиями Речи Посполитой и Оттоманской Порты. Сигизмунд III вновь призвал под свои знамёна украинское казачество. Воспользовавшись таким случаем — походом султанской армии против Польши, — гетман добился от польского сейма и короля принятия ряда его условий. Они касались прежде всего личной гетманской власти и свободы православной веры, которая подвергалась гонениям со стороны католичества.

Сагайдачный привёл к Хотину казачье войско в 40 тысяч человек. Польский король смог собрать только 30 тысяч войск. Турецкая армия оценивается историками в той битве обычно в 200 тысяч человек. Хотинская битва, «разорванная» на многочисленные столкновения, длилась долгих 39 дней, то есть протекала более месяца.

Султанским войскам в итоге пришлось отступить от Хотина в близкую Молдавию. Султан в Стамбуле был в ярости от понесённого поражения. По его приказу были казнены великий визирь, командовавший армией османов, и несколько турецких военачальников.

Решающую роль в победе польской стороны под Хотином сыграло войско казаков. Один из поляков, участников тех

событий, аристократ Якуб Собесский заявил:

«Толпа черни, а не оружие могучего рыцарства пошатнула турецкую силу…»

…В Хотинской битве гетман Пётр Сагайдачный был тяжело ранен. Рана оказалась для него смертельной. В следующем, 1622 году, он ушёл из жизни. К тому времени польский король (и сейм тоже) уже отменил все свои обещания, данные украинскому казачеству перед сражением у крепости Хотин.

Перед смертью Конашевич-Сагайдачный составил завещание, оставив нажитое им немалое богатство во владение Киевскому и Львовскому православным братствам, ряду церквей и монастырей, школам и госпиталям. Жене-католичке гетман не оставил ничего.

Иван Мартынович Заруцкий (около 1590–1614)

Боярин-атаман самозванца Лжедмитрия II («тушинского вора»)

Имя Ивана Заруцкого обычно относится к числу авантюристов Смутного времени, которое стало подлинной трагедией для Русского царства. Более того, он покушался и на шапку Мономаха, чтобы «быть при ней в Московском Кремле»…

Дата и точное место его рождения истории неизвестны. По преданию, Заруцкий родился в галицийском городе Тарнополе. Ещё ребёнком попал в плен к крымским татарам, совершившим очередной грабительский набег на украинские земли. Сколько лет он пробыл в неволе — неизвестно. Однако ему удалось бежать, и Иван Заруцкий оказался волей судьбы на казачьем вольном Дону.

Благодаря своей удали, силе и особенно предприимчивости быстро выдвинулся в среде донских казаков. Он участвовал в Крестьянской войне под предводительством И. И. Болотникова. В его войске он пробыл до лета 1607 года, не раз участвовал в боях с царскими полками, командуя крупным казачьим отрядом.

…С появлением на арене Смутного времени «второлживого» самозванца — Лжедмитрия II (Богданки) — перешёл от болотниковцев к нему на «царскую службу». Один из историков записал так: нового на Руси самозванца «первым признал Заруцкий».

Иван Заруцкий прибыл к Лжедмитрию II в Тушинский лагерь во главе пятитысячного отряда казаков. «Тушинский вор» пожаловал казачьего атамана сразу в бояре и приблизил к своей особе. Однако польские паны во главе с гетманом Жолкевским, главенствовавшие при «дворе» самозванца, не приняли в свой круг самолюбивого Заруцкого и не дали ему командования над русской частью войска «второлживого самозванца».

Всё же им приходилось с ним считаться. Когда царская рать государя Василия Шуйского летом 1609 года попыталась овладеть Тушиным, именно казаки Ивана Заруцкого остановили московское войско в бою на берегах реки Химки. Когда Тушинский лагерь стал распадаться, атаман решил перейти на службу к польскому королю Сигизмунду III.

Когда польское коронное войско вознамерилось пойти новым походом на Москву, подданные короля в Тушине получили приказ оставить лагерь самозванца. Сразу после получения такого известия донские казаки, захватив с собой Лжедмитрия II и его жену Марину Мнишек (которая «узнала» в «тушинском воре» своего мужа царя Дмитрия I — Григория Отрепьева), бежали в Калугу.

В Калуге, которая стала «царской столицей», Заруцкий вступил в связь с царицей Мариной, которая, оказавшись в России, так и не пожелала перейти из католичества в православие. После убийства Лжедмитрия II личной охраной из касимовских татар атаман хотел покинуть город, но казаки удержали его у себя силой.

Считается, что в Калуге он тайно женился на вдове Марине Мнишек, которая уже родила сына Ивана. На Руси этого младенца-«царевича» называли «ворёнком».

…Когда рязанский воевода Прокопий Ляпунов стал собирать Первое земское (народное) ополчение для освобождения первопрестольной Москвы от поляков, Заруцкий примкнул к нему со своими казаками. В январе 1611 года атаман в звании боярина вошёл в состав земского правительства вместе с Ляпуновым и князем Дмитрием Трубецким.

Считается, что Заруцкий был лично причастен к убийству казаками воеводы Прокопия Ляпунова. Одним из доказательств стало то, что после гибели от казачьих сабель рязанского воеводы именно Иван Заруцкий стал добиваться своего главенства в земском правительстве.

С началом формирования Второго земского ополчения князя-воеводы Дмитрия Пожарского и нижегородского купца Козьмы Минина боярин-атаман стал его противником. Когда ополчение выступило в освободительный поход на Москву, он пытался организовать покушение на князя Пожарского, но был разоблачён.

Когда ополчение земцев приблизилось к Москве, Иван Заруцкий с немногочисленным отрядом казаков бежал из-под столицы в Коломну. Там под стражей находилась Марина Мнишек с сыном. Город Коломна был разграблен, а Заруцкий ушёл в рязанский Михайлов.

В начале 1613 года, спасаясь от преследования, Иван Заруцкий вместе с Мариной и «ворёнком» стали уходить всё дальше от Москвы на юго-восток. По пути грабились селения. Разгрому подверглись города Епифань, Крапивна, Дедилов. Отряд Заруцкого редел, поскольку многие казаки «отложились» от своего атамана, пролившего немало безвинной крови мирных

людей.

В августе 1613 года против опасных беглецов, претендовавших на царский престол, был направлен из Москвы с войском князь Одоевский. Под Воронежем произошёл двухдневный бой. Атаман Заруцкий окончательно разбит не был, и со своим отрядом бежал в Астрахань. Дальнейшие события разворачивались так.

«В Астрахани, которой Заруцкий овладел при помощи ногайских татар зимой 1613 года, он казнил воеводу князя Хворостинина и многих других, не разбирая ни сана, ни пола, ни возраста. Грабил бухарских и персидских купцов. Выкрал из Троицкого монастыря серебряное паникадило, из которого сделал себе стремена. Пытался вступить в сношения с персидским шахом Аббасом и рассылал грамоты от имени царя Дмитрия Ивановича, царицы Марины и царевича Ивана.

Выведенное из терпения бесчинствами Заруцкого, население Астрахани наконец восстало против него. И он, запершись в кремле с тремя сотнями верных ему людей, начал громить Астрахань из пушек.

В ночь на 12 мая 1614 года, когда к Астрахани приблизился передовой отряд царских войск (700 человек под командой стрелецкого головы Хохлова), Заруцкий бежал вверх по Волге, в Ногайскую сторону. 14 мая спустился вниз по Волге, на трёх стругах вышел в Каспийское море, пробираясь на Яик (Урал).

24 июня царские войска осадили Медвежий городок на Яике, где Заруцкий с Мариной и её сыном находился как бы в плену у казачьего атамана Уса. На следующий день казаки выдали опасных беглецов, которые 6 июля были доставлены в Астрахань, а оттуда в Москву».

…Атамана-воеводу «тушинского вора» в Москве ожидала смертная казнь: он был посажен на кол. Казнён был и «ворёнок» — малолетний «царевич» Иван. Марина Мнишек была заточена в Коломне, где и закончила свою жизнь, до последнего отстаивая своё «законное право» на русский престол.

Богдан (Зиновий) Михайлович Хмельницкий (1595 или 1596–1657)

Гетман Украины. Руководитель освободительной войны против господства поляков 1648–1654 годов

Родился в городе Чигирине (ныне Черкасская область Украины) в семье казачьего сотника. Отец, православный шляхтич, назвал сына на европейский манер двойным именем. Хмельницкий-старший решил дать своему наследнику хорошее образование: тот сперва обучался в одной из братских школ Киева, а затем в Львовском иезуитском коллегиуме. Возвратившись оттуда домой, Хмельницкий-младший вступил в конную сотню своего отца, то есть стал реестровым казаком на службе у короля Польши (Речи Посполитой).

Отец и сын вместе участвовали в Польско-турецкой войне. Трагическая для королевской армии битва при Церере стала последней для казачьего сотника, а Хмельницкий-младший попал в плен к туркам и пробыл два года в неволе, в Стамбуле (Константинополе).

Вернувшись из плена, Богдан Хмельницкий поселился в родовом поместье — хуторе Суботове, в восьми верстах от Чигирина. На какое-то время он зажил мирной жизнью богатого хуторянина. Но в скором времени стремление к военной карьере взяло верх. Он участвует в походах против османской Турции, на Крым, сблизившись с запорожцами и завоевав в их среде немалый авторитет.

В 1637 году, уже в зрелом возрасте, становится войсковым писарем Запорожской Сечи. В скором времени становится Чигиринским сотником, будучи верен присяге, данной им польской короне. Эту должность он исполнял с 1638 по 1646 год.

…В 1640-х годах во Франции, которая вела религиозные войны, заинтересовались организацией казацкой пехоты польской короны, поскольку такое казачье войско требовало от казны совсем мало денег. По рекомендации французского посла в Варшаве кардинал Мазарини пригласил к себе Богдана Хмельницкого, как подающего надежды военачальника. Тот участвовал под знамёнами принца Конде в осаде и штурме

крепости Дюнкерк. Однако события 1645 года на родине заставили Хмельницкого поспешно туда вернуться.

Его давний враг шляхтич Чаплинский с помощью чигиринского старосты Конецпольского решил завладеть хутором Суботово. Чаплинский устроил там погром, забил до смерти одного из малолетних сыновей Хмельницкого, а жена Анна, опозоренная, умерла. То есть речь шла о рядовой для шляхетской Польши соседской междоусобице, в которой правым мог быть только сильный. Тем более что обиженной стороной оказался шляхтич-православный, а обидчиком — шляхтич-католик.

Сотник попытался найти защиту и законность у короля Владислава в Варшаве, но заступничества у него, естественно, не получил. Тогда Богдан Хмельницкий с отрядом казаков устроил ответный погром в имении Чаплинского. За этот поступок он был взят под стражу, но сумел со старшим сыном Тимофеем (Тимошем) бежать в Запорожскую Сечь.

…С того времени Богдан Хмельницкий становится врагом шляхетской Польши. В том же 1648 году он создаёт первый повстанческий отряд «голутвенных» казаков, заявив, что начинает вооружённую борьбу со «шляхетским самовластьем». Запорожцы избирают его своим гетманом, который становится во главе широкого народного восстания.

Так началась борьба украинского казачества и крестьянства против польского владычества. Это война, поводом для начала которой стала личная обида, завершилась историческим воссоединением Украины с Россией (Гетманщины с Московским царством).

Запорожский гетман, имевший немалый военный опыт, создаёт из разрозненных отрядов повстанческую армию. В поисках союзников он обращается к крымскому хану Ислам-Гирею. Тот не решился тогда в силу ряда дипломатических причин открыто выступить против Польши, но дал Хмельницкому четырёхтысячный отряд конницы. К концу апреля того же 1648 года Хмельницкий уже имел в своём распоряжении десятитысячное войско (запорожцы, крымские татары, беглые в Сечь люди), с которым можно было начать поход. К восстанию оказалась готовой большая часть Украины.

Об опасности, которая вызрела для шляхетской (или панской) Польши в Запорожской Сечи и на украинских землях, в Варшаве знали доподлинно. Польский коронный гетман Потоцкий писал королю следующее:

«Пагубное пламя так уж разгорелось, что не было того села, того города, где не звучали бы призывы к своеволию и где не готовили бы покушений на жизнь и имущество своих панов и

владельцев…»

С самого начала выступления в поход повстанческая армия повсеместно получала пополнение из числа крестьян, реестровых казаков, горожан. Первое крупное столкновение с королевской армией состоялось при Жёлтых Водах 5–6 мая 1648 года. В этой битве был разгромлен шеститысячный авангард польской армии, которым командовал Стефан Потоцкий, сын коронного гетмана. Казацкие отряды в ходе умело организованной атаки отрезали неприятеля от источника питьевой воды, окружили его и на второй день полностью разгромили. Из польского войска лишь немногим удалось избежать плена. В том бою восставшие стали обладателями королевской артиллерии, которая шла с авангардом.

Через десять дней в засаду попали и основные силы королевской армии. Сражение под Корсунью завершилось полной победой войск Богдана Хмельницкого. Полякам пришлось принимать бой на невыгодных им позициях, а путь отступления им был отрезан. В плен попали коронный гетман Потоцкий и польный гетман Калиновский. Знатные пленники были переданы начальнику крымской конницы Туган-бею, чтобы он смог взять за них большой выкуп.

Окончательный разгром польской армии состоялся в сентябре 1648 года в битве под Пилявцами на Волыни. Поляки, получив умело доставленную им дезинформацию о подходе крупных сил татарской конницы, бежали с поля боя, бросив артиллерию и обозы. Соотношение сил тогда было не в пользу уже 70-тысячной повстанческой армии: король выставил на войну 120-тысячную армию.

К осени от поляков была освобождена вся Волынь и большая часть Подолии. Состоялись мирные переговоры. Богдана Хмельницкого торжественно приняли в Киеве. Освобождённая от поляков и католической церкви территория была поделена на полки и сотни, где административные функции выполняли полковники и сотники.

…В апреле 1649 года военные действия возобновились. В июне 12-тысячная армия Речи Посполитой (польско-литовские войска) при нескольких сотнях орудий вторглась на гетманскую Украину. Однако армия Хмельницкого под Збаражем взяла её в кольцо. На помощь окружённым у Збаража из Люблина выступила 30-тысячная армия под знамёнами короля Яна II Казимира.

Узнав об этом, Хмельницкий, оставив для несения блокады отряд под начальством полковника И. Черняты, с главными силами (около 60 тысяч человек) выступил навстречу королевской армии. В Прикарпатье произошло Зборовское

сражение, в котором поляки потерпели полное поражение.

Речь Посполитая 8 августа 1649 года подписала с восставшими мирный договор. По нему Богдан Хмельницкий был признан гетманом Украины. Число реестрового казачества увеличилось до 40 тысяч человек. По Зборовскому миру, значительная часть православной Украины получила автономию.

Мир, подписанный в Зборове, позволял шляхтичам вернуться в свои поместья, где они сразу же стали восстанавливать прежние порядки. Крестьянство, участвовавшее в войне, оказалось под прежним панским гнётом. Началось широкое недовольство народных масс условиями подписанного и утверждённого польским сеймом мира.

Польская знать — магнаты, многочисленное шляхетство и католическая церковь — не смирились с понесённым поражением. Война в пределах владений польской короны разгорается вновь. Теперь войска Богдана Хмельницкого стали преследовать неудачи.

В начале 1651 года в тяжёлом положении оказались белорусские повстанцы, которые терпели поражения от войск литовского гетмана Я. Радзивилла. На помощь белорусам двинулся полк И. Тарасенко, который, с разрешения Москвы, прошёл русскими рубежами и овладел городами Рославлем, Ельней, Дорогобужем и другими.

В июне того же года королевская армия вновь вошла в пределы Украины и в сражении 20 июня при Берестечко нанесла поражение казакам Богдана Хмельницкого. 25 июля литовские войска, подавив восстание в Белоруссии, заняли Киев.

Хмельницкий был вынужден подписать Белоцерковский мирный договор. По нему автономная часть Украины ограничивалась одним Киевским воеводством, а число реестрового казачества (лично вольного) уменьшилась до 20 тысяч человек. Польская шляхта опять возвращалась в свои поместья полноправными хозяевами над крестьянами, в том числе и недавно ходившими в реестровых казаках.

В 1652 году Богдан Хмельницкий совершил поход в Молдавию. По пути ему встретилось польское войско, которое было разгромлено в сражении при Батоге. Освободительная война продолжилась: в 1653 году король Речи Посполитой вновь двинул свою армию на Украину, истощённую шестилетними военными действиями.

…В течение всей Освободительной войны гетман Богдан Хмельницкий вёл переговоры с Москвой о воссоединении Украины с Россией. Он понимал, что только в этом случае освободительная война против Речи Посполитой окажется

победной. Русский народ был для украинского и единокровным, и единоверным.

Впервые вопрос о воссоединении был поднят в июле 1648 года, когда делегация гетманской Украины обратилась с такой просьбой к царю Алексею Михайловичу из династии Романовых. Переговоры о том происходили в последующие годы не раз.

Учитывая такие неоднократные просьбы, собравшийся 1 октября 1653 года в Москве Земский собор постановил принять Украину в состав России и объявить войну Речи Посполитой.

8 января 1654 года в городе Переяславле на Киевщине (с 1943 года — Переяславль-Хмельницкий) собралась украинская Великая рада (совет), которая единодушно высказалась за воссоединение с Россией. Это был акт большого исторического значения.

Украине давалась царская жалованная грамота, в которой признавалась выборность гетмана и давались широкие права автономии, в том числе политические. Число реестровых казаков в Гетманщине определялось в 60 тысяч человек.

После поражения в Русско-польской войне 1654–1657 годов Речь Посполитая признала присоединение Левобережной Украины с городом Киевом к Русскому царству.

…Гетман Богдан (Зиновий) Хмельницкий правил ещё три года. Он умер в июле 1657 года и был похоронен в родном для него городе Чигирине в гетманской ставке.

…В 1888 году в Киеве Богдану Хмельницкому был воздвигнут красивый памятник по проекту художника и скульптора М. О. Микешина.

В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов в Советском Союзе 10 октября 1943 года был учреждён орден Богдана Хмельницкого трёх степеней для награждения за боевые заслуги офицерского состава и отдельных воинских частей и соединений, в том числе и партизан.

Иван Дмитриевич Каторжный (около 1600 — после 1648)

Атаман донских казаков в их походах по Чёрному морю. Участник взятия и обороны крепости Азов

Место и дата рождения человека, который избирался донскими казаками войсковым атаманом на четыре срока (1633, 1635–1636, 1643, 1644–1646, 1648 годы), истории неизвестны. Но достоверно известно, что предводитель казачества Дона Иван Каторжный имел богатую боевую биографию. Он был и остаётся одним из самых популярных героев Войска Донского.

Атаман получил своё прозвище — Каторжный — за то, что в морских походах по Чёрному морю, вдоль берегов Крыма и в набегах на берега Анатолии взял с боя десятки турецких мореходных (гребных) судов, которые назывались каторгами. При этом бралась не только военная добыча, но и многие сотни полоняников-христиан, которых турки использовали на кораблях султанского флота в качестве гребцов. Их приковывали к скамьям и, под свист кнута, они гребли из последних сил.

Иван Каторжный не раз во главе лодочной флотилии донских казаков показывался на виду таких турецких крепостей, как Азов и Анапа, держа в страхе местные гарнизоны османов. Так, большой морской поход донцы совершили в 1628 году.

В содержательной и поучительной «Истории казаков» А. А. Гордеева, историка-белоэмигранта, рассказывается о тех событиях:

«…В 1628 году в Константинополь с Кантакузеном из Москвы отправлены были послы, в составе которых были дворянин Яковлев и дьяк Евдокимов. Послы повезли, по обычаю, жалованье донским казакам — 2000 рублей, сукна и разные запасы.

Прибыв на Дон, послы узнали, что атаман Каторжный с казаками вышел в море и что казаки с азовцами живут не в мире. Они стали требовать мирных отношений с азовцами. Казаки отвечали:

„Помиримся, турецких городов и сёл брать не станем, если от азовцев задору не будет, если на государевы окраины азовцы перестанут ходить, государевы города разорять, отцов наших и матерей, братьев и сестёр, жён и детей в полон брать и продавать не станут.

Если же азовцы задерут, то волен Бог да государь, а мы терпеть не станем, будем за отцов своих и матерей, братьев и сестёр стоять.

И в том Бог и государь волен, что наши казаки с нужды и бедности пошли на море зипунов доставать, не зная государева нынешнего указа и жалованья, а нам послать за ними нельзя, и сыскать их негде — они на одном месте не сидят“».

В том набеге через Чёрное море донские казаки во главе с атаманом Иваном Каторжным дошли до берегов турецкой Анатолии. У портового города Трапезунда они имели морское сражение с турецким парусным флотом, после чего вернулись на Дон.

Москва не желала осложнения отношений с Османской империей. Донские казаки в постоянных столкновениях с Крымским ханством и с турецким азовским гарнизоном, исполняя роль порубежной стражи, создавали известную напряжённость в межгосударственных отношениях. В 1628 году царь Михаил Фёдорович и патриарх Филарет (его отец) послали на Дон очередную грамоту, в которой писалось:

«…Царь и патриарх на казаков кручиноваты, какими обычаями вы там делаете не по нашему указу».

Натянутые отношения между Москвой и донским казачеством постепенно перерастали во враждебные со стороны царских властей. Тогда атаман Иван Каторжный, чтобы «смягчить царскую опалу», отправил четыре казачьи сотни на государеву службу под Смоленск: Русское государство воевало за этот город-крепость с Польшей.

Иван Каторжный стал одним из инициаторов исторического предприятия донских казаков — взятия турецкой Азовской крепости, которая запирала собой выход из Дона в Азовское море, а из него — в Чёрное море к берегам Крыма и Османской Порты. Но у казаков не было в достатке боевых припасов, и поэтому атаман Каторжный отправился в Москву со следующей просьбой:

«В прошлом 1636 году твоего жалованья, государь, не было, и мы помираем голодною смертию, наги, босы и голодны, взять, кроме твоей государевой милости, негде.

Многие орды на нас похваляются, хотят под наши казачьи городки войной приходить, и наши нижние городки разорить, а у нас свинцу, ядер и зелья нет.

В окраинных городках целовальники стали брать пошлины с казаков…»

Со своей задачей Иван Каторжный справился успешно: на Дон были доставлены и денежное жалованье и, самое главное, воинские припасы для задуманного «Азовского дела»: ружейный и

пушечный порох — «зелье» (100 пудов) и свинец (150 пудов), селитру и серу, ядра для разнокалиберных казачьих пушек и пищалей. Только после этого большой поход на крепостной Азов смог состояться.

Атаман прибыл из Москвы не один. По пути он набрал «в казаки» полторы тысячи человек, которым сразу же довелось участвовать в большом и жарком деле.

Иван Каторжный оказался среди тех, кто в 1637 году брал турецкую крепость Азов, и среди тех, кто её героически оборонял в 1642 году. После добровольного оставления разрушенной Азовской крепости донские казаки в третий раз избрали Каторжного своим войсковым атаманом.

Он атаманствовал на Дону после этого ещё четыре года. Донцы в те годы «крепко» держали границу Русского царства, постоянно сталкиваясь с отрядами крымской конницы, которая раз за разом совершала разбойные набеги на русские пределы с целью захвата полона и угона его в рабство.

В историю донского казачества атаман Иван Каторжный вошёл как отважный воин и мореход, не раз водивший в походы по Черноморью казачьи лодочные флотилии. С его именем связано и знаменитое «Азовское сидение» 1637–1642 годов, одна из самых славных страниц боевой летописи Донского казачьего войска.

Иван Балаш
(? — 1633)

Предводитель казацко-крестьянского восстания на Смоленщине в 1632–1634 годах

Дата рождения, даже примерная, предводителя восстания Балаша (таковым оно названо в отечественной истории) неизвестна. Но известно, что казак Иван Балаш по происхождению был крестьянином Болдина монастыря Дорогобужского уезда Смоленщины. То есть он происходил из монастырских крестьян.

Первые сведения о нём относятся к событиям Смутного времени в Русском царстве начала XVII столетия. Связаны они с Крестьянской войной 1606–1607 годов под предводительством Ивана Болотникова, который называл себя воеводой «царя Дмитрия» и шёл походом на Москву, где на престоле сидел «боярский царь» Василий Шуйский.

Иван Балаш не значился близким человеком ни к И. И. Болотникову, ни к другому предводителю восставших — самозванцу Илейке Муромцу (Лжедмитрию III). Но уже тогда он атаманствовал в отряде вольных казаков, большей частью с Верхнего Дона, и примкнувших к ним повстанцев из числа крестьян, холопов и посадских людей. Из этого можно судить, что сам Балаш подался в казаки «по воле вольной», то есть стал беглым монастырским крестьянином.

После поражения болотниковцев и сдачи царским войскам осаждённой Тулы Ивану Балашу удалось избежать наказания и с частью своих людей уйти на Дон. Однако события Смутного времени, начавшаяся польская и шведская интервенция против Московского государства вновь заставила казаков-донцов взяться за оружие. Вполне вероятно, что Балаш был в рядах Первого земского ополчения рязанского воеводы Прокопия Ляпунова и в «подмосковных казачьих таборах» князя Дмитрия Трубецкого. Во всяком случае, достоверно известно, что к началу казацко-крестьянского восстания на Смоленщине его предводитель обладал немалым военным опытом и недюжинными организаторскими способностями. И, что в тех событиях являлось немаловажным, Иван Балаш выступал как горячий патриот Русской земли.

По всей вероятности, он или не терял связей с родным ему Дорогобужским краем, или после Смуты вернулся в родную деревню. Так или иначе, но ему удалось в самый короткий срок создать здесь значительный по силам партизанский отряд, ядром которого были пришлые (или городовые) казаки, и стать его выборным командиром.

И действовать он стал точно так же, как это делали партизаны Смутного времени — «громлённые» смоленские мужики из разорённых польско-литовскими войсками деревень. Поляки презрительно называли грозных для них партизан Смоленщины «шишами», что в переводе означало или «домовые», или «бездельники».

Восстание Балаша было вызвано к жизни началом Смоленской войны 1632–1634 годов. Древний русский город Смоленск, с его крепостью, построенной царём Борисом Годуновым и бывшей тогда мощнейшей в государстве, находился под властью польской короны по условиям Деулинского перемирия.

В июне 1632 года, когда срок Деулинского перемирия истёк, Московское царство по решению Боярской думы, утверждённому царём Михаилом Романовым, начало войну с Речью Посполитой за возвращение Смоленска. Город-крепость осадила русская армия под командованием знаменитого воеводы боярина Михаила Шеина, который в Смутное время обессмертил себя в отечественной истории героической обороной той же Смоленской крепости от армии короля Сигизмунда III в 1609–1611 годах.

Начало Смоленской войны сразу же вызвало восстание русского населения на Смоленщине. Балашовщина имела большой размах. Казак Иван Балаш сформировал свой отряд в Дорогобужском уезде осенью 1632 года. Его численность неизвестна, но то, что казацко-крестьянское восстание в истории было названо по его имени, свидетельствует, что именно он стоял во главе главных сил повстанцев.

Известно, что отряд Ивана Балаша вместе с другими отрядами восставших против польской власти смолян участвовал в осаде города-крепости. Одновременно Балаш действовал самостоятельно. Его первыми боевыми успехами стали поражения, которые он нанёс королевским отрядам у селений Кадино и Красное близ Смоленска. Воевода Михаил Шеин тогда увидел в нём надёжного союзника.

После этих побед Иван Балаш заметно расширил зону боевых действий своего отряда. Он проводил военные операции в Дорогобужском и Рославльском уездах, под городом Кричевым. Балашовцы вместе с царскими войсками участвовали в осаде

города Стародуба.

В 1633 году казак-предводитель смоленских повстанцев наводил страх на командование противной стороны. Его отряд совершал в ходе войны дерзкие рейды к городам Гомель и Чичерск. После этого Иван Балаш вернулся на Смоленщину и расположился военным, по всей видимости, укреплённым лагерем у города Стародуба.

Всё это время велись бои с отрядами армии Владислава IV, короля Речи Посполитой, разгрому подвергались имения польских магнатов и шляхтичей. Но по ходу событий восставшие разгромили и немало поместий «своих» дворян и вотчинников. Это вызвало большое раздражение в боярской Москве, в которую шли многочисленные жалобы от земельных собственников Смоленских земель.

В январе 1633 года воевода Михаил Шеин вступил в переговоры с Иваном Балашом. Причины их вполне понятны. Царская армия не смогла овладеть Смоленском, хотя дважды штурмовала город. Стены, сложенные трудами зодчих Бориса Годунова, оказались неприступными.

Началась осада, но из-за больших трудностей с провиантом, что повлекло за собой голод и повальные болезни, осадная армия стала «таять». Часть казаков, стрельцов и «новоприборных» солдат ударилась в бега, пополнив собой отряды смоленских повстанцев.

Боярин Шеин надеялся за счёт многочисленного отряда Ивана Балаша пополнить ряды действующей армии. За это царский воевода обещал высочайшее помилование всем балашовцам за совершённые ими в ходе восстания «воровские дела», то есть разгром помещичьих усадеб. Балаш же к тому времени оказался на стороне той части восставших крестьян, которая подняла оружие на своих помещиков.

Переговоры успехом не завершились. Погромы усадеб помещиков и вотчинников продолжались. Тогда по указу из Москвы воевода Михаил Шеин обратил своё оружие и против повстанцев. В марте 1633 года царская рать разгромила под Стародубом отряд Ивана Балаша, а он сам был пленён.

По всей видимости, следствие по его делу велось с обычным для той эпохи «пристрастием», то есть Ивана Балаша, после предъявления ему обвинений, пытали. Вполне вероятно, что в том бою с царскими отрядами он был серьёзно ранен. Но нам достоверно известно одно. В том же 1633 году казак Балаш, ставший предводителем антипольского, переросшего в антифеодальное «возмущения» на Смоленской земле, умер в тюрьме до объявления ему приговора.

В конце 1633 года в стане восставших произошёл раскол,

причиной которого стали погромы усадеб «своих» помещиков. Уже после смерти предводителя балашовцы (крестьяне, казаки, холопы, посадские люди, беглые воинские люди) повели народную войну против уже не польского, а «своего» дворянства и стали угрожать Москве.

Боярской думе пришлось срочно собирать новые полки из поместной (дворянской) конницы и стрельцов. Такая возможность у Москвы появилась после заключения в июне 1634 года на реке Поляновке «вечного мира» между Русским царством и Речью Посполитой, по которому за Польшей оставался Смоленск, а та лишалась только города Серпейска.

В том же июне 1634 года балашовцы окончательно раскололись, поскольку родная для них Смоленщина после подписания Поляновского мира осталась в руках польской короны. Большой отряд партизан-смолян со своим предводителем Г. Растопчиным сложил оружие перед царскими властями. Другой крупный отряд под начальством А. Чертопруда двинулся на казачий Дон.

Однако дойти туда удалось далеко не всем. Московские воеводы дважды нанесли уходящим повстанцам поражения: первое — 13 июня на реке Проня, второе — 23 июня на реке Бетяга (Бетюг) близ Воронежа. Остатки балашовцев всё же достигли верховьев Дона и рассеялись там по казачьим городкам. Но немалое их число было брошено в тюрьмы или сослано в Сибирь.

Михаил Иванович Татаринов (? — после 1638)

Походный атаман войска донских казаков, взявших в 1637 году турецкую крепость Азов

О происхождении Татаринова ничего не известно. Исследователи только предполагают, что прозвище его — Татаринов — указывает на то, что родом он был из татар или находился когда-то в плену у крымцев. Впрочем, это только предположения.

Имя атамана Михаила Татаринова навечно вошло в историю государства Российского, ибо под его предводительством казаки-донцы в союзе с запорожцами в 1637 году осадили и захватили сильную турецкую Азовскую крепость…

…Город-крепость Азов (древний Танаис) располагался на левом берегу Дона, в восьми верстах от речного устья. Туркам-османам он принадлежал с 1471 года. Город в то время имел замкнутую крепостную стену общим обводом в 600 сажен. Со стороны реки высота стены достигала 10 сажен. Крепостные рвы имели четыре сажени ширины и полторы — в глубину. Стены были сложены из камня и скреплены глиной; на них не было зубцов. Оборонительную силу крепости составляли одиннадцать башен. Городские предместья прикрывались рвами и земляными валами.

Турецкий гарнизон состоял из 4000 янычар и около 1500 человек городского ополчения. На вооружении крепости имелось более двухсот разнокалиберных пушек. Запасы провианта и боевых зарядов в крепости имелись из расчёта на год с лишним осадной жизни.

Донцы, собираясь брать Азов, избрали своим походным атаманом Михаила Ивановича Татаринова. Он имел немалые боевые заслуги и, как показали дальнейшие события, был готов возглавить казачью вольницу для решения такой сверхтрудной задачи.

В «Исторической повести о взятии Азова» новоизбранному атаману Михаилу Татаринову приписываются такие полные гордости слова:

«Пойдём мы, атаманы и казаки, под тот град Азов среди дня, а не нощию украдом, своею славою великою, не устыдим лица

своего от бесстыдных бусурман».

Численность казаков, выступивших в поход, определяется в 4000–4500 человек. Из них одна тысяча была пришедших на Дон запорожцев. Войско было разделено на четыре полка. В каждом полку казаки выбрали полковников и есаулов. Артиллерия состояла более чем из 90 пушек и пищалей, но осадных орудий крупных калибров не имелось.

Поход начался 19 апреля после молебна. Часть казачьего войска двигалась вниз по Дону на судах, другая, на конях, — вдоль берега. К Азову казачья рать подступила 21 апреля.

Внезапного удара по неприятельской крепости не получилось: турки заранее изготовились к встрече казаков. На стенах в «стройном чине» стояли янычары с заряженными ружьями, крепостная артиллерия была изготовлена к стрельбе.

Началась осада крепости. Предварительно казаки воздвигли вокруг Азова осадные укрепления: вырыли рвы, соорудили почти вплотную к азовским каменным стенам насыпи, чтобы «можно было бросать в осаждённых камнями». Пока казаки рыли апроши (траншеи), янычары со стен насмехались над ними и кричали:

«Сколько вам под Азовом ни стоять, а его вам как ушей своих не видать!..»

…Потянулись длительные осадные дни. Они проходили в перестрелках, попытках казаков разрушить каменные стены пушечным огнём, отражении вылазок осаждённых. В степи происходили постоянные конные стычки с ханскими крымчаками.

Положение осаждённого султанского гарнизона ухудшилось после боя на реке Кагальник. Там казаки наголову разбили четырёхтысячный отряд османских войск, пришедший на помощь азовскому гарнизону из крепостей Керчи, Тамани и Темрюка. В довершение всего казачья флотилия надёжно заблокировала устье Дона со стороны Азовского моря.

Первый штурм крепости оказался неудачен. Тогда Михаил Татаринов принял решение подвести под азовские стены минный подкоп и взорвать часть крепостной стены, после чего вновь пойти на приступ. Среди казаков нашлись специалисты по подрывному делу. Одна часть казачьего войска должна была пойти на штурм города-крепости через пролом, вторая, с лестницами, — с противоположной стороны.

Работы по подкопу были завершены 17 июня. В подкоп закатили бочки с порохом и приготовили фитили. Атаман Татаринов решил брать крепость на рассвете следующего дня, что должно было стать для турок большой неожиданностью.

…В 4 часа утра 18 июня 1637 года мощный взрыв образовал в стене пролом на 10 саженей (более 20 метров). Далее события

развивались следующим образом.

По сигналу, поданному атаманом, казаки устремились на приступ одновременно с двух сторон. Атака их удалась, поскольку турки в своём большинстве бросились оборонять пролом в стене. Опомнившись от взрыва, янычары открыли ружейный и пушечный огонь (благо орудий было много), сталкивали казаков со стен пиками, сыпали песок в глаза, лили кипяток и расплавленное олово.

Однако сдержать натиск штурмующих казаков янычары не смогли, и рукопашный бой скоро перекинулся внутрь крепости, на её улочки и в дома. По ней пополз дым, «и в этом дыму, не видя друг друга, шла сеча великая». Рукопашные схватки в самом Азове шли три дня. Тех турок, что вырвались из обречённой крепости, порубила в степи казачья конница.

Особенно упорное сопротивление оказали те янычары, которые засели в пяти башнях по 30–50 человек. В одной из таких глухих башен янычары отбивались даже две недели. Казаки брали приступом и торговые лавки. В итоге весь султанский гарнизон Азовской крепости был уничтожен. Среди пленных оказались только женщины и дети.

Потери казаков составили только убитыми 1100 человек. Раненых оказалось намного больше. В Азове было освобождено две тысячи невольников-христиан, о чём атаман Михаил Татаринов не без гордости писал в Москву на высокое царское имя.

Доставшуюся добычу казаки разделили на всех участников осады и штурма, в том числе и на погибших. Именно число долевых паёв определило количество донцов и запорожцев, участвовавших в этом деле. Получив свою долю военной добычи, запорожцы отправились к себе в Сечь.

…Донские казаки, заняв крепость, поспешили восстановить её разрушенные в ходе осады и взрыва минного подкопа укрепления. Атаман Татаринов просил московского государя взять бывший уже турецкий Азов под свою высокую руку. Но Боярская дума в той непростой для Русского царства ситуации не решилась на такой ответственный шаг, грозивший войной с Оттоманской Портой.

Штурм и взятие Азова прославили Войско Донское и его походного атамана Михаила Ивановича Татаринова. Впереди ещё будет знаменитое «Азовское сидение», когда казаки выдержат длительную осаду огромной османской армии (около 200 тысяч человек), отразив все приступы, перенеся голод, болезни и прочие военные лишения.

Имя Михаила Татаринова после тех событий исчезает из

письменных источников. Год смерти и место упокоения атамана донцов остаются неизвестными.

Иван Алексеевич Галкин (около 1618 — после 1648)

Атаман сибирских казаков. Землепроходец. Первоустроитель города Якутска

Происходил из семьи знаменитых сибирских казаков-землепроходцев Галкиных. Отец пришёл «за Камень» в составе дружины атамана Ермака Тимофеевича, вынес все тяготы того похода и участвовал в покорении Сибирского царства. Галкин-старший известен ещё строительством Берёзовского острожного городка, который в 1593 году возводил отряд князя Н. В. Траханиотова, присланный в новые «ясачные землицы» по высочайшему повелению из Москвы.

Алексей Галкин более тридцати лет служил в Берёзове казачьим атаманом. Во главе отрядов землепроходцев ходил на полуостров Таймыр. Какое-то время находился на службе в «златокипящей» Мангазее. Там он и погиб при невыясненных обстоятельствах.

У берёзовского атамана было три сына — Иван (старший), Никифор и Осип. Все они продолжили отцовскую службу, став известными в истории Сибири землепроходцами. Но наиболее знаменит из братьев Галкиных, бесспорно, Иван Алексеевич, который начал «государеву службу» ещё при родителе…

Наиболее вероятно, что местом его рождения было Берёзово, где не одно десятилетие проживала семья казачьего атамана Алексея Галкина. По всей вероятности, служить казаком он начал под строгим отцовским присмотром. Вместе с ним ходил в походы, занимался сбором ясака.

В 1618 году Иван Галкин был послан из Берёзова на реку Енисей для строительства Енисейского острога (ныне город Енисейск). В 1629 году ему присваивается чин сына боярского, и он, потомок ермаковского казака, становится атаманом вольных служивых людей Сибири.

Атаман Галкин теперь ходит по «ясачным землицам» во главе казачьих отрядов, немногочисленных, но вооружённых «огненным боем». В 1630 году во главе тридцати казаков он отправляется из Енисейского городка воеводой С. Шаховским на реку Лену для сбора ясака и строительства в «тамошних местах» острога. Это был трудный путь, который до Галкина проделал десятник

Василий Бугор во главе десятка казаков.

Отряд землепроходцев добрался до реки Лены весной 1631 года. При этом был открыт более короткий путь с Илима на Куту. По пути в устье Куты был заложен Илимский острог. Но тогда он представлял из себя небольшое «зимовье по-промышленному», рассчитанное на десять человек. То есть это была обыкновенная изба, сложенная из брёвен.

Землепроходец составил описание земель, им виденных, и пути на Лену, пройденного его отрядом через реки Илим, Кута и Кулой. Этот «чертёж новой ясашной землицы», богатой пушным зверем, был после отправлен в Москву.

…Иван Галкин проплыл по полноводной Лене гораздо дальше десятника Василия Бугра и таким образом добрался до «якутской земли». Там сборщик ясака в царскую казну сразу же встретил сопротивление пяти объединившихся против него местных «князьков». Атаману всё же удалось их подчинить себе и взять с них ясак.

После этого он предпринял походы вверх и вниз по реке Алдан. Там он собирал ясак с местных якутов и тунгусов (эвенков). Приходилось применять при этом и оружие: казачий отряд в три десятка человек не раз отражал нападения родовых ополчений.

Летом 1631 года на смену Галкину из Енисейского острога прибыл с дополнительным отрядом из тридцати служилых людей стрелецкий сотник Пётр Бекетов. Он продолжил походы за ясаком по реке Лене. И в соответствии с царским указом поставил острог в центре Якутской земли, в наиболее заселённом её месте. Произошло это событие в 1632 году.

Когда атаман Иван Галкин вернулся из Енисейска на Лену с прежними полномочиями, то в 1634 году он приказал перенести острог на новое, более удобное для городового строительства (менее затопляемое при разливах реки) место. Так возник город Якутск (основателем его считается Пётр Бекетов), в который скоро перебрался царский воевода. Но это будет потом, а пока казачьему атаману приходилось утверждать власть Московского царства в Якутской земле.

Ему удалось собрать воедино значительные по местным условиям военные силы: всего до 150 человек казаков и промышленников (охотников) которые прибыли в новопостроенный острог. Собравшись с силами, Иван Галкин начал энергично упрочаться в Якутии, опираясь для «усмирения немирных якутов» на тех же «князьцов», которые «государю прямили», то есть присягнули на верность.

В 1630–1640-х годах атаман-землепроходец стал

организатором и деятельным участником походов по рекам Яна, Индигирка, Колыма, Тунгуска, Иркут и многим другим. Местное население повсеместно «приводилось под высокую царскую руку», и с него брался ясак пушниной.

Галкинские донесения воеводе в Енисейск свидетельствуют о больших трудностях землепроходческих трудов. Казачьему атаману «сотоварищи» приходилось очень тяжело: они совершали конные походы, лишь в ряде случаев делая переходы на судах. У якутов им приходилось покупать лошадей «на последние свои товаренки», то есть выменивать.

Казакам и промышленникам многого приходилось добиваться вооружённой рукой. Они брали двух-трёхдневным приступом хорошо укреплённые якутские острожки. И сами месяцами сидели в осаде, отбивая «жестокие приступы», «помирали голодной смертью», «перецынжали».

Якутская земля прочно вошла в состав Русского государства после того, как царским «людям» удалось поладить с местной знатью, убедив её силой слова и оружия подчиниться России. Атаман Иван Алексеевич Галкин в этом деле заметно преуспел.

…В 1648 году первопроходец посылается во главе казачьего отряда из 60 человек на Байкал для «проведывания золота и серебра». Иван Галкин обогнул озеро с севера и основал на его восточном берегу Баргузинский острог. Он был построен в сорока верстах от устья реки Баргузин. Это были заповедные соболиные места, ставшие ныне государственным заповедником.

Из Баргузинского острога атаман И. А. Галкин отправлял небольшие отряды казаков по рекам Селенга и Уда для поиска новых путей, занятия пушным промыслом, освоения Прибайкальского края. Один из таких галкинских отрядов в 1649 году дошёл до реки Шилка, то есть оказался в бассейне реки Амур.

После того года документальные (письменные) сведения об отважном землепроходце обрываются. Истории неизвестны ни его дальнейшая судьба, ни дата его смерти (или гибели), ни место захоронения…

Младшие братья Ивана Галкина тоже оставили свой заметный след в освоении Восточной Сибири. Никифор в 1636 году служил в Енисейске пятидесятником. Вместе со старшим братом Иваном участвовал в обороне Якутского острога от восставших якутов, что случилось в 1640 году. В 1645 году он получает чин сына боярского и становится казачьим атаманом. Составил описание ряда местностей Якутии.

Самый младший из братьев Галкиных — Осип Алексеевич дослужился до енисейского сына боярского. Известно, что во

главе казачьего отряда он ходил по рекам Лена, Вилюй, Олёкма. Погиб во время нового восстания якутов в 1642 году.

У Ивана Галкина было три сына — Иван, Дмитрий и Алексей. Самый младший из них составил первое описание и «чертёж» (карту) Илимского уезда. Как и отец, служил казачьим атаманом у сибирских воевод. В 1696 году по челобитью восставших проводил сыск о злоупотреблениях приказчика Братского острога Х. Кафтырёва.

Последние потомки казачьего предводителя И. А. Галкина упоминаются в сибирских документах начала XVIII века. Они тоже «служили в сибирских казаках».

Максим Кривонос (? — 1648)

Украинский казачий полковник. Соратник гетмана Богдана Хмельницкого

Кривонос — украинский реестровый казак. Выдвинулся он в число предводителей казачества в самом начале освободительной войны украинского и белорусского народов 1648–1654 годов против власти Речи Посполитой. Был одним из ближайших сподвижников гетмана Богдана Хмельницкого, высоко ценившего воинские достоинства своего верного и бесстрашного соратника.

Максим Кривонос, как казачий полковник, командовал крупным повстанческим отрядом. Этот отряд под его умелым предводительством сыграл важную роль в разгроме королевского войска в Корсуньской битве 1648 года, которая стала одной из решающих в освободительной войне.

Сражение состоялось 15–16 мая у города Корсунь. Союзником Б. М. Хмельницкого в ней стал крымский хан, приславший сильный отряд конницы. После поражения авангарда польской армии под Жёлтыми Водами её главные силы под командованием коронного гетмана Н. Потоцкого (25 тысяч человек) расположились укреплённым лагерем у Корсуня.

В первый день баталии татарская конница, входившая в состав 15-тысячного войска Хмельницкого, безуспешно атаковала поляков. Тогда тот, умело дезинформировав неприятеля о своих больших силах, вынудил его покинуть укреплённый лагерь и начать отступление с целью соединения с подходившими подкреплениями.

По пути движения поляков Хмельницкий умело расположил свои силы в засаде, устроенной в лесном урочище. Казаки и повстанцы-крестьяне прокопали через дорогу несколько глубоких рвов, заложили засеки, по обочинам дороги устроили завалы. В густом кустарнике были укрыты казачьи малокалиберные пушки. В засадных укрытиях при выходе дороги из леса расположились пешие и конные отряды.

Особую задачу Богдан Хмельницкий возложил на полковника (атамана) Максима Кривоноса. Тот был отправлен со своим отрядом в ближний тыл к королевской армии. Утром 16 мая Кривонос начал преследование по дороге арьергардных войск

коронного гетмана Потоцкого, который не без колебаний решил оставить укреплённый походный лагерь под Корсунью.

Поляки, больше обращавшие внимание на хвост своей походной колонны, где то и дело завязывались рукопашные схватки, втянулись в урочище, через которое проходила одна-единственная дорога. Там коронное войско неожиданно подверглось нападению противника одновременно с нескольких сторон.

Узость дороги, густой лес и искусственные препятствия помешали полякам развернуться в боевой строй. В ином случае сражение могло принять совсем другой характер. Польская артиллерия застряла во рвах и не смогла открыть огонь по атаковавшим повстанцам. К тому же отряд Максима Кривоноса усилил давление на неприятеля с тыла.

Польское войско оказалось разгромленным наголову. Только в плен было взято 8,5 тысяч человек, а трофеями победителей стали знамёна королевской армии и 41 пушка, вся её артиллерия. Полковник М. Кривонос оказался одним из главных героев Корсуньской битвы.

Значение её в освободительной войне трудно переоценить. К восстанию против польского гнёта присоединились многие территории Правобережной Украины, а пламя восстания докатилось до Карпатских гор…

…В том же 1648 году Максим Кривонос возглавил движение украинского крестьянства, реестровых казаков и городской бедноты на Брацлавщине, в Подолии и на Волыни. Он превратился в народного героя-освободителя. Одно его имя наводило ужас на местных поляков.

Повстанческие отряды под его умелым командованием одерживают над польскими войсками — отрядами шляхты — одну победу за другой. Так было под Пилявцами, Махновкой, Константиновом, Баром. В октябре Максим Кривонос сперва осаждает поляков в львовской крепости Высокий Замок, а потом берёт её решительным приступом.

Пламя освободительной войны очистило от власти католической Речи Посполитой всю Левобережную Украину и значительную часть Правобережья. Победы, одержанные гетманским полковником, сыграли в том немалую роль.

…В битве под Пилявцами (ныне село Пилява Хмельницкой области Украины), которая состоялась 11–13 сентября 1648 года, «партизанский» отряд полковника Максима Кривоноса имел схожие задачи с теми, что стояли перед ним в сражении под Корсунью. Он был отправлен к полякам в ближний тыл и должен был ударить по ним в тот момент, когда в неприятельских рядах

начнётся замешательство.

Так оно и случилось. Удар крупного отряда казаков в тыл полякам, перешедшим по плотине речку Пилявку (Икву), деморализовал их. К вечеру королевское войско обратилось в повальное бегство, бросая оружие, пушки, обозы. Богатые трофеи оказались и в оставленном вражеском походном лагере. Считается, что в ходе битвы и последующего преследования поляки потеряли только убитыми свыше десяти тысяч человек. Потери победителей оказались незначительными, хотя точных данных о них нет.

В сражении под Пилявцами Максим Кривонос ещё раз продемонстрировал свою решительность, умение видеть поле битвы и владеть ситуацией. То есть он показал все основные качества большого казачьего военачальника, способного в решающую минуту столкновения склонить победные чаши весов в свою пользу.

…Максим Кривонос, талантливый казачий военачальник, ушёл из жизни рано. Он не погиб на поле брани и не ушёл из жизни по старости. Когда его отряды осаждали город-крепость Замостье, в этих краях вспыхнула эпидемия чумы. Одной из жертв «моровой язвы», не раз опустошавшей по пол-Европы, и стал сподвижник гетмана Богдана Хмельницкого. Он умер в самом начале той осады Замостья.

В течение 1648 года Кривонос вёл решительную и успешную борьбу против войск крупного польского магната Вишневецкого. Отряды Кривоноса разгромили крупные силы шляхты и взяли десятки городов и местечек.

Украинская казацкая старшина во главе с Хмельницким, заключив союз с польскими феодалами, многократно пыталась усмирить Кривоноса, но безуспешно. Угнетённые массы крестьянства стекались к нему со всех сторон Украины.

Обстоятельства смерти Кривоноса неизвестны, вероятно, он был убит казацкой старшиной в момент поражения крестьянской войны.

Иван Богун (около 1618–1664)

Винницкий и брацлавский полковник. Предводитель антипольского восстания на Украине в 1659 году

О молодости реестрового казака Ивана Богуна истории известно крайне мало. Разве только то, что он участвовал во многих делах против крымских татар, совершавших в то время частые набеги на своих соседей, в том числе и на Речь Посполитую, на её украинские земли. То есть военный опыт этот человек имел богатый, рано выдвинувшись в число казачьей старшины.

В силу своих политических убеждений Богун стал одним из ближайших соратников Богдана Хмельницкого в самом начале его освободительной деятельности. И быстро выдвинулся в число вождей казацко-крестьянского восстания против польского владычества.

…Иван Богун особенно отличился в двухдневном Зборовском сражении 1649 года. Оно состоялось 5–6 августа у города Зборов, а противником украино-крымского войска, осаждавшего девятитысячный гарнизон крепости Збараж, стала 30-тысячная польская коронная армия под водительством самого короля Яна II Казимира.

Хмельницкий с главными силами своего 60-тысячного войска преградил неприятелю дорогу. Поляки, которые самонадеянно не вели разведку, попали в засаду и, атакованные с фронта и тыла, потеряв пять тысяч человек, укрылись в укреплённом походном лагере.

На второй день полки Хмельницкого ворвались во вражеский лагерь. От полного разгрома короля Яна II Казимира спас командир конницы крымского хана Ислам-Гирея III, который вывел свой отряд из боя после заключения сепаратного договора с поляками. И в первый, и во второй день Зборовской битвы полки Ивана Богуна действовали выше всяких похвал.

После заключения мира гетман Б. М. Хмельницкий утвердил своего верного соратника в должности винницкого и брацлавского полковника, который должен был осуществлять военно-административную власть в этих областях.

…Когда военные действия возобновились, Иван Богун со

своими полками, составленными из реестровых казаков и крестьян, стал героем ещё двух больших сражений с королевскими войсками — под Винницей и Берестечком в 1651 году.

Последняя битва закончилась поражением сил Богдана Хмельницкого, но прославила полковника Богуна. Под Берестечком гетманское войско (около 100 тысяч человек), усиленное татарской конницей крымского хана Ислам-Гирея III (50 тысяч всадников) пыталось остановить продвижение польской армии (около 150 тысяч человек) во главе с королём Яном II Казимиром.

На третий день битвы крымчаки ушли к себе, захватив в плен пытавшегося остановить их гетмана Хмельницкого. Поляки прижали казацко-крестьянское войско в болотистой пойме реки Пляшевка. Иван Богун, выбранный походным гетманом перед сражением, приказал составить из повозок вагенбург. В течение десяти дней его воины отражали неприятельские атаки.

За это время по наведённым через болото трём переправам удалось вывести часть войска и часть казачьей артиллерии. Так Иван Богун не допустил полного разгрома и пленения гетманской армии. Сам полковник вырвался из вражеского кольца в числе последних.

…В 1654–1657 годах Богун успешно действовал против отрядов польской шляхты под Брацлавом, Уманью, Львовом. Не менее удачно он отражал набеги крымской конницы, разорявшей в те годы украинские земли.

Иван Богун показал себя не только умелым предводителем полков казаков и селян. Он заставил обратить на себя внимание большими познаниями в полевом фортификационном деле, умением организовывать оборону в невыгодных для него ситуациях. Это позволяло ему не раз одерживать победы над неприятелем, имевшим превосходство в силах.

…В истории Ивана Богуна больше всего прославило восстание 1659 года, которое носит его имя. Предыстория этого антипольского выступления с оружием в руках реестрового казачества и крестьянства такова.

Ставший украинским гетманом после смерти Богдана Хмельницкого Иван Выговский решил предаться католической Речи Посполитой. Он вступил с ней в переговоры о войне против России и в итоге подписал Гадячский договор 1658 года о переходе Украины вновь под власть поляков.

Против этого в октябре того же года восстали Переяславский, Нежинский, Лубенский и Черниговский полки во главе с Иваном Беспалым, избранным гетманом. В начале следующего года к ним

присоединились полки реестровых казаков Правобережной Украины во главе с Иваном Богуном. Пришёл на помощь повстанцам отряд запорожцев во главе с И. Д. Серко.

Весной и летом 1659 года в ряде ожесточённых боёв русские войска, казачьи полки и запорожцы разгромили войско Выговского и союзных с ним крымских татар. Потерпев полное поражение, Выговский в сентябре бежал в Польшу, где был «признательно принят» и получил должность киевского воеводы. Новым украинским гетманом стал сын Богдана Хмельницкого — Юрий Хмельницкий.

…Польский король Ян II Казимир не раз пытался склонить Ивана Богуна на свою сторону, предлагая ему высокие должности и богатые земельные владения. Но тот продолжал отстаивать интересы украинского населения Речи Посполитой. В феврале 1664 года королевским властям удалось схватить казачьего полковника. Вскоре он был расстрелян…

Имя Ивана Богуна при жизни было популярно и авторитетно. В годы Гражданской войны в России его имя носил один из красноармейских полков, сформированных на Украине.

Семён Иванович Дежнёв (около 1605–1673)

Якутский казачий атаман. Землепроходец-первооткрыватель

О детстве и юности знаменитого землепроходца государства Российского история сохранила самые скудные сведения. Известно, что он был родом с Русского Севера, знаменитого не один век своими отважными мореходами и первооткрывателями новых «землиц» в Сибири и на берегах Северного Ледовитого океана, которые шли на восход солнца по нынешнему Северному морскому пути.

Родился Семён Дежнёв в деревне Осиновской Пинежской (Волокопинежской) волости. Есть версии, что его родиной был древний Устюг Великий, признанная отечественной историей столица землепроходцев и ватажников, охотников за пушным ясаком с северных и сибирских племён.

В 1630 году по набору на государственную службу Семён Дежнёв попал служить рядовым «новоприборным» казаком в город Тобольск. Затем был переведён в Енисейский острог (ныне город Енисейск). В 1637 году Дежнёва переводят на реку Лену. В Якутский острог он прибыл в следующем году в составе отряда П. И. Бекетова.

Известно, что кроме исполнения казачьих обязанностей, он промышлял охотой и хорошо знал таёжную жизнь, мореходное дело, грамоту. Отличался предприимчивостью и бесстрашием. Был женат на якутке и, по всей вероятности, свободно владел якутским языком.

…Якутские воеводы постоянно посылали в то время небольшие отряды служилых казаков для сбора пушного ясака с коренного населения Северо-Восточной Сибири и поиска новых ясачных земель, богатых прежде всего пушниной — «мягкой рухлядью», «соболиной казной».

Оказавшись в Якутске, казак Семён Дежнёв участвовал в нескольких таких походах по рекам — притокам Лены, Вилюя, Яны, Алдана и Колымы.

Опыт землепроходства у Дежнёва за годы казачьей службы в Якутске накопился богатейший. Зимой 1640 года он служил на реке Яна в отряде таких же, как и он, служилых людей Дмитрия Зыряна. Когда тот двинулся на Алазею, Семён Дежнёв был

отправлен в Якутск с «соболиной казной». Это говорило о том, что он ходил уже в «старших» казаках, начальствуя над небольшими отрядами «государевых людей».

Известно, что ему не раз приходилось играть роль дипломата в улаживании конфликтов между родами коренных жителей. Так, в 1640 году ему удалось в ходе трудных переговоров склонить к покорности и уплате ясака воинственно настроенного «князца» кангаласов Сахея.

Следующей зимой Семён Дежнёв отправился с казачьим отрядом Михаила Стадухина на Верхнюю Индигирку, в Оймякон (ныне отмеченный как полюс холода). Отряд в начале лета 1643 года спустился по воде до низовьев Индигирки, обследовав с целью сбора ясака огромную территорию Северо-Востока современной Якутии.

Осенью служилые люди Стадухина и Дежнёва соединились с отрядом Зыряна для дальнейшего похода на Колыму, значительная часть бассейна которой ещё являлась белым пятном на карте. В конце 1643 года в устье этой большой реки был основан Нижне-Колымский острог, срубленный руками казаков и промысловиков. Колыма поразила землепроходцев своим величием, пушными и рыбными богатствами.

Из новопостроенной деревянной крепостицы начался сбор ясака с местного населения. Когда Стадухин и Зырян отправились с добытым ясаком на Лену, в Якутский острог, на Колыме осталось всего 12 русских во главе с Семёном Дежнёвым. Они были осаждены полутысячным войском юкагиров и не раз вели с ними тяжёлые «съёмные» (рукопашные) бои. На «колымской службе» казак Дежнёв получил несколько ран. Войско юкагиров ушло в тундру только тогда, когда к защитникам острога пришла из Якутска подмога во главе с Зыряном.

В Нижне-Колымский острог стали «приходить» слухи со стороны Большого Анюя о текущей восточнее «богатой реке Погыче» (Анадыри). Речь шла о мехах и рыбьем зубе (моржовых клыках), и даже серебре. Однако точного местоположения этой неизвестной русским реки из слухов узнать было невозможно.

В 1645 году группа якутских казаков во главе с С. И. Дежнёвым, Федотом Алексеевым и Герасимом Анкудиновым решила найти устье «новой» реки Анадырь. На плоскодонных судах казаки попытались спуститься вниз по Колыме, выйти в море и пройти вдоль его берега, сколько можно, восточнее. Но эта экспедиция не увенчалась успехом из-за тяжёлой ледовой обстановки в устье Колымы.

Тогда в дело вмешался приказчик богатого московского купца Усова — Федот Попов, имевший немалый опыт мореплавания на

Севере. Он организовал экспедицию с целью поиска на востоке, на морском побережье моржовых лежбищ. И одновременно экспедиция должна была осуществить поиск реки Анадырь (так реку стали называть с 1647 года), якобы богатой соболями (последнее оказалось пустыми слухами).

Но и эту экспедицию под начальством Попова, в которую входили 63 промышленника и один казак Дежнёв, ожидала неудача. Летом 1647 года она на четырёх кочах вышла из устья Колымы в море, но тяжёлая ледовая обстановка вновь воспрепятствовала плаванию на восток.

Однако новая неудача не остановила землепроходцев в их помыслах. В июне 1648 года Дежнёв, Алексеев и Анкудинов на семи судах (около ста человек) снова вышли в морское плавание из Нижне-Колымского острога для поиска лежбищ моржей. Северный Ледовитый океан вновь встретил отважных мореходов со всей своей суровостью.

В итоге экспедиции того года уцелел во время морских бурь только один дежнёвский коч. Он прошёл вокруг Чукотского полуострова и в октябре 1648 года был выброшен во время шторма на берег южнее устья реки Анадырь — у Олюторской губы.

…Потерпевший кораблекрушение Семён Дежнёв с 25 членами своей команды, в основном казаками, отправился пешком на самодельных лыжах с нартами искать устье неизвестной «богатой реки». До Анадыря отряд добирался десять недель, то есть два с половиной месяца. За это время из 25 первопроходцев в живых осталось только 12 человек. К Анадырю они вышли недалеко от устья реки, но там не оказалось ни кочевий чукчей, ни леса, «богатая река» совсем не походила на ту «новую реку», о которой ходили слухи на Колыме.

Летом следующего 1649 года, пережив очень голодную зиму, Дежнёв с оставшимися людьми экипажа своего коча на самодельных лодках пошёл вверх по Анадырю. Там он встретил оленеводов-чукчей, с которых был взят царский ясак. Землепроходцы построили в 400 верстах от устья Анадыря (в его среднем течении) зимовье, названное Анадырским острогом. Это было первое русское поселение на полуострове Чукотка.

В 1650 году к Дежнёву присоединился с небольшим отрядом казак-первопроходец Степан Мотора, который искал реку Анадырь сухим путём. Два отряда объединились и построили суда для новой экспедиции вниз по реке. Но вскоре в стычке с чукчами Мотора был убит. Семён Дежнёв оказался главным правителем («приказным») в открытых им землях.

В речном устье землепроходцам повезло: они наткнулись на

отмель, где было собрано для «царской казны» 150 пудов моржовых клыков. Это был в основном «заморный рыбий зуб», то есть клыки давно умерших на лежбище моржей.

Таким образом, совершив морское плавание вокруг Чукотки — восточной оконечности Азии, — Семён Иванович Дежнёв за 80 лет до экспедиции Витуса Беринга открыл пролив, который связывал между собой два континента — Азию и Америку.

Когда Дежнёв с добытым «рыбьим зубом» и пушным ясаком вернулся в Якутский острог, с отрядом сына боярского Ерастова он отправился с этими ценностями в Москву. В Москве удачливый землепроходец получил невыданное «казной» ему за последние 19 (!) лет жалованье. А наградой ему за анадырскую службу стал атаманский чин. В первопрестольной столице, в Боярской думе высоко оценили открытие Чукотки.

Важность великого географического открытия для истории «приращения Сибири» к Русскому царству видится в следующем. И боярам «на Москве», и чиновникам Сибирского приказа, и воеводам в Якутске, и сибирским казакам, и промышленникам стало ясно, что земля к востоку от Колымы, образуя гигантский выступ (Чукотский полуостров), обрывается и уходит к югу. И что именно там, южнее Чукотки, лежат «неизведанные ещё земли».

Дежнёв дважды в своей жизни ездил из Якутска в Москву для докладов об открытии новых «богатых землиц». Он составил описание («чертёж») устья реки Анадырь, считая обнаруженное там огромное моржовое лежбище главным результатом своих многолетних трудов. То лежбище действительно принесло «государевой казне» большой прибыток.

В 1665 году бывалый первопроходец Семён Иванович Дежнёв был избран атаманом якутского казачества. С 1671 года он жил в Москве, оставшись там по болезни, которую «получил» во время сопровождения в первопрестольную столицу «государевой соболиной казны», то есть собранного пушного ясака.

Но… ко времени его кончины открытое им в устье реки Анадырь моржовое лежбище уже почти полностью «испромышлялось». Причина тому была ясна: «зверь стал напуган и ушёл в море».

Первооткрыватель пролива между Азией и Америкой умер в 1673 году. Похоронен был, по всей видимости, на одном из монастырских кладбищ.

…Россия не забыла отважного землепроходца-казака. Его именем была названа крайняя восточная оконечность Азиатского материка (мыс Дежнёва), хребет на Чукотке, острова в Карском море, остров в море Лаптевых, бухта на западном побережье

Берингова моря, ледник на островах Северная Земля и населённый пункт на Амуре.

То, что восточная оконечность Евразии носит имя Дежнёва, имеет для отечественной истории глубинный смысл. Семён Дежнёв относился к числу тех русских первопроходцев, которые олицетворяли собой будущее России.

Пётр Дорофеевич Дорошенко (1627–1698)

Украинский реестровый казак. Гетман Правобережной Украины

Родившись в Чигирине, начинал свой жизненный путь рядовым реестровым казаком. В ряды казачьей старшины выдвинулся в ходе освободительной войны украинского народа 1648–1654 годов под предводительством Богдана Хмельницкого против гнёта польского панства. В его войске Пётр Дорошенко стал полковником.

Будучи верным сторонником гетманской власти и власти имущей казачьей старшины, участвовал в подавлении народного восстания 1657–1658 годов под руководством полтавского полковника Мартына Пушкаря и Якова Барабаша. Тогда город Полтава был осаждён гетманским войском, полковник Пушкарь вероломно захвачен, а сам город отдан на ужасающий погром союзным крымским татарам.

При гетмане Павло Тетере (Мережковском), стороннике польской ориентации, в 1663 году занял высокую должность генерального есаула.

Через два года был избран гетманом Правобережной Украины (в то время существовало два украинских гетмана — правого и левого берегов Днепра).

Пётр Дорошенко опирался на ту часть старшины реестрового казачества и местного духовенства, которые ориентировались на… Оттоманскую Порту и Крымское ханство. В истории христианского мира бывало и такое, хотя и не столь часто.

Пытался распространить власть и на Левобережную Украину. Для этого он хотел воспользоваться недовольством тамошнего населения своим гетманом Брюховецким. Такая попытка, равнозначная военной угрозе, вызвала подозрительность и недовольство в Москве.

Боярская дума «присудила» отправить на берега Днепра царское войско. Тогда гетман Пётр Дорошенко со своим гетманством поспешил перейти в подданство турецкого султана. По договору, заключённому с Дорошенко в 1669 году, под власть Турции перешла Подолия. Гетман Правобережной Украины обязывался оказывать Стамбулу (Константинополю) помощь в

установлении султанской власти на территории Подолии.

…Весной 1672 года османская армия султана Магомета IV и конница крымского хана вторглась в пределы Речи Посполитой. Поляки были силой принуждены заключить с Турцией Бучацкий мир. По нему Польша отказывалась от своих прав на «турецкую» Малороссию.

Население Правобережной Украины, естественно, не хотело ни польского, ни теперь турецкого владычества над собой. К тому же оно было возмущено союзничеством гетмана Дорошенко с турками и крымскими татарами, которые оказались на территории Подолии. Правобережцы стали тысячами семей уходить на левый берег Днепра, в российские пределы.

Такой более чем благоприятной ситуацией решили воспользоваться царский воевода Г. Г. Ромодановский и гетман Левобережной Украины И. С. Самойлович. Их соединённые полки перешли Днепр. Самойлович был провозглашён единым гетманом Украины (Малороссии).

Главной причиной такой политической акции было то, что Москве надоело острое, непрекращающееся соперничество двух гетманов на Украине. Оно только разоряло страну. Тогда и пришли на Левобережную Украину царские полки.

Низложенный гетман Пётр Дорошенко с небольшим числом своих приверженцев заперся в укреплённой гетманской ставке — городе Чигирине. Он вновь обратился за военной помощью к турецкому султану. Однако в 1676 году, когда он окончательно осознал, что полностью лишён поддержки со стороны украинского казачества, ему всё же пришлось капитулировать перед русским войском.

Русский историк Н. И. Ульянов, волей судьбы оказавшийся в эмиграции, в своей известной книге «Украинский сепаратизм» писал о правобережном гетмане Петре Дорошенко так:

«…Нельзя не сказать нескольких слов о Дорошенко, который по сей день остаётся одним из кумиров самостийнического движения и поминается в качестве борца за незалежность. Этот человек причинил украинскому народу едва ли не больше несчастий, чем все остальные гетманы, вместе взятые. История его такова.

После измены Выговского только Киев продолжал оставаться в московских руках, вся остальная правобережная Украина отдана была полякам. С избранием Юрия Хмельницкого она на короткое время вернулась в руки царю с тем, чтобы с его изменой опять попасть в польские руки.

Тетеря в продолжение своего короткого гетманства удерживал её в королевском подданстве, а когда на смену ему в

1665 году пришёл Пётр Дорошенко, тот заложился за турецкого султана — главу обширной рабовладельческой империи.

У турок существовал взгляд на юго-восток Европы как на резервуар рабской силы, почерпаемой с помощью крымских, азовских и белгородских (аккерманских) татар. Их набеги на Русь и Польшу представляли собой экспедиции за живым товаром. Десятки и сотни тысяч славян поступали на невольничьи рынки в Константинополе и в Малой Азии.

Но до сих пор этот ясырь добывался путём войн и набегов; теперь с утверждением на гетманстве Дорошенко татары получили возможность административно хозяйничать в крае. Период с 1665 по 1676 год, в продолжение которого Дорошенко оставался у власти, был для правобережной Украины временем такого опустошения, с которым могут сравниться только набеги Девлет-Гирея в середине XVI века.

Татары, приходившие по зову Дорошенко и без оного, хватали людей направо и налево. Правый берег превратился в сплошной невольничий рынок. Торговля в Чигирине шла чуть ли не под самыми окнами гетманского дома. Жители начали „брести розно“, одни бежали в Польшу, другие — на левый берег, третьи — куда глаза глядели.

В 1672 году Дорошенко привёл в Малороссию трёхсоттысячное турецкое войско и разрушил Каменец-Подольский, в котором все церкви были обращены в мечети. „Здесь все люди видят утеснение от турок, Дорошенко и нас проклинают и всякое зло мыслят“, — писал про правый берег каневский полковник Лизогуб.

Под конец там начнётся голод, так как люди годами ничего не сеяли из-за татарского хищничества. По словам гетмана Самойловича, Дорошенко и сам, в конце концов, увидел, что ему „не над кем гетманить, потому что от Днестра до Днепра нигде духа человеческого нет, разве где стоит крепость польская“.

Лавируя между Польшей, Москвой и Крымом, Дорошенко нажил себе множество врагов среди даже „значного“ казачества. Против него действовали не только левобережные гетманы, но поднялись даже избранные запорожцами Суховей, Ханенко и другие.

Залавировавшись и заинтриговавшись, он кончил тем, что сдался на милость гетману Самойловичу, обещавшему ему от имени Москвы приют и безопасность…»

…Москва не стала сводить счёты с бывшим гетманом, который изменил ей и пытался «отдаться басурманам» под их магометанскую власть. Пётр Дорошенко был назначен высочайшим указом для «кормления» воеводой в Вятку. Там он

воеводствовал, проклинаемый на родине, с 1679 по 1682 год.

Позже он переехал на постоянное жительство под Москву в подаренное ему государем село Ярополча (ныне Ярополец). В своём подмосковном имении он и умер в 1698 году, уже во время царствования Петра I Алексеевича.

Степан Тимофеевич Разин (около 1630–1671)

Донской атаман. Предводитель Крестьянской войны 1667–1671 годов

Родился в станице Зимовейской в семье зажиточного — «домовитого» — казака Тимофея Рази, участника взятия турецкой крепости Азов и «азовского сидения», отца трёх сыновей — Ивана, Степана и Фрола. Будущий казачий атаман рано набрался боевого опыта в порубежных схватках, которые постоянно случались в задонских и кубанских степях. В молодости отличался горячностью, гордостью и личной храбростью.

В 1652 году по завету покойного отца совершил поездку на богомолье в Соловецкий монастырь, проехав всё Русское царство с юга на север и обратно, побывав в Москве. Увиденные бесправие и нищета крестьянского и посадского населения сильно повлияли на миросозерцание молодого Разина.

На войсковом кругу в 1658 году был избран в состав станицы (посольства) от вольного Дона во главе с атаманом Наумом Васильевым в Москву. От того времени для истории сохранилось первое письменное свидетельство о С. Т. Разине.

Разин рано выдвинулся в число казачьих предводителей благодаря дипломатическим способностям и воинским дарованиям. В 1661 году вместе с атаманом Фёдором Буданом вёл переговоры с калмыцкими тайшами (князьями) о заключении мира и совместных действиях против крымских татар в Задонье. Переговоры увенчались успехом, и на протяжении двух столетий калмыцкая конница являлась частью иррегулярной военной силы Российского государства. А Степану Разину в составе донских станиц довелось снова побывать в первопрестольной Москве и Астрахани. Там он участвовал в новых переговорах с калмыками, не нуждаясь при этом в переводчиках.

В 1662 и 1663 годах во главе отряда донских казаков Разин совершил удачные походы в пределы Крымского ханства. Вместе с запорожцами Сары Малжика и конницей калмыцких тайшей разинские казаки в битвах под Перекопом и в урочище Молочные Воды разбили крымчаков, в рядах которых находилось немало турок. Была захвачена богатая добыча, в том числе конские табуны в две тысячи голов.

…События 1665 года круто повернули судьбу братьев Разиных. По царскому повелению большой отряд донских казаков, который в походе возглавлял Иван Разин, вошёл в состав войска воеводы князя Ю. А. Долгорукого. Шла война с Польско-Литовским государством, но велась она под Киевом крайне вяло.

Когда началась зимняя стужа, атаман Иван Разин попытался самовольно увести своих казаков обратно на Дон. По приказу князя Долгорукова он, как зачинщик «бунта», был схвачен и казнён на глазах младших братьев. Поэтому мотив мести за брата Ивана во многом определил антибоярские настроения Степана Разина, его враждебность к существующей «московской власти».

В конце 1666 года по царскому повелению начался розыск беглых на Северном Дону, где скопилось особенно много казачьей голытьбы. Ситуация там становилась взрывоопасной для боярской Москвы. Степан Разин, почувствовав настроение на Дону, решился действовать.

Весной 1667 года он с небольшим отрядом казачьей голытьбы и беглых крестьян-холопов двинулся на речных судах-стругах из войсковой станицы города Черкасска вверх по Дону. По пути разорялись хозяйства богатых домовитых казаков. Разинцы обосновались на островах между протоками Дона — Иловлёй и Тишиной. Были вырыты землянки и поставлены шалаши. Так появился у волока с Дона на Волгу Паншин городок. Степан Разин был провозглашён атаманом.

Уже вскоре стоявший здесь отряд Степана Разина увеличился до полутора тысяч вольных людей. Здесь и созрел окончательно план похода по Волге «за зипунами». Об этом стало известно в Москве: казачья вольница в грамоте астраханскому воеводе объявлялась «воровскими казаками». По замыслу их предводителя, им предстояло перебраться со стругами на Волгу, спуститься по ней в Каспийское море и овладеть отдалённым Яицким городком, который они хотели сделать своей разбойной базой. С яицкими казаками Разин отношения уже «устроил».

В мае 1668 года казачьи струги появились на Волге севернее Царицына и спустились вниз по реке, выйдя в Каспийское море. Первый же встречный купеческий караван был разграблен. Пройдя берегом моря, судовая рать вошла в Яик, и разинцы с бою взяли Яицкий городок, в котором стоял стрелецкий гарнизон. Подошедший из Астрахани отряд царских стрельцов был разбит под стенами городка. Потом в песне пелось:

Из-за острова на стрежень,
На простор речной волны,
Выплывают острогруды

Разницами был взят древний город-крепость Дербент — «железные ворота Кавказа». На какое-то время он стал базой для разбойных набегов «за зипунами» для казачьей судовой рати на персидские берега.

Зиму разинцы провели на полуострове у Ферахабада, а затем перебрались на остров Свиной южнее Баку, который был «обустроен» ими под казачий городок. Отсюда казаки продолжили свои морские набеги, почти каждый раз возвращаясь на остров с богатой добычей. В числе разорённых городов оказались богатые торговые Шемаха и Решт.

Богатую добычу казаки взяли в поселениях Гилянского залива и трухменских (туркменских) берегов, в окрестностях Баку. Из владений бакинского хана разинцы увели семь тысяч овец. Персидские воинские отряды в боях неизменно подвергались разгрому. Было освобождено немалое число русских пленников, которые находились здесь в рабстве.

Персидский шах из династии Аббасидов, обеспокоенный ситуацией в своих прикаспийских владениях, выслал против Разина войско в четыре тысячи человек. Но персы оказались не только плохими мореходами, но ещё и нестойкими воинами. В июле 1669 года близ острова Свиного произошло настоящее морское сражение между казачьей флотилией и шахским войском. Из 70 персидских судов удалось спастись бегством только трём: остальные или были взяты на абордаж, или потоплены. Но и казаки в том морском бою потеряли с полтысячи человек.

Поход на Каспий «за зипунами» дал разинцам богатую добычу. Обременённая ею флотилия казачьих стругов возвращалась на родину. В августе — сентябре 1669 года Степан Разин прошёл Астрахань, где была стоянка, и оказался в Царицыне. Ему пришлось отдать астраханскому воеводе князю Семёну Львову часть взятой добычи и пушки крупных калибров за право свободного прохода к Царицыну. Отсюда казаки перешли на Дон и обосновались в Кагальницком городке.

В Кагальник стала стекаться казачья голытьба, и к концу года под началом атамана Разина здесь собралось до трёх тысяч человек. К нему прибыл младший брат Фрол. Отношения с войсковой казачьей старшиной, обосновавшейся в Черкасске, становились натянутыми, враждебными.

А планы Разина всё ширились. Задумав подняться на войну с боярской Москвой, он попытался найти себе в том союзников.

Зимой он завязал переговоры с украинским гетманом Петром Дорошенко и кошевым атаманом запорожцев Иваном Серко. Но те от войны с Москвой благоразумно отказались.

Весной 1770 года Степан Разин двинулся из Кагальницкого городка к Волге. Его войско было разбито на отряды и сотни. Собственно говоря, это и было началом Крестьянской войны, которая в отечественной историографии сводится к 1667–1671 годам. Теперь удалой разбойный атаман превращался в вождя народной войны: он призвал вставшую под его знамёна рать «идти в Русь».

Царицын открыл перед мятежниками городские ворота. Местный воевода Тимофей Тургенев был казнён. Подошедший сверху по Волге судовой караван с тысячей стрельцов во главе с головой Иваном Лопатиным был разницами разбит на воде около Денежного острова, а часть царских служилых людей перешла на их сторону.

Но на Волге разинцев уже поджидал со своими стрельцами астраханский воевода князь Семён Львов. Встреча сторон состоялась у Чёрного Яра. Однако боя здесь не случилось: астраханские служилые люди взбунтовались и перешли на сторону противной стороны.

От Чёрного Яра атаман казачьей голытьбы послал вверх и вниз по Волге отряды. Они взяли Камышинку (ныне город Камышин). Опираясь на полное сочувствие простого люда, Степан Разин без особого труда захватил волжские города Саратов и Самару. Теперь основную часть его войска, выросшего до 20 тысяч плохо вооружённых и организованных повстанцев, составляли помещичьи крестьяне.

Вокруг атамана появились другие начальные люди из казаков, командиры самостоятельных отрядов. Среди них выделялись Сергей Кривой, Василий Ус, Фёдор Шелудяк, Еремеев, Шумливый, Иван Лях и младший брат Разина Фрол.

Первый удар был нанесён по Астрахани с её каменным Кремлём. Флотилия восставших состояла теперь из 300 различных речных судов, на которых стояло более 50 пушек. Казачья конница двигалась вдоль речного берега. Всего атаман вёл за собой около семи тысяч человек.

Воевода князь Иван Прозоровский защитить город-крепость Астрахань не смог. Разинцы, поддержанные восстанием городской бедноты, 24 июня взяли его приступом. Воевода был казнён: его сбросили («скинули») с башни на землю. Из Астрахани восставшие двинулись вверх по Волге: в городе Степан Разин оставил воеводами Уса и Шелудяка, наказав им крепко беречь город. Сам же он повёл с собой около 12-ти тысяч человек.

Считается, что где-то примерно восемь тысяч из них были вооружены «огненным боем».

После взятия Самары в огне народного восстания оказалась вся Средняя Волга. Всюду Разин давал крепостным крестьянам «волю», а «животы» (имущество) воевод, дворян и приказных людей (чиновников) — на разграбление. Предводителя восставших встречали в городах и сёлах с хлебом и солью. От его имени во все стороны в большом числе рассылались «прелестные письма»-воззвания.

В Москве поняли всю серьёзность положения: по указу царя Алексея Михайловича Боярская дума стала стягивать в район восстания воинские отряды: стрелецкие полки и сотни, поместную (дворянскую) конницу, служилых иноземцев. Прежде всего царским воеводам приказывалось защитить большие тогда города Симбирск и Казань.

Крестьянская война тем временем разрасталась. Отряды повстанцев стали появляться в местах, не столь далёких от столицы Московского царства. В силу своей стихийности и неорганизованности как военная сила, восставшие, громившие помещичьи имения и боярские вотчины, крайне редко могли оказать серьёзное сопротивление воинским отрядам, которые рассылались властями. От имени царя Алексея Михайловича Стенька Разин был объявлен «воровским атаманом».

Симбирский воевода Иван Милославский сумел организовать оборону города. Разинцы не смогли овладеть им: часть гарнизона (около четырёх тысяч человек) укрылась в местном кремле. В боях, которые шли под Симбирском с 1 по 4 октября 1670 года, они потерпели поражение от царских войск, которыми командовал опытный воевода князь Ю. А. Долгоруков.

Сам Степан Разин в тех боях бился в первых рядах, был тяжело ранен. Он был доставлен из-под Симбирска в Кагальницкий городок. Атаман надеялся на родном Дону вновь собраться с силами. Тем временем территория, охваченная восстанием, резко сузилась: царские войска взяли Пензу, «замирили» силой оружия Тамбовщину и Слободскую Украину. Считается, что в ходе той крестьянской войны погибло до ста тысяч восставших.

…Немного оправившись от раны, Разин задумал овладеть войсковой столицей — Черкасском. Однако он не рассчитал свои силы и возможности: к тому времени казачья старшина и домовитое казачество, под впечатлением побед царских воевод, было настроено по отношению к нему и восставшей голытьбе откровенно враждебно и само взялось за оружие.

Разинцы подступили к Черкасску в феврале 1671 года, но

овладеть им не смогли и отступили в Кагальник. 14 февраля отряд казачьих старшин во главе с войсковым атаманом Яковлевым захватили Кагальницкий городок. По другим данным, в поход выступило едва ли не всё Донское войско, около пяти тысяч человек.

В Кагальницком городке произошло избиение восставшей голытьбы. Сам Разин оказался пленённым и вместе с младшим братом Фролом отправлен под крепкой стражей в Москву. К слову сказать, атаман Корнило (Корнилий) Яковлев был «по азовским делам» соратником отца Степана и его крёстным отцом.

«Воровской атаман» Стенька Разин был казнён в Москве на Красной площади 6 июня 1671 года. Палач сперва отсёк ему правую руку по локоть, затем левую ногу по колено, а потом отсёк голову. Так закончил свою буйную жизнь самый легендарный казак-разбойник в истории России, о котором в народе было сложено немало популярных песен и легенд. В одной из старинных донских казачьих песен об атамане рассказывалось так:

У нас то было, братцы, на тихом Дону,
На тихом Дону, во Черкасском городу
Уродился удалой доброй молодец,
По имени Степан Разин Тимофеевич.
В казачий круг Степанушка не хаживал,
Он с нами, казаками, думу не думывал,
Ходил, гулял Степанушка во царёв кабак,
Он думал крепко думушку с голутьбою:
«Судари мои братцы, голь кабацкая!
Поедем мы, братцы, на сине море гулять,
Разобьёмте, братцы, басурмански корабли,
Возьмём мы, братцы, казны сколько надобно,
Поедемте, братцы, в камену Москву,
Покупим мы, братцы, платье цветное,
Покупивши цветно платье, да на низ поплывём».

…Имя Степана Разина в отечественной истории помнилось всегда. До революции о нём пели песни и слагали легенды, после революции, в годы Гражданской войны, его имя носил 1-й Оренбургский казачий социалистический полк, который отличился в боях против Белой армии адмирала Колчака на Урале. Атаману мятежного казачества был поставлен памятник в городе Ростове-на-Дону. Его именем названы улицы и площади в разных городах современной России.

Иван Мартынович Брюховецкий (около 1623–1668)

Боярин. Кошевой атаман Запорожской Сечи. Гетман Левобережной Украины

Место и год рождения человека, ставшего обладателем гетманской булавы, присягнувшего на верность Московскому царству и попытавшемуся отдать Левобережную Украину под власть турецкого султана, неизвестны. Первое письменное упоминание о Иване Брюховецком относится к 1650 году в реестре казаков Чигиринской сотни.

Середина XVII столетия для Украины было эпохой бурных политических и военных событий. В 1659 году, во время гетманских выборов, Брюховецкий, занимавший уже видное положение среди малороссийского казачества, был послан в Сечь Запорожскую, чтобы склонить запорожцев на сторону Юрия Хмельницкого — сына Богдана Хмельницкого.

Известно, что Иван Брюховецкий успешно справился с порученным ему сложным дипломатическим поручением. Однако в Чигирин он обратно не вернулся, а остался в Сечи. Запорожцы вскоре избрали его своим кошевым атаманом. Через три года, в 1662-м, он становится у вольных казаков кошевым гетманом.

Брюховецкому и в новой роли пришлось принимать самое деятельное участие в политических событиях. Историк Н. И. Ульянов в своей книге «Украинский сепаратизм», описывает события, когда после измены гетмана Юрия Хмельницкого, переметнувшегося на сторону Польши, Брюховецкий стал гетманом Левобережной Украины.

«Иван Мартынович Брюховецкий начал свою карьеру как кошевой атаман в Сечи. Отсюда он стал вмешиваться в события левого берега, заявив себя ревностным сторонником Москвы, но в отличие от Самко и Золотаренко, представлявших „значное казачество“, Брюховецкий держал сторону „черни“. Его соперничество, таким образом, носило социальный характер…»

Именно опора на рядовых реестровых казаков и запорожцев позволила Ивану Брюховецкому в июне 1663 года стать выборным гетманом Левобережной Украины. Так называемая Чёрная рада состоялась тогда под Нежином и закончилась убийством Самко и Золотаренко, как противников нового гетмана, по решению

войскового суда. Их «обвинили в измене и казнили вместе с толпой их сторонников».

Н. И. Ульянов отмечает в факте избрания на гетманский пост Ивана Брюховецкого в условиях ведения военных действий с поляками такую его сторону:

«Пред нами — первый случай прихода к власти „черни“, сумевшей выдвинуть на гетманское место своего ставленника…

„Чернь“ по обеим сторонам Днепра тяготела, как прежде, к Москве. Почувствовав за собой мощь низового казачества, крестьянства и горожан, Брюховецкий сразу понял, какую позицию должен занять в отношении Москвы.

В 1665 году выражает он желание „видеть пресветлые очи государевы“ и 11 сентября появляется в Москве во главе пышной свиты в 535 человек. Поведение его в Москве столь необычно, что заслуживает особого внимания…»

Действительно, новый левобережный гетман «сам» попросил присылки к нему царских воевод и русских войск. Он «пожелал», чтобы собираемые налоги шли в «государеву казну».

Брюховецкий также просил о том, чтобы митрополит Киевский подчинялся теперь не Константинополю, а Москве.

Ульянов подчёркивает в своей работе: «Казалось, появился наконец гетман, захотевший всерьёз уважать суверенные права Москвы и понимающий своё подданство не формально, а по-настоящему».

Итогом поездки в первопрестольную Москву для Ивана Брюховецкого стала ещё и женитьба на княжне Долгорукой и возведение его в боярское достоинство. Последнее было сделано по воле царя Алексея Михайловича после того, как гетман подписал так называемые «Московские статьи 1665 года».

По прошествии некоторого времени боярин-гетман по примеру своих предшественников изменил Москве. Причины были те же. Почувствовав себя на гетманстве прочно, Брюховецкий встал на путь самого беззастенчивого личного обогащения и обирания населения Левобережной Украины. Этим и не замедлили воспользоваться его враги, также добивавшиеся высокой власти.

Передача полковых городов под управление царских воевод и проведение в 1666 году переписи населения повлекло за собой увеличение налогов. Это вызвало недовольство простого люда политикой Брюховецкого и поддерживавшей его казачьей старшины.

Недовольство усилилось и в связи с Андрусовским мирным договором 1667 года (или Вечным миром), которым завершилась война между Русским царством и Речью Посполитой 1654–1667

годов. По этому договору Правобережная Украина оставалась за польской стороной.

…Так гетман с боярским титулом окончательно лишился социальной опоры в своих владениях: «чернь» и вольные запорожцы отказали своему недавнему избраннику в доверии. Иван Брюховецкий стал спешно искать новой опоры, новой силы, которая бы помогла ему сохранить власть.

Гетман решает изменить Москве и отдаться под власть турецкого султана, то есть отдать Левобережную Украину под власть Оттоманской Порты. В Стамбул (Константинополь) были направлены гетманские послы с соответствующими полномочиями.

В начале 1668 года начался мятеж. В городе Гадяче сторонниками гетмана было перебито до двухсот «московских людей», в том числе стрельцов. После этого Иван Брюховецкий разослал во все концы гетманских владений «листы» с призывом очищать и другие полковые города от московских ратных людей и царских воевод.

Однако уже через четыре месяца против гетмана-изменника вспыхнуло народное восстание. Во время его боярин Брюховецкий был убит казаками близ села Диканька (ныне Полтавская область Украины).

Иван Степанович Мазепа (Калединский) (1639–1709)

Гетман Левобережной Украины

Человек, который в истории старой России стал одним из первых обладателей её высшей орденской награды — Святого апостола Андрея Первозванного — и единственным среди награждённых орденом Иуды (мировая история ничего подобного не знает), родился в семейном поместье Мазепинцы на Киевщине. Отцом будущего гетмана Левобережной Украины был Степан-Адам Мазепа, происходивший из православного шляхетского рода Азеи-Калединских. Он хотя и воевал под знамёнами Богдана Хмельницкого, но слыл сторонником польской ориентации.

Получил хорошее образование. Сперва обучался в Киево-Могилянской коллегии (духовной академии), затем в Иезуитском коллегиуме в Варшаве. Воспитывался при дворе польского короля Яна Казимира. Своё образование Мазепа-младший довершил за границей.

Поскольку придворная карьера у него не удалась, он вернулся в родные края. В 1669–1681 годах служил у гетмана Левобережной Украины И. С. Самойловича и у гетмана Правобережной Украины П. Д. Дорошенко. В Чигирине Иван Мазепа начал службу в должности хорунжего надворной хоругви, то есть гетманской гвардии.

Боевым крещением Мазепы можно считать участие в совместном походе войск гетмана Дорошенко и турецкой армии правителя османов Мухаммеда IV против Польши в 1672 году, когда союзники совершили походы на Каменец-Подольский и Львов.

Участвовал в переговорах с крымским ханом Селим-Гиреем. Побывал в плену у запорожского атамана Ивана Серко, который не разделял протурецких взглядов гетмана Правобережной Украины. После этого и стал служить у Самойловича.

В 1682–1686 годах на Левобережье занимал ответственный пост генерального есаула. С помощью фаворита правительницы Софьи Алексеевны князя Василия Голицына добился ареста гетмана Самойловича и своего избрания на гетманский пост. Это

случилось во время Крымского похода и обошлось Мазепе в бочонок с одиннадцатью тысячами золотых рублей и более трёх пудов серебряной посуды. То и другое стало веским аргументом в пользу его кандидатуры.

Мазепа дал присягу на верность Русскому царству и её самодержавному государю Петру I Алексеевичу и был избран «царского величества Войска Запорожского обеих сторон Днепра гетманом».

Добиваясь укрепления личной власти, опирался на казацкую старшину. Он раздавал земли верным людям и всячески препятствовал переходу малороссийских крестьян в казачество, свободное от многих податей и повинностей. Во главе полков ставил своих приверженцев.

Понимая, что в своей политике стремления к полноте личной власти ему не приходится рассчитывать на полную поддержку городовых полков — Черниговского, Глуховского, Полтавского и других, а также запорожцев, Иван Мазепа в противовес им стал создавать так называемые личные «охотные» полки.

Выпускник варшавского Иезуитского коллегиума, Мазепа к тому времени уже состоялся как опытный политик. Стараясь показать свою «верность православию», он расчётливо жертвовал часть своих огромных доходов на содержание и строительство церквей.

Рядовое казачество и крестьянство относилось к Мазепе враждебно: в простом народе гетмана называли «ляхом». Тот знал об отношении к себе населения Малороссии.

…Мазепе приходилось опираться на политическую и военную поддержку русского царя. Пётр I не отказывал ему в поддержке: его резиденцию, укреплённый город Батурин, стал охранять сперва стрелецкий, а затем солдатский полк.

Пётр I Алексеевич считал гетмана умелым правителем. Кроме того, он высоко ценил конфиденциальную информацию о политическом положении в Восточной Европе (прежде всего в Польше) и на Балканах, которую поставлял ему Мазепа. У того действительно имелись широкие связи в Варшаве, в ряде других европейских столиц.

Начиная с 1688 года, в Москву из Малороссии стали поступать доносы о том, что гетман ведёт тайные переговоры со Швецией и Речью Посполитой. Царь считал такие письма клеветой на верного ему человека и переправлял их в Батурин. Авторов таких предупреждений об антимосковской подоплёке тайных переговоров Ивана Мазепы ожидала только казнь.

Малороссийский правитель неоднократно получал от боярской Москвы действительно царские награды. Среди них был

орден Святого апостола Андрея Первозванного. Мазепа стал вторым человеком в истории, награждённым этой высшей орденской наградой старой России в 1700 году. После измены гетмана Пётр I издаст указ о лишении уже бывшего гетмана ордена.

Стремившийся не только к личной власти, но и к богатству, Мазепа к концу своей гетманской карьеры стал одним из богатейших людей в Европе. Ему принадлежало свыше 100 тысяч крестьян на Украине и свыше 20 тысяч в России. Пётр I сделал ему немало даров «за верность» тысячами крепостных душ.

…Ивану Мазепе приходилось защищать свой пост не только от «доброжелателей Москвы», но и от самозванцев. В 1692–1695 годах ему пришлось воевать против отрядов «ханского гетманчика» Петрика. Это был авантюрист, претензии которого на украинское гетманство поддержал правитель Крымского ханства. В итоге четырёх лет междоусобной борьбы неудачливый Петрик был разбит.

Во время петровских Азовских походов 1695 и 1696 годов мазепинские полки входили в состав сил боярина Б. П. Шереметева. В 1697–1698 годах вместе с русскими войсками малороссийские казаки ходили на турецкую крепость Очаков.

С началом Северной войны 1700–1721 годов гетман И. С. Мазепа по царскому повелению обеспечивал содержание гарнизонов и фортификационные работы в крепостях Левобережной и Правобережной Украины. Его полки действовали на вспомогательных театрах военных действий: под Псковом, на Волыни, в Галиции и Белоруссии.

Известный своей хитростью Мазепа решил сделать ставку на шведского короля Карла XII, решив, что его королевству уже обеспечена победа над Москвой и армией царя Петра I. В 1705–1707 годах гетман вёл тайные переговоры с находившимся в полной зависимости от Швеции польским королём Станиславом Лещинским. Речь шла о переходе Украины снова под власть Речи Посполитой.

…25 октября 1708 года Мазепа под предлогом присоединения к русской армии перешёл с несколькими тысячами казаков через реку Десну в расположение королевской армии. Но через самое короткое время малороссийские казаки, поняв, что гетман изменил России, стали оставлять лагерь шведской армии. В итоге у Ивана Мазепы, обещавшего привести к Карлу XII всё украинское казачество, осталось всего тысячи полторы людей. Это были запорожцы, казацкая старшина, пеший полк сердюков — личной гетманской охраны. Все остальные полки украинского казачества подтвердили верность русскому

государю. Так изменивший клятве «лях» Мазепа лишился поддержки малороссиян — казачества, крестьянства и горожан.

Получив известие об измене Ивана Мазепы, царь Пётр I сперва не хотел этому верить. Но когда весть подтвердилась, он приказал кавалерийскому генералу А. Д. Меншикову совершить набег на гетманскую ставку крепость Батурин и уничтожить все собранные в ней запасы провианта и огневых припасов. Стало ясно, что всё собранное там предназначалось для шведов.

Меншиков с драгунской кавалерией подступил к Батурину и взял его приступом. Мазепинская резиденция — «гнездо измены» Батурин — была сожжена.

В ноябре 1708 года в городе Глухове Пётр I произвёл ритуал заочного отрешения Мазепы от гетманства. Одновременно он отрешался от православной церкви. Помимо этого изменник заочно награждался специально учреждённым по такому случаю орденом Иуды. Новым малороссийским гетманом был избран полковник Скоропадский.

Мазепа понял, что совершил стратегическую ошибку, и попытался её исправить, надеясь получив прощение (а с ним и всё потерянное — власть, богатство) от русского царя. Однако тот отказался вступить в переговоры о возвращении в подданство Москвы, решительно отвергнув поступившее к нему предложение.

Высказывал недоверие к переметнувшемуся на его сторону гетману Ивану Мазепе и король Карл XII, армия которого очень нуждалась в провианте, боевых припасах и пополнении. Но всё же он дал гетману, боявшемуся за свою жизнь, личную охрану из шведских солдат. Теперь не сердюки, а они стали телохранителями Мазепы.

После разгрома королевской армии в Полтавской битве 1709 года и капитуляции её остатков на днепровских переправах у Переволочны Мазепа бежал вместе с Карлом XII в турецкие пределы. Он кончил свою жизнь в том же году в османской крепости Бендеры.

Димитрий Ростовский (1651–1709)

Украинский казак. Митрополит Ростовский и Ярославский. Канонизирован Русской православной церковью

Родился в местечке Макарово близ Киева. Происходил из семьи реестровых украинских казаков. В миру назывался Даниил Саввич Туптало (Тупталенко). Будучи одарённым с детства, в десятилетнем возрасте был отдан на учёбу в известную тогда Киево-Могилянскую коллегию, в которой с отличием прошёл трёхгодичный (1662–1665) курс наук.

В монахи Даниил Туптало постригся в 1668 году, когда ему шёл семнадцатый год. Его учёность, стремление познать церковные таинства и прилежание позволили казацкому сыну уже в следующем году стать иеродиаконом. С 1675 года — иеромонах.

В 1677 году он проповедует на территории Речи Посполитой — в православных храмах городов Слуцка, Вильно, Новодворского монастыря. Становится известным в церковных кругах человеком, продолжая много работать над собой. В 1679 году поселяется в Чернигове, который был в то время одной из полковых столиц украинского реестрового казачества.

В 1681–1700 годах Димитрий Ростовский исполняет должность игумена в монастырях Батурина (гетманской ставки), Глухова, Киева, Чернигова и Новгород-Северского. С 1689 года состоял в свите гетмана И. С. Мазепы, впервые побывав в её составе в Москве и оставшись там.

…Свою церковно-литературную деятельность, очень плодовитую, будущий Димитрий Ростовский начал в 1684 году. Тогда он, как человек учёный, по поручению архимандрита Варлаама Ясинского продолжил составление сборников житий святых «Четьи минеи», ставших в итоге его главным жизненным трудом. При его жизни жития святых издавались четыре раза (!): в 1689, 1695, 1700 и 1705 годах. Для той эпохи это был редчайший случай тиражирования как духовных, так и светских книг.

В 1694-м написал известное литературное произведение «Сказание о прославлении в Казани святых девяти мучеников Кизичевских», давшее автору большую известность. Был он хорошо известен уже в ту пору и царям-соправителям Ивану и Петру Алексеевичам Романовым, правительнице, старшей сестре

братьев Софье Алексеевне, которая сама слыла известной сочинительницей стихов.

В том же году Димитрий становится архимандритом черниговского Кирилловского монастыря, с 1697 года — его игуменом.

Митрополитом сын реестрового казака с Киевщины стал в 1701 году. По рекомендации царя Петра I он был поставлен митрополитом Сибирским, но из-за болезни задержался в Москве, так и не прибыв в город Тобольск, тогдашнюю сибирскую столицу. Подобающая его способностям должность нашлась уже скоро.

Димитрий стал митрополитом Ростовским и Ярославским, то есть одним из главных иерархов Русской православной церкви. Случилось это в следующем, 1702 году.

Деятельность Димитрия Ростовского была многогранной. В древнерусском городе Ростове он создал в том же 1702 году ахиерейскую школу, взяв за образец киевские учебные заведения. Для Московского государства это стало заметным событием.

Литературная деятельность митрополита Ростовского и Ярославского выглядела для современников впечатляющей. Его перу принадлежат такие сочинения религиозно-нравственного характера, как «Апология в утолении печали человека» и «Рассуждения об образе Божии и Подобии», а также много церковных проповедей.

Димитрий Ростовский был открытым и непримиримым противником старообрядчества (то есть раскольников, которые при Петре I и ещё долго после него сурово преследовались государством). В непримиримой борьбе со старообрядцами он составил полемическое сочинение «Розыск о раскольничей брынской вере».

Митрополит писал и драматические произведения, которые ставились в Ростовской архиерейской школе. В числе таких его произведений значатся «Комедия на Рождество Христово» (или «Рождественская драма»), «Комедия на Успение Богородицы» (или «Успенская драма»), ряд других подобных литературных произведений Петровской эпохи.

Был он также автором пастырских посланий, духовных песнопений, дневниковых записей и деловых документов. В конце жизни стал составлять «Летописец келейный», который завершить не успел.

Димитрий Ростовский отличался особым благочестием, скромностью, сострадательным отношением к больным, нищим, сирым и беззащитным. Это снискало ему глубокое уважение верующих. В своём духовном завещании митрополит писал такие

слова:

«С восемнадцатилетнего возраста до приближения моего к гробу я не собирал ничего, кроме книг, у меня не было ни золота, ни серебра, ни излишних одежд».

Видный церковный деятель и писатель начала XVIII столетия Димитрий Ростовский был похоронен в храме ростовского Спасо-Яковлевского монастыря.

Светлая память о нём в Российском государстве жила долго. В 1761–1763 годах на казачьей земле, в устье Дона, на месте Темерницкой таможни, была построена приграничная крепость, названная в честь митрополита Димитрия Ростовского Ростовской крепостью. С 1796 она стала городом Ростовом-на-Дону, одним из крупнейших в современной Российской Федерации.

О значимости Димитрия Ростовского, выходца из казаков, для исторической памяти нашего Отечества свидетельствует такой показательный факт. Его образ увековечен водной из бронзовых фигур на памятнике «Тысячелетие России» в Великом Новгороде, поставленный в древнем русском городе в 1862 году.

Митрополит Димитрий Ростовский был канонизирован Русской православной церковью.

Даниил (Данило) Павлович Апостол (1654–1734)

Миргородский полковник. Гетман Левобережной Украины

Молодые годы Данилы Апостола были полны военных тревог. Украинский реестровый казак участвовал в походах на турецкие пределы и во владения крымского хана. Он очень рано выдвинулся благодаря своим воинским талантам и организаторским способностям в казачьи старшины, став в 29 лет полковником Миргородского полка. Это случилось в 1683 году. Много раз отличался Даниил Апостол в отражении набегов конницы крымского хана.

Когда украинским гетманом стал И. С. Мазепа, миргородский полковник оказался к нему в оппозиции, которая была подавлена самыми жестокими способами. Чтобы избежать трагической участи В. Кочубея и Искры, Данило Апостол вынужден был играть роль гетманского «дружка». Близость к Мазепе сделала его одним из богатейших землевладельцев на Украине.

Во главе своих казаков он участвовал в крымских походах 1687 и 1689 годов под знамёнами фаворита правительницы Софьи Алексеевны — князя Василия Голицына. Отличался в тех походах в степных схватках с конницей крымских татар.

Участвовал Даниил Апостол в азовском походе молодого царя Петра I Алексеевича 1696 года. В том случае гетман Иван Мазепа назначил миргородского полковника походным атаманом украинского казачества.

С полками украинских казаков и русских войск Д. И. Апостол брал на берегах Нижнего Днепра крепость Кизы-Кермен, а на берегах Днепровско-Бугского лимана другую турецкую крепость — Очаков. Однако и ту и другую после заключения мира, пришлось вернуть туркам, хотя и с разрушенными укреплениями.

…С началом Северной войны 1700–1721 годов миргородский полковник Данило Апостол доблестно сражался в рядах царской армии. В 1701 году он отличается в битве со шведами у Эрестфера в Ливонии. Это была первая крупная победа молодой петровской регулярной армии в той большой войне за выход России в Балтийское море.

При Эрестфере русские войска под умелым командованием

генерал-фельдмаршала Шереметева разбили шведский корпус генерала Шлиппенбаха. В дальнейшем казаки занимались «разорением большого рижского пути». Ливонский поход прославил полковника из Миргорода, города, в будущем воспетого писателем Гоголем.

С 1703 года во главе трёх тысяч украинских казаков Даниил Апостол воевал на польской территории. В 1705 году под Варшавой разбил крупный отряд сторонников шведского короля из числа польской шляхты. Царь Пётр I не раз отмечал доблесть Апостола на той войне в своих письмах и дневниковых записях.

Данило Апостол вместе с Мазепой изменил царю Петру Алексеевичу, но уже через три недели оставил вражеский стан и вернулся назад с повинной. Он был прощён, и в дальнейшем Пётр I Романов называл миргородского полковника «великим неприятелем» изменника и теперь уже бывшего гетмана Ивана Мазепы.

Миргородские казаки во главе со своим полковником участвовали в генеральной баталии Северной войны — в Полтавской битве 1709 года. Вместе с Петром I Данило Апостол ходил в неудачный Прутский поход 1711 года.

Известно, что Пётр Великий более чем благосклонно относился к Апостолу, отмечая каждый его успех на войне со Шведским королевством. Так, в 1710 году, уже после Полтавской виктории, он пожаловал казачьего полковника значительными земельными наделами на территории Миргородского и Черниговского полков. Это была награда за участие в боях со шведами и в разгроме остатков приверженцев низложенного гетмана Мазепы, бежавшего с небольшим числом верных ему людей во владения турецкого султана.

…Когда после победного окончания Северной войны император Пётр Великий начал свой Каспийский (или Дербентский) поход 1722 года, полковник Апостол во главе отряда из десяти тысяч казаков принял в нём участие. Самодержец наградил тогда Даниила Ивановича своим драгоценным портретом с бриллиантами, для ношения на груди.

В том походе вдоль кавказских берегов Каспийского моря на юг, в персидские пределы Апостол известен ещё и тем, что по императорскому повелению занимался закладкой на реке Сулак в предгорьях дагестанского Кавказа пограничной крепости Святой Крест.

Однако вскоре отношения миргородского полковника со всероссийским самодержцем испортились. После ареста гетмана П. Л. Полуботка он тоже был взят под стражу и заточён в Петропавловскую крепость.

Из столичной крепости Святых Петра и Павла Данилу Апостола выпустила воцарившаяся Екатерина I. Но из-за опасности «смут» на Левобережной Украине императрица приказала герою Шведской войны проживать в новой северной столице России, в Санкт-Петербурге.

На Украину ему разрешили вернуться только спустя год, в 1726 году, при условии оставления в городе на Неве заложником своего сына Петра. Впрочем, государыня Екатерина высоко ценила достоинства Апостола, наградив его орденом Святого Александра Невского.

…В 1727 году украинская казачья старшина на Верховной раде, проходившей в городе Глухове, избрала Даниила Ивановича Апостола гетманом Левобережной Украины. Правда, власть его была ограничена и находилась под контролем резидента, назначенного из Санкт-Петербурга.

Как левобережный гетман, Апостол сделал многое из того, что ему можно поставить в заслугу. Чтобы усилить значимость малороссийского казачества в военной системе России, он добился сокращения русских кавалерийских полков на Левобережной Украине до шести. Обязанности ушедших полков взяло на себя гетманское казачество.

Он добился прощения вернувшихся в Россию казаков Сечи Алёшковской. Это были запорожцы, которые после ликвидации в 1709 году царём Петром I Сечи Запорожской основали Сечь через два года на месте греческого рыбацкого посёлка (в переводе известного как Алёший) при впадении реки Копка в Днепр (в ста километрах от современного города Херсона) на территории Крымского ханства.

В 1731 году алёшковские запорожцы вернулись на родину, и в 1734 году в устьях рек Базавлук и Подпольная (близ современного города Никополя) основали Сечь Новую. Они обратились к гетману Данило Апостолу с просьбой о ходатайстве перед Санкт-Петербургом о помиловании за «прошлые грехи». Тот данное им слово исполнил.

В 1731–1733 годах Даниил Иванович для строительства Украинской укреплённой линии прислал от всех малороссийских полков 20 тысяч казаков и посполитых крестьян. Линия с её полевыми фортификационными сооружениями предназначалась для защиты российского Юга от опустошительных набегов конницы крымского хана.

…Гетман Левобережной Украины прославленный казак Д. И. Апостол немного не дожил до своего 80-летия. Он ушёл из жизни в селе Сорочинцы ныне Полтавской области Украины. После его смерти выборы гетманов в Малороссии были

запрещены.

Кондратий Афанасьевич Булавин (около 1660–1708)

Донской атаман. Предводитель казачье-крестьянского восстания в 1707–1708 годах

Донской казак Кондратий Булавин родился в станице Трёхизбянской на реке Айдар, в семье станичного атамана. Боевое крещение получил в степных походах против крымских татар и на Кубань. Образования не имел, отличался природным умом, сообразительностью и храбростью.

Он рано стал избираться казаками станицы Трёхизбянской походным атаманом. Будучи сам зажиточным казаком, много общался с голытьбой и «новоприхожими» на Дон, то есть с беглыми крестьянами, искавших для себя «воли».

В 1704 году войсковой атаман Илья Зерщиков назначил Булавина атаманом Бахмутских соляных промыслов. В те годы донцы старались отстоять Бахмут, на который предъявляли свои права местные помещики и малороссийские казаки Слободского Изюмского полка во главе со своим полковником Ф. В. Шидловским. Причём дело доходило до конфликтных ситуаций. Изюмцы хотели завладеть не только соляными варницами, но и местными сенокосными и лесными угодьями.

К этому делу был причастен гетман днепровских казаков Иван Мазепа, который до своей измены был в полном доверии у царя Петра I. Мазепа пытался завладеть Бахмутскими соляными промыслами: по его приказу были разорены городки донских казаков по речкам Бахмуту и Жеребцу. Однако на их защиту встал бахмутский атаман Булавин.

В октябре 1705 года государство ввело монополию на добычу и торговлю солью. Все солеварни по стране отходили к царской казне. В ответ на такое «решение сверху» донские казаки во главе Кондратием Булавиным захватили соляные варницы Бахмута и сожгли их. Атаман уже тогда объявил себя защитником простого люда: солеваров, беглых крестьян и холопов.

…Конфликтная обстановка на Дону быстро накалялась. 6 июля 1707 года царь Пётр I Алексеевич, озабоченный внутренним состоянием государства, которое вело тяжёлую Северную войну 1700–1721 годов против Швеции, отдал распоряжение о сыске на Дону беглых крестьян, осевших в донских станицах, и

возвращении их владельцам. Считается, что этот петровский указ стал началом непростой борьбы самодержца против вольного казачества за его полное подчинение государственной власти.

На Дону же выдавать беглых довольно единодушно не пожелали. Кондратий Булавин оказался во главе «возмутившегося» Шульгинского городка (станицы) на реке Айдаре. Тогда царь Пётр I отправил на Дон воинский отряд во главе с гвардейским майором князем Ю. В. Долгоруким, которому предписывалось начать там розыск «новопришлых» и перепись их с последующей отправкой назад. В литературе этот отряд часто называется карательным. В действительности же он такой задачи не имел.

В ответ отряд казачьей голытьбы и беглых под командованием Кондратия Булавина (около двухсот человек) в ночь на 9 октября 1707 года внезапно напал на «партию» петровских гвардейцев из Преображенского и Семёновского полков, в которой находился майор Долгорукий. Вся «партия» была истреблена, убит и сам князь Долгорукий. Было отбито три тысячи беглых.

На тихом Дону начался «всполох»: восстание быстро распространилось на казачьи городки верхнего течения Дона, где призыв Булавина взяться за оружие нашёл самый горячий отклик. Именно там, на притоках Дона — на реках Бузулук, Битюг, Айдар, Хопёр и Медведица — строили свои городки «новопришлые». Начали волноваться окрестные крестьянские уезды. Историк-белоэмигрант А. А. Гордеев писал в своей «Истории казаков»:

«Булавин… становился центром фанатично настроенной массы против московских порядков, но ни сам он, ни его действия у оседлого казачества симпатий не вызывали.

Оказавшись во главе недовольного элемента, Булавин встал на путь открытого мятежа против Москвы…»

Пётр I сразу понял всю опасность мятежа в Области Войска Донского в условиях идущей войны со Шведским королевством. На Дон были отправлены войска под общим командованием брата Ю. В. Долгорукого — полковника князя В. В. Долгорукого. Калмыцкая конница, которая шла на усиление действующей русской армии, была «перенацелена» на мятежников. Однако о возвращении домой из рядов петровской армии полков донских казаков речь тогда не шла.

Войсковой атаман Лукьян Максимов собрал отряды домовитых казаков и с помощью подоспевших калмыков в боях 17 и 18 октября нанёс у городка Закатного булавинцам поражение. Те частью были рассеяны, частью отступили на реку Миус.

Однако это поражение не «свернуло» восстания: оно,

наоборот, территориально стало разрастаться. Пытаясь найти себе союзников, Кондратий Булавин отправился в Запорожскую Сечь (часть историков считает это бегством). Вопреки приказу гетмана Ивана Мазепы выдать царским властям предводителя восставших донцов, более двух тысяч казачьей бедноты из запорожцев примкнула к нему.

…Булавин вернулся на Дон в марте 1708 года. Его отряд вступил в Пристанский городок на реке Хопёр, ставший центром восставших, число которых быстро достигло пяти тысяч человек, а к лету — двадцати тысяч повстанцев. К лету Булавинское восстание распространилось на Слободскую Украину, Поволжье, ряд центральных уездов Московского государства.

Собравшись с силами, в начале апреля Булавин двинулся на войсковую столицу Черкасск. Навстречу ему во главе трёхтысячного отряда выступил донской атаман Л. М. Максимов. Стороны сошлись в двухдневном бою на реке Лисковатке у Паншина городка 8–9 апреля. Максимов был разбит и со старшиной бежал в Черкасск, бывшие под его началом рядовые донцы перешли на сторону булавинцев.

Встречаемый по пути во всех станицах с хлебом и солью, Кондратий Булавин 28 апреля подошёл к войсковой станице, завязав переговоры с войсковым начальством. 1 мая в Черкасске вспыхнуло восстание, и булавинцы заняли город почти без боя. Войсковой атаман Лукьян Максимов и приближённые к нему пять старшин были схвачены и казнены. Часть домовитых казаков укрылась в азовской крепости.

9 мая на войсковом круге Кондратий Афанасьевич Булавин был избран атаманом Превеликого Войска Донского. Царская казна, захваченная в Черкасске, была разделена между восставшими.

На посту войскового атамана Булавин развил бурную дипломатическую деятельность, начав налаживать связи с Запорожьем, калмыками и Ногайской ордой, которая являлась частью Крымского ханства, вассала турецкого султана.

Булавинское восстание выражало стремления казачества сохранить исторические вольности Дона. Одновременно оно явилось выступлением казацкой бедноты против зажиточных (домовитых) казаков, которые Дон «предали боярам» и нарушили старинный обычай — «с Дона выдачи нет».

Кондратий Булавин, став атаманом, стал выступать за государственную независимость донского казачества. Он даже отправил государю Петру I письмо с обоснованием требований к нему восставших, прежде всего восстановления на Дону прежних вольностей. Самодержец, естественно, на такое письмо ответа не

дал, да и не думал давать.

Тем временем царское карательное войско под командованием князя В. В. Долгорукого приближалось к границам Войска Донского. Основу его составляла поместная дворянская конница (свыше 33 тысяч человек). Она не показала себя в начале Северной войны со шведами, но расформирована не была. Теперь для неё нашлось «серьёзное государево дело»: Пётр I требовал не миловать, а карать мятежников.

К тому времени Булавин, пытаясь расширить зону восстания, раздробил свои немалые силы. На Волгу он отравил отряды И. Ф. Некрасова, И. Павлова и И. Л. Хохлача. 13 мая они захватили город Дмитриевск (ныне Камышин). После этой победы булавинцы 26 мая подступили к Саратову, осадили город, но овладеть им не смогли. От Саратова они двинулись к Царицыну (ныне Волгограду), который взяли 7 июня.

Одновременно на Северский Донец и Слободскую Украину отправились отряды С. А. Драного, Н. Голого и С. Беспалого. 8 июня эти отряды в бою наголову разгромили Сумской полк. На этом их боевые успехи закончились.

Главные же силы восставших атаман Кондратий Булавин направил под Азовскую крепость, где затворились солдаты царского гарнизона и бежавшая туда казацкая старшина. Взять Азов приступом булавинцы не могли, а на длительную осаду у них уже не было времени.

Раздробление сил повстанческого войска оказалось для Булавина непростительной, смертельной ошибкой. В донской столице городе Черкасске у него оставалось совсем немного сил. Стянуть же воедино разосланные отряды он уже не успел.

Когда отряды Драного и Беспалого попытались захватить местечко Гор, их атаки были отбиты. 2 июня в урочище Кривая Лука на Северском Донце состоялся ожесточённый многочасовой бой с подошедшим авангардом войска князя В. В. Долгорукова силой в пехотную бригаду и два полка конницы. Восставшие потерпели полное поражение, а атаман Драный убит. Находившиеся в его отряде беглые люди попытались было укрыться в Бахмуте, но были истреблены там слободскими казаками.

Попытка булавинцев выиграть бой под стенами Азовской крепости закончилась 5 июля полной неудачей. Ею не замедлили воспользоваться домовитые казаки, которые вынужденно «примкнули» к восстанию. Среди них был составлен заговор против войскового атамана во главе со старшиной Иваном Зерщиковым.

7 июля в Черкасск возвратились казаки, ходившие под Азов.

Они стали упрекать атамана в том, что он повинен в их поражении под азовскими крепостными стенами. Этой «смутой» воспользовались заговорщики, которые осадили дом (курень) Булавина, стремясь его захватить, чтобы выдать царским властям. В Черкасске тогда не нашлось людей, которые встали бы на защиту своего предводителя. Его дом даже обстреляли пушечными ядрами.

Кондратий Булавин оказал вооружённое сопротивление нападавшим. По одной версии, он, не желая сдаваться врагам живым, застрелился у себя в доме из пистолета. По другой версии, был убит ворвавшимся к нему в дом есаулом Ананьиным.

…27 июля 1708 года войско князя В. В. Долгорукова вступило в Черкасск. Начались аресты восставших, следствие над ними. 3 августа состоялась казнь наиболее деятельных булавинцев. Полуистлевший труп донского атамана был разрублен на куски и его части нанизаны на колья. 48 участников восстания были повешены.

После гибели Кондратия Булавина восстание быстро пошло на убыль. Но окончательно оно было подавлено царскими властями силой оружия лишь в начале следующего, 1709 года. В числе последних были разбиты отряды Никиты Голого и Моноцкова. Считается, что при ликвидации «возмущения» было казнено 17 тысяч восставших. Большое число казачьих городков на Верхнем Дону подлежало уничтожению. Вниз по Дону для устрашения спускались виселицы, установленные на плотах.

Проводя «умиротворение» Дона, царь Пётр I отказался от предложений оставить в его столице Черкасске армейский гарнизон. Солдатский полк был оставлен в Азовской крепости. Старшина Иван Зерщиков, деятельно помогавший князю В. В. Долгорукову «искоренять крамолу», не смог избежать наказания за участие в Булавинском восстании. Вина его была доказана следствием, он был отправлен в Москву и там казнён в числе других «главарей бунтовщиков».

В отечественной истории Булавинское восстание во многом схоже с крестьянскими войнами под предводительством Ивана Болотникова, Степана Разина и Емельяна Пугачёва. Но ни в одном из них казачество, в данном случае донское, не играло такой определяющей роли.

Игнат Фёдорович Некрасов (Некрас) (около 1660 — около 1737)

Предводитель казаков-некрасовцев. Один из ближайших сподвижников К. А. Булавина

Одна из самых легендарных личностей в истории русского казачества Игнат Некрасов родился на Дону в старинной станице Глубинской. Боевое крещение получил в походах донских казаков, став в их среде авторитетным вожаком. Был избран атаманом станицы Есауловской.

Во время Булавинского восстания 1707–1709 годов Некрасов принял в нём самое деятельное участие, став правой рукой Кондрата Булавина, избранного войсковым атаманом. В мае 1708 года он во главе отдельного отряда казачьей голытьбы выступил из донской столицы Черкасска (ныне станица Старочеркасская) на Хопёр, по пути присоединяя к себе восставших.

С берегов Хопра (Верхнего Дона) отряд (примерно пять тысяч человек) Игната Некрасова выступил на Волгу, где намечалось создать новые очаги восстания. Повстанцы с 20 по 30 мая безуспешно осаждали крупный укреплённый город Саратов, так и не сумев его взять.

После этой неудачи Некрасов двинулся вдоль волжских берегов на юг и подступил к Царицыну. Булавинцы взяли город 7 июня. Это был один из последних их успехов. Историк-белоэмигрант А. А. Гордеев так описывает события Булавинского восстания при его завершении:

«…После понесённых поражений мятежники собирались в других местах и продолжали своё дело. Наиболее значительная часть образовалась вокруг Некрасова в станице Есауловской. Другая крупная часть с Хохлачём — в Паншине на Иловле. Этот отряд двинулся на Волгу, занял городок Дмитриевский, офицеров и бургомистра убили.

7 июня мятежники в составе 3000 человек появились у Царицына, заняли его и оставались в нём до 20 июля, откуда их выбили полки, присланные из Астрахани.

Для очистки Волги от восставших был двинут отряд под начальством (князя) Хованского, и при его движении восставшие стали разбегаться и присоединяться к отряду Некрасова, направлявшегося к Саратову.

У Саратова Некрасов потерпел поражение и, получив сведения о неудачах других мятежных отрядов, с 7000 мятежников бежал на Кубань, где и отдался под покровительство крымского хана. Отряд был поселён на Тамани, где соединился с раскольниками, бежавшими в 1688–1692 годах…»

…После гибели Булавина и разгрома крупных повстанческих отрядов его единомышленников С. А. Драного и Л. М. Хохлача более удачливый Игнат Некрасов оказался фактическим руководителем восстания. Он был избран повстанцами своим походным атаманом и продолжал борьбу на Верхнем Дону. Однако к концу августа 1708 года царские войска нанесли восставшим окончательное поражение. Булавинцы, не сложившие оружия, оказались рассеянными.

Некрасову удалось сохранить свои главные силы от неизбежного разгрома. Но при попытке соединиться с атаманом Н. Голым двухтысячный некрасовский отряд у казачьего города Есаулов (станица Есауловская) столкнулся с большим отрядом полковника князя В. В. Долгорукова. Боя с ним Игнат Некрасов благоразумно принимать не стал.

Уклонившись от боя, Некрасов с несколькими сотнями семей донских казаков ушёл через степь на Кубань. По одним данным, беглецов с тихого Дона набралось до трёх тысяч человек, по другим — восемь тысяч. По вероисповеданию подавляющее большинство из них были старообрядцами.

На Кубани некрасовские казаки создали своеобразную казачью республику. Атаман Игнат Некрасов сумел наладить отношения с крымским ханом и местным населением. Казаки основали на Тамани несколько городков вблизи берега Азовского моря. Оттуда Некрасов посылал на Дон воззвания о «продолжении восстания», а также «своих» людей для «заманивания» донцов на Кубань. На первых порах такие его действия в какой-то мере были успешными.

Сохраняя обособленность от других народов, некрасовцы совместно с турками и крымскими татарами участвовали в набегах на Дон и южные окраины России. Атаман Игнат Некрасов в таких делах сам командовал отрядами казачьей конницы, которые входили в состав войска крымского хана.

Точная дата смерти Игната Фёдоровича Некрасова, создавшего «казачье войско беглецов-старообрядцев» на Кубани, истории неизвестна. После себя он оставил своим последователям своеобразный свод социокультурных нормативов — «Заветы Игната».

…Споры по соблюдению «Заветов Игната» стали в середине XVIII столетия причиной раскола среди некрасовцев. Часть из них

переселилась с Кубани в Южную Добруджу, то есть на болгарскую землю. Последний массовый исход казаков-некрасовцев с Кубани произошёл в 1778 году, во время царствования Екатерины II Великой.

Основными местами расселения некрасовцев-старообрядцев стали Добруджа и турецкая Анатолия. Они полностью сохранили на чужбине свой язык, обычаи и традиции, отцовскую веру. В Россию некрасовцы возвратились несколькими «волнами»: в 1912 году, в 1920-х годах и в 1962 году.

Сегодня потомки приверженцев Игната Некрасова проживают в основном в Ставропольском крае, составляя население хуторов Старо-Некрасовский и Ново-Некрасовский.

Владимир Васильевич Атласов (около 1663–1711)

Якутский казачий голова. Первопроходец Камчатки

Точная дата рождения отважного землепроходца, составившего первое описание Камчатки, истории неизвестна. Родом он происходил из устюжских крестьян, которые переселились в Сибирь в середине XVII столетия. Там Атласовы стали и казаками, и землепроходцами.

Известно, что с 1672 года Владимир Атласов служил в Иркутске рядовым казаком. До 1689 года он вместе с другими якутскими казаками неоднократно бывал в «дальних заморских службах». Или, иначе говоря, по указам якутских воевод занимался сбором ясака (прежде всего мехами) с коренного населения в бассейнах рек Алдан, Уда, Тагир, Амгунь и дальше — по рекам Индигирка, Колыма, Анадырь.

Атласов характеризовался современниками как человек большой силы воли, предприимчивый и любознательный, смелый и жестокий. Всё это позволило ему дослужиться до казачьего начальника: в 1695 году он назначается в якутском казачестве пятидесятником и одновременно «прикащиком» в Анадырский острог.

Там он в течение двух лет собирал сведения о землях, которые лежали южнее Чукотки, прежде всего о реке Камчатке. Она была ещё в 1667 году нанесена на «Чертёж Сибирской земли». То есть Владимира Атласова манили новые «ясачные землицы», которых в XVII веке на юге Сибири и Дальнем Востоке было хоть отбавляй.

Казачий пятидесятник действовал предусмотрительно. Сперва он в 1696 году отправил из Анадырского острога на разведку из своих подчинённых смельчака-землепроходца — казака Луку Морозко. Ему был дан отряд из шестнадцати казаков, нескольких промышленников и сорока юкагиров, чтобы принять в российское подданство население на берегах реки Камчатка и взять с них ясак.

Отряд Луки Морозко прошёл по западному берегу Камчатского полуострова, но до самой реки Камчатка не дошёл «из-за малолюдства служилых людей». Морозко о многом рассказал своему пятидесятнику, вернувшись в Анадырский

острог.

Атласов известил о том якутского воеводу и, не откладывая дела на завтра, собрался в свой знаменитый Камчатский поход. Он был организован за его личный счёт (деньги были взяты в долг под большие проценты), поскольку царский воевода дал ему только общие указания о «прииске и призыве новых землиц», служилых людей и огнестрельное оружие с огневыми припасами.

В поход выступил отряд из 120 человек (60 русских, в основном казаков, и 60 юкагиров). Их собрали из гарнизонов Якутского и Анадырского острогов. Пятидесятник Владимир Атласов двинулся на юг из Анадыря вдоль побережья Охотского моря, то есть путём казака Луки Морозко, который стал теперь знающим проводником. Путь через Корякский хребет был проделан ими на оленях.

На реке Палане в отряде вспыхнул мятеж. Часть ясачных юкагиров составила заговор и внезапно напала на казаков. В ходе схватки восемь русских оказались убитыми и ранеными. Сам Атласов, оказавшийся в центре того события, получил шесть ран.

По пути следования хитростью или прямым насилием с местных жителей — коряков-олюторцев — собирался ясак. Вглубь полуострова землепроходцы (теперь их оставалось менее 60 человек) двинулись вдоль берега реки Тагиль. Затем они стали спускаться по найденной реке Крестовой (ныне Каннуч) к реке Камчатке (на «чертеже» она была показана предположительно) на стругах, изготовленных своими руками.

Это было уже серьёзное географическое открытие при исследовании «сибирской землицы». В устье реки Крестовой Атласов распорядился поставить деревянный крест с надписью:

«В 205 году (то есть 1697 году. — *А. Ш.*) июля 18 дня поставил сей Крест пятидесятник Володимер Атласов сотоварищи».

К большому удивлению землепроходцев, долина реки Камчатки оказалась для Сибири довольно густо заселённой. В ряде мест встречались поселения по 200–300 юрт. Казачий пятидесятник, как и ранее, «призывал» живших здесь камчадалов «под высокую государеву руку». Успеху похода способствовало одно немаловажное обстоятельство:

«Туземцы, жившие по среднему течению Камчатки, добровольно покорились Атласову, согласились платить ясак и просили у него помощи против своих сородичей, живших по нижнему течению реки».

После столь значимого успеха, то есть присоединения к Московскому царству камчадалов, живших на среднем течении реки Камчатки, и взятия с них ясака, поход едва не прервался.

Это описывается так:

«…После трёхдневного движения вниз по Камчатке, Атласов решил вернуться, так как получил сведения о подготовлявшейся измене оленных коряков: они уже украли у него оленей, оставленным им между (реками) Тагилом и Крестовой. Атласов погнался за коряками, настиг их уже почти у самого моря и отнял оленей после боя, в котором погибло до 150 коряков…»

Только после этого Атласов продолжил движение по течению реки Камчатки. На реке Иче было основано зимовье. Там служилые люди потребовали от своего начальника возвращения назад, говоря ему:

«Пороху и свинцу нет, служить не с чем…»

Владимиру Атласову пришлось подчиниться, поскольку в противном случае отряд мог взбунтоваться и выйти у него из подчинения. В Анадырский острог он вернулся в первых числах июля с пятнадцатью русскими служилыми людьми и четырьмя юкагирами. Несмотря на большие людские потери, первый Камчатский поход закончился большой удачей.

…В 1700 году казачий пятидесятник прибыл с собранным ясаком в город Якутск, а оттуда был отправлен воеводой в далёкую Москву с грузом ясачной пушнины (в основном соболей) на огромную по тому времени сумму около 560 рублей серебром.

В московском Сибирском приказе первопроходца приняли с ожидаемым почётом. Помимо ясака он представил подробные сведения о Камчатке, описание её природы и населения, некоторые сведения о Курильских островах и Японии. Последние были взяты отчасти у японца, потерпевшего в штормовом море кораблекрушение, выброшенного на незнакомый берег и жившего среди камчадалов.

С Владимиром Атласовым лично беседовал молодой царь Пётр I Алексеевич, любознательный до всего «вьюноша». Казачий пятидесятник за сделанные им географические открытия был щедро награждён деньгами и товарами на общую сумму в 200 рублей.

Но это были ещё не все оказанные ему почести. 17 февраля 1701 года Владимир Васильевич Атласов назначается якутским казачьим головой. В царском указе о том говорилось следующее:

«…Быть в Якутске казачьим головой… с годовым окладом в 10 рублей, 7 четвертями ржи и овса, и 3 пудами соли».

Сибирский приказ повелел Атласову и якутскому воеводе организовать ещё одну экспедицию на «перспективную ясачными землицами» Камчатку. Впрочем, это было и желанием нового якутского казачьего головы, поэтому он охотно согласился на все сделанные ему в Москве предложения. Владимир Атласов, со

своей стороны, предлагал:

«…Набрать 100 служилых людей, в том числе барабанщика да сиповщика (то есть двух музыкантов. — *А. Ш.*), отпустить ему полковое знамя, 100 добрых пищалей, 4 медных пушечки (в 3–4 пуда), 500 железных ядер, 10 пудов пороха, 5 пудов фитиля и 10 пудов свинца».

Сверх всего этого в Сибирском приказе ему было отпущено «на подарки» камчатским инородцам разных, разумеется, не самых дорогих товаров.

Второй Камчатский поход состоялся с большим опозданием по вине самого Атласова. Дело состояло в следующем. Его на обратном пути уличили вместе с набранными им для экспедиции казаками в разбойном деле. На реке Ангаре в конце августа 1701 года им повстречалось судно (дощаник) купца («гостя») Добрынина. Люди Атласова напали на него и отобрали силой китайских шёлковых материй на огромную сумму в 16 тысяч 662 рубля. При этом купеческого приказчика казаки едва не «посадили в воду», то есть не утопили. Китайские шёлковые материи Атласов щедрой рукой разделил между своими путниками.

Завелось громкое уголовное дело о разбое на большой речной дороге. «Володимер в грабленых животах (имуществах. — *А. Ш.*) запирался» и потому был посажен царским воеводой в Якутске в тюрьму. После пытки у него было отобрано награбленное, а самого Атласова посадили «за караул», где и сидел он долго, до конца 1706 года.

Вышел Владимир Атласов на свободу по такому случаю. В конце того 1706 года положение на Камчатке стало для якутского воеводы самым неблагоприятным. Коряки взбунтовались и убили двух «прикащиков», собиравших с них ясак. Вслед за коряками «возмутились» камчадалы: они сожгли Большерецкий острог и уничтожили весь его гарнизон, состоявший из пятнадцати казаков.

Якутский воевода осознал, что только такой человек, как казачий голова Атласов, может усмирить бунт на Камчатке и довершить покорение огромного полуострова. Владимира Атласова выпустили из острожной тюрьмы и возвратили ему все права, то есть должность, которую он получил в первопрестольной Москве, в Сибирском приказе.

В июле 1707 года якутский казачий голова вновь появился на Камчатке в сопровождении отряда из сотни служилых людей. Камчадалы и коряки, которым жестокость и решительность Атласова была уже известна, быстро покорились ему. Однако его подвело то, что такую же жестокость и корыстолюбие он проявлял

и к своим казакам, доведя их до мятежа.

Атласова схватили казаки и посадили в Верхне-Камчатский острог. Ему вскоре удалось бежать оттуда, но он был опять схвачен своими же людьми и посажен уже в Нижне-Камчатский острог, в котором был убит 1 февраля 1711 года.

…В «Военной энциклопедии» И. Д. Сытина казаку-первопроходцу Камчатки Владимиру Васильевичу Атласову посвящены такие строки:

«…Атласов отличался безмерной энергией и необычайной силой воли. Всю свою жизнь он провёл в походах, путешествиях, столкновениях, опасностях, увлекаемый и своей природой авантюриста, и ненасытной жаждой приобретения…»

К этому следует добавить, что он оставил потомству две «скаски» о Камчатке, в которых даются довольно обширные понятия о географии, этнографии, животном и растительном мире Камчатского полуострова.

Иван Матвеевич Краснощёков (около 1672–1742)

Бригадир. Герой степных походов донского казачества и Русско-шведской войны 1741–1743 годов

В числе самых славных атаманских имён казачьих войск государства Российского значится Фёдор Иванович Краснощёков. Его имя в своё время гремело в войнах, которые вели императрицы Анна Иоанновна (Ивановна) и Елизавета Петровна — «дщерь» Петра Великого. Немногие вожди казачества могут сравниться с ним по числу песен, сложенных в его честь и посвящённых его памяти.

Фёдору Краснощёкову было на роду написано стать продолжателем славных ратных дел своего отца — походного атамана донцов в бригадирском чине Ивана Матвеевича Краснощёкова. В истории Дона тот являлся уникальным человеком, который, как казалось современникам, был рождён для бранных подвигов. Он прожил, «сидя на коне», действительно долгую жизнь: пули шведских стрелков оборвали его жизнь, когда ему шёл уже восьмой десяток лет.

Иван Краснощёков смолоду участвовал в набегах на соседние с Доном земли крымских татар, ногайцев и закубанских горцев. Он принимал самое деятельное участие в степных войнах, которые кроваво «кипели» не одно столетие в донских и кубанских степях. Или, иначе говоря, был прирождённым порубежным стражником южных границ России, рано став водить за собой в походы полки донских казаков.

В такие походы то в степь, то на Кубань за охотничьей и военной добычей Иван Краснощёков начал ходить лет с пятнадцати. Он рано сел на коня и стал на редкость метким стрелком. В одном из таких «гулебных» походов был ранен в ногу. Поскольку лечить его было некому, да и некогда, хромота осталась на всю жизнь. За это горцы прозвали его «Аксак», то есть «хромой».

Поразительно то, что ещё при жизни удалого казака Ивана Краснощёкова о нём стали складывать на Дону песни, судьба которых оказалась удивительно долгой. В казачьих песнях рассказывалось, например:

Между Кум-рекою, между Тереком ходил-гулял млад Донской казак…
Млад охотничек, за плечьми носил пищаль-турку, винтовочку…
Вместо целика у неё брильянт-камень, на винтовочке написано, как
напечатано, что Иван ли сударь Краснощёков сын…
Он и шёл-то не стёжкою и не дорожкою, а всё тропинкою, да звериною…

Казачьи предания, к примеру, рассказывали о таком поступке донского героя. Одним из подвигов Ивана Краснощёкова стал рыцарский поединок с черкесским богатырём Овчаром. Поединок закончился гибелью противника казака-удальца. Наградой победителю стал «чудо-конь» побеждённого поединщика. Так на Дону появилась «овчарная» порода лошадей.

…Пётр Великий благоволил к Ивану Краснощёкову, испытанному казачьему предводителю, служившему царю верой и правдой. Поэтому, собираясь в свой Персидский (или Каспийский) поход, государь назначил его походным атаманом донских казаков и калмыков, то есть лёгкой конницы экспедиционных войск.

Ещё на подходе к «железным воротам Кавказа», древнему городу-крепости Дербенту, 19 августа 1722 года конница атамана Ивана Краснощёкова имела дело с войском горского правителя «султана» Махмуда (Шевкала Тарковского). Донцы вели огневой и лучный бой и одержали победу.

После Дербента Краснощёков всё с теми же тысячей донцов и четырьмя тысячами калмыков совершил набег на владения Оттемишского султана и тоже нанёс ему поражение. После того как в 1723 году император Пётр I заключил выгодный для России мирный договор с шахской Персией, он пожаловал донцам, бывшим с ним в Каспийском походе, 26 с половиной тысяч рублей в награду.

Каспийский поход Петра Великого в отечественной истории связан с одной примечательной страницей. Покидая Северный Кавказ, государь повелел построить крепость Святого Креста на левом берегу реки Койсу. Для несения гарнизонной службы в ней и пограничной стражи в её окрестностях было приказано переселить туда одну тысячу семей донских казаков.

Весной 1723 года донские казаки на кругу единодушно избрали Ивана Краснощёкова своим войсковым атаманом вместо умершего Василия Фролова. Однако царь Пётр I Алексеевич,

ценивший и уважавший его, почему-то не утвердил его избрание.

Причины того точно не известны. Есть предположение, документально не подтверждённое, что в это время по Ивану Краснощёкову шло судебное разбирательство за то, что «во время Персидского похода казаки и калмыки обижали турок». Но суд оправдал походного атамана.

…В годы Северной войны полковой командир Иван Краснощёков, думается, доставил шведам немало беспокойства своей врождённой дерзостью и бесстрашием в налётах на неприятеля. Во время одного такого набега на стан королевских войск Краснощёков даже попал в плен. Там его допрашивал один из лучших военачальников короля-полководца Карла XII рижский губернатор генерал Левенгаупт.

Шведский плен и мужественное поведение в неволе казака, закованного в кандалы «свейского железа», только прославили донского военачальника, принеся его имени ещё большую популярность. После окончания Северной войны Краснощёков снова оказался на Дону, вновь начальствуя над казаками на самой южной границе России той эпохи. Можно утверждать, что мирных лет в его биографии набирается совсем немного.

Репутация удачливого, сметливого и бесстрашного удальца-гулебщика выдвинула Ивана Краснощёкова в первые ряды донского казачества. То есть на войне и иных военных предприятиях он был труднозаменимым начальником. В 1726 году он стал войсковым старшиной.

Бригадиром, обладателем этого «промежуточного» чина между полковником и генерал-майором, И. М. Краснощёков стал в 1740 году. Причём первым обладателем «чина бригадирского ранга» в Донском казачьем войске.

Популярность на Дону удалого Ивана Краснощёкова видится огромной. Поэтому совсем не случайно его, ещё в то время, когда он был просто полковником, в 1729 году донцы избрали своим походным атаманом, которым он оставался долгих тринадцать лет, до самой своей гибели. А в полковниках в Донском казачьем войске людей, «знатных» своими ратными делами, тогда ходило немало. И среди этой воинской плеяды Иван Матвеевич значился долгие годы на первых ролях.

Можно утверждать, что во второй четверти XVIII столетия образ молодецкого воина Ивана Краснощёкова стал своеобразным эталоном казачьей доблести, если не сказать большего.

Когда в 1736 году началась война между Россией и Оттоманской Портой, походным атаманом донского казачества стал Иван Краснощёков. Он взял с собой повзрослевшего сына Фёдора, которому тоже суждено было стать одним из песенных

героев тихого Дона. Донцы (три тысячи человек) оказались в числе тех войск генерал-фельдмаршала Бурхарда Миниха, которые 2 июня первого года войны взяли город-крепость Азов.

В конечном взятии Азова Краснощёков-старший не участвовал. Во главе пятитысячного казачьего отряда он был послан на усиление русской армии главнокомандующего графа Миниха, которая начала поход на собственно Крым. Войска двигались по приазовской степи огромным каре (четырёхугольником), который со всех сторон охранялся казачьими разъездами. Крымской коннице тогда так и не удалось нанести по ним неожиданный удар из засады.

Армия Миниха почти без потерь вошла в Крымский полуостров через Перекоп, заняв ханскую столицу Бахчисарай и Ак-Мечеть. Казаки в той операции действовали как армейский авангард. После этого, с наступлением зимы, русская армия вышла из Крыма и ушла на Украину, встав там на зимние квартиры.

Ханская конница в первую военную зиму совершила новый опустошительный набег на южные российские пределы. Взяв богатую добычу и многочисленный полон, предав огню немало селений, крымчаки двинулись к Перекопу. Полковнику Ивану Краснощёкову было приказано генерал-фельдмаршалом П. П. Ласси догнать ханское войско, нанести ему поражение и отбить полонянников. События те описывались так:

«Уже под вечер полковник Краснощёков собрал 2000 казаков и калмыков и бросился с ними в степь. Была поздняя осень с заморозками. Степь гудела под ударами конских копыт. Краснощёков вихрем летел по горячим следам татар. Почти без страха, останавливаясь только для корма лошадей, шёл донской полковник с казаками. 27 октября, перед рассветом, когда чуть стало видно, Краснощёков заметил в степи небольшой татарский отряд.

Татары шли вдоль хребта между речками Конские и Молочные Воды, по местности, называемой Волчий буерак. Краснощёков повёл свои полки полным ходом на татар. Сверкнули в лучах восходящего солнца острые шашки. 170 человек было изрублено в первый же миг столкновения, 30 человек Краснощёков взял в плен.

Их допросили, и они показали, что главная партия татар в 800 человек с тремя тысячами русских пленных ушла вперёд. Краснощёков тотчас же помчался за ними и в полдень настиг и этот отряд. Татары, увидевши казаков, бросили пленных и рассеялись по степи. Краснощёков с донцами преследовал их и порубил 300 человек, а 50 взял в плен. Вся добыча была отнята, и

пленные освобождены.

Краснощёков со своими лихими конными донцами вернулся в лагерь для зимнего отдыха…»

Когда началась Русско-шведская война 1741–1743 годов, бригадир Краснощёков, войсковой походный атаман, привёл в Финляндию полки донских казаков. Казаки сразу же начали доставлять шведской армии немало неприятностей, ведя зачастую войну в её тылах, среди лесов, озёр и болот. Краснощёков лично ходил в разведку, участвовал в опасных предприятиях. И почти сразу же стал «лично известен» неприятелю своей дерзостью, храбростью и предприимчивостью.

Краснощёков всегда рвался вперёд, словно не ведая опасности. 12 августа 1742 года, с небольшим отрядом (или, как тогда говорили, — партией) донцов он пошёл разведывать пути для наступающих вдоль побережья Финского залива русских войск. Дело было в Южной Финляндии, под Гельсингфорсом (ныне город Хельсинки, столица Финляндии).

Казачий отряд неожиданно для себя столкнулся с превосходящими силами шведов, то есть попал в умело поставленную на лесной дороге засаду. Завязалась перестрелка. Походный атаман в ходе боя отступать не пожелал, и его конь завяз в болоте. Шведские пехотинцы расстреляли всадника из ружей и уже тяжело раненного, лишённого возможности сопротивляться, атамана, которому было уже за 70 лет, взяли в плен. Он был узнан неприятелем.

О смерти бригадира Ивана Краснощёкова один из участников той войны сержант Савва Пархомов в своих мемуарных записках (опубликованных в «Костромской старине») рассказывал так:

«…И прошед наша армия вперёд версты четыре и виден был Гельсингфорс через залив и суда шведские, из которого места послан бригадир Краснощёков с казаками для проведывания дороги от Гельсингфорса к Абову, чтобы шведов не выпустить из Гельсингфорса.

Где и поехал в леса и болотами, маленькими дорожками, то от шведских солдат оной Краснощёков уйти не мог — в болоте лошадь увязла, и тут его солдаты ранили и взяли в полон и привезли его в Гельсингфорс к генералу Левенгаупту (однофамильцу генерала Левенгаупта, военачальника короля Карла XII. — *А. Ш.*).

Токмо уже от ран скоро он умре и мёртвое тело прислали к нам шестернёю и сыну его отдано…»

Однако своим пленением и гибелью походный атаман Войска Донского свою задачу на разведку пути от Гельсингфорса на Або выполнил. Обходная дорога стала его донцам известна, и русская

армия вышла на неё, тем самым отрезав шведские войска в Гельсингфорсе от портовых городов Западной Финляндии. Для той Русско-шведской войны это имело поистине стратегическое значение. То есть повлиявшее на исход самой войны.

Шведы теперь не могли вырваться из Гельсингфорса, поскольку Финский залив находился в руках корабельного и шхерного (гребного) флотов русской стороны. Запертые в Гельсингфорсе королевские войска после непродолжительного и не самого упорного сопротивления капитулировали 24 августа. После этого продолжение войны со стороны Швеции теряло всякий смысл: она лишилась лучшей части своей сухопутной армии.

…Обстоятельства пленения и смерти походного атамана Войска Донского вызвали немало толков ещё в ходе той войны. Поэтому в различных воспоминаниях и свидетельствах они толкуются по-разному, хотя суть их не меняется.

Так, сами шведы утверждали следующее. Их драгунский майор Шуман со своими солдатами загнал в болото узнанного атамана Краснощёкова, который в ходе боя оказался на отшибе от своих казаков, число которых было невелико. Шуман якобы приказал уже раненного тремя сабельными ударами и завязшего в трясине казачьего начальника застрелить. Думается, что бригадир, привычно шедший впереди небольшого передового казачьего отряда, просто попал в умело устроенную в лесу засаду.

По другой ходившей версии, бригадир Иван Краснощёков был просто убит королевскими драгунами (конными солдатами) в той неравной схватке на лесной дороге, проходившей по кромке непроходимого для конников болота, где им было сложно развернуться.

По третьей версии, шведы взяли тяжело раненного казачьего атамана ещё живым и, торжествуя, содрали с него кожу. Однако письменных подтверждений такой жестокости со стороны «королевских людей» нет.

Во всяком случае, гибель такого известного русского военачальника, каким действительно являлся походный атаман донцов, шведская сторона торжествовала как большую для себя победу. Об этом свидетельствует запись, найденная в одном финском псалтыре. Она рассказывала следующее:

«Считали не малым счастием, что полководец казаков Краснощёков во время перепалки со шведами лейб-драгунским майором Шуманом загнан в болото, где и умер. По мнению всех, он стоил бы нам дорого».

Действительно, на той войне атаман Иван Матвеевич Краснощёков наводил на шведов и финнов (служивших в

королевской армии) ужас как своей казачьей удалью и жестокостями, так и своей богатырской фигурой и огромной физической силой. И, как выразился один из современников, своим «диким видом».

Вид казачьего атамана со стороны действительно был «ужасен». Его бородатое лицо, не говоря уже о теле, было покрыто шрамами и рубцами от множества ран, полученных едва ли не за 60 лет ратной службы в самых разных делах с самыми разными противниками. К тому же он заметно хромал от полученного ранения в ногу, а на людей смотрел «свирепо».

Известие о гибели походного атамана Войска Донского в близком от театра войны столичном Санкт-Петербурге было встречено «с печалью». Таковым его восприняла только-только взошедшая на престол императрица Елизавета Петровна.

По просьбе главнокомандующего русской армии в Финляндии генерал-фельдмаршала Петра Петровича Ласси шведы выдали тело бригадира И. М. Краснощёкова. Оно было доставлено в столицу Донского казачьего войска город Черкасск сыном атамана полковником Фёдором Краснощёковым и похоронено там с подобающими воинскими почестями на кладбище Преображенской церкви.

…Та Русско-шведская война, которая стала последней для походного атамана Ивана Матвеевича Краснощёкова, вошла красной страницей в боевую летопись Донского казачьего войска. В 1744 году ему было пожаловано войсковое белое знамя. Надпись на нём гласила: «За подвиги в шведскую войну в 1741–1743 годах». Такие пожалованные знамёна являлись реликвиям и Войска Донского, и потому они в будущем хранились в войсковом соборе в казачьей столице городе Новочеркасске. Но это белое знамя неизменно называлось именем атамана Ивана Краснощёкова. Поскольку добыто оно было донцами под его походным предводительством.

Иван Петрович Козыревский (около 1680–1734)

Есаул сибирских казаков. Землепроходец. Один из первых исследователей Курильских островов

Пётр I Алексеевич, последний русский царь и первый всероссийский император, не зря прозван в отечественной истории Великим. Он не только ломал патриархальное Московское государство, вооружённой рукой «прорубал окно в Европу», создавал регулярную армию и флот, но и заботился о приращении к России, ставшей при нём европейской и морской державой, «неизведанных землиц» в том краю, где всходило солнце. И, естественно, думал о поиске новых морских путей-дорог на Востоке.

После того как первые русские землепроходцы — казаки и промышленники — появились на Камчатке, от местных жителей они получили сведения, что к югу от их земли в море лежат какие-то острова, и что на этих островах живут неизвестные им люди.

Об этом и доложил в Москве казачий пятидесятник Владимир Атласов, отправленный туда с отчётом об исследовании им в 1697 году Камчатского полуострова по его западному берегу. Приказчик Анадырского острога представил московским боярам нарисованный его рукой «чертёж» (карту) Камчатки и рассказал, что с берегов устья реки Голыгиной видел неизвестные острова:

«…На море видел как бы острова есть».

Казачий «голова» также поведал, что живёт там народ — бородатые «курилы» или «курильцы», то есть так прозванные русскими землепроходцами нынешние айны. Небольшое число представителей этого народа в наше время сохранилось только на северной оконечности японского острова Хоккайдо.

Лежащие к югу от Камчатки острова получили от русских людей название Курильских. Так они были прозваны за многочисленные постоянно дымящиеся на них вулканы. Впоследствии землепроходцы давали островам на вычерченных картах соответственно цифровые названия: Первый остров, Второй остров, Третий остров и так далее.

…Пётр I даже в ходе Северной войны 1700–1721 годов за отвоевание у Швеции древних новгородских земель — пятин, то

есть выхода в Балтику, не забывал и о землях сибирских. После сообщения от Владимира Атласова о Курильских островах царь-самодержец даёт повеление Сибирскому приказу (тогдашнему прообразу министерства) организовать несколько походов с целью изучения островов, обнаруженных к югу от Камчатки и получения сведений о Японии, которая должна была находиться там где-то южнее.

Известно, что Пётр Великий в 1702 году дал задание Боярской думе завязать с малоизвестной европейцам Японией добрососедские торговые отношения. При этом он не знал, что в Стране Восходящего Солнца ещё с 1639 года была законодательно запрещена торговля с иностранцами. Режим самоизоляции Японии просуществовал до середины XIX столетия.

Сибирский приказ распорядился следующим образом. По царскому «слову», якутскому воеводе было предписано организовать такие походы силами прежде всего местных (сибирских или якутских) казаков, поставив во главе экспедиций надёжных «казацких голов».

После Владимира Атласова из Якутска в Москву пришло новое подтверждение тому, что южнее Камчатки лежат неизведанные острова. Эту весть сообщил в 1702 году казак М. Наседкин, который явственно видел с мыса Лопатка сушу на юге.

Поскольку путь от Москвы до Якутска был далёк и долог, царские указы в земле Сибирской исполнялись с известным запозданием. Якутский воевода указ получил только в начале 1711 года. Он приказал двум испытанным землепроходцам — казачьему атаману Д. Я. Анциферову и есаулу Ивану Козыревскому «проведать» неизвестную островную землю, а для этой цели собрать отряд «охочих людей».

Экспедиция началась в августе того же 1711 года. Отряд для Сибири того времени смотрелся довольно многочисленным: он состоял из 33 человек, преимущественно казаков, вооружённых огненным боем. Большинство из них были опытными мореходами: умели строить суда, ходить на них по рекам и студёному морю. И, что не менее важно, способных переносить все тяжести походной жизни. Это были, как известно, люди отважные, бесстрашные.

Морской поход Анциферова и Козыревского положил начало изучению русскими Курильских островов. Исполняя приказ якутского воеводы, землепроходцы на судах прошли от Большерецка западным берегом Камчатки и посетили самые северные острова Курильской гряды — Шумшу (Сумусю) и Парамушир (Парамусир).

Они узнали, что местные жители «курильцы» не признают над собой ничьей власти. Анциферов и Козыревский дальше действовали так, как это делал до них на Камчатке Владимир Атласов: они обследовали зелёный остров Шумшу и привели его жителей в добровольное российское подданство.

По возвращению в Большерецк казачьи «головы» составили для якутского воеводы довольно обстоятельный отчёт о проделанном походе в «неизведанную землицу». К отчёту был приложен «чертёж морским островам». Эти документы история сохранила для исследователей.

В объяснениях, приложенных к «чертежу», Иваном Козыревским описывался быт, нравы, торговая и хозяйственная жизнь местного населения, то есть бородатых «курильцев», так мало похожих на жителей Камчатки и сибирских «инородцев».

Дальнейшее изучение и присоединение к Московскому государству Курильских островов было связано уже с именем одного Ивана Петровича Козыревского. Казачий есаул в 1712 и 1713 годах совершил ещё два морских похода, уходя на судах с небольшим числом людей всё дальше и дальше на юг вдоль неизвестных до того миру островов.

В результате этих походов была обследована вся Курильская гряда. Особенно удачным оказался поход 1713 года: есаул Козыревский вновь «проведал» острова за «переливами» (проливами) и составил новый «чертёж», то есть карту Курил того времени.

На основании данных трёх проделанных экспедиционных походов есаул Иван Козыревский составил свою знаменитую «Чертёж-карту Камчадальского носу и морских островов». В их краткое описание вошли данные расспросов местных жителей.

Тот «чертёж» имеет особую значимость и в сегодняшнее время. На карте впервые изображаются Курильские острова от камчатского мыса Лопатка до японского острова Хоккайдо. Козыревский «чертёж» впоследствии использовался для составления первых карт Сибири.

В описаниях к «чертежу» казак-землепроходец сообщил интересные сведения о народе «курильцев», то есть айнах. Говорилось, что они живут самовластно и что он, есаул Иван Козыревский, привёл их в русское подданство. И что при этом никаких конфликтных ситуаций не случилось. То есть всё делалось «миром» и добровольно.

Более того, в описаниях, приложенных к итоговому «чертежу», Козыревский сообщал ряд сведений о Японии. Ко всему прочему, он выяснил, что японцам было запрещено плавать севернее острова Хоккайдо. И что «итурупцы и урупцы

самовластно живут и не в подданстве». Также независимы были и жители другого крупного острова Курильской гряды — Кунашира.

Итогом походных трудов казачьего есаула Ивана Петровича Козыревского стала первая в мировой истории карта Курильских островов и приведение их жителей в подданство России. За первопроходцем последуют ещё при жизни Петра I новые экспедиции на Курилы…

О дальнейшей судьбе Ивана Козыревского известно крайне мало. В 1714–1715 годах по поручению якутского воеводы он собирал ясак с местного населения Камчатки и двух Курильских островов. В 1717 году постригся в монахи и принял имя Игнатия. В 1727–1729 годах на судне «Эверс» ходил по реке Лена до её устья.

То есть, уйдя в монахи, он так и не отрешился от беспокойной и трудной жизни сибирских землепроходцев. Вероятнее всего, последние свои годы инок Игнатий закончил в монастырских стенах, окончательно уйдя на покой. Возможно, что им были написаны воспоминания о пройденных в жизни путях, которые до наших дней не сохранились.

…Имя героя-первопроходца не осталось забытым в его Отечестве. Оно теперь навечно вписано в географическую карту северо-западной части Тихого океана. Именем Ивана Петровича Козыревского были названы мыс и гора на Курильских островах — на Парамушире, и залив и мыс — на Шумшу, населённый пункт на полуострове Камчатка, стоящий в самом его центре на реке Камчатке.

Данила Ефремович Ефремов (около 1690–1760)

Наказной атаман Войска Донского. Герой Северной войны 1700–1721 годов

Происходил из старинной казачьей династии. Данила Ефремович Ефремов родился в Черкасске (ныне станица Старочеркасская Ростовской области) в семье известного старшины Войска Донского Ефрема Петрова, прославившегося в Лифляндском походе 1702 года против шведов и заплатившего головой за преданность царскому престолу. Он был казнён по приказу Кондратия Булавина при взятии бунтовщиками столицы донского казачества города Черкасска.

Данила Ефремов начал службу рядовым казаком во время Северной войны 1700–1721 годов. От отца он унаследовал непоколебимое мужество и природный такт — черты, столь пригодившиеся ему в дальнейшей жизни. То есть ещё в юности он заметно выделялся в кругу донцов, которые прочили атаманскому сыну большое будущее.

На Шведской войне казаку с откровенными командирскими наклонностями довелось отличиться почти сразу, совершив поистине героическое дело. Да ещё какое! 28 января 1707 года он с вверенной ему казачьей командой совершил дерзкое нападение на главную квартиру короля-полководца Карла XII в Галиции. Тогда была перебита вся личная охрана воинственного монарха Швеции, которого судьба в том случае хранила: он спасся благодаря резвости своего коня.

В том же году Данилу Ефремова выбрали походным атаманом отряда донских казаков в деле против шведского корпуса, которым командовал генерал Реншильд. Для совсем молодого старшинского сына это было, несомненно, огромным доверием.

Донцы не ошиблись в выборе. В том сражении при польском городе Калише 6000 казаков упорно бились четыре часа против превосходящих сил шведов Реншильда. Они отступили с поля боя только тогда, когда в их рядах осталось не более тысячи бойцов, способных держать в руках оружие.

В 1726 году Данила Ефремов служит старшиной казаков гарнизона крепости Святой Крест на Северном Кавказе. В 1727 году — в так называемом Низовом корпусе, стоявшим в

прикаспийских владениях Персии, которые отошли к России после петровского Каспийского похода. С 1737 года он продолжает служить там же, но уже походным атаманом донских казаков.

В 1738 году он становится походным атаманом казачьих полков, которые входили в состав корпуса генерал-фельдмаршала П. П. Ласси, стоявшего на берегах реки Миус. В том же году Д. Е. Ефремов назначается войсковым атаманом донского казачества. В указе Правительствующего Сената от 4 марта 1738 года по поводу этого назначения говорилось так:

«…Оного (Донского) войска старшину Данилу Ефремова за долговременные и ревностные его Нам и предкам Нашим службы в оный чин Войскового Атамана всемилостивейше жалуем».

Ефремов известен не только как предводитель лёгкой казачьей конницы в походах и войнах, но и как искусный дипломат. В 1736 году, ещё будучи старшиной, он был послан в Закубанье к калмыцкому хану Дундук-Омбо, который решил «отложиться от России» и потому откочевал со своим степным народом за Кубань.

Старшина догнал кочевья калмыков уже за Кубанью. Проявив завидный дипломатический такт, он сумел убедить степного хана добровольно присоединить свои владения к России. Оставив у него в заложниках своего сына Степана с несколькими именитыми казаками, Ефремов сам же отправился в далёкий Санкт-Петербург. Там он убедил императрицу Анну Иоанновну «простить» Дундук-Омбо. Вернувшиеся в приволжские степи калмыки были приведены к присяге на верность Российской империи, а их конница пополняла ряды действующей русской армии на протяжении более полутора столетий.

В тех событиях интересен один немаловажный факт. Данила Ефремов вёл переговоры с ханом калмыцкого кочевого народа по поручению Иностранной коллегии (министерства).

У нового донского атамана виделся несомненный организаторский талант, помноженный в опасных ситуациях на твёрдость воли. В 1838 году крымчаки и кубанские горцы, совершив большой набег на земли Войска Донского, разорили Быстрянскую станицу и напали на соседнюю Каргалинскую станицу.

Атаман Ефремов собрал войско, «сколько онаго из оставшихся за командированием в армии казаков в домах найтиться могло», разбил налётчиков в бою и прогнал их обратно к Кубани. В следующем году набег повторился: на этот раз удар из степи пришёлся на казачьи станицы в верховьях реки Грушёвки. Конница крымского хана тогда вновь была разбита

казачьим ополчением, быстро собранным войсковым атаманом.

После этих двух вражеских нашествий Ефремов усилил защиту окраинных станиц, наиболее часто подверженных набегам крымчаков, присланными на Дон от правительства 67 пушками. Станичным атаманам были даны строжайшие инструкции, как действовать в подобных случаях.

Чтобы обезопасить столицу Войска Черкасск от нападений конницы крымского хана и часто случающихся наводнений (город стоял на низменном берегу Дона), Данила Ефремович задумал обнести его каменной стеной. Из крепости Святого Димитрия тогда комендант донёс в Санкт-Петербург, что казачий атаман укрепляет Черкасск от правительственных войск.

Ефремов был вызван в Санкт-Петербург, где ему пришлось объясняться. Заслушав его объяснения, атаману разрешили достроить стену, прикрывавшую город «лишь с турецкой стороны» из дерева, а со стороны российской никаких каменных укреплений не производить.

12 августа страшный пожар испепелил донскую столицу. Сгорела и соборная церковь, в которой хранились все войсковые реликвии, жалованные грамоты и клейноды, богатая ризница и казна. Докладывая об этом несчастье в столицу, атаман Д. Е. Ефремов просил императрицу Елизавету Петровну прислать новые клейноды взамен сгоревших. Через два года новые клейноды (знаки атаманского достоинства) и жалованные грамоты были вновь пожалованы Войску Донскому, но уже от имени царствующей матушки-государыни.

В 1749 году императрица Елизавета Петровна пожаловала Д. Е. Ефремову свой драгоценный портрет, украшенный бриллиантами, для ношения на груди. В старой России, начиная с Петра I, это был особый вид высочайшего пожалования.

Пробыв войсковым атаманом пятнадцать лет, Данила Ефремович ушёл в отставку, сам попросив об увольнении и назначении на его место сына Степана Даниловича. Императрица исполнила его просьбу, наградив чином генерал-майора. Ефремов-младший назначался на отцовскую должность, но с тем условием, чтобы он:

«…В нужных делах, случающихся по (по)граничному месту и во внезапных приключениях по ордерам и наставлениям отца поступал».

В том высочайшем указе новому войсковому атаману Степану Даниловичу Ефремову далее говорилось следующее:

«Для отправления же секретных дел, кои на него положены, дать ему, Даниле Ефремову, писаря и адъютанта, также 100 человек казаков из Донских, кого он сам к тому способных

выберет».

Так была основана «сотная» команда, послужившая основанием для образования в 1775 году казачьего Атаманского полка, со временем ставшего вторым (после лейб-гвардии Казачьего) гвардейским полком, который выставляло Войско Донское.

В 1755 году императрица Елизавета Петровна вновь повелела (подтвердила ранее указанное) как войсковому атаману С. Д. Ефремову, так и всему Войску Донскому «состоять под главным начальством Данилы Ефремова».

Данило Ефремовичу Ефремову, которому было уже более семи десятков лет, в последний раз довелось послужить России на поле брани в ходе Семилетней войны 1756–1763 годов. Он принял на себя командование казачьими «лёгкими» войсками, наряжёнными на театр войны в Померанию (север современной Польши). Там его казаки отличились в действиях против прусской армии короля Фридриха II Великого.

В 1759 году Ефремов-старший был пожалован высоким титулом тайного советника «за добропорядочный поход через Польшу, за оказанные во время Померанской кампании дела мужества и особенно за весьма исправную в войске дисциплину».

В следующем году Данило Ефремович скончался. Прославленный атаман был похоронен в родном для него Черкасске у правой стены Ратниковской Преображенской церкви. Среди его наград, помимо носимого на груди драгоценного портрета императрицы Елизаветы Петровны, значатся две золотые медали и именная сабля.

К этому обязательно следует сказать, что Д. Е. Ефремов первым на Дону получил чин генерал-майора.

Вечным шефом 14-го Донского казачьего полка, известного своими боевыми традициями, он стал по указу императора Николая II Александровича от 26 августа 1904 года.

Алексей Григорьевич Разумовский (1709–1771)

Реестровый малороссийский казак. Генерал-фельдмаршал. Граф

Сын малороссийского реестрового казака Григория Разума. Даже возвысясь при дворе, никогда не скрывал своего простого происхождения, хотя специально для него и была создана фантастическая генеалогия, выводившая фамилию Разумовских от польского шляхтича Рожинского.

Мальчиком был сельским пастухом, обучался грамоте и духовному пению у дьячка села Чемер. В 1731 году проезжий придворный, полковник Ф. С. Вишневский, услышав голос 22-летнего Алексея Разума в церковном хоре, взял его с собой в Санкт-Петербург.

Обер-гофмаршал двора императрицы Анны Иоанновны К. Г. Левенвольде принял казака в придворный хор, где на него обратила внимание цесаревна Елизавета Петровна. С этого времени началось его быстрое возвышение, и казак Разум превратился в Разумовского. После ссылки любимца цесаревны А. Я. Шубина Разумовский занял его место.

Хотя к тому времени Алексей Разумовский «потерял» голос, он остался при дворе Анны Иоанновны камер-юнкером цесаревны, управляющим её имений, а затем и всего состоявшего при ней небольшого двора.

В государственном перевороте в ноябре 1741 года, возведшем на престол Елизавету Петровну, её фаворит Алексей Разумовский играл видную роль. После этого на него посыпался золотой дождь высочайших пожалований: звание действительного камергера и производство в поручики Лейб-кампании с чином генерал-поручика, орден Святой Анны.

При коронации императрицы Елизаветы Петровны в апреле 1742 года в Москве фаворит нёс её шлейф, исполнял должности обер-шенка и был пожалован обер-егермейстером и награждён орденом Святого Андрея Первозванного. Ему были пожалованы большие имения в Малороссии и Московской губернии, несколько домов в Санкт-Петербурге и Москве (в том числе Аничков дворец).

В Москву была вызвана мать Алексея Разума со всем своим

семейством. Но жизнь во дворце простой селянке не приглянулась, и она вскоре вернулась, оставив младшего сына Кирилла при старшем брате.

Разумовский старался не вмешиваться в политику и в противостояние различных партий при дворе. Но на него, как на сильного фаворита государыни, опирались такие представители русской партии (боровшейся с немецкой и прочими партиями), как, например, канцлер Бестужев-Рюмин.

…Существует предание, что в подмосковном селе Перово 24 ноября 1742 состоялось тайное венчание императрицы Елизаветы Петровны и Алексея Разумовского. После этого на него стали смотреть при дворе как на супруга самодержавной государыни. А она, словно подтверждая слухи, во время болезни фаворита даже обедала в его покоях.

В 1744 году сын реестрового казака из Малороссии возводится в графское достоинство Римской империи. Тогда и была составлена для него «новая» родословная. Через некоторое время братья Алексей и Кирилл становятся графами Российской империи.

Граф Алексей Григорьевич Разумовский жалуется и чином генерал-фельдмаршала, не имея на то никаких военных заслуг, не служа в армии и ни разу не побывав на поле брани. Но того желала императрица Елизавета Петровна: она не знала пределов в пожалованиях своему фавориту.

Известно, что свой голос при дворе он «подавал» только в двух случаях: когда речь шла о просьбах за духовенство и за родную Малороссию. Благодаря его настоянию государыня посетила Малороссию, где самодержице был оказан торжественный и вместе с тем сердечный приём. Она довольно долго гостила в доме Разумовских, в городе Козельце, и познакомилась там со всей его многочисленной роднёй.

Малороссийские казаки, решив воспользоваться таким случаем, подали через Алексея Разумовского прошение о восстановлении гетманства в Малороссии. Так младший брат фаворита Кирилл Григорьевич стал гетманом.

Пожалования продолжали сыпаться на Алексея Разумовского. В 1745 году он становится капитан-лейтенантом Лейб-кампании. В 1747 году получает землю в Капорском уезде, погост и мызы, ранее принадлежавшие светлейшему князю А. Д. Меншикову. В 1748 году назначается подполковником Конной гвардии, приняв команду над этим полком.

Алексей Разумовский удерживал своё высокое положение при дворе до самой смерти императрицы Елизаветы Петровны, хотя в последние годы её жизни место фаворита занял граф

И. И. Шувалов. Разумовский же остался её самым доверенным человеком и другом. Отношения между ними продолжали оставаться искренними и сердечными.

После смерти «дщери Петровой» и воцарения сперва Петра III, а потом — Екатерины II, Алексей Разумовский жил в своём доме в Москве, на Покровке. Здесь, по преданию, и состоялась та историческая сцена, когда он в присутствии графа М. И. Воронцова сжёг брачное свидетельство с Елизаветой Петровной, сказав при этом екатерининскому посланцу такие слова:

«Я не был ничем более, чем верным рабом её величества, покойной императрицы Елизаветы Петровны, осыпавшей меня благодеяниями превыше заслуг моих…

Теперь вы видите, что у меня нет никаких документов…»

Генерал-фельдмаршал граф А. Г. Разумовский умер бездетным. Хотя в истории и имеется версия, что от тайного брака с императрицей он имел дочь княжну Тараканову. Она же, со всей очевидностью, была просто талантливой самозванкой, сумевшей вселить тревогу в душе венценосной Екатерины Великой.

Всё своё громадное состояние Разумовский оставил своему младшему брату — Кириллу Разумовскому, последнему гетману Малороссии.

Современники отзывались об Алексее Григорьевиче Разумовском довольно тепло и единодушно. Так, А. А. Васильчиков дал ему такую довольно лестную характеристику:

«Разумовский… чуждался гордости, ненавидел коварство и, не имея никакого образования, но одарённый от природы умом основательным, был ласков, снисходителен, приветлив в обращении с младшими, любил представительствовать за несчастных и пользовался общей любовью».

Фёдор Иванович Краснощёков (1710–1764)

Генерал-майор. Герой Семилетней войны 1756–1763 годов

Иван Матвеевич Краснощёков «подарил» Дону сына Фёдора, который стал и войсковым атаманом, и не менее отца легендарной песенной личностью. Краснощёков-младший дослужился до чина генерал-майора, начав службу в семнадцать лет, в 1727 году, во многом повторив отцовский жизненный путь.

Уже в первые годы он получил богатую боевую практику, участвуя в походах против закубанских татар, в военных экспедициях в Кабарду и Персию. Он рано стал казачьим офицером, получив под своё начало небольшую команду. С ней он стал героем Войска Донского: в 1733 году его казаки близ урочища Мажар на реке Куме трое суток мужественно отбивались от «полчища персов, кубанцев и крымцев», пока не подоспела выручка.

Принял деятельное участие в Русско-турецкой войне 1735–1739 годов. В 1738 году Краснощёков-младший дважды посылался в походы в Крым. Там он захватил в плен самого крымского хана из рода Гиреев, что заметно повлияло на желательный для российской стороны ход трудных мирных переговоров.

Вместе с отцом «примерно» действовал в ходе Русско-шведской войны 1741–1743 годов, в которой погиб Краснощёков-старший. В боях на территории Финляндии не раз отличался, особенно под Фридрихсгамом и Борго. В этих двух делах шведы ничего не смогли противопоставить действиям казачьей конницы. После той войны Ф. И. Краснощёков уже значился в числе донских военачальников.

В 1746–1751 годах во главе сводного шеститысячного казачьего отряда нёс службу в тогда пограничном городе-крепости Смоленске на «польском рубеже» и в Лифляндии.

Боевые и пограничные заслуги Краснощёкова-младшего незамеченными при дворе не остались. В 1755 году ему был пожалован чин бригадира. В высочайшем указе императрицы Елизаветы Петровны о том говорилось следующее:

«…За службы отца ево, також и ево, Фёдора Краснощёкова, добропорядочные и усердные службы».

…Однако подлинную атаманскую славу Краснощёков-младший получил в ходе Семилетней европейской войны 1756–1763 годов, в которой русская армия сражалась на стороне антипрусской коалиции. В первый год войны он был назначен походным казачьим атаманом Дона вместе с Данилой Ефремовичем Ефремовым. Воевать же ему на сей раз пришлось против лучшей европейской армии прусского короля Фридриха II Великого.

Об этом в одной из исторических народных песен той поры пелось:

«…Князь Краснощёков с казаками шёл Померанией».

Один из авторов сочинений тех лет, известный под псевдонимом «Рижский вояжёр», оставил нам пропитанный антипатией портрет атамана Фёдора Краснощёкова, самого известного и популярного из казачьих командиров в Семилетней войне:

«Вся его наука состоит в том, чтобы нападать издали с помощью копья или стрел. Как говорят, он никогда не даёт пощады. Из боевых действий он участвовал только в осаде Очакова (?!), но, как мне известно, оказался неспособен командовать даже разведкой. Он и слышать не желает о действиях ночью, ссылаясь на то, что это очень опасно, поскольку в темноте чёрт может всех запутать…

Своим возвышением он обязан родством с Разумовским (?!)…

Сами русские называют его колдуном, в этом уверял меня даже генерал Лопухин, а когда я возразил, что в Германии не верят в колдунов, он сказал:

„Как же можно не верить столь несомнительной вещи?“»

Однако благодаря этому злому растиражированному берлинскими властями памфлету прусского капитана Ламберта в Европе получили хождения первые легенды о донском походном атамане Фёдоре Краснощёкове, «столь распространённые в русских народных песнях». Французский историк Альфред Рамбо по этому поводу замечает:

«…Он (Краснощёков) выступает как отважный и находчивый герой, Ахилл и Улисс русского эпоса, взявший Берлин и похитивший „пруссачку“ — не то жену, не то дочь Фридриха II, которая служит олицетворением вражеской столицы.

Переодевшись купцом, он проникает к самому королю и требует себе водки. Король расспрашивает его про героя Краснощёкова, и тогда казачий вождь открывается, выскакивает из окна и уходит от преследователей.

Но для русского народа и сам Фридрих был колдуном: он мог принимать обличье сизого голубя, серого кота, ястреба, чёрного

ворона, утки и таким образом ускользать от своих врагов. Для этих простодушных умов „злой король“ — настоящий колдун и оборотень».

Из всего вышесказанного Альфред Рамбо делает интересный для читателей вывод:

«Соперничать с ним (прусским королём Фридрихом Великим. — *А. Ш.*) может только один Краснощёков».

…19 августа 1757 года на земле Восточной Пруссии состоялось большое сражение при Гросс-Егерсдорфе, в которой прусская армия фельдмаршала Ганса фон Левальда оказалась разбитой русской армией под командованием генерал-фельдмаршала Степана Фёдоровича Апраксина.

Донские казаки во главе со своим походным атаманом Фёдором Краснощёковым оказались в числе героев того дня. Они применили свой излюбленный тактический приём «вентерь» и сумели в тумане и пороховом дыму заманить прусскую кавалерию — драгунов генералов Шорлемера и принца Голштинского — под ружейный огонь 18 батальонов русской пехоты и картечные залпы 40 полковых пушек. Разгром королевских драгун довершили «сабли драгун, конногренадеров и калмыков».

Как известно, генерал-фельдмаршал С. Ф. Апраксин не воспользовался плодами убедительной победы при Гросс-Егерсдорфе. Он увёл русскую армию из побеждённой Восточной Пруссии…

…Императрица Елизавета Петровна, недовольная этим, заменила Апраксина на посту главнокомандующего генерал-аншефом Вилимом Вилимовичем Фермором. Перед ним была поставлена задача полного завоевания Восточной Пруссии.

Фермор вновь повёл наступление. В авангарде русской армии двигались полки донских казаков атамана Фёдора Краснощёкова. Им была предоставлена свобода действий. Один из мемуаристов писал о том:

«…Постоянно, при каждом появлении казаков в междуречье Мемеля и Немана поднималась тревога. Богатые жители Кёнигсберга бежали в Данциг, а обитатели окрестностей — в Кёнигсберг».

Король Фридрих II Великий отказался защищать Восточную Пруссию силами своей вымуштрованной армии. Провинция была занята русскими войсками, а её население присягнуло на верность всероссийской императрице Елизавете Петровне.

Русская армия двинулась «в Европу» через приморскую Померанию (через север современной Польши). В авангарде её шла лёгкая иррегулярная конница — полки донцов походного

атамана Краснощёкова. Они с налёта взяли город Кониц.

Когда русская армия осадила сильную вражескую крепость Кюстрин, казачья конница стала совершать рейды по неприятельской территории по обоим берегам реки Одер. Добывался провиант и фураж, разрушались коммуникационные линии пруссаков, их армейские магазины (склады).

14 августа 1758 года состоялось сражение при Цорндорфе. Прусской армией командовал сам король, спешивший на помощь осаждённому Кюстрину. И хотя Фридрих II старался сохранить все свои приготовления и переправу на левый берег Одера в величайшей тайне, разъезды донцов, начиная с 10 августа, стали отслеживать путь неприятеля к Кюстрину.

Сражение кончилось тем, что прусская армия 15 августа отступила к Тамзелю, тревожимая весь день наскоками русской иррегулярной конницы — казаками и калмыками. Русская армия по воле В. В. Фермора на время отказалась от активных действий, прикрывшись от неприятеля казачьими кордонами.

…Императрица Елизавета Петровна вновь сменила главнокомандующего действующей армией. Теперь этот пост занял генерал-фельдмаршал граф Пётр Семёнович Салтыков. Генерал Фермор, вызывавший у Санкт-Петербурга более чем достаточно причин для недовольства, был смещён с поста, который оказался ему не по плечу.

Новое большое сражение не заставило себя ждать: оно состоялось 12 июня 1759 года у Пальцига. Новый главнокомандующий сразу приказал атаману Краснощёкову провести активные разведывательные действия на левом и правом берегах реки Варты. Перед началом сражения казачья конница, как и большая часть армейской кавалерии, оказалась сосредоточенной на правом фланге русской армии под общим командованием графа Панина. Часть донцов охраняла крайний левый фланг.

При Пальциге прусскую армию ожидала полная катастрофа: проиграв битву, она обратилась в бегство. Иррегулярная и регулярная конница русских ринулась в преследование, захватив при этом немало пленных и трофеев. Преследование бежавших пруссаков прекратилось только на берегу Одера, переправы через который находились в руках короля. Был занят важный для театра военных действий город Франкфурт.

После Пальцигского сражения донцы бригадира Фёдора Краснощёкова оказываются в рядах осадных войск у сильной приморской крепости Кольберг. 6 октября они «имели сражение с 500 неприятельскими гусарами», в котором одержали победу. То есть речь шла о кавалерийском бое.

В начале 1759 года на казаков Краснощёкова возлагается несение аванпостов вокруг расположения русской армии и рассылка в «неприятельскую сторону разведывательных партий». Такие посылки часто заканчивались стычками с пруссаками. Сам бригадир был непременным участником таких боевых дел.

…1 августа того же 1759 года состоялась новая большая баталия — при Кунерсдорфе. Хотя казакам не довелось, как пехоте и артиллерии, участвовать в схватке за три высоты на поле битвы — Юденберг, Шпицберг (Большой Шпиц) и Мюльберг, лепту в общую победу они всё же внесли весомую, отличившись в преследовании разбитой королевской армии. В одном случае они загнали в болото кирасирский эскадрон, который был «побит и пленён». Граф П. С. Салтыков доносил на берега Невы:

«…Засвидетельствована храбрость и неустрашимость бригадира Краснощёкова».

В плен к казакам едва не попал сам Фридрих II, на какое-то время оставшийся почти один. Он уже слышал крики «Ура!» скакавших прямо на него русских всадников. Однако поручику Притвицу удалось собрать человек сорок гусар, которые в сабельном бою прикрыли бегство своего монарха.

Затем последовала «диверсия» русских войск на Берлин, в результате которого столица Прусского королевства была взята, пусть и не на столь продолжительное время. Атаман Фёдор Краснощёков отличился и здесь. При наступлении на Берлин он «во весь дух» преследовал пруссаков до самого Потсдама, пригорода королевской столицы. Подойдя к ней, донцы заняли позицию на лесистом и болотистом правом берегу реки Шпрее.

Берлин капитулировал, не ожидая штурма русских и союзным им австрийских войск. Однако королевский гарнизон смог беспрепятственно покинуть город. По приказу генерал-поручика графа Захара Григорьевича Чернышёва (будущего генерал-фельдмаршала) казаки бригадира Краснощёкова вместе с молдавскими гусарами поскакали по дороге на Шпандау и смогли настичь неприятельский арьергард и обоз.

Пруссаков оказалось немало: десять кирасирских эскадронов, один пехотный полк, батальон волонтёров и несколько егерских рот — всего три тысячи человек. Преследователи отважно бросились на королевских кирасир и опрокинули их с дороги. Однако вражеская пехота, засевшая в придорожном дефиле, сдержала натиск конников. Однако когда к Краснощёкову подоспела помощь, арьергард берлинского гарнизона сложил своё оружие. Эта немалая победа была достигнута самыми минимальными потерями в людях: убито было 32 молдавских гусара и 15 казаков. Раненых донцов набралось 21 человек, в том

числе четыре офицера.

В рапорте генерал-поручика З. Г. Чернышёва о взятии Берлина и разгроме русской лёгкой конницей прусского арьергарда донской походный атаман отмечается особо в отличие от других военачальников:

«…Сие столь удачное дело предписать можно особливо храбрости нашего лёгкого войска, которое пехоту и кавалерию весьма мужественно атаковали.

Я примаю смелость вашему сиятельству оное рекомендовать, а особливо по всем известиям, которые я получил, весьма отлично в храбрости себя оказали: бригадир Краснощёков…»

…Генерал-фельдмаршал Салтыков, понимая всю значимость лёгкой конницы в войне на территории неприятеля, «пожелал довести число донцов до шести тысяч». На Дону был объявлен новый набор, но в действующую армию до выхода России из Семилетней войны успело прибыть только пять тысяч всадников. Большая часть их поступила под команду войскового походного атамана.

К тому времени его атаманский «мундир» украшала знатная награда. Это была большая золотая медаль с драгоценным портретом императрицы Елизаветы Петровны.

…В 1761 году походный атаман со своими донцами оказался в Померании. Два казачьих полка с Грузинским гусарским полком были оставлены там для «охранения заведённых немалых в Померании магазинов» в «пристойных местах». То есть речь шла о защите на севере современной Польши армейских тылов от набегов неприятельской кавалерии.

В сентябре того года бригадир Фёдор Краснощёков получает полную свободу действий. Ему было «подтверждено от неприятеля не отступать и всегда его обеспокаивать».

Екатерина II, вступившая на престол в ходе дворцового переворота, участие Российской империи в большой и продолжительной континентальной войне не продолжила. Она приказала действующей русской армии незамедлительно вернуться домой.

На Дон возвращались и поредевшие казачьи полки. Их походному атаману пришлось «завернуть» в Санкт-Петербург за наградами от новой матушки-государыни. Ему была пожалована при особой Высочайшей грамоте драгоценная (золотая) сабля, которая стала семейной реликвией казачьего рода Краснощёковых.

…В 1763 году, за год до своей смерти, Фёдор Иванович Краснощёков первым из донских казаков удостоился чина генерал-майора. В казачьих войсках вводились армейские

генеральские звания. Он как бы повторил высочайшую честь, оказанную его прославленному отцу, ставшего первым на Дону бригадиром.

В следующем, 1764 году, Краснощёков-младший ушёл из жизни. История сохранила для потомков песенный портрет героя Семилетней войны, да и не только её:

«Он лицом-то смугловат, волосами кудреват, глаза точно сокола, как вот этого орла…»

…Немалые заслуги героя Дона перед российским Отечеством послужили основанием для присвоения 26 августа 1904 года первоочередному 6-му Донскому казачьему полку имени вечного полкового шефа генерала Краснощёкова. Полку, который был обладателем почётного Георгиевского знамени за Отечественную войну 1812 года.

Василий Иванович Могутов (1719–1778)

Бригадир. Войсковой атаман Оренбургского казачьего войска

Свою царскую службу Василий Могутов начинал на берегах Волги, в Самарской дворянской роте. Тогда Среднее Поволжье не только считалось, но в действительности и было никем не разграниченной степной границей Российской империи.

Родился он в городе Самаре, где его отец был сотником самарских городовых дворян. Образование получил домашнее. С детских лет воспитывался как будущий служилый человек.

Могутов-младший прошёл своё воинское становление на Уйской пограничной укреплённой линии. Она была создана в 1739–1743 годах вдоль берегов реки Уй протяжённостью в 430 километров. Линия состояла из девяти небольших крепостей и девяти земляных редутов, наблюдение за границей между ними вели конные разъезды. Для защиты линии привлекались регулярные и гарнизонные войска, в том числе и гарнизон города Самара.

Но в скором времени граница передвинулась от города Самары дальше на юг, на Южный Урал. Было принято решение о создании нового порубежного казачьего войска, которое держало бы Оренбургскую укреплённую пограничную линию огромной протяжённости.

Помимо местных городовых казаков в создаваемое казачье войско записали отставных солдат и городовых казаков (две сотни) из Уфы, уральских крещёных мещеряков, бежавших на реку Ор яицких и сибирских казаков, казаков Исетского войска, дворянских детей из сибирских городов…

И, разумеется, войско пополнили добровольцы из других казачьих войск России, прежде всего из соседних — Яицкого и Сибирского, а также Донского, которое во все времена являлось как бы «донором» для своих более молодых собратьев — других казачьих войск.

…Самарская конная дворянская рота с начала своего формирования высочайшим указом была введена в состав новоиспечённого Оренбургского казачьего войска. Случилось это в апреле 1743 года. А самарский гарнизон, ставший в силу сложившихся обстоятельств внутренним, был ликвидирован как

таковой за ненадобностью.

До этого он состоял из городовых казаков, дворян-иноземцев и смоленских шляхтичей, переведённых в самарские казаки. Или, иначе говоря, к 1743 году был почти полностью казачьим. То есть Василий Могутов был записан в казачье сословие ещё до того, как прибыл на новое место службы в степной Оренбургский край. Он и здесь стал исполнять обязанности пограничной стражи.

Казачьим офицером Могутов стал ещё до прибытия на постоянное место прописки в город Оренбург. Сотником он значился в списках Самарской дворянской сотни. В этом же чине оказался и в рядах Оренбургского казачьего войска.

Прибыл же Василий Могутов на новое место службы раньше других ратных людей волжского города Самары, в 1743 году. Вероятно, что это были первые самарцы, посланные на берега реки Ор. Основанием стал приказ начальника Оренбургской экспедиции И. К. Кириллова, которому был подчинён и Самарский гарнизон.

Служба оренбургского казачества первые десятилетия мало чем отличалась от службы степной порубежной стражи. Казаки несли конную дозорную службу, участвовали в схватках с большими и малыми отрядами степных разбойников, приходивших к российским рубежам из Киргизской (Казахской) степи, держали карантины на степных путях-дорогах во время эпидемий, боролись с контрабандой, сопровождали купеческие караваны и почтовых курьеров. Ко всему прочему добавлялось исполнение гарнизонной и внутренней службы, выполнение войсковых хозяйственных работ.

…27 мая 1748 года высочайшим повелением все отдельные казачьи части обширной Оренбургской губернии были сведены в Оренбургское нерегулярное войско (корпус) под командованием одного атамана. Им был назначен Василий Иванович Могутов, который оставался на этом посту долгих 30 лет, будучи сменён уже при императрице Екатерине II полковником С. Ф. Кирсановым.

С 1753 года права войскового атамана на Южном Урале были заметно расширены. Теперь ему подчинялись все нерегулярные (иррегулярные) войска в Оренбургской губернии, за исключением Яицкого казачьего войска, сохранившего самостоятельность.

В 1758 году атаман В. И. Могутов получает первый армейский чин и становится подполковником. Это была награда за ревностное и добросовестное исполнение возложенных на него обязанностей. Через шесть лет он производится в армейские полковники.

…Серьёзным испытанием на прочность Оренбургского

казачьего войска стал не приход из Киргизской степи большого разбойничьего отряда, а Крестьянская война под предводительством донского казака Емельяна Пугачёва. Или, как тогда писалось, — «пугачёвский бунт вора Емельки».

Оренбургское казачество, в отличие от гораздо более вольного соседнего Яицкого казачества, в своём большинстве не встало на сторону самозванного «императора Петра III». Могутов и его казаки остались верны своему долгу и данной присяге. Они не прельстились на пугачёвские «прелестные» письма, далеко расходившиеся из Бердской слободы, которая стала ставкой предводителя народного «возмущения».

Атаман Василий Могутов оказался в силу своей должности одним из руководителей обороны губернского города Оренбурга от армии Емельяна Пугачёва. Во время полугодовой зимней осады Оренбурга в октябре 1773 года — марте 1774 года он командовал обороной одного из участков крепостной ограды, где находились его казаки.

За отражение пугачёвских повстанцев от стен Оренбурга и «удержание войска от бунта» полковник В. И. Могутов был награждён именной золотой медалью и драгоценным портретом императрицы Екатерины II Великой для ношения на груди. Одновременно ему выплатили премию за ратные труды при подавлении Пугачёвского бунта в тысячу рублей.

…За 30 лет нахождения на посту войскового атамана бригадир Василий Иванович Могутов сделал многое для Оренбургского казачества. К числу его деяний относится впервые определённая структура и штат войска (оно было разделено на пять кантонов), размеры денежного и земельного вознаграждения казаков и офицеров. Теперь оренбуржцы стали получать денежное довольствие наравне с донскими казаками, основной задачей которых стала армейская служба.

При Могутове в мае 1755 года в составе войска был сформирован Оренбургский казачий тысячный полк, наподобие донского Атаманского полка. Организационно он состоял из десяти рот (не сотен), из которых одна была дворянской и одна — калмыцкой. Основу дворянской роты составили служилые люди из Самары.

В тысячном полку по штату состояло 1074 человека, в том числе 1 полковник, 10 есаулов, 10 сотников, 10 хорунжих, один квартирмейстер, 2 писаря, 40 урядников и 1000 казаков. Из командного состава в роте имелось три офицера (есаул, сотник и хорунжий) и четыре урядника.

Особенностью нового войска являлось то, что другие казачьи полки в нём тогда формировались по мере надобности — при

выступлении в поход или на войну. По возвращению домой они распускались. Если в то время полки донцов именовались по фамилиям своих командиров, то полки оренбургского казачества были номерными.

…Уволенный от службы Василий Иванович остался на жительстве в городе Оренбурге. Он умер на следующий год после отставки, оставив о себе среди оренбургского казачества добрую память. Его прах был перевезён в родовое имение Могутовых — село Троицкое Бузулукского уезда.

В декабре 1913 года его имя, как вечного шефа, было присвоено 5-му Оренбургскому казачьему полку. До него этот полк носил имя Его Высочества эмира Бухарского Сеид-Ахода — по день смерти правителя Бухарского эмирата, вассала Российской империи.

Захарий Алексеевич Чепега (Кулиш) (1726–1797)

Генерал-майор. Кошевой атаман Черноморского казачьего войска. Герой штурма крепости Измаил

Одним из первых предводителей предков кубанских казаков был кошевой атаман Черноморского казачьего войска генерал-майор Захарий Алексеевич Чепега. Он происходил из дворян Черниговской губернии, из рода Кулишей. В молодости став запорожским казаком, получил прозвище Чепега, которое и стало его новой фамилией.

В Сечи он быстро выдвинулся и ко времени ликвидации императрицей Екатериной II Запорожской Сечи в 1775 году занимал должность казачьего полковника Протовчанской паланки. Падение Сечи как средоточия казачьей вольницы на его биографии не отразилось.

Когда светлейший князь Г. А. Потёмкин-Таврический стал набирать Войско верных казаков из бывших запорожцев, одним из первых откликнулся на призыв Захарий Чепега, имевший к тому времени чин армейского капитана. В 1787 году он вместе с другими старшинами набрал волонтёрскую (добровольческую) команду, которая в следующем году была развёрнута в Черноморское казачье войско под предводительством кошевого атамана Сидора Игнатьевича Белого.

Захарий Чепега в начавшейся войне 1787–1791 годов первоначально командовал конными полками казаков-черноморцев. Пешая часть войска тогда составляла команды гребной флотилии и десанта на ней, действовавших в Днепровско-Бугском лимане, а затем вдоль северных берегов Чёрного моря и на дунайских водах.

В том же 1788 году Сидор Белый получил смертельное ранение в морском бою под турецкой крепостью Очаков. Кошевым атаманом Черноморского казачьего войска был избран Захарий Алексеевич Чепега. Главнокомандующий русской армией генерал-фельдмаршал Г. А. Потёмкин утвердил избрание и наградил Чепегу за ратные труды — нынешние и будущие — драгоценной саблей.

Чепега, получивший чин бригадира, предводительствуя черноморскими казаками, не раз отличался в ходе Русско-

турецкой войны 1787–1791 годов. В ходе её бывшие запорожцы вместе с другими казачьими частями действовали в авангарде русской армии, высаживали десанты, а их гребная флотилия с боями продвигалась на запад вдоль берегов Тавриды и Бессарабии. Казаки Чепеги особенно отличались в десантных операциях.

18 июня 1789 года он во главе тысячного отряда казачьей конницы по приказу генерала М. И. Голенишева-Кутузова проводил рекогносцировку крепости Бендеры. Вблизи неё состоялся жестокий пятичасовой бой с турками, в котором кошевой атаман получил пулевое ранение навылет в правое плечо. Черноморцы вместе с подоспевшими на помощь донскими и екатеринославскими казаками наголову разбили турок, которые имели заметное численное превосходство.

11 декабря 1790 года Захарий Чепега участвовал в штурме Измаила, сильнейшей крепости на границах Оттоманской империи, командуя одной из штурмовых колонн генерал-майора Арсеньева, которые десантировались в саму крепость на гребных судах русской военной флотилии через Дунай с противолежащего острова Чатал.

В том броске через реку казаки первым делом захватили крепостные береговые батареи и только потом завязали рукопашный бой в городской черте Измаила. Но, пожалуй, самым трудным для них в ходе штурма делом стало отражение вражеской контратаки, когда толпа в несколько тысяч воинов крымского хана попыталась сбросить десант с прибрежных круч в Дунай.

Всего в «открытой атаке» Измаильской крепости участвовало четыре тысячи черноморских казаков. Штурмовая колонна Захария Чепеги состояла из Алексопольского пехотного полка, двухсот гренадер Днепровского Приморского полка и тысячи казаков-черноморцев. Десант перевозился с острова Чатал в черту города-крепости преимущественно на казачьих лодках-дубах. Ночь перед приступом кошевой атаман не спал, проводя со своими людьми «душевные беседы».

Генерал-аншеф А. В. Суворов-Рымникский высоко оценил мужество кошевого атамана и геройство его казаков-черноморцев. Высоко отзывался о достоинствах Чепеги как казачьего военачальника и всесильный фаворит Екатерины II светлейший князь Г. А. Потёмкин-Таврический. Получил герой Измаильского штурма в награду Военный орден Святого великомученика и победоносца Георгия 3-й степени. В высочайшем рескрипте говорилось:

«Во уважение на усердную службу и отличную храбрость,

оказанную при взятии приступом города и крепости Измаила с истреблением бывшей там турецкой армии, командуя колонною».

4 июня 1791 года Чепега отличился в сражении при Бабодаге, составляя со своими казаками-черноморцами авангард кутузовских войск. На следующий день он овладел этим городом-крепостью, захватив в качестве военных трофеев восемь медных пушек и походный лагерь турецкой армии с её обозом.

После захвата городских окрестностей армейские провиантские запасы были пополнены значительным количеством хлеба из запасов султанской армии, собранных у Бабодага. Турки при бегстве не успели их уничтожить, оставив легкоконному противнику в качестве военных трофеев свои многочисленные склады провианта.

Бабодагская виктория далась казакам-черноморцам с большим трудом, поскольку под городом в походных лагерях стояло до пятнадцати тысяч турецких войск и до 8 тысяч крымской татарской конницы.

За доблесть, проявленную в русско-турецкой войне, Захарий Алексеевич Чепега удостоился чина бригадира, золотой сабли, украшенной алмазами (дар императрицы) и многих боевых орденских наград: Святого великомученика и победоносца Георгия IV и III степеней, Святого Владимира 3-й степени и золотого Измаильского креста, носимого на Георгиевской ленте.

В 1792 году по высочайшему повелению императрицы Екатерины II Великой бригадир З. А. Чепега руководил переселением Черноморского казачьего войска с берегов Днестра на Кубань. Переселение шло в два этапа. Сперва переселились строевые казаки. Перезимовав на новом месте, они в следующем году встретили свои семьи.

Чепега многое сделал для обустройства на новом месте казачьих станиц, начала землепашества, по организации обороны Кавказской пограничной укреплённой линии против набеговых действий «закубанских народов» Черкесии. То есть Захарий Алексеевич показал себя талантливым администратором: ведь обживать приходилось пустынный степной край. Обживать и одновременно нести службу пограничной стражи.

Во время восстания в Польше в 1794 году бригадир Захарий Чепега, командовавший двумя конными полками черноморских казаков, участвовал в подавлении «возмущения». Он отличился ещё раз под знамёнами полководца А. В. Суворова-Рымникского в штурме Праги — укреплённого пригорода Варшавы. Наградой ему за польские дела стали чин генерал-майора, орден Святого Владимира 2-й степени и золотой Польский крест.

Последние годы жизни Чепега занимался внутренним

устройством войска на Кубани. Из жизни 70-летний генерал-майор и георгиевский кавалер Захарий Алексеевич Чепега ушёл в 1797 году в городе Екатеринодаре. Он был похоронен с воинскими почестями у стен походной Свято-Троицкой церкви в Екатеринодарской крепости. В 1802 году на её месте был построен Воскресенский собор.

…Чтобы увековечить память одного из основателей Кубанского казачества, по указу императора Николая II Александровича от 26 августа 1904 года первоочередной 1-й Екатеринодарский казачий полк войска получил наименование 1-й Екатеринодарский кошевого атамана Чепеги полк Кубанского казачьего войска.

Полк имел славную боевую биографию, отличившись при штурме турецкой крепости Анапа в 1828 году, при покорении Западного Кавказа в 1864 году, на полях Маньчжурии в 1905 году и в ходе Первой мировой войны. Екатеринодарцы гордились именем вечного полкового шефа, который был одним из тех, кто привёл Черноморское казачье войско на берега Кубани.

В 1909 году, отдавая дань памяти отважному кошевому атаману, казачий хутор Величковский был переименован в станицу Чепигинскую.

Кирилл Григорьевич Разумовский (1728–1803)

Генерал-фельдмаршал. Последний гетман Малороссии. Президент Санкт-Петербургской Академии наук

Младший брат елизаветинского фаворита Алексея Разумовского, по происхождению тоже малороссийский реестровый казак. После возвышения брата при дворе в 1842 году с матерью и сёстрами был вызван в Санкт-Петербург. С этого времени жизнь 14-летнего Кирилла Разума, ставшего Разумовским, резко изменилась.

В 1743 году старший брат отправляет его инкогнито на учёбу в Германию и Францию в сопровождении адъюнкта Академии наук Г. Н. Теплова. В следующем году Разумовский-младший получил титул графа Российской империи. В Берлине он прошёл курс обучения у знаменитого математика Эйлера. Затем слушал лекции по различным наукам в Гёттингенском университете. Посетил Францию и Италию. Но общая образованность ещё не означала глубины знаний…

В 1745 году новоиспечённый граф возвратился в Санкт-Петербург. Он становится при дворе действительным камергером. Двухгодичное путешествие совершенно его преобразило. Екатерина II характеризовала Кирилла Разумовского в таких словах:

«Он был хорош собою, оригинального ума, очень приятен в обращении и умом несравненно превосходил брата своего, который, однако, был великодушнее и благотворительнее его…

Все красавицы были от него без ума».

…Императрица Елизавета Петровна быстро нашла достойную должность для младшего брата своего фаворита. В мае 1746 года граф К. Г. Разумовский назначается президентом Санкт-Петербургской Академии наук «в рассуждение усмотренной в нём особливой способности и приобретённого в науках искусства».

Надо заметить, что новый президент об академической науке действительно пёкся и на своём посту оставил у современников не самое плохое впечатление. Хотя сам науками, как известно, не занимался, кроме одной — искусства быть при дворе.

В том же году императрица устраивает и личную жизнь Разумовского-младшего. Он женится на фрейлине Екатерине

Нарышкиной, которая своим аристократическим происхождением должна была «скрасить» родословную своего состоятельного, но безродного мужа.

…Новая жизнь для Кирилла Разумовского началась с 1750 года. В Глухове он был избран украинской казачьей старшиной гетманом Малороссии. Гетманское достоинство, ранее упразднённое, было специально для него восстановлено императрицей Елизаветой Петровной.

В 1751 году Кирилл Григорьевич жил в городах Глухове и Батурине. Он окружил себя довольно пышным гетманским двором (позволяло состояние), сделав правителем своей канцелярии Г. Н. Теплова, с которым он путешествовал по университетам Германии и по Европе.

Однако уже первые шаги в ранге гетмана возбудили против него много справедливых жалоб, которые приходили в столицу из Малороссии. Государыня увидела из них, что Кирилл Разумовский стал деятельно пользоваться полученной властью для обогащения родственников.

В 1754 году ему пришлось явиться ко двору, который тогда находился в Москве. В это время правительствующие власти принимают ряд важных постановлений, которые серьёзно умаляли гетманскую власть и возможности личного обогащения за счёт государственной казны. Это был в первую очередь высочайший указ об отмене внутренних таможенных сборов на границах Великой и Малой России.

Кирилл Разумовский приезжает в Санкт-Петербург. В это время издаются новые указы, которые ограничивали его власть в Малороссии. Так, малороссийские дела передаются из Коллегии иностранных дел в ведение правительствующего Сената. Гетману запрещается собственной властью назначать полковников. При нём назначается особый правительственный резидент из генералитета, в прямые функции которого входило «устранение непорядков». И, наконец, гетман лишался права иметь заграничную корреспонденцию, то есть переписку. Или, говоря иначе, Малороссия по воле императрицы Елизаветы Петровны, правительницы большого государственного ума, становилась частью Российской империи. Гетманство не давало ей уже прежней автономии.

Сам же Разумовский-младший вернулся с берегов Невы в Малороссию только в 1757 году. С помощью старшего брата он продолжал отстаивать её старинные права перед правительствующим Сенатом. И не без успеха: запорожские казаки добились заметной прибавки к своему жалованью от Российского государства.

В том же 1757 году Кирилл Разумовский снова вернулся в Санкт-Петербург, ко двору. Здесь он опять стал заниматься делами Академии наук и, в то же время, увлёкся проектом учреждения университета для Малороссии в городе Батурине, своей гетманской ставке.

В 1760 года он вновь уезжает на жительство в Малороссию. Там он проводит ряд реформ. Ко времени кончины императрицы Елизаветы Петровны гетман снова возвращается на жительство в российскую столицу.

Воцарившийся Пётр III благосклонно относился к Разумовскому-младшему. Он назначает его главнокомандующим русской армии, которая должна была выступить в поход и начать войну против Датского королевства. Но та война не состоялась из-за скорого дворцового переворота в пользу Екатерины II.

В тех событиях Кирилл Разумовский, командир гвардейского Измайловского полка, оказался на первых ролях. В типографии «его» Академии наук был тайно отпечатан екатерининский манифест к народу. Благодаря своей деятельной заговорщической деятельности он оказался в числе наиболее доверенных лиц новой государыни.

В 1763 году Кирилл Разумовский снова уезжает в Малороссию. Там он проводит ряд реформ. В казачьих полках вводится единообразная форма одежды. В полках стал вводиться регулярный строй. Были восстановлены старинные «градские, земские и подкоморские» суды. На такую «самостийную» гетманскую реформаторскую деятельность из Санкт-Петербурга до поры до времени смотрели спокойно.

Но когда президент Академии наук поднял вопрос о наследственности гетманства в роде Разумовских, императрица Екатерина вызвала его в столицу. Там она решительно потребовала от него добровольного отказа от гетманства и получила прошение об отставке. 10 ноября 1764 года гетманство в Малороссии было окончательно упразднено.

Но Кирилл Разумовский обижен не был: вместо гетманского чина он получил чин генерал-фельдмаршала, не имея, как и его старший брат, какого-либо отношения к войнам, которые в его время вела Российская империя. В русской регулярной армии он тоже не служил.

…После двухлетнего пребывания за границей он последние годы жизни провёл сначала под Москвой, в своём имении Петровское-Разумовское, а затем в Малороссии, большей частью в Батурине, живя воспоминаниями о недавнем гетманстве, когда ему подчинялась большая часть Малороссии. От брака с Нарышкиной Кирилл Разумовский имел шесть сыновей и пять

дочерей.

Фёдор Петрович Денисов (около 1738–1803)

Генерал от кавалерии. Граф. Герой войн эпохи императрицы Екатерины II Великой

Точная дата его рождения неизвестна. Родился Денисов в старинной донской станице Пятиизбянской (ныне посёлок Пятиизбянский Волгоградской области). За свой долгий жизненный путь он был и пограничным стражником на Оренбургской линии, и блистал в екатерининских русско-турецких войнах, и ходил походами на Крымское ханство, отличился в Русско-шведской войне 1789–1790 годов и в Польской кампании 1794 года.

Об этом российском графе из казаков высоко отзывался русский военный гений генералиссимус А. В. Суворов-Рымникский. О храбрости его ходили легенды. Имя «Денис-паши» наводило ужас на турок…

О боевых достоинствах популярнейшего на Дону военного вождя Фёдора Петровича Денисова лучше всего сказано в жалованной высочайшей грамоте по случаю возведения генерала от кавалерии в графское достоинство Российской империи:

«Божиею поспешествующею милостью Мы Павел I Император и Самодержец Всероссийский… и проч. и проч.

На память будущих веков объявляем настоящею Нашею жалованною грамотою всем, что данная Нам от Всемогущего Бога самодержавная власть во Всероссийской Нашей наследной Империи и принадлежащих к ней пространнейших царств, княжествах и землях, тако распространяется, что все достоинства в высоких степеней части и преимущества, как издавна во оной обыкновенная, так и по Высочайшему Нашему соизволению возведённая, каждому по заслугам и по Нашей Императорской милости, раздавать в едином таком Нашем благоволении состоит: однако ж Мы в награждении таковыми знатными степенями, честьми и титлами в Империи Нашей благодарность Нашу обыкли изъявлять рассматривая каждого, а наипаче тех, которых на степень знатнейшего графского преимущества возвести соизволяем, особливые заслуги и высокие достоинства.

И как нам довольно известно, что Наш любезно верноподданный Войска Донского генерал от кавалерии Фёдор

Петрович Денисов в службу Нашу вступил в 1756 году февраля 1-го казаком и был производим в том же году марта 20-го полковым есаулом, в 1770 году сентября 5-го Донским полковником, в 1773 г. мая 10-го майором, в 1774 г. ноября 4-го бригадиром, в 1787 г. мая 30-го генерал-майором, в 1795 г. января 1 генерал-лейтенантом, в 1798 г. февраля 26 генералом от кавалерии.

В продолжение своей службы был в походах:

В 1756 г. в Оренбург для содержания пограничного караула.

В 1763 г. в Кизляре.

В 1770 году до окончания первой с турками войны с Донским казачьим полком в армии, и находился в деле с неприятелем также при Катульской баталии, будучи же откомандирован с казачьими полками к Измаилу, разбил вышедшую из сего города в шести тысячах партию, из коей на месте побито до 1000, в плен взято 1700 человек и 12 знамён, при взятии крепостей Измаила и Килии.

Сентября 22 с Донскими казаками и арнаутами взял крепость Татар-Бунар с 23 пушками, со всем к ним снарядом и 15 знамён, при устье Дуная разбил турецкую партию, состоящую из 2700 человек, взял в плен 252 человека и 12 знамён, 29 сентября при взятии крепости Аккермана, 14 ноября при взятии Тульчи.

В 1771 г. октября 24 при разбитии визиря в Бободагах, 24 ноября при взятии города Исакчи.

В 1772 году апреля 30 за Дунаем при разбитии четырёхтысячной турецкой партии, из которой побито до 500, в плен взято 120 человек и 7 знамён, да из болгар, живущих там с жёнами и детьми, 3000 человек, также разбил при Горы-Балах расположенный турецкий корпус, причём на месте убито 65, в плен взято 100 человек, 17 пушек и 4 знамя.

А при взятии Силистрии был ранен пулей в правую ногу навылет, потом разбил турецкую партию, состоящую в 2000 человек, причём побито до 300 человек, взято в плен военных 70 человек и 4 знамя, да жителей с семействами до 300 душ.

В 1773 году за Дунаем у озера Карасу при разбитии турецкой армии, бывшей под командой сераскира Чауш-паши, которые им при том случае взяты в плен с знатным числом рядовых, 5 знамён и 8 пушек, под Варною при вылазке из оной ранен пулей в грудь.

В 1774 г. перейдя Дунай, командирован был к местечку Базарчуку, где взял в плен 7 (?) человек до 5 знамён, по возвращении к Силистрии, разбив корпус Кара-паши, взял в плен весь лагерь — на месте убито до 400, в плен взято 79 человек, 2 пушки и 9 знамён.

Потом паки к местечку Базарчуку, не доходя которого, встретясь с Черкес-пашой в 7000 конницы, его разбил и, гнавшись

за ним до имевшейся у сего местечка пехоты в 13 000 человек, не останавливаясь, оную с места сбив, получил в добычу весь его лагерь, на месте убито до 1300, взято в плен разных чинов и рядовых до 170 человек, 12 пушек и 13 знамён.

Июня 9-го при взятии местечка Казалчи и разбитии при том турецкой армии бывшей под командою Сераскир-паши 15-го при местечке Ени-Базар разбил в другой раз корпус Черкес-паши в 6000 человек, где осталось на месте снаряжения и убитых до 200, в плен взято 70 человек и 4 знамя.

17-го к местечку Розград-Базар и под крепостью Шумлою, разбил турецкую конницу, состоящую в 17 000 всадников, прогнал оную за Шумлу, тут у неприятеля убито до 2000 человек, в плен взято 159 и 15 знамён; 25-го командирован в Балканы и в деревню Челыкавак где атаковав Юсуп-пашу с отрядом разбил его и прогнал за Балканы, в плен взято 70 человек и 3 знамя, а на месте убито до 500 человек, причём ранен пулею в правый бок.

Июля 6-го и 7-го при прогнании неприятельской вылазки из местечка Шумлы ранен в левую ногу двумя пулями.

В 1779 г. в Крым для усмирения бунтовавших там татар; оттуда же в 1780 году в С.-Петербург и на Дон.

В 1783 году в Крым.

В 1788 году к Очакову, и находился при взятии онаго, а оттоль с регалиями в С.-Петербург.

В 1789 году в шведскую армию; мая 31-го при деревне Кире с егерями и казаками разбил и прогнал неприятельский деташемент, отбил две пушки, причём и при переправе, именуемой Парусальма, ранен пулями в левую ногу и руку.

Июля 3-го при деревнях Капиасах и Кути разбил и прогнал неприятеля, состоящего из 3500 человек, убито до 500, в плен взято 70 человек; 5-го прогнал шведский корпус из Куле за Кюмень до Красной мызы; 28-го перешёл через реку, разбил передовые шведские посты и, прогнав к самой батарее, овладел оною и 4-мя на ней пушками.

В 1790 г. апреля 22-го и 24-го, при кирке Вилькеной, прогнав неприятеля, состоящего из семи тысяч, под командою самого короля Шведского и получил в добычу весь его обоз с провиантом и другими принадлежностями, где ранен в левую руку пулями.

В том же 1790 году из С.-Петербурга в Польшу и там, командуя передовым корпусом, напал на польское войско при Буге, состоящее из 13 000 человек, разбил оное, отбил 7 батарей, получил в добычу одну пушку, на месте убито до 1100, да в плен взято 67 человек.

После чего командирован в разные команды, и, по секретному ордеру, к Кракову и, соединяясь с Прусским королём,

мая 26-го под Щекоченым, атаковал главнокомандующего польскими войсками генерала Костюшку с многочисленным корпусом и разбил оный, на месте убито 17 000, в плен взято до 3000 человек, 16 пушек и 27 знамён.

Отделяясь же от прусских войск с авангардным корпусом 14-го июня в сражении при деревне Скаршинске, где на месте убито 400, в плен взято 72; 28-го при Зелёной мельнице, и там на месте убито 700 человек да в плен взято 78.

29-го разбил при Мочевицах под начальством Костюшко корпус, состоящий из 13 000 человек, на месте убито 9500, в плен взяты сам Костюшко, генерал Каменский, Сираковский, Княжевич, до 200 штаб и обер-офицеров и до 3000 нижних чинов, 22 пушки и 26 знамён.

22-го октября при взятии штурмом Праги и Варшавы, по занятии оных послан был фельдмаршалом графом Суворовым-Рымникским за ушедшим из Варшавы корпусом, состоящим из 27 000 человек, под командою Ваврецкого, который им взят; нижние чины распущены в их дома, а сам Ваврецкий с генерал-поручиком Дубровским и со многими другими генералами, всею амуницею, пушками и регалиями представлены от него к фельдмаршалу графу Суворову-Рымникскому.

По окончании сей экспедиции находился при свите Нашей по 1798 г., в котором января 24-го Мы повелели быть ему в Л.-Казачьем полку командиром.

За оказанные им по службе подвиги, Всемилостивейше возложены на него ордены: Св. Александра Невского, Св. Анны I класса, Св. Великомученика и Победоносца Георгия II класса, Св. Равноапостольного князя Владимира II класса, Св. Иоанна Иерусалимского Большого Креста и Всемилостивейше жалован бриллиантовым пером, двумя саблями, каменьями украшенными, с вензелевым на них Высочайшим именем, и деревнями, в коих 1200 душ.

Там же пожалован от Его Высочества короля Прусского Фридриха II орденом Красного Орла и Его Высочества короля Польского Станислава-Августа орденом Белого Орла и Св. Станислава.

А 1799 г. апреля в 4-й день Мы, признавая отличное усердие и труды его любезно верноподданного нашего генерала от кавалерии Денисова, на пользу службы Нашей подъемлемые, Всемилостивейше пожаловали его в графское Империи Нашей достоинство, распространяя оное на всё потомство мужеска и женска полу, от него происходящее…»

Казалось, что возведение в графский титул генерала от кавалерии, командира гвардейского казачьего полка, говорило о

том, что Денисов находится в особом почёте у Павла I. Но судьба действительно непредсказуема. Не прошло и года, как первый граф из казаков оказался в царской опале. В марте 1800 года Фёдор Петрович отставляется от службы «за проволочку препорученного ему дела по комиссии военного суда».

Однако в ноябре того года он вновь попадает в милость самодержцу. Его опять принимают на службу с назначением шефом Лейб-Казачьего полка. Он снова бывает при дворе, неизменно участвуя в парадах и смотрах войск, более чем часто проводимых императором Павлом I.

В январе 1801 года Денисов вновь попадает в опалу. Его опять отставляют от службы «за беспорядки, происшедшие в полку, ему вверенном». Хотя то, что произошло в полку казачьей гвардии, беспорядками нельзя было назвать даже с натяжкой.

Три царские опалы за такой короткий срок — факт поразительный. Особенно если учесть то, что венценосный Павел I высоко ценил мнение бесспорно правдивого и прямого Фёдора Петровича, которого он безуспешно старался приблизить к себе.

Опальный Денисов не остался в северной столице. Не согласился он жить и в тогдашней войсковой столице Черкасске. Казачий граф уехал в свою родную станицу Пятиизбянскую, где и умер, оплакиваемый почитавшим его имя донским казачеством. А высочайшую грамоту о пожаловании ему графского титула получил уже от воцарившегося сына Павла I — императора Александра I Павловича.

…Результаты боевой деятельностью донского казачьего вождя и героя поразительны. За время своей долгой службы генерал от кавалерии граф Ф. П. Денисов участвовал в 22 сражениях. Казачьи полки под его предводительством уничтожили более 50 тысяч неприятельских солдат и офицеров, взяли их в плен около 10 тысяч, в том числе шесть пашей и генералов. Трофеями при этом стали 107 артиллерийских орудий и 161 вражеское знамя.

В память его 11-й Донской казачий полк с 1904 года носил его имя как полкового вечного шефа.

Максим Железняк (Зализняк) (около 1740 — после 1768 года)

Запорожский казак. Предводитель гайдамацкого восстания, известного под названием Колиевщины

Сведения о его молодых годах крайне скудны. Известно, что он родился в семье украинского казака села Медвёдовка близ города Чигирина. Юношей ушёл в Запорожскую Сечь. Через сколько-то лет бывший запорожец стал послушником Мотронинского монастыря, расположенного близ села Жаботина. Однако мирная монашеская жизнь была ему откровенно не по нраву. Да и время было не располагающее к монашеству…

В то время Правобережная Украина принадлежала Польше. Здесь и разгорелось народное восстание, участники которого называли себя гайдамаками. Участие в нём приняли не только крестьяне, городская беднота, голутвенные запорожские казаки, но и польские крестьяне.

Поскольку большинство повстанцев было вооружено только холодным оружием и часто заострёнными кольями, восстание гайдамаков на днепровском правобережье получило в истории название Колиевщина. А участников народного бунта называли «колиями».

Причиной восстания стало отношение польского панства, прежде всего участников Барской конфедерации, к православному, подневольному населению Польши. Католическая шляхта презрительно называла людей православной веры диссидентами. Через три столетия значение этого слова будет совсем иным.

Восстание началось в мае 1768 года в южной части Киевского воеводства и очень быстро распространилось на значительную территорию. Колиевщина первоначально носила религиозный характер, но быстро приобрела совсем иной, антифеодальный оттенок. И предводителем её стал бывший запорожский казак, ставший монастырским послушником, Максим Железняк (или Зализняк).

В «Военной энциклопедии» И. Д. Сытина предводителю восстания гайдамаков на Правобережной Украине посвящена целая статья наряду с портретной галереей членов императорской фамилии, полководцев и известного своими

делами генералитета. В статье о ходе восстания рассказывается следующее:

«…Набрав несколько сот гайдамаков, он (запорожский казак Максим Железняк) распустил слух, что у него имеется „Золотая грамота“ от императрицы Екатерины II, повелевающая истреблять поляков и евреев. Толпы холопов сошлись на его призыв, и он, рассыпав мелкие отряды по всей почти польской Украине, двинулся к Умани, укреплённому городу, принадлежавшему Салезию Потоцкому.

Путь его был ознаменован уничтожением городов и местечек и резнёй в них поляков и евреев. Малая Медвёдовка (Чигиринского уезда), Жаботин (Черкасского уезда), Смела, Черкассы, Корсунь, Канев, Богуслав, Каменный Брод, Боярка и Лисянка были кровавыми этапами его стихийного шествия. Под Уманью у него уже было 20 тысяч человек.

Защита города лежала на сильном казацком отряде, начальником которого был сотник Иван Гонта. Гонта был крестьянин села Россошки и вскоре по зачислении в надворную милицию Потоцкого выдвинулся своими военными дарованиями и усердной службой. И в 1757 году был сделан старшим сотником, не подчинённым власти полковников милиции — поляков, а лишь губернатору (управляющему) Умани П. Младановичу.

Затем Гонта получил от Потоцкого в пожизненное владение сёла Россошки и Орадовку, приносившие ежегодно дохода до 20 тысяч злотых.

При приближении Железняка к Умани Младанович вызвал надворных казаков из лагеря, приказал им принести присягу на верность Потоцкому и двинул их навстречу Железняку к Звенигороду. На третий день поступил донос на Гонту, что он вступил в сношения с гайдамаками.

Гонту с другими сотниками вызвали назад, но он оправдался и, дав новую присягу, был отпущен к войску и немедленно перешёл со всей милицией к Железняку. 18 июня 1768 года оба казацких предводителя уже стояли перед Уманью, где собралась масса поляков и евреев, спасавшихся от гайдамаков.

В первый день город защищался, но во второй гайдамаки ворвались в него и предали город огню и мечу. По рассказам некоторых польских мемуаров, в уманьской резне погибло до 20 тысяч поляков и евреев обоего пола и всех возрастов. Гонта мало принимал участия в резне и даже старался спасти кого мог.

На состоявшейся затем раде Железняк был выбран гетманом, а Гонта — уманьским полковником. И оба они приняли деятельные меры для распространения восстания. Но тут им

пришлось столкнуться с русским правительством, заинтересованном в охранении порядка в Польше…»

…Императрица Екатерина II в польских делах выступала в защиту интересов православной части её населения, так называемых диссидентов. В их число входили и протестанты. Но в её интересы никак не входили народные «возмущения», которые были направлены против власть имущих слоёв Польского королевства. И которые, при нежелательном повороте событий, могли перешагнуть границы Российской империи.

К тому же при начале Колиевщины, была опасность, что движение гайдамаков перекинется на Левобережную Украину, которая являлась частью Российской империи. Максим Железняк становился опасной фигурой. Екатерина II, хотя и воевала с барскими конфедератами, приняла решение покончить с Колиевщиной силой русского оружия, если этого не смогли сделать польские власти.

Такая задача была поручена генералу Кречетникову. Тот решил обойтись без кровопролития. В Умань был послан полк донских казаков под командованием полковника Гурьева. Тот, уверив гайдамаков в своей «солидарности» с ними, действовал хитростью. Устроив пирушку, он захватил и перевязал всех тех, кто воспользовался его приглашением, прежде всего предводителей Колиевщины. После этого началось пленение других гайдамаков.

«По достигнутой договорённости с Варшавой, уманьский сотник Гонта, как бывший слуга магната Потоцкого, вместе с 845 гайдамаками (бывшими надворными казаками) был выдан польскому правительству в начале июня. Их отправили в главную военную квартиру польской короны, которая в то время находилась в селении Сербы близ Могилёва (ныне город Могилёв-Подольский, Украина. — *А. Ш.*), на реке Днестре.

Больше месяца казаки ожидали суда, право на который получил начальник войск юго-западного края королевства Ксаверий Браницкий. Решением суда стала массовая казнь более 500 гайдамаков из 845-ти.

По приказанию ясновельможного пана Браницкого соратника Максима Железняка мучили только три дня, вопреки решению судебной комиссии казнить его лишь на 15-й день мучений. Все пытки Гонта перенёс стоически. После казни его тело было разрублено на 14 частей. Все они были прибиты к виселицам, устроенных на площадях 14-ти украинских городов Польского королевства».

В силу всего этого Гонта стал легендарной личностью жителей Украины (Малороссии). Когда в 1789 году на Волыни и в

1826 году на Уманщине произошли крестьянские волнения, то там ходили слухи о появлении «Гонтина сына».

…Судьба же Максима Железняка была совсем иной. Как подданный России (как и часть его соратников), он не подлежал выдаче польским властям. 8 июля 1768 года он вместе с 73 гайдамаками был доставлен в Киев и заключён в Печерскую крепость.

В конце июля Железняк со своими товарищами по Колиевщине предстал перед судом Киевской губернской канцелярии. Она приговорила гайдамаков к ссылке в Сибирь.

По пути в ссылку, близ Ахтырки, Максим Железняк вместе с полусотней бывших с ним ссыльных гайдамаков сумел обезоружить стражу и бежать. Однако вскоре опасный беглец был пойман. Дальнейшая его судьба истории неизвестна.

Как и Гонта, запорожский казак, ставший гайдамаком и предводителем народного восстания — Колиевщины на Правобережной Украине — стал героем песен и преданий. В них он изображается как борец за свободу украинского народа, угнетаемого католической панской Польшей.

Сидор Игнатьевич Белый (около 1740–1788)

Полковник. Первый кошевой атаман Войска верных казаков запорожских

Первый атаман Войска верных казаков запорожских — «творения» светлейшего князя Тавриды Г. А. Потёмкина, происходил родом из состоятельных дворян Херсонского уезда Новороссийской губернии. Проживал в собственном имении на берегах реки Ингулец.

Ещё в молодые годы Сидор Белый начал службу в Запорожской Сечи простым казаком. Человек, получивший хорошее домашнее образование и обладавший личной храбростью, быстро выдвинулся из рядовых запорожцев, и с 1768 года занимал должность войскового есаула при кошевом атамане.

По поручению кошевого атамана Калнишевского, во главе отрядов запорожских казаков, он не раз занимался истреблением разбойных шаек, действовавших не только на территории Запорожской Сечи, но и на соседних польских землях. Такие степные схватки и стали боевым крещением для Сидора Белого.

Он оказался одним из тех предводителей запорожского казачества, которые приняли покровительство России. В ходе «Первой Екатерининской турецкой войны» войсковой есаул, храбро сражавшийся с османами, был награждён за боевые заслуги дважды. В 1770 году он был награждён именной золотой медалью. В 1774 году, по случаю окончания войны, генерал-фельдмаршал Г. А. Потёмкин представил Белого к награждению чином секунд-майора.

…Присоединение к Российской империи Крыма и Новороссии подводило черту перед двухвековым существованием Запорожской Сечи. Она, охранявшая южные границы украинских земель, окончательно теряла своё прежнее, пограничное значение.

Было ещё и другое обстоятельство, которое вынудило императрицу Екатерину II принять решение о ликвидации Сечи как вольной казачьей организации. Необузданная гайдамацкая вольница, не признававшая никаких международных договоров и государственных границ, своими разбойными набегами на пределы Турции и Польши, постоянно угрожала втянуть Россию в

новые войны со своими соседями.

Официальный Санкт-Петербург, убедившись в бесплодности принимаемых мер убеждения и принуждения, приобщения запорожцев к мирному быту, посчитал необходимым принять более решительные меры. Вернее сказать, хирургические меры. Запорожская Сечь высочайшим указом упразднялась.

Сидор Белый не пострадал от такого исторического решения. Не утратил он и своей значимости среди бывших запорожцев. После упразднения Сечи дворянство Херсонской губернии избрало владельца богатого поместья на Ингульце своим предводителем.

Тогда запорожская старшина решила попытаться прошением к матушке-государыне добиться дарования Запорожскому казачьему войску прежних, старых вольностей. В 1774 году Сидор Игнатьевич Белый в числе почётных старшин запорожских вошёл в состав делегации от упразднённого войска. В её состав вошли войсковые есаулы Белый и Логин Мощёнский, войсковой писарь Антон Головатый.

Делегация прибыла в Москву, где в то время находился двор императрицы. Старшины решили сперва обратиться к екатерининскому фавориту Григорию Потёмкину, который ранее покровительствовал запорожцам, многих из них награждая за ратные труды. Будущий светлейший князь Таврический был даже записан в один из войсковых куреней под именем Грицько Нечёса.

Потёмкин долго не мог по разным причинам принять делегатов от Сечи. Однажды он заехал к ним в Новоспасский монастырь, где остановились запорожские старшины, но там их не застал. Потёмкин приказал сторожу из запорожских казаков передать главам делегации такие слова:

«Кланяйся куренному батьке, да скажи, что приезжал Грицько Нечёса благодарить за подарки, а особенно за коней».

Запорожец ответил второму лицу екатерининской России:

«Довезут, может, эти кони наши бумаги до Сената».

Потёмкин передал эти слова императрице. Она повелела немедленно рассмотреть дело Запорожской Сечи. Но решение о ней оказалось отрицательным: Сечь за государственной ненадобностью подлежала ликвидации. Запорожское казачье войско прекращало своё существование после обнародования высочайшего манифеста Екатерины II от 3 августа 1775 года.

Часть запорожских казаков после этого ушла в турецкие пределы, на Дунай, где была образована с разрешения султанских властей новая Сечь. Это было сделано с «лёгким сердцем», поскольку запорожцы, как правило, старались не обременять себя

семьями. Только теперь им приходилось служить, как людям военным, не православному государю, а восточному мусульманскому правителю.

Часть запорожцев, прежде всего семейных, остались в России. Их войсковые старшины, уравнённые в правах с российским дворянством, могли по желанию поступать на государственную службу и получать армейские чины. А Сидор Белый вернулся в своё поместье. В нём он прожил около семи лет, не занимая никакой служебной должности.

Но, будучи избранным предводителем дворянства Херсонской губернии, ему приходилось заниматься многими вопросами. Выполнял он и поручения светлейшего князя Г. А. Потёмкина, который обратил внимание на незаурядные личные способности недавнего запорожского войскового есаула.

Императрица Екатерина II, вверив своему талантливому фавориту российский Юг, наделила его полномочиями пограничного стража. К тому же он был сперва вице-президентом, а затем полновластным президентом Военной коллегии империи, то есть военным министром России той эпохи. Он понимал неизбежность новой войны с Блестящей Портой, определённо зная, что турки не смирились с потерей Крымского ханства и земель в Северной Таврии.

Потёмкин, великий государственник в истории старой России, решил восстановить казачье войско. Он пообещал бывшим запорожским старшинам земли между реками Западный Буг и Днестр с благодатной чернозёмной почвой. Но при этом Потёмкин считал:

«…Не могут, однако, терпимы быть общества без женских людей, по прежнему обычаю войска Запорожского. Но должны они утверждать жительства прочные и отечеству полезные. Если захотят они быть на основании войска Донского, то сие позволяется, и они при всяком походе будут получать жалованье, в уравнении с казаками».

К созданию нового казачьего войска из бывших запорожцев Потёмкин привлёк и авторитетного в их среде Сидора Белого. Тот по его поручению совершил поездку в Турцию с целью привлечения сечевиков, ушедших из России, на русскую военную службу.

Поездка в турецкие пределы должного успеха не имела. Большинство запорожцев не захотело вернуться в родные края, поскольку им было неясно, где для них отведут земли для поселения и какова будет организация нового казачьего войска.

Однако около двухсот запорожцев всё же приняли решение вернуться и согласились служить России. В 1783 году они стали

основой для двух казачьих команд (конной и пешей) нового формирования численностью до 500 человек каждая. Во главе их и был поставлен бывший сечевой есаул Сидор Игнатьевич Белый.

Получился «тысячный полк» под начальством Белого, который удостоился чина армейского подполковника. Так была заложена основа нового казачьего войска Российской империи, которому судьба уготовила большую роль в отечественной истории.

…Весной 1787 года императрица Екатерина II Великая совершила своё знаменитое путешествие на российский Юг, в Крым. Потёмкин поручил Белому сформировать конный конвой из запорожцев для сопровождения государыни во время её путешествия по Крыму. Кроме того, поручалось найти опытных лоцманов из числа казаков для проводки царской флотилии во главе с галерой «Днепр» вниз по реке через днепровские пороги.

Секунд-майор успешно справился с той и другой задачей, поставленной светлейшим князем Тавриды. Когда самодержица побывала в Херсонском уезде и узнала, что на реке Ингульце находится поместье Белого, она предложила ему в дар «за заслуги» Кривой Рог с прилегающей землёй. Но тот отказался от такой монаршей милости. Тогда Екатерина II пожаловала секунд-майору золотую табакерку, осыпанную алмазами.

Знакомство со всемогущим екатерининским фаворитом пошло на пользу запорожскому казачеству. Вопрос о его будущем был решён вскоре после крымской поездки государыни. К тому же началась Русско-турецкая война 1787–1791 годов. По поручению генерал-фельдмаршала Г. А. Потёмкина Сидор Белый приступил к формированию новых волонтёрских команд из бывших запорожцев. Помощниками его в этом деле стали Захарий Чепега и Антон Головатый.

К концу первой военной кампании под ружьё встало уже больше тысячи «новых казаков». Они были подчинены генерал-аншефу А. В. Суворову, который командовал войсками, предназначенными для обороны Херсонско-Кинбурнского района.

Потёмкин назвал новое иррегулярное войско «Войском верных казаков запорожских». Он разрешил им устроить свой кош на берегах реки Южный Буг в урочище Васильково. Оно стало местом временного пристанища бывших запорожцев и их семей.

Собравшись на раду, казаки избрали своим кошевым атаманом Сидора Белого, его помощником Захария Чепегу, войсковым судьёй — Антона Головатого, войсковым писарем — Подлесецкого и есаулом — Кобиняка. 31 января 1788 года императрица Екатерина II утвердила кошевое управление, атаманское достоинство С. И. Белого и старшин. Новое войско в

скором времени получит название Черноморского казачьего войска.

В феврале 1788 года Александр Васильевич Суворов торжественно вручил кошевому атаману Белому войсковую печать, большое белое войсковое знамя, несколько малых куренных знамён и символы атаманской власти — булаву и перначи. Ранее они принадлежали упразднённому Запорожскому казачьему войску.

Сидор Игнатьевич сделал многое для обустройства новообразованного коша. Он строил дома для казаков и их семей, сараи и погреба для войскового имущества, артиллерийские и провиантские склады. Ремонтировались суда военной казачьей флотилии. И, разумеется, была построена кошевая церковь.

…Войско верных казаков запорожских росло стремительно. В его рядах оказались новые возвращенцы из турецких земель и бывшие запорожцы, лишённые казачьих привилегий и приписанные крестьянами к помещикам. Во второй военной кампании под началом Сидора Белого находилось уже около десяти тысяч казаков. Конницей у него командовал Чепега, мореходной флотилией и пехотой Головатый.

Сидор Белый демонстрировал в начавшейся войне с Турцией высокое искусство казачьего военачальника. Он прославил себя тем, что 7 июня 1787 года во главе казачьей лодочной флотилии смело атаковал в лимане перед Очаковской крепостью неприятельскую корабельную эскадру и вышел из морского боя победителем.

Турецкие парусные корабли оказались бессильными против решительных атак казачьих лодок, вооружённых малокалиберными пушками. Три вражеских судна были взорваны, а остальные поспешили ретироваться подальше от места боя. Генерал-фельдмаршал Г. А. Потёмкин объявил всем участникам той морской баталии свою благодарность. Сидор Белый получил в награду чин армейского полковника.

Спустя десять дней в Днепровско-Бугском лимане произошёл новый морской бой. Казачья лодочная флотилия вновь атаковала турецкую корабельную флотилию под флагом всё того же султанского флотоводца Гассан-паши. Казаки смело шли на абордаж вражеских судов. Туркам пришлось бежать от Очакова, их поражение вновь было полным. Казаки только в плен взяли около 250 турок, а их трофеями стали два корабельных флага.

За блестящую викторию победители заплатили дорогой ценой. В той морской баталии смертельное ранение получил их кошевой атаман. Суворов, навестивший раненого, с большой надеждой писал главнокомандующему Потёмкину-Таврическому,

что Сидор Белый будет жить. Но надежда не оправдалась: через несколько дней его не стало.

Доблестный атаман «Коша верных Черноморских казаков» был похоронен с подобающими воинскими почестями в кинбурнской Александровской церкви.

…Память о Сидоре Игнатьевиче Белом казачество хранило с благодарностью. Его имя, как вечного шефа, носил 1-й Полтавский полк, один из старейших конных полков Кубанского казачьего войска, который вёл своё старшинство с 1788 года. То есть с года ухода из жизни первого кошевого атамана черноморского казачества.

Емельян Иванович Пугачёв (1740 или около 1742–1775)

Хорунжий. Предводитель Крестьянской войны 1773–1775 годов

С именем этого донского казака связано крупнейшее в истории государства Российского народное восстание, известное в прошлом как «пугачёвский бунт», впоследствии названный Крестьянской войной под предводительством Е. И. Пугачёва…

Родился Емельян Пугачёв на Дону в старинной станице Зимовейской, в семье простого казака. Действительную службу начал в 17 лет. Участвовал в Семилетней войне 1756–1763 годов против Прусского королевства. Воевал в составе Донского казачьего полка И. Ф. Денисова. Участвовал во многих сражениях, побывал в Торуни, Познани, Шермицах.

В 1762 году Емельян Пугачёв вернулся из Пруссии в родную станицу. Через два года он в составе казачьей команды оказался в Польше, которая исполняла карательные функции в отношении бежавших туда от преследования екатерининского правительства русских раскольников-староверов. Та акция наложила на сознание будущего великого бунтовщика сильный отпечаток.

Принял участие в Русско-турецкой войне 1768–1774 годов, где в течение двух лет сражался в Донском казачьем полку полковника Кутейникова. За личную храбрость и умение начальствовать над людьми был произведён в офицерский казачий чин хорунжего.

Вскоре Пугачёв тяжело заболел и был отправлен из действующей армии для лечения. Однако, оказавшись на Дону, он отказался от госпитального лечения, решив побыть дома. Считается, что это было началом уклонения его от службы. В то время ситуация в казачьих областях резко ухудшилось ввиду правительственной политики введения «регулярства» с постоянной и обременительной казачьей службой, постепенной ликвидации старинных прав казачества как воинского сословия. К этому добавилось ещё и засилье казачьей старшины.

В январе 1772 года Емельян Пугачёв оказывается в станице Ищерской на Тереке, где проживало много донских казаков-новосёлов. Они избрали хорунжего своим ходатаем перед Военной коллегией. Но когда Пугачёв отправился в Санкт-

Петербург, он был арестован и заключён в Моздокскую крепость. Однако ему удалось бежать из-под стражи в родную станицу Зимовейскую, где он снова арестовывается, уже как казак, уклоняющийся от службы.

…С Дона «крамольник» бежит на польскую границу, находя укрытие у раскольников-старообрядцев. Там он является к коменданту Добрянского форпоста, называется своим именем, но указывает себя уроженцем Польши. 12 августа 1772 года Пугачёв получает паспорт, который давал ему право свободного перемещения по России.

Вскоре состоялась его встреча с известным старообрядческим игуменом Филаретом. Тот одобрил план Емельяна Пугачёва по уводу яицких казаков, наполовину состоявших из старообрядцев, на вольную Кубань, которая тогда находилась под эгидой Оттоманской Порты.

Однако во время странствий Пугачёва снова арестовывают. В январе 1773 года он оказывается в Казани, где суд приговаривает его к ссылке на каторгу в Сибирь. Но он опять бежит и вскоре оказывается на степных хуторах Яицкого казачьего войска, в котором только год назад было подавлено восстание казаков и «дух возмущения ещё витал в воздухе».

В довершение ко всему по Яику ходили смутные слухи об объявившемся в соседнем Царицыне «чудом спасшемся» царе Петре III, муже Екатерины II, убитом вскоре после государственного переворота в Ропше. Эти слухи и навели беглого донского хорунжего воспользоваться царским именем в своих мятежных замыслах.

…Встречаясь с первыми своими единомышленниками на яицких степных хуторах, Пугачёв «открыл» им своё царское имя. Это был верный расчёт на то, что самозванство позволит использовать наивно-монархические иллюзии простого люда, не одно столетие мечтавшего о «приходе на Москву доброго царя».

17 сентября Емельян Пугачёв, он же «Пётр III», обнародовал манифест, в котором пожаловал казаков, татар и калмыков, служивших в Яицком войске, старинными казачьими вольностями. Так на Яике началось новое восстание, которое в скором времени разрослось в настоящую крестьянскую войну, потрясшую Российскую империю.

Первоначально пугачёвский отряд состоял из 80 казаков, участников Яицкого восстания 1772 года. Восставшие дважды подступали к Яицкому городку (Уральску), но штурмовать его не решились из-за отсутствия пушек. Отсюда Пугачёв двинулся к Оренбургу, центру одноимённой губернии. Под его знамёна со всех сторон стали стекаться самые разные люди: казаки и беглые

солдаты, казахи и татары, калмыки и работные люди уральских заводов…

По пути брались небольшие крепостицы Оренбургской укреплённой линии с их небольшими гарнизонами. Часть из них сдавалась без боя. Это хорошо описано в пушкинской «Капитанской дочке». Когда в первых числах октября Пугачёв подступил к Оренбургу, в его войске насчитывалось уже около 2,5 тысяч человек с двадцатью пушками.

Взять город восставшие не смогли, и они начали его блокаду. Из Бердской слободы, которая стала пугачёвской ставкой, самозванец стал рассылать петиции к народу, призывая простой люд присоединяться к нему, провозглашая свободу от крепостничества.

Чтобы в корне подавить «бунт», императрица Екатерина II направила карательный отряд под командованием генерал-майора В. А. Кара (около 3,5 тысяч человек с десятью орудиями), но отряды восставших во главе с А. А. Овчинниковым и И. Н. Зарубиным (Чикой) разбили его. Правительственные войска потерпели ещё ряд поражений.

К концу 1773 года под знамёнами Емельяна Пугачёва воевало уже около 25 тысяч человек при 86 пушках. Ядро его армии составляли казаки, прежде всего яицкие. На сторону восставших встали ставропольские калмыки. Однако основная масса пугачёвцев состояла из плохо вооружённых, необученных военному делу и неорганизованных крестьянских отрядов.

В декабре 1773 года Екатерина II отправила новые карательные силы — корпус генерал-аншефа А. И. Бибикова (около 6,5 тысяч человек при тридцати орудиях). Действуя решительно и наступательно, он нанёс поражение пугачёвцам под Самарой, Бузулуком и Кунгуром.

Генеральное сражение состоялось 22 марта 1774 года под Татищевой крепостью, в котором были разгромлены главные силы армии Емельяна Пугачёва: он потерял около двух тысяч человек убитыми, около четырёх тысяч ранеными и пленными, всю артиллерию.

Пугачёв снял осаду Оренбурга. Другой правительственный отряд подполковника И. И. Михельсона разбил «вторую армию» повстанцев Зарубина (Чики). Пугачёвцы отступили к Сакмарскому городку, под которым состоялось новое сражение. Поражение было полным, «царь Пётр III» потерял здесь многих своих ближайших, верных помощников, прежде всего из числа казаков.

…С отрядом всего в 500 человек Е. И. Пугачёв уходит с берегов Яика в горнозаводские районы Южного Урала. Весной 1774 года его армия, пополнившись башкирами и заводскими

рабочими, насчитывала в своих рядах пять тысяч человек. Пугачёвцы захватывают крепости Магнитная (ныне город Магнитогорск), Карагайская, Петропавловская, Степная и Троицкая, но вскоре терпят новое поражение.

Пугачёвцев поддержали работные люди 64 уральских горных заводов. Армия восставших получила из них не только пополнение людьми (6200 человек), но ещё и около 120 пушек, свыше 340 ружей, почти 170 тысяч рублей деньгами, продовольствие и фураж.

Однако часть горнозаводских рабочих с оружием в руках защищала… свои заводы от пугачёвцев. Этот ранее неизвестный факт сегодня стал достоянием отечественной истории.

Повстанцы вскоре доводят свою численность до двадцати тысяч человек и начинают движение на берега Волги, на Казань 12 июля город был взят яростным штурмом, но гарнизон укрылся в местном каменном кремле. 15 июля под Казанью состоялось большое сражение, в котором восставшие вновь оказались разбитыми. На Арском поле корпус правительственных войск И. И. Михельсона праздновал полную победу. Его противник потерял около двух тысяч человек убитыми и пять тысяч пленными.

…Спасаясь от преследования, Емельян Пугачёв с небольшим отрядом у Кокшайска переправляется на правый берег Волги. На Волжском Правобережье начался последний всплеск Крестьянской войны. В армию восставших влились татары, чуваши, мордва. Пугачёв, покинув районы наибольшего размаха восстания, пошёл на Дон в надежде поднять местное казачество. Он намеревался после этого идти на Москву.

Императрица Екатерина Великая отправила на подавление новые воинские силы — до двадцати пехотных и кавалерийских полков, казачьи части и корпуса дворянского ополчения под общим командованием опытного генерал-аншефа П. И. Панина. Война с Турцией закончилась подписанием мира, и у Санкт-Петербурга оказались высвобождены значительные армейские силы. Отряды повстанцев, неорганизованные и плохо вооружённые, стали повсеместно терпеть поражения.

Емельяну Пугачёву так и не удалось пробиться на Дон. В 75-ти километрах южнее Царицына произошло последнее крупное сражение Крестьянской войны. Лишившись из-за измены яицких казачьих старшин всей артиллерии уже в начале столкновения, повстанцы потерпели разгромное поражение под Чёрным Яром от войск И. И. Михельсона.

Самому Емельяну Пугачёву удалось бежать на левый берег Волги с отрядом всего из 164-х казаков. В Заволжье он был

схвачен казачьими старшинами и передан правительственным властям.

Пугачёв был доставлен в Москву, где 10 января 1775 года был казнён на Болотной площади. Тысячи участников восстания были казнены, наказаны плетьми или сосланы в Сибирь.

Екатерина II приказала наказать и мятежное Яицкое казачье войско, которое было переименовано в Уральское. Река Яик стала Уралом. Станица Зимовейская — Потёмкинской. Волжское казачество в своём большинстве переселили на Терек…

Афанасий Филимонович Шафонский (1740–1811)

Украинский казак. Один из основоположников отечественной эпидемиологии

Родился в семье сотника Черниговского казачьего полка. Отец сделал всё, чтобы дать сыну хорошую подготовку, которая позволила бы тому получить университетское образование за границей. С детства Афанасий Шафонский отличался любознательностью и тягой к знаниям.

Он оказался среди тех российских юношей, которые посылались для обучения за границу. Обучение продолжалось с 1756 по 1763 год. За эти восемь лет он получил три докторских диплома. В Галле — доктора права, в Лейдене — доктора философии, в Страсбурге — доктора медицины. Врачебное дело в конечном итоге стало для него главной профессией в жизни.

Вернувшись в Отечество, он пробовал себя на многих поприщах: был экономистом, этнографом, врачом… С 1769 года А. Ф. Шафонский становится старшим доктором Московского генерального госпиталя.

Афанасий Филимонович стремился проникнуть в тайны происхождения, развития эпидемий и разработать методы борьбы с ними. В скором времени он стал, благодаря своей неутомимости в исследовательских трудах, одним из основоположников российской эпидемиологии, признанным в Европе специалистом в этой области.

Для той эпохи его исследования в области эпидемиологии имели неоценимое значение. Шафонский первым обнаружил чуму в Москве и стал настаивать на немедленных карантинных мероприятиях с «моровой язвой», которая в средневековой Европе опустошала не только обширные области, но и целые государства.

Однако московские власти не желали прислушиваться к голосу разума, считая открытия старшего доктора Московского генерального госпиталя несостоятельными. Все высказываемые им предупреждения должного понимания не находили. Современник писал:

«Голос Шафонского — это был первый голос, предостерегающий Москву от грозящей опасности, и если бы лень и упрямство… не заглушали этого голоса, Москва, без сомнения,

была бы спасена».

К концу февраля 1771 года выяснилось, что эпидемия в городском госпитале, унёсшая 22 человеческих жизни, отступила. Чумной карантин вокруг Москвы был снят. А само здание Московского генерального госпиталя, как хранилище заразы, по высочайшему указу императрицы Екатерины II было сожжено.

Однако эпидемия не отступила. Екатерина посылает в первопрестольный град, в котором начались народные волнения, своего фаворита графа Григория Орлова. Ему указом императрицы предписывалось завершить борьбу с эпидемией чумы и «успокоить» город. Орлов для борьбы с «моровым поветрием» создаёт консилиум местных врачей, в состав которого входит и А. Ф. Шафонский.

В Москве принимаются необходимые экстренные меры: открываются новые карантинные дома, за городской чертой учреждаются специализированные больницы, ужесточается карантинный режим. Московскому полицмейстеру даётся указание использовать в целях пресечения распространения эпидемии все наличные силы полиции.

Шафонский, как учёный, изучающий эпидемиологию, сделал открытие, которое открывало новый путь борьбы с чумой. По его настоянию в лечебных учреждениях стали разделяться тяжелобольные и выздоравливающие люди. Эта мера резко снизила число повторных заболеваний.

По настоянию консилиума врачей заражённое имущество, прежде всего предметы одежды, свозилось на специальные охраняемые склады. Там оно подвергалось уничтожению (сожжению).

К борьбе с эпидемией чумы были подключены все без исключения московские медики. За это они получали двойное жалованье. Правда, в начале эпидемии их приходилось охранять от «народных бунтов», когда простолюдины стали обвинять врачей в «попустительстве мору». Дело тогда закончилось арестом зачинщиков беспорядков и казнью некоторых из них.

Императрица Екатерина II много содействовала борьбе с чумой, эпидемия которой вспыхнула в Москве. По её указу лечение и содержание в городских карантинах осуществлялось «от казны», независимо от принадлежности заболевшего к тому или иному сословию. То есть неимущих и бедняков лечили за государственный счёт.

Деятельное участие в борьбе с эпидемией чумы, этого безжалостного бича средневековой Европы, дало Афанасию Филимоновичу Шафонскому богатейший исследовательский материал. Он составил «Описание моровой язвы, бывшей в

столичном городе Москве с 1770 по 1772 годы, с приложением всех для прекращения оной тогда установленных учреждений». Этот научный труд был напечатан в Москве в 1775 году. «Описание» имело большой успех не только в России, но и за её пределами. Имя автора стало пользоваться большой известностью в медицинских кругах, прежде всего среди тех, кому приходилось бороться с самыми различными эпидемиями. Касалось это и военной медицины.

С 1782 года А. Ф. Шафонский служил в Уголовной палате Черниговского наместничества. Здесь ему пригодились те правовые знания, которые он ещё в молодости получил в стенах университета немецкого города Галле.

В последние годы своей жизни он составил топографическое описание родных краёв — Черниговского наместничества. Оно увидело свет уже после его смерти, в 1851 году в Киеве. Труд был издан под названием «Черниговского наместничества топографическое описание с кратким географическим и историческим описанием Малой России».

Сын сотника Черниговского казачьего полка в екатерининскую эпоху был заметной фигурой в отечественном научном мире. Заслуги Афанасия Филимоновича Шафонского, в том числе и в ликвидации эпидемии чумы в Москве, были высоко оценены: в 1798 году он стал действительным тайным советником. По петровскому табелю о рангах 1722 года этот статский чин равнялся воинским чинам генерала кавалерии (генерала от инфантерии), генерал-фельдцейхмейстера и адмирала прочих флагов. Равнялся он также высшему придворному чину обер-маршала.

Антон Андреевич Головатый (1743–1797)

Бригадир. Герой Черноморского казачьего войска

Известность в истории российского казачества сын малороссийского старшины Антон Андреевич Головатый получил благодаря своему уму, административным способностям и подвигам на поле брани. В юности, наслушавшись рассказов о рыцарской службе запорожцев, бежал в 1757 году из отцовского дома в Запорожскую Сечь. Сечевики приняли 14-летнего волонтёра в свой товарищеский круг, и Головатый на всю оставшуюся жизнь стал казаком.

Но перед тем как бежать на днепровский остров Хортицу, Антон Головатый учился в Киевской академии, где традиционно воспитывались дети знатных малороссиян. Недоучившийся «бурсак» бежал на Сечь не один, а с несколькими такими же, как он, воспитанниками академии, искавших воли и воинской славы среди запорожцев.

Способности, а также образованность Антона Головатого, записавшегося в Кущёвский курень, позволили ему, несмотря на молодость, быстро выдвинуться. Сперва он стал выборным куренным атаманом, потом в 1764 году получил должность войскового писаря и звание полкового старшины. То есть, говоря иначе, в 21 год (!) Головатый стал начальником штаба Запорожского казачьего войска.

…Кошевой атаман Фёдоров, отправляясь с делегацией запорожского казачества на торжества по случаю коронации императрицы Екатерины II, взял с собой в Санкт-Петербург и войскового писаря.

Головатый был и в составе последней делегации Запорожской Сечи к всероссийской самодержавной государыне в 1774 году с просьбой о восстановлении прав и привилегий Войска Запорожского. В этой поездке он познакомился с Г. А. Потёмкиным, что сыграло в его последующей судьбе большую роль.

При «разорении» Сечи Антона Головатого не коснулись «царские кары», павшие на часть казачьей старшины. Он остался на какое-то время человеком, свободным от военной службы.

Спустя пять лет после уничтожения Запорожской Сечи, в 1780

году, Потёмкин посетил Новороссию. Он объехал эту область, только недавно присоединённую к Российской империи, в сопровождении конвоя из бывших запорожцев, которым командовал Антон Головатый. Эта новая встреча укрепила их взаимоотношения.

Когда началась Русско-турецкая война 1787–1791 годов, было создано Войско верных казаков запорожских (будущее Черноморское казачье войско). Головатый принял в его организации самое деятельное участие и был выбран в системе казачьего самоуправления войсковым судьёй.

Гетманом нового казачьего войска стал тогда светлейший князь Г. А. Потёмкин-Таврический, а кошевым атаманом — Сидор Белый. И тот и другой относились к Антону Головатому весьма доброжелательно, ценя его деловые качества и верность долгу.

…Во «Второй екатерининской турецкой войне» войсковой судья командовал пешими казаками и гребной военной флотилией черноморцев, состоявшей большей частью из мореходных лодок-дубов. Флотилия отличилась в нескольких баталиях с турецкой корабельной эскадрой, «подкреплявшей» собой гарнизон Очаковской крепости со стороны Днепровско-Бугского лимана.

Головатый наряду с кошевым атаманом Сидором Белым стал одним из главных героев тех показательных для военной истории морских боёв. Под его командованием казаки-черноморцы решительно и бесстрашно шли сквозь пушечный огонь на абордаж султанских парусников, а история войн на море получила новую, примечательную страницу.

На той войне Антон Головатый отличался не раз. В первую военную кампанию его казаки под личным предводительством войскового судьи ночью перешли по льду пограничную реку Южный Буг и совершили неожиданное нападение на турецкие сторожевые заставы, которые располагались в селениях Аджигана и Яселки. Разгром аванпостов неприятельской армии оказался полным.

В следующем году, в ноябре 1788-го, главнокомандующий русской армией Г. А. Потёмкин поручает Головатому взять остров Березань, на котором турки держали артиллерийские батареи в полевых укреплениях. Гребная казачья флотилия под пушечным огнём подошла к острову со стороны лимана и высадила десант. Бой получился скоротечным: черноморцы кровопролитным приступом взяли неприятельские укрепления, одержав в итоге блистательную победу.

Головатый шёл на судах первой линии, руководя высадкой десанта. В тот день было взято с боя 21 орудие, 13 отрядных

знамён, более 200 пленных и большие запасы продовольствия для осаждённого русскими Очаковского крепостного гарнизона.

Явившись к главнокомандующему Потёмкину, руководитель успешной десантной операции преподнёс генерал-фельдмаршалу с земным поклоном символические ключи от Березаньской полевой крепости. Светлейший князь Таврический в ответ прикрепил к груди войскового судьи белоэмалевый крест Военного ордена Святого великомученика и победоносца Георгия 4-й степени. По тому времени это была очень высокая боевая награда.

…Черноморские казаки участвовали и в знаменитом суворовском штурме Измаила. Полковник Антон Головатый командовал одной из штурмовых колонн, которая на судах гребной флотилии десантировалась внутрь города-крепости с лежащего напротив острова Чатал. Дунайские воды и огонь вражеских батарей с левого (северного) берега не стали неодолимым препятствием для штурмующих войск.

В том броске через Дунай Головатый командовал авангардом штурмовой колонны генерал-майора Н. Д. Арсеньева, которая состояла из Приморского Николаевского гренадерского полка, батальона Лифляндского егерского корпуса и двух тысяч черноморских казаков. Войсковой судья лично начальствовал над тремя казачьими сотнями, которые первые высаживались с дубов на берег в городской черте.

Подвиги участников Измаильского приступа не остались без высоких наград. В победном рапорте императрице Екатерине II генерал-фельдмаршал Г. А. Потёмкин-Таврический (на основании суворовского донесения) сообщал на берега Невы:

«…Полковник Головатый с беспредельною храбростию и неусыпностью не только побеждал, но и, лично действуя, вышел на берег, вступил с неприятелем в бой и разбил оного».

За беспримерный в мировой военной истории штурм крепости Измаил Антон Андреевич Головатый удостоился ордена Святого Владимира 3-й степени, чина армейского полковника, а затем получил ещё и золотой Измаильский крест, который в России приравнивался к Георгиевским наградам.

К этому следует ещё добавить, что по пути к Измаилу гребная флотилия черноморских казаков, шедшая под брейд-вымпелом Головатого, участвовала во взятии турецких крепостей Килия и Тульча, стоявших в дунайском устье.

…Головатый был в числе старшин Черноморского казачьего войска, которые прибыли в Санкт-Петербург просить у императрицы Екатерины II Великой «добавить землицы» к уже пожалованной войску Тамани. В вечное владение они просили

прикубанские земли. И одновременно — право на охрану государственной границы по Кубани для защиты пределов России от разбойных набегов горцев.

Государыня с пониманием отнеслась к просьбе и пожаловала за боевые заслуги войску бывших запорожцев ещё и Кубанский край: территорию в треугольнике Тамань — Екатеринодар — Ейск. Таким образом, создавалась надёжная основа для заселения и хозяйственного освоения опустевших после ликвидации Крымского ханства степей севернее Кубани.

Полковник Антон Андреевич Головатый получил от императрицы в подарок большую фарфоровую кружку с её портретом, наполненную золотыми червонцами. На переговорах о «кубанской землице» войсковой судья показал себя искусным дипломатом. Но его на берегах Невы знали ещё и как бесстрашного воина, чей путь был отмечен победами при Измаиле и на острове Березань.

Екатерина II послала с Головатым Черноморскому казачьему войску благодарственные грамоты, большое белое знамя, серебряные литавры, войсковую печать и на новоселье по древнему русскому обычаю — хлеб-соль на блюде из чистого золота с такой же солонкой, а кошевому атаману Захарию Чепеге драгоценную саблю.

Полковник Антон Головатый, тронутый такими дарами черноморскому казачеству, произнёс ответную благодарственную речь. В ней были и такие ко многому обязывающие слова:

«…Тамань — дар твоего благоволения, матушка государыня, будет вечным залогом твоих милостей к нам, верным казакам. Мы воздвигнем грады, заселим сёла и сохраним тебе безопасность русских пределов».

Среди многих привилегий, которое получило Черноморское казачье войско, было и такое. Войсковому начальству предоставлялось право чинить на своей территории суд. То есть это право предоставлялось войсковому судье полковнику А. А. Головатому.

Сам Антон Андреевич переселился на Кубань только на следующий год. Он временно остался на берегах Южного Буга для устройства дел по переселению казачьих семей. На Кубань же прибыл в мае 1793 года. Тогда же началось строительство главного войскового города и одновременно крепости — Екатеринодара.

Когда кошевой атаман З. А. Чепега в 1794 году выступил с двумя полками черноморских казаков в Польский поход, Головатый в течение двух лет исполнял его обязанности. При этом он показал себя умелым администратором переселившегося

на новое место весьма многочисленного казачьего войска.

…В 1796 году полковник А. А. Головатый во главе двух казачьих полков (тысяча человек) принял участие в Персидском походе генерал-аншефа Валериана Зубова. Ему было доверено командование гребной флотилией и десантными войсками экспедиционного корпуса.

Под началом Головатого черноморские казаки участвовали во взятии персидских островов на юге Каспия и покорении ханств Северного Азербайджана по течениям рек Кура и Аракс. В походе казаки успешно вели рыбный промысел и ловили каспийских тюленей, пополняя провиантские запасы экспедиционных сил.

Слава умелого командира десантных отрядов и победы в морских боях над персами стали основанием для производства Антона Андреевича Головатого в бригадирский чин.

После смерти кошевого атамана Захария Чепеги казаки на Кубани выбрали новым атаманом Головатого, не зная о том, что он умер в походе по Южному Каспию 28 января 1797 года. Не привелось Антону Андреевичу узнать и о том, что император Павел I подписал указ об утверждении нового атамана Черноморского казачьего войска.

Тот поход по Каспийскому морю был крайне труден для казаков-черноморцев не из-за боевого напряжения и натруженности рук от вёсел. «Скверный» климат ополовинил ряды двух полков, участвовавших в экспедиции. В августе 1797 года полковник Чернышёв, оставшийся за Головатого, привёл из похода в Усть-Лабу домой всего около 500 казаков.

Бригадир А. И. Головатый был последним выборным кошевым атаманом Черноморского казачьего войска. После него эта выборная должность была заменена Павлом I на наказного войскового атамана, назначаемого императором.

…Головатый оставил о себе на Кубани светлую память. Поэтому присвоение его имени в 1904 году, как вечного шефа, 1-му Уманскому полку Кубанского казачьего войска было воспринято как должное.

Александр Андреевич Безбородко (1747–1799)

Действительный тайный советник. Светлейший князь. Государственный канцлер

Происходил из рода украинской казачьей старшины. Образование получил в Киево-Могилянской академии, где выделялся среди учащихся замечательной «памятью и острым умом». В 1765 году поступил на службу в звании бунчукового товарища, был причислен к канцелярии президента Малороссийской коллегии и генерал-губернатора Малороссии П. А. Румянцева, будущего Задунайского, полководца Российской империи и прославленного генерал-фельдмаршала.

Румянцев покровительствовал молодому человеку из знатной фамилии малороссиян, к которому относился с большой личной симпатией. Уже через два года Александр Безбородко был определён членом Малороссийского генерального суда.

С началом Русско-турецкой войны 1768–1774 годов Безбородко поступает на военную службу. В поход на берега Южного Буга он выступил с Нежинским казачьим полком. Затем командовал полками — Лубенским, Миргородским и Кампанейским.

После перевода П. А. Румянцева на пост командующего 1-й русской армией последовал за ним. Безбородко стал начальником экспедиции его походной канцелярии, вёл секретную переписку. Благодаря этому стал известен в Санкт-Петербурге при дворе.

В «Первой екатерининской турецкой войне» Александру Безбородко довелось участвовать в больших полевых сражениях при Ларге и Кагуле, в штурме дунайской крепости Силистрия. Но во всех этих делах он находился «при главном командовании».

…В 1775 году по румянцевской рекомендации Безбородко назначается секретарём императрицы Екатерины II. Эту весомую при дворе должность он исполнял до 1796 года.

Самостоятельно изучил ряд иностранных языков, имея к ним склонность. Написал известные для той эпохи исторические сочинения: «Картина, или Краткое известие о Российских с татарами войнах», «Краткая летопись Малыя России», «Хронологическая таблица замечательнейших событий царствования Екатерины II».

До 1792 года был личным докладчиком государыни по большинству внутриполитических событий, что позволяло ему в немалой степени влиять на положение дел в государстве.

Безбородко быстро вошёл в ближайшее окружение Екатерины Великой. В 1780 году сопровождал её в поездке по Белоруссии, присутствовал на её свидании с австрийским императором Иосифом II, вёл «дневниковую запись» путешествия. В том же году занимался делом о высылке в Данию членов брауншвейгской фамилии. В тот же год представил императрице «меморандум по делам политическим», а также докладную записку «Сокращённые исторические сведения о Молдавии».

С 1780 года Екатерина II стала широко привлекать своего секретаря к внешнеполитическим работам. Он производится в генерал-майоры и причисляется к Коллегии иностранных дел в звании «полномочного для всех негоциаций». С 1781 года присутствует в «секретной экспедиции».

В 1782 году, после отделения от коллегии Почтового департамента, становится главным директором почт. С 1783 года Безбородко — второй член Коллегии иностранных дел. Он одновременно стал единственным докладчиком императрицы Екатерины II по внешнеполитическим делам, передавая коллегии её повеления и указания.

При участии А. А. Безбородко заключается договор о признании Турцией присоединения к России Таврии и Крыма. Он постоянно сопровождает императрицу в её поездках. В 1783 году потомственный украинский реестровый казак возводится в графское достоинство Российской империи.

С апреля 1786 года граф Безбородко становится членом Совета при Высочайшем дворе, заняв в нём исключительное положение: он объявлял совету волю Екатерины Великой, докладывал ей о заседаниях, был докладчиком Совета по всем важнейшим делам империи.

Во время путешествия Екатерины II на юг Безбородко также сопровождал её. При этом в ходе поездки всем российским послам предписывалось отправлять доклады на его имя. В городе Каневе он вёл переговоры с польским королём Станиславом Понятовским, бывшим фаворитом императрицы.

Во время войн: Русско-турецкой 1787–1791 годов и Русско-шведской 1788–1790 годов составлял для Совета записки о ходе военных действий. Заключил Верельский мир со шведами и Ясский мир с турками. Императрица пожаловала графа А. А. Безбородко, уже произведённого в действительные тайные советники, высшей орденской наградой Российской империи — орденом Святого Андрея Первозванного и богатыми поместьями.

…Однако положение Безбородко при дворе сильно пошатнулось после того, как последний екатерининский фаворит Платон Зубов сам пожелал руководить внешними сношениями, стараясь подорвать расположение Екатерины II к прежнему исполнителю её высочайшей воли. Безбородко вышел из сложной ситуации благодаря сближению с Зубовым и вернул себе права личного докладчика государыни.

Он вновь стал заведовать внешнеполитическими делами. В 1795 году Безбородко заключает конвенцию о третьем разделе Речи Посполитой (Польши). После решения этого польского вопроса он упрочил своё положение в европейских дипломатических кругах, хотя с мнением своего российского коллеги там считались уже давно.

О роли обер-гофмейстера графа А. А. Безбородко при дворе говорят такие факты. В 1793 году во время бракосочетания великого князя Александра Павловича (будущего императора Александра I) он назначается шафером невесты.

В 1776–1792 года все манифесты Екатерины II Великой составлялись лично Безбородко. Он же стал автором около четырёхсот именных указов государыни правительствующему Сенату. За 1775–1796 годы Александр Андреевич подписал свыше 9,6 тысяч актов с объявлением воли императрицы, сама же она подписала свыше 14,5 тысяч актов.

Из канцелярии Безбородко выходили указы и рескрипты различным правительственным местам и лицам. Через него поступали на рассмотрение самодержицы все важнейшие уголовные и тяжбенные дела. Он участвовал в работе самых различных комитетов, в том числе по финансам и банковским делам.

После смерти Екатерины II Безбородко сумел сохранить своё положение при дворе. Вместе с генерал-прокурором графом А. Н. Самойловым он проводил разборку её личных бумаг. При императоре Павле I подтвердил своё первенствующее положение в Коллегии иностранных дел.

В 1797 году совместно с князем А. Б. Куракиным был уполномоченным при заключении договора с Мальтийским орденом (орденом Иоанна Иерусалимского). В том году Александр Андреевич стал государственным канцлером Российской империи и членом правительствующего Сената.

Благоволивший к нему император Павел I пожаловал Безбородко княжеское достоинство с титулом светлейшего. Он подарил вельможе 16 тысяч душ крепостных крестьян и 30 тысяч десятин земли на юге России и на Украине, сделав одним из богатейших помещиков.

Безбородко в отечественной истории оказался единственным из екатерининских вельмож, который до конца своей жизни сохранил расположение императора Павла I, человека, крайне непредсказуемого в своих поступках и решениях.

В конце 1798 года Безбородко подал прошение об отставке по болезни, но император Павел I оставил его на службе, разрешив выехать для лечения за границу. В следующем году А. А. Безбородко умер. Титул светлейшего князя никто не наследовал, поскольку его обладатель женат не был.

…Безбородко при жизни был известен как обладатель прекрасной коллекции картин и других художественных ценностей. Большинство из них он приобрёл у французских аристократов, когда в их Отечестве началась революция. Современники считали его собрание западноевропейской живописи богатейшей в России.

Он завещал свыше 210 тысяч рублей на создание Воспитательного дома. Эта огромная сумма пошла на создание Нежинского лицея.

Дмитрий Евдокимович Греков 1-й (1748–1820)

Генерал-майор. Герой Отечественной войны 1812 года

Происходил «из подполковничьих детей Войска Донского», сын казачьего полковника Евдокима Тимофеевича Грекова, известного своими делами в войнах Екатерининской эпохи. На действительную службу поступил 13-летним казаком. Боевое крещение получил на Северном Кавказе, на Тереке, служа с 1764 по 1766 год в крепости Кизляр. На границе участвовал в стычках с горцами. Там же был назначен полковым есаулом.

Участник Русско-турецкой войны 1769–1774 годов. В должности есаула Донских казачьих полков в самом начале войны отличился под Аккерманской крепостью. За тот бой был по указу императрицы Екатерины II награждён именной золотой медалью.

После этого воевал против Крымского ханства. Участник взятия Перекопа и города Феодосии. В «Первой екатерининской турецкой войне» Греков 1-й заслужил чин донского полковника (в январе 1771 года). В конце той войны донцы охраняли внутреннее спокойствие на полуострове, несли охрану побережья от турецких десантов с моря.

В 1783–1786 годах полковник Дмитрий Греков участвовал в походах на Кубань, где воевал с отрядами Ногайской орды и черкесами. В 1786 году попал в плен к горцам, в котором пробыл десять месяцев, став «живым товаром». Был выкуплен из плена за собственные деньги.

…В ходе «Второй екатерининской турецкой войны» 1787–1791 годов Грекову 1-му довелось воевать и в Северном Причерноморье, и в Крыму, и на Кавказе. Отличился в штурме Очаковской крепости. Был награждён Золотым крестом «За Очаков», который носился на Георгиевской ленте.

В следующем 1789 году, став походным атаманом Донских казачьих полков, находился в Крыму, который окончательно закреплялся за Россией. Среди прочего, обеспечивал там личную безопасность последнего крымского правителя из рода чингисидов — Шагин-Гирея.

В последний год войны оказался на Кавказском театре, на Кубани. Там донские казаки под его командованием отличились

во взятии турецкого укреплённого лагеря. Кроме пленных, трофеями донцов тогда стали два орудия и три отрядных знамени.

За тот бой Дмитрий Евдокимович был пожалован орденом Святого Георгия 4-й степени. Этот орден был только два года назад учреждён императрицей Екатериной Великой, и потому являлся ещё очень редкой наградой.

В самом конце войны новоиспечённому георгиевскому кавалеру довелось отличиться в осаде и штурме черноморской крепости Анапа. У турок она по силе модернизированных фортификационных сооружений считалась «кавказским Измаилом». По представлению командующего русским корпусом генерал-аншефа Ивана Васильевича Гудовича казачий полковник награждается похвальным листом.

…Во время Польской кампании 1794 года Греков 1-й оказался в составе суворовских войск, действовавших против польских конфедератов. Принял участие в штурме укреплений Праги — правобережного предместья Варшавы, что повлекло за собой капитуляцию её защитников. В том же году следует производство Грекова в армейские полковники.

7 сентября 1798 года Дмитрий Евдокимович Греков 1-й становится генерал-майором. Генеральский чин давался ему за прошлые заслуги и за командование казачьими полками в мирное время.

В том же году он назначается начальником Дербентского калмыцкого улуса. Калмыки кочевали в Сальских и Приволжских степях, а их конница составляла немалую часть иррегулярных войск Российской империи в ту эпоху с её частыми войнами. Начальник улуса отвечал за спокойствие среди кочевников и своевременность выставления определённого числа конных воинов в поход.

В 1800 году увольняется в отставку — «отчисляется от службы». Тогда опале по повелению императора Павла I подверглась немалая часть донского генералитета.

Наполеоновское нашествие застало казачьего генерала на родном Дону, где Греков исполнял должность начальника Усть-Медведицкого округа. Он явился одним из главных организаторов Всеобщего Донского ополчения, проявив при этом большие организаторские способности.

64-летний Греков 1-й прибыл в Тарутинский лагерь, где собиралась с силами Главная действующая армия генерал-фельдмаршала М.И Голенищева-Кутузова, 29 сентября. Дмитрий Евдокимович привёл с собой казачью бригаду, состоявшую из трёх Донских ополченческих полков. Они были сформированы на

Верхнем Дону.

К слову говоря, Дмитрий Евдокимович с полным на то правом мог гордиться и своей фамилией, и своим славным старинным казачьим родом. Шутка ли сказать — в Отечественной войне 1812 года в составе Донских казачьих полков доблестно сражались 38 (!) Грековых. Два его родных брата — Дмитрий и Алексей — в генеральских чинах тоже участвовали в изгнании французов из пределов России.

Его сын Тимофей Дмитриевич Греков, командовал в 1812 году казачьим полком, став в следующем году командиром элитного войскового Атаманского полка. Он получил генерал-майорский чин за «битву народов» под Лейпцигом, когда его атаманцы в ходе лихой атаки захватили 22 французские пушки.

Он принял участие и в сражении на реке Чернишня (или иначе — в Тарутинском сражении). Тогда русские войска, прежде всего донская конница, основательно потрепали авангард наполеоновской армии, которым командовал маршал Франции Иоахим Мюрат, один из лучших полководцев Бонапарта.

В ходе преследования отступавших французов генерал-майору Д. Е. Грекову 1-му вверяется в командование отдельный отряд иррегулярной конницы, состоявший из пяти Донских казачьих полков. Чаще всего он действовал в составе летучего корпуса атамана М. И. Платова, который руководил по кутузовскому приказу преследованием отступавшего неприятеля по Старой Смоленской дороге.

Со своим донцами Дмитрий Евдокимович отличается в боях у Колоцкого монастыря, при Соловьёвой переправе, Духовщине, Смоленске, Красном и на берегах Березины. После взятия Дорогобужа грековский отряд по распоряжению Платова направляется для действий на Новую Смоленскую дорогу, вниз по правому берегу Днепра.

Генерал-майору Грекову 1-му довелось участвовать в Заграничном походе Русской армии 1813 года. После этого он по возрасту оставил армейские ряды и возвратился на Дон.

В биографии этого человека, которого современники почитали за доблесть, проявленную при Очакове, Анапе и Тарутино, одного из героев Тихого Дона, есть «белое пятно». Скорее даже не в биографии, а в послужном списке. Там значатся всего три боевых награды: орден Святого Георгия 4-го класса, Золотой крест «За Очаков» и именная золотая медаль.

К сожалению, во все времена личный героизм не всегда соответствовал числу награждений.

Иван Козьмич Краснов 1-й (1752 или 1753–1812)

Генерал-майор. Атаман Бугского казачества. Герой Измаила, Мачина и Польши

Прославленный боевыми делами донской генерал происходил родом из «казачьих детей», из старинной станины Буковской. На службу был записан рядовым казаком в 1773 году; через год, как человек хорошо грамотный, стал полковым писарем. Отличался усердием и исправностью. В 1781 году получил офицерский чин сотника, а в 1785 году — армейский чин поручика.

Участвовал в «Первой екатерининской турецкой войне», в форсировании реки Южный Буг. На её берегах получил боевое крещение. Прошёл хорошую школу полковой службы. Перед Русско-турецкой войной 1787–1791 годов выполнял обязанности порученца (ординарца) при А. В. Суворове, который в то время командовал Владимирской, Санкт-Петербургской и Кременчугской дивизиями.

Во время Кинбурнского сражения 1 октября 1787 года поручик Иван Краснов 1-й послан был Суворовым к пехотному батальону с приказом ударить на янычар в штыки. Офицер сам возглавил штыковую атаку, заменив убитого командира. В бою «при сильнейшем огне» он получил пулевое ранение в правую ногу почти одновременно с генералом Суворовым, и они лечились «в одной ставке». За Кинбурнскую викторию донец Краснов получил звание армейского капитана.

После этого участвовал во взятии Очаковской крепости и крепости Бендеры (был ранен в левую ногу). В первом случае ему был пожалован Золотой крест «За Очаков», во втором — чин секунд-майора, опять же армейский. К тому времени его имя в рядах русской действующей армии уже отличалось славой и известностью.

В декабре 1788 года Краснов с небольшим отрядом казаков переправился через реку Днестр, покрытую тонким льдом, и в селении Варницы уничтожил турецкую сторожевую заставу.

После этого оказался в числе тех конных авангардных сил, которые первыми вышли к берегу Дуная. Незамеченные турками, казаки подстерегли неприятельское военное судно, вышедшее из

Браилова, на тростниковых плотах атаковали его и взяли на абордаж, перебив отчаянно сопротивлявшуюся команду. В той рукопашной схватке на дунайских водах один из казаков спас офицеру жизнь, отбив кинжал, направленный ему в грудь.

Иван Краснов стал одним из героев суворовского штурма Измаила 11 декабря 1790 года. И не только потому, что шёл впереди пеших казачьих сотен в ходе приступа. Перед приступом он «употреблён был от главнокомандующего в ночное время для измерения крепостного рва, что и выполнил с точным успехом». То есть генерал-аншеф А. В. Суворов поручил своему адъютанту разведать глубину и ширину крепостного рва, наличие перед ним «волчьих ям» и других искусственных препятствий, созданных неприятелем, которые могли оказаться опасным сюрпризом для штурмующих колонн. Такая разведка была связана со смертельной опасностью.

В ходе приступа казаки секунд-майора Краснова захватили на крепостном валу три стреляющих артиллерийских орудия. Наградой донскому офицеру, полковому командиру, стал чин премьер-майора и второй Золотой крест, тоже носимый на Георгиевской ленте — «За Измаил».

В заключительном сражении той войны 28 июня 1791 года Иван Краснов вновь стал одним из героев большой битвы. Он находился в передовом отряде русской армии и с подчинёнными ему донцами завоевал в бою два турецких отрядных знамени. Отличился и в преследовании разгромленного неприятеля, который «поспешил» отступить от Мачина.

Светлейший князь Тавриды генерал-фельдмаршал Г. А. Потёмкин в своей реляции в Санкт-Петербург назвал Краснова 1-го одним из героев Мачинского сражения. Императрица Екатерина II, естественно, оказалась щедрой на боевые награды победителям. Иван Козьмич удостоился похвальной грамоты от матушки-государыни и именной золотой медали для ношения на груди.

Затем многие участники «Второй екатерининской турецкой войны» стали участниками двух Польских кампаний — 1792 и 1794 годов. Казачий офицер геройски проявил себя в той и другой. Он уже командовал отдельными конными отрядами, выполняя самостоятельные боевые действия. Сказалось здесь и то, что русскими войсками предводительствовал сам Александр Васильевич Суворов-Рымникский, который был о воинских достоинствах героя Измаила и Мачина самого высокого мнения.

Среди наиболее громких дел Краснова стал разгром трёх неприятельских кавалерийских эскадронов при местечке Мурафе. Тогда казаки-донцы стремительной атакой смяли поляков и, не

дав им оправиться, повели преследование разбитого врага. Во втором случае был атакован и взят походный лагерь польских конфедератов со всем находившимся в нём имуществом и боевым снаряжением.

Не менее славными были и другие боевые дела. В бою под Мурашковом казачья сотня под командованием Краснова навела 12 эскадронов кавалерии конфедератов, которые на поле битвы собирались изрубить сотню русских конников, под картечный огонь своих пушек. Поляки тогда оказались наголову разбиты. Виктория получилась знатной ещё и оттого, что неприятелем начальствовал сам князь Понятовский, один из вождей польского «возмущения».

При местечке Полонцы премьер-майор со своими казаками вступил в схватку с неприятельским отрядом, состоявшим из трёхсот пехотинцев (две роты) и семи кавалерийских эскадронов. Конфедераты были атакованы и рассеяны по лесистым окрестностям Полонцев.

В скорое время Ивану Козьмичу довелось ещё раз продемонстрировать своё умение преодолевать водные преграды. Его казаки (бывший полк полковника Орлова) под вражеским пушечным огнём переправились через реку Вислу близ местечка Корчев. Оказавшись на противоположном берегу, донцы, без промедления, развернувшись лавой, опрокинули колонну польских войск.

Тогда боевыми трофеями русских стали 48 (!) артиллерийских орудий, спрятанных бежавшими поляками до лучших времён. Такое большое число пушек не часто доставалось армиям-победительницам в больших сражениях.

В Польше Краснов 1-й был в очередной раз жестоко ранен пулей в правую ногу. Наградой ему стали чин подполковника и орден Святого великомученика и победоносца Георгия 4-й степени.

В 1796 году он становится полковником. Будучи командирован в Молдавию (Бессарабию), Краснов сделал всё для того, чтобы свирепствовавшая там эпидемия чумы не перекинулась на другие территории Российской империи — на Новороссию и Малороссию. В ту эпоху борьба с эпидемиями, прежде всего моровой язвы (чумы), по своей государственной значимости приравнивалась к боевым действиям.

За эту заслугу, с учётом ещё и военных, Иван Козьмич Краснов 1-й производится 8 марта 1799 года в генерал-майоры. Он награждается орденами Святой Анны 2-й степени и Святого Иоанна Иерусалимского (Мальтийским крестом).

При императоре Павле I Краснов был уволен со службы.

Тогда царская опала и последующая отставка стала уделом для многих казачьих военачальников, будущих героев Отечественной войны 1812 года.

Ивану Козьмичу Краснову 1-му довелось в своей жизни побыть и атаманом казачьего войска. Воцарившийся Александр I вернул на службу государству Российскому многих опальных людей. Для генерал-майора Краснова он нашёл «подобающую его качествам должность» — пост атамана пограничного Бугского казачьего войска.

Основанное на реке Южный Буг в 1769 году войско, в 1803 году организационно состояло из Бугского конного казачьего полка, 600 семей переселенцев из балканских славянских земель, преимущественно из Болгарии, проживавших на войсковой территории. В случае войны войско выставляло три конных полка, каждый по пять сотен. Бугское казачество в мирное время подчинялось наказному атаману Войска Донского.

Краснов 1-й командовал Бугским казачьим войском до самого начала Отечественной войны 1812 года. Перед её началом он перенёс тяжёлую болезнь, но с известием о вторжении наполеоновских войск в Россию, ещё не оправившись от болезни, начал настойчиво проситься в ряды действующей армии. Он ходатайствовал о том в письме донскому атаману М. И. Платову, прося «…дать возможность умереть на войне».

Платов, хорошо знавший Краснова по предыдущим войнам, пригласил его в казачьи войска. После оставления Смоленска Краснов стал командиром отдельного отряда силой в девять полков казачьей конницы, который отличился в боях при Поречье, под Миром, Романовом, Смоленском.

Ивану Козьмичу Краснову не довелось стать участником исторической битвы на поле Бородинском. Но доля его в том сражении, увековечившем славу русского оружия, огромна. Накануне Бородинской генеральной баталии у Колоцкого монастыря произошёл арьергардный бой русской стороны. Когда 60-летний генерал скакал впереди своих полков, французское ядро раздробило ему опять ту же «злосчастную правую ногу», уже дважды жестоко раненую пулями.

Врачи вынуждены был срочно сделать раненому ампутацию ноги. Операция была проведена в походной палатке атамана Матвея Платова, в присутствии старого боевого товарища. Рана оказалась смертельной, и после 14 часов мучений, на следующий день, 25 августа, Краснов 1-й скончался.

…Ивана Козьмича похоронили 27 августа при скоплении многотысячной толпы москвичей, провожавшей его в последний путь, на кладбище московского Донского монастыря рядом с

могилой атамана Иловайского.

Краснов 1-й в Отечественной войне 1812 года оказался единственным казачьим генералом, павшим на поле брани. После гибели в «Русском вестнике» о нём была напечатана большая статья с портретом. Такой чести тогда удостаивались немногие.

Память о нём в русской армии и казачестве хранилась свято. 26 августа 1904 года «в вечное сохранение и напоминание о командирах, водивших казачьи полки к победам», 15-му Донскому казачьему полку было присвоено имя генерала Краснова 1-го.

Матвей Иванович Платов (1753–1818)

Генерал от кавалерии. Граф. Самый прославленный атаман казачьих войск России

Казачьим атаманом номер один в истории Российского государства, бесспорно, был и остаётся М. И. Платов. Он родился на Дону в станице Прибылянской, происходил из «старшинских детей Войска Донского». Отец — полковник Иван Фёдорович Платов, который преподал сыну все премудрости воинского казачьего мастерства.

В 13 лет Матвей Платов был записан на службу казаком в войсковую канцелярию. В 15 лет стал урядником и начал полковую службу. Сразу же обратил на себя внимание прирождёнными чертами конного бойца. В 1770 году был произведён в полковые есаулы, числясь в составе войск князя Долгорукова, будущего Долгорукова-Крымского.

Боевое крещение получил в походе в Крым, отличился во время приступа Перекопа (Турецкого вала), во взятии крепости Кинбурн. Платов оказался в составе тех русских войск, которым довелось исполнить поистине историческую миссию — покончить с Крымским ханством, последним осколком Золотой Орды.

В 1772 году Матвей Платов получает чин казачьего полковника и тогда же (в 18 лет!) стал командовать казачьим полком.

…В 1774 году на Кубани он умело и самостоятельно отразил семь атак «немирных» горцев на казачий походный стан на реке Калнах (Каналах). За этот подвиг был награждён по указу императрицы Екатерины II именной золотой медалью. Тогда и прозвучали слова Матвея Ивановича Платова, ставшие его жизненным девизом:

— Честь дороже жизни!..

1782–1784 годы у Платова прошли в походах по Крыму, несении пограничной стражи на Кубани, в военных экспедициях против «закубанских народов» и в Чечню. Он отличился под городом Копылом, в схватках с ханской конницей Девлет-Гирея. В эти годы молодой донской офицер служил под командованием генерал-аншефа А. В. Суворова, пройдя на Северном Кавказе хорошую боевую школу.

В июне 1787 года Платов получает чин армейского полковника. По поручению екатерининского фаворита Г. А. Потёмкина он сформировал четыре казачьих полка из однодворцев Екатеринославской губернии. Русско-турецкую войну 1787–1791 годов прошёл от начала и до конца. 6 декабря 1788 года Матвей Платов отличился при кровавом штурме Очаковской крепости. Заслуженной наградой ему стал орден Святого Георгия 4-й степени.

Светлейший князь Г. А. Потёмкин-Таврический переводит приглянувшегося ему донского полковника в Чугуевский казачий полк. Во главе его Платов храбро сражался в Бессарабии, под крепостью Бендеры, в сражении 26 сентября 1789 года под Каушанами, во взятии укреплённого замка Паланки. За Каушаны получает чин бригадира.

Платов оказался одним из героев штурма крепости Измаил, который не имеет аналогов в мировой военной истории. Он командовал одной из штурмовых колонн, составленной из пеших донских казаков, вооружённых укороченными пиками. По ходу приступа казачья колонна оказалась в тяжёлом положении, подвергшись сильному ответному удару осаждённых турок. Контратакующих османов тогда удалось загнать обратно за крепостные стены только с помощью подоспевшего резерва.

За Измаил бригадир М. И. Платов был удостоен ордена Святого великомученика и победоносца Георгия 3-й степени и производства в 1793 году в генерал-майорский чин. Он был назначен атаманом Екатеринославских и чугуевских казаков, пожалован орденом Святого Владимира 3-й степени.

Участвовал Платов в Персидском походе 1796 года, когда экспедиционным корпусом командовал генерал-аншеф Валериан Зубов, один из творцов «восточной политики» императрицы Екатерины Великой в последние годы её жизни. За доблесть, проявленную при взятии древней крепости Дербент, получил наградное Золотое оружие — украшенную алмазами саблю с надписью «За храбрость».

Во время правления Павла I казачий генерал был подвергнут опале, исключён со службы и сослан в город Кострому. В 1800 году его арестовали и посадили в Петропавловскую крепость, но затем последовало высочайшее прощение. Позже, в 1801 году, Платов получил право участвовать в Индийском походе (или в походе на Оренбург) Войска Донского.

26 августа 1801 года М. И. Платов получает высочайший рескрипт о назначении его войсковым атаманом Дона. 15 сентября того же года его производят в чин генерал-лейтенанта. При этом он был награждён орденом Святой Анны 1-й степени. В

атаманском звании Матвей Иванович занялся «усовершенствованием» вверенного ему казачьего войска, сделав действительно много для улучшения его военной организации и повседневной жизни.

Им основывается в 1805 году город Новочеркасск, в который через два года была перенесена столица Войска Донского: станица Черкасская часто подвергалась наводнениям. Реорганизуется войсковое управление. Реформируется донская артиллерия.

В 1806 году императором Александром I ему поручается командование всеми казачьими полками России, выставляемыми на войну. В связи с этим он награждается орденом Святого Александра Невского.

Талант казачьего полководца у Платова «стал всем виден и заметен» в ходе войн против наполеоновской Франции, которые более десятилетия сотрясали континентальную Европу. Начинается Русско-прусско-французская война 1806–1807 годов. Боевые действия на территории Восточной Пруссии показали, что атаман Войска Донского способен умело управлять многотысячной иррегулярной конницей.

Платов отличается со своими казаками в сражении при Прёйсиш-Эйлау и в преследовании отступавших от Ландсберга до Гейльсберга французов. За успешное прикрытие русской армии, отходившей к городу Тильзиту, стоявшему на пограничной реке Неман, атаман жалуется алмазными знаками к ордену Святого Александра Невского и наградной драгоценной табакеркой с портретом императора Александра I Павловича.

В ноябре 1807 года генерал-лейтенант М. И. Платов был удостоен ордена Святого Георгия 2-й степени. Прусский король наградил его орденами Красного Орла и Чёрного Орла, драгоценной табакеркой со своим портретом. В Георгиевском наградном рескрипте от 22 ноября того года говорилось о заслугах одного из самых выдающихся генералов русской армии следующее:

«…За неоднократное участие в боях в должности начальника передовых постов в войну с французами 1807 года».

Новым боевым поприщем для атамана стала Русско-турецкая война 1806–1812 годов. Войска под его командованием взяли город Бабадаг и штурмом овладели крепостью Гирсово, за что он был награждён орденом Святого Владимира 1-й степени.

Затем Платов со своими казаками содействовал успеху главнокомандующего русской Молдавской армии генерала от инфантерии П. И. Багратиона в сражении при Рассевате.

Самой же большой победы в той войне донские казаки

добились в день 23 сентября 1809 года. Тогда они наголову разгромили пятитысячный турецкий корпус в полевом бою между неприятельскими крепостями Силистрия и Рущук. Эта победа принесла Матвею Ивановичу чин генерала от кавалерии. Высочайший указ о его присвоении был подписан императором Александром I почти сразу же после получения с берегов Дуная донесения об одержанной виктории — 26 сентября.

Полководческая же слава пришла к трижды георгиевскому кавалеру генералу от кавалерии М. И. Платову в ходе Отечественной войны 1812 года. С самого начала вторжения в российские пределы Великой армии завоевателя Наполеона I полки донских казаков платовского летучего (иррегулярного) корпуса не выходят из боёв. Корпус прикрывал отход русских армий к Смоленску со стороны Рудни и Поречья.

Список боёв, которые провела иррегулярная конница в лице летучего корпуса атамана М. И. Платова в первый период войны, впечатляет: это Кареличи и Мир, Романово и Молево Болото, Иньково…

В том, что русская 1-я Западная армия генерала от инфантерии М. Б. Барклая-де-Толли и 2-я Западная армия генерала от инфантерии П. И. Багратиона соединились в районе Смоленска, огромная заслуга принадлежит летучему казачьему корпусу. После соединения двух армий и отступления их к Москве Платов командует арьергардными боями.

В Бородинском сражении корпус генерала от кавалерии Платова находился на правом фланге кутузовской армии, противостоя кавалерии итальянского вице-короля. Донские казаки вместе с кавалеристами генерал-адъютанта Ф. П. Уварова участвовали в рейде против левого крыла вражеской армии. Но за Бородино Платов награды не получил.

После Бородинской битвы атаман отправляется на родной Дон, где в самые короткие сроки создаётся донское ополчение. И 26 конных полков донцов-ополченцев в стремительном марш-броске прибывают в Тарутинский лагерь Главной русской армии.

При отступлении русской армии из Москвы казачьи полки составили арьергардные силы. Они сумели сдержать под городом Можайском натиск кавалерии маршала Франции короля неаполитанского Иоахима Мюрата.

Когда же началось неотступное преследование бежавшей наполеоновской армии, именно казачьему полководцу Платову главнокомандующим генерал-фельдмаршалом М. И. Голенищевым-Кутузовым, князем Смоленским поручается командование авангардом Главной армии. Платов делал это великое для истории России дело вместе с войсками генерала

М. А. Милорадовича успешно и эффективно.

Наносятся сильные удары по войскам прославленного маршала Даву, у которого под Колоцким монастырём казаки отбивают в бою 27 орудий. Затем платовская конница участвует в сражении под городом Вязьмой, в котором полное поражение терпят французские корпуса маршалов Мишеля Нея, того же Даву и итальянского вице-короля.

Блестящую победу казачья конница одержала также 27 октября в деле на берегах реки Вопь, разбив французские войска маршала Эжена Богарне и отбив у них 23 артиллерийских орудия. За эту подлинную викторию атаман Войска Донского был возведён Александром I в графское достоинство Российской империи.

8 ноября летучий корпус генерала от кавалерии графа М. И. Платова при переправе через реку Днепр наголову разгромил остатки корпуса маршала Нея. Через три дня казаки заняли город Оршу. 15 ноября с боем овладели городом Борисовом.

Большой успех иррегулярной коннице сопутствовал и 28 ноября в сражении при городе Вильно (ныне Вильнюс, Литва), где был наголову разбит 30-тысячный вражеский корпус, попытавшийся было прикрыть собой отход за пограничный Неман остатков Великой армии.

Затем 2 декабря французы потерпели поражение у города Ковно (современный Каунас). В тот же день казаки удачно форсировали реку Неман и перенесли боевые действия русской армии на территорию Восточной Пруссии. Император Александр I не раз высказывал монаршье «благоволение» казачьему полководцу с берегов Дона.

Результативность боевой деятельности казачьих войск под командованием атамана графа М. И. Платова в ходе Отечественной войны 1812 года поразительна. Они захватили 546 (548) вражеских орудий, 30 знамён и взяли в плен более 70 тысяч наполеоновских солдат, офицеров и генералов. Полководец М. И. Голенищев-Кутузов писал военному вождю казачества России такие слова:

«Услуги, оказанные вами Отечеству, не имеют примеров, вы доказали целой Европе могущество и силу обитателей благословенного Дона…»>

Не менее успешно генерал от кавалерии Платов воюет в ходе Заграничных походов русской армии 1813 и 1814 годов. Он участвует в осаде мощной крепости Данциг. 16 сентября в первой заграничной кампании платовская конница у города Ольтенбурга (Альтенбурга) наносит поражение французскому корпусу

генерала Лефевра и преследует его до города Цейса. Наградой стал драгоценный портрет (украшенный алмазами) всероссийского государя для ношения на груди.

Казачьи полки платовского летучего корпуса также отличились в Битве народов под Лейпцигом 4, 6 и 7 октября 1813 года. При преследовании отступавших наполеоновских войск казаки захватили в плен около 15 тысяч солдат и офицеров.

За Лейпцигское дело Матвей Иванович удостоился высшей награды Российской империи — ордена Святого апостола Андрея Первозванного. За преследование французов ему было вручено бриллиантовое перо (челинг) с вензелем государя для ношения на головном уборе. Для России это была редкая награда, бывшая традиционной в султанской Турции.

10 октября летучий корпус донского атамана наносит новое поражение французским войскам генерала Лефевра. Сражение состоялось под немецким городом Веймаром.

С 16 по 18 октября казачьи полки оказали поддержку союзным баварским войскам под командованием генерала Вреде в сражении при городе Ганау. Теперь его Золотую саблю «За храбрость» украсили наградные золотые лавры.

…1814 год ознаменовался для казачьей конницы многими победами уже на французской земле. Летучий корпус отличился в сражениях при Лаоне, Эпинале, Шарме, в штурме укреплённого города Намюра, в разгроме неприятеля при Арисе, Арси-сюр-Об, Вильнёве… У города Сезанна платовские казаки взяли в плен отряд отборных войск императора Наполеона I — часть сил его Старой гвардии. Затем они взяли под самой неприятельской столицей её предместье — городок Фонтенбло.

Атаман М. И. Платов во главе своих легкоконных полков, три года — с 1812 по 1814 год — удивлявших Европу, в составе русской армии торжественно вступил в поверженный Париж. Донцы тогда разбили свой бивуак на знаменитых Елисейских Полях.

…Из Парижа генерал от кавалерии Платов сопровождал императора Александра I в его поездке в Лондон, где был принят с особым вниманием. Англичане, восхищённые подвигами донского атамана в войнах против наполеоновской Франции, преподнесли ему почётную саблю и назвали его именем военный корабль. Графу Матвею Ивановичу Платову в торжественной обстановке вручили почётный докторский диплом аристократического Оксфордского университета.

После 1815 года полководец поселился на Дону, в войсковой столице городе Новочеркасске. В последние годы своей жизни Платов основал в Новочеркасске гимназию, военную типографию.

Умер Матвей Иванович через три года в станице Епанчицкой.

Первоначально атаман был похоронен в самом городе в фамильном склепе у кафедрального Вознесенского собора. В 1875 году состоялось его перезахоронение на Архиерейской даче (на хуторе Мишкин). 4 октября прах атамана Платова был торжественно перенесён в усыпальницу Войскового собора в Новочеркасске.

После осквернения могилы казачьего полководца в советское время его прах был перезахоронен в третий раз там же 15 мая 1993 года.

…В 1853 году, на собранные на Дону по подписке народные деньги, в городе Новочеркасске был поставлен памятник работы П. К. Клодта самому прославленному казачьему атаману в истории России. Надпись на памятнике гласила:

«Атаману графу Платову за военные подвиги с 1770 по 1816 год признательные донцы»

В 1923 году памятник был снесён, а в 1993-м — воссоздан.

С 26 августа 1904 года его имя, как вечного шефа, стал носить 4-й Донской казачий полк.

Давыд Мартемьянович Бородин (1760–1830)

Генерал-майор. Войсковой атаман Уральского казачьего войска

Последний из выборных атаманов уральского (яицкого) казачества пользовался огромной личной популярностью и непререкаемым авторитетом. Не случайно в войске ходила поговорка: «Атаман Бородин во всём войске один».

Происходил он из старшинского рода Яицкого казачества. Службу традиционно начал рано, ещё в юношестве. Боевое крещение получил в пограничных схватках со степными разбойниками.

Во время Пугачёвского бунта 1773–1775 годов не изменил присяге. Юный казак «из Бородиных» участвовал в стойкой обороне города Оренбурга от осадивших его пугачёвских войск. Те так и не смогли взять силой столицу пограничной Оренбургской губернии.

Военного опыта Д. М. Бородин набрался прежде всего в походах русских войск (основой которых были оренбургские и уральские казаки) в Киргизскую (Казахскую) степь. Это были дальние походы 1781, 1782, 1784, 1787 и 1809 годов. Ходил он с уральской казачьей конницей и на Кавказ, неся там государеву порубежную службу с 1789 по 1791 год.

Как казачий военачальник Давыд Мартемьянович Бородин прославился в 1798–1800 годах, когда в качестве походного атамана двух полков уральских казаков участвовал в Швейцарском походе русских войск. Эти полки входили в корпус генерала А. М. Римского-Корсакова, прибывшего в Швейцарию для соединения с войсками генерал-фельдмаршала А. В. Суворова-Рымникского, которые должны были прийти из Северной Италии.

В проигранном Римским-Корсаковым Цюрихском сражении уральцы занимали главную позицию. Но разбросанность русского корпуса и несостоятельность корпусного командира как военачальника позволила французам одержать победу. После этого казачьи полки атамана Бородина участвовали в деле у Дисенгофена 26 сентября 1799 года.

До нас сохранился словесный портрет Бородина в те «швейцарские годы», приведённый на страницах «Русского

вестника» в одном из номеров за 1799 год.

«Это мужчина приблизительно сорока лет от роду, огромного роста, положительно правофланговый гренадер. Сила и здоровье так и отражаются во всех его движениях, и его величественная фигура издалека бросается в глаза.

Его борода достигает до луки седла. На груди у него висит большой, украшенный бриллиантами и самоцветными камнями крест.

Лошадь его скачет, вернее сказать, носится по воздуху, а не ходит. И когда он гарцует на ней перед рядами своего полка, то так и кажется, что видишь перед собой покорителя мира — Тамерлана…»

В Отечественной войне 1812 года и последующих заграничных походах русской армии в 1813 и 1814 годах походный атаман генерал-майор Д. М. Бородин возглавлял шесть номерных полков уральских казаков (непосредственно в боях участвовало только четыре). Воевали они доблестно, с боями прошли славный путь до самого Парижа, в который вступили в рядах русской армии-победительницы в марте 1814 года.

В войнах против наполеоновской Франции особенно отличились Уральские казачьи полки 3-й, 4-й, 5-й и 6-й. Так, в сражении при Фер-Шампенуазе уральцы вместе с оренбургскими казаками нанесли неприятелю неожиданный удар во фланг, принудили его к отступлению и захватили девять орудий.

Уральцы отличились в бою при Волковыске, участвовали в преследовании остатков наполеоновской Великой армии от реки Березины до государственной границы. Все четыре полка доблестно сражались в Битве народов под Лейпцигом. Казаки с берегов Урала бились в сражении у Дрездена, в делах у северогерманского города Гамбурга, отличились в блокаде Пфальцбурга…

Уральцы несли в те военные годы — 1813-й и 1814-й — охранную службу в Польше и Богемии, в составе гарнизона Лейпцига «для несения караулов», охраняли коммуникации союзных армий на территории германских государств.

Генерал-майор Давыд Мартемьянович Бородин дважды избирался уральским казачеством своим войсковым атаманом: с 1798 по 1823 год и с 1827 по 1830 год — то есть до своего ухода из жизни. За это время он показал себя талантливым военным администратором: его правление стало целой культурно-исторической эпохой в летописи Уральского казачьего войска.

Во-первых, при нём войсковые казачьи чины были уравнены в 1798 году с армейскими чинами. С того времени на казачье офицерство распространилось право дворянства. Но с другой

стороны, после этого узаконения на территории войска появились крепостные люди, чего раньше на берегах Яика не было.

Во-вторых, при императоре Александре I, в 1803 году, было введено новое Положение об Уральском казачьем войске. Теперь оно делилось на десять номерных полков — от 1-го до 10-го и Лейб-гвардии Уральскую казачью сотню (тогда она привилегий российской гвардии ещё не имела).

Для уральцев вводился единый форменный мундир (малиновый чекмень), единообразное вооружение и снаряжение, о чём раньше не было и речи: казак вооружался и снаряжался на войну сам и как хотел.

В 1806 году малиновый чекмень (сукно такого цвета оказалось очень дорогостоящим) по просьбе уральских казаков был заменён на тёмно-синий, как у донского казачества. Мундиры малинового цвета стали парадной формой для войсковых лейб-гвардейцев.

Уральские казаки в ту эпоху вооружались пиками с чёрным древком, саблями произвольных образцов, пистолетами и ружьями тоже самых разных образцов. Малоимущие казаки были вооружены одним холодным оружием. Воинское снаряжение было в основном восточных образцов с перевязями и портупеями из ремней, тесёмок и шнуров, что разительно отличалось от армейского снаряжения.

Вольным по духу бывшим яицким казакам такие нововведения не понравились сразу. И только благодаря авторитетности войскового атамана в рядах уральцев не случилось нового «возмущения» против правительственного решения, которых ранее случалось немало. Уральское казачье войско в своей массе осталось верным данной присяге.

Но всё же введение в действие «Временного положения» о службе уральских казаков привело к волнениям в их рядах. Войсковой атаман сумел подавить их и не дать вспышке перерасти в вооружённый бунт.

Это было особенно значимо для правительства ещё и по той веской причине, что более сорока процентов уральского казачества составляли старообрядцы, которые с самого начала своего появления в отечественной истории постоянно испытывали сильное давление и различные гонения со стороны власти.

В-третьих, Бородин отличался известными способностями «степного» дипломата. Это выражалось прежде всего в налаживании мирных взаимоотношений с кочевниками. С ними пограничному войску приходилось соседствовать на протяжении всей своей многовековой истории. Успешных примеров такой дипломатии в биографии Давыда Мартемьяновича немало.

В 1829 году, уже при императоре Николае I, он не позволил султану (правителю) Казахской Орды перейти за реку Урал и выйти к волжским берегам. Дело могло перейти в конфликт с применением военной силы. Войсковой атаман лично вступил в переговоры с Каип-Галием и убедил его прекратить волнения среди казахских кочевых родов, чтобы не породить в степи новый всплеск кровавых междоусобиц.

В-четвёртых, Д. М. Бородин стал организатором каменного строительства в войсковой столице. В 1821 году в городе Уральске (бывшем Яицком городке) произошёл страшной силы пожар, который нанёс большой урон: сгорели сотни старинных казачьих домов. Тогда атаман приложил немало усилий, чтобы восстановить город и помочь ему приобрести прежний исторический облик.

Впоследствии Давыд Мартемьянович пригласил в войско на должность архитектора итальянца Дельмидино. Этот известный специалист каменного зодчества построил дома не только атаману и войсковым старшинам, но и ряд административных зданий, «изрядно» украсивших город на берегах реки Урал.

Архитектор-итальянец оставил «свой след» в облике города Уральска с «лёгкой руки» войскового атамана и за счёт войсковой казны. Тем самым в период атаманства Бородина в Уральском казачьем войске было положено начало архитектурному градостроительству.

И наконец в-пятых, при атамане в генерал-майорском чине Д. М. Бородине гражданское и военное местное управление сосредоточилось в одном органе административной власти, то есть в войсковой канцелярии. И не просто сосредоточилось, а сосредоточилось под «председательством» войскового атамана.

При Бородине Уральское казачье войско, не в пример Донскому войску, потеряло свою прежнюю историческую самостоятельность. В декабре 1816 года оно вошло в состав Отдельного Оренбургского корпуса.

Уральское казачество чтило память одного из своих самых прославленных боевых войсковых атаманов, последнего казачьего вождя на берегах Урала — Яика из числа выборных атаманов. В честь его одна из уральских станиц была названа Бородинской.

Аким Акимович Карпов 2-й (1762, 1764 или 1767–1837 или 1838)

Генерал-лейтенант. Герой войн против наполеоновской Франции

У обладателя трёх орденов Святого Георгия была поистине боевая судьба, которая бросала его на протяжении более чем тридцати лет с одной войны на другую. Происходил он из «штаб-офицерских Войска Донского детей», родился в слободе Дячкино. Образование получил домашнее.

На службу был записан казаком в 1778 году.

Боевое крещение Карпов получил в Донском казачьем полку М. И. Платова, в рядах которого состоял с 1782 по 1786 год. Участвовал в военных экспедициях за реку Кубань и в Чечню. В 1783 году получает чин полкового есаула, через четыре года — армейского поручика. После четырёх лет службы на Северном Кавказе некоторое время исполнял обязанности медведицкого сыскного начальника.

В 1787 году Акиму Карпову поручается формирование первых в Донском казачьем войске двух рот конной артиллерии и обучение их. В ноябре 1799 года он производится в полковники.

С созданной им казачьей артиллерией в 1801 году участвовал в знаменитом походе донского казачества в Индию (так называемый поход к Оренбургу). Это военное предприятие было отставлено в связи с насильственной смертью императора Павла I. Однако для казачьих полков Дона и Карповских конно-артиллерийских полков дальний степной поход стал серьёзным экзаменом на воинскую зрелость.

После этого донской артиллерист полковник А. А. Карпов два года — 1804 и 1805 — снова проводит на Северном Кавказе, воюя там с «немирными» горцами, постоянно проверявшими на прочность пограничную укреплённую линию.

…Затем последовало участие в Русско-турецкой войне 1806–1812 годов. Карпов побывал в огне почти всех её сражений, неизменно демонстрируя мужество и «примерную доблесть». На той войне он и выдвинулся в числе наиболее успешно действующих военачальников Войска Донского, получив генеральские эполеты.

В 1807 году Карпов отличается в сражении под Журжей

(пожалован орден Святого Владимира 4-й степени с бантом), и в действиях против турок на территории Сербии. Наградой ему стал орден Святого Георгия 4-й степени. На берегах Дуная казачья артиллерия отличилась при взятии вражеских приречных укреплений Малайницы и Субик, удачным пушечным огнём истребив на водах Дуная несколько крупных судов неприятеля.

В 1808 году Карпов опять не раз отличается, участвуя в сражении под Браиловым, взятии Гирсова и Кюстенджи. Награждается Золотым оружием — саблей с надписью «За храбрость». За подвиг на поле битвы под Рассеватом Аким Акимович Карпов награждается генерал-майорским чином. Затем следует сражение под Татарицей, за которое он награждается орденом Святого Владимира 3-й степени.

В 1810 году казачий генерал участвует во взятии крепостей Силистрия и Рущук, при блокаде Шумлы, в Батинском сражении.

В 1811 году он вновь отличается за Дунаем, на болгарской земле, «в движении к Балканам». В том начавшемся походе к Балканским горам казачья конница шла в авангарде армейских сил.

С началом Отечественной войны 1812 года генерал-майор А. А. Карпов командует отдельным казачьим отрядом в багратионовской 2-й Западной армии, имея одновременно и свой полк, носивший его имя. В его послужном списке значатся почти все важнейшие бои, которые проходили, начиная от Мира и до самых заснеженных берегов Березины. К тому же Карпов со своим отрядом (полком) очень удачно прикрыл арьергардными действиями в числе других казачьих командиров отход кутузовской армии из Москвы к Тарутину.

В сражении на Бородинском поле Карпов командовал казачьим отрядом русской 2-й Западной армии генерала П. И. Багратиона. Отряд располагался в районе деревни Утица, прикрывая от наступавшего польского корпуса Понятовского левое крыло своей армии.

Он особенно отличился в Тарутинском сражении на берегах реки Чернишня, где было нанесено поражение войскам маршала Франции Иоахима Мюрата. Боевой наградой Акиму Акимовичу стал орден Святой Анны высшей 1-й степени, с алмазами.

За успешное преследование наполеоновской армии и окончательное изгнание французов из пределов России генерал-майор Карпов награждается крайне редкой для своего первого генеральского чина наградой — орденом Святого великомученика и победоносца Георгия 3-й степени. Однако в наградном рескрипте формулировка для мастера авангардных боёв начальника донской казачьей артиллерии в войну читалась

иначе:

«В награду за отличную храбрость и мужество, оказанные в сражении против французских войск 4 и 6 ноября 1812 года под Красным».

Военачальник с казачьего Дона стал героем не только Главной русской армии, но и всей «грозы 12-го года», обрушившейся на Россию…

Не менее успешно Аким Акимович Карпов воевал в заграничных походах русской армии. В его послужном списке значатся Глогау и Дрезден, Бауцен и Кацбах, Лейпциг и Линьи, Сен-Дизье и Бриенн-ле-Шато, Ла-Ротьер и Монмираль, Шато-Тьерри и Краон, Лаон и Фер-Шампенуаз. И, наконец, Карпов побывал под стенами поверженного Парижа.

В 1813 и 1814 годах его ожидало наград не меньше, чем за изгнание французов из России. За Бауценское сражение он получил Золотую саблю с алмазами. За дело у Кацбаха — орден Святого Владимира 2-й степени.

За сражение у Ла-Ротьера, где казачья конница блистала на поле брани, удостоился чина генерал-лейтенанта. Обращает на себя внимание тот факт, что такой чин для казачьего военачальника, не ходившего в войсковых и наказных атаманах, был вообще крайне редким. И дело здесь заключалось не в том, что Карпов был близок к Матвею Платову, а в том, что проявленная им в той битве на французской земле генеральская доблесть действительно заслуживала такого поощрения.

…После окончания военных действий против Франции генерал-лейтенант А. А. Карпов назначается командиром всей Донской казачьей артиллерии, которая пройдёт в последующих войнах старой России славный боевой путь. И в этом видится немалая личная заслуга её первого начальника, человека настойчивого и умелого, рачительного и требовательного к себе и подчинённым.

В этой должности Аким Акимович оставался до 1817 года, когда был избран первым войсковым дворянским депутатом, или, говоря иначе, предводителем дворянства Войска Донского. В столь значимой должности он оставался до 1820 года.

В 1819 году, как опытный генерал, Карпов вошёл в состав Комитета по устройству Донского казачьего войска. В следующем году, попав в немилость к военному министру генерал-адъютанту Чернышёву, фавориту императора Николая I, был отставлен от всех должностей. Со службы же его уволили только в 1836 году, незадолго до смерти.

Один из донцов — героев изгнания французов из России — был похоронен в фамильном склепе при церкви Трёх Святителей

в Дячкиной слободе Донецкого округа Войска Донского. В казачьей конной артиллерии имя Карпова чтилось всегда.

Степан Фёдорович Балабин 2-й (1763, 1756 или 1759–1818)

Генерал-майор. Командир Атаманского казачьего полка в войнах против наполеоновской Франции

Происходил родом «из протопопских детей Войска Донского», из старинной казачьей станицы Раздорской. На действительную службу поступил казаком в марте 1778 года. «Рассудительность и основательность» позволили ему через пять лет стать полковым квартирмейстером. Первый офицерский чин сотника получил в сентябре 1789 года, в ходе «Второй екатерининской турецкой войны».

К тому времени Степан Балабин уже имел немалый боевой опыт: с 1778 года, то есть с года своего поступления на службу, и по 1785 год он воевал с «немирными» горцами за Кубанью. Участвовал в военных экспедициях, в охране государственной границы, которая проходила по линии русских укреплений на Северном Кавказе. Был хорошо знаком и с походной жизнью.

Затем последовало участие в Русско-турецкой войне 1787–1791 годов, в которой он и получил за боевые отличия чин сотника. Балабин 2-й отличился в сражении на Кинбурнской косе, в котором суворовскими войсками был почти полностью уничтожен янычарский десант. Тогда казаки трёх Донских полков по морской воде раз за разом заходили туркам, сидевшим в 15 (!) линиях окопов поперёк песчаной косы, в ближний тыл, вновь и вновь завязывая рукопашные схватки. Протопопский сын в том бою дрался исключительно бесстрашно.

Отличился Степан Балабин и в схватках за Бендерскую крепость — одну из сильнейших твердынь Оттоманской Порты в Северном Причерноморье. Тогда донской казак получил сабельное ранение в плечо, но в полковом строю остался.

На приступ неприступного Измаила в 1790 году он шёл в казачьей штурмовой колонне уже в чине сотника. Тогда он получил пулевое ранение в ногу. Наградой за славное для русского оружия сражение казачьему офицеру стал золотой крест «За Измаил», который даровался отличившимся по повелению императрицы Екатерины II Великой на Георгиевской ленте. В том же году Балабин 2-й получает чин армейского поручика.

В 1792 году ему довелось воевать с польскими

конфедератами. В погонях за отрядами мятежников, которые не часто отваживались на полевые бои, казачий поручик не раз «показывал примерную храбрость» в их преследовании.

После этого он принимал участие в Персидском походе 1796–1796 годов. Полк, в котором служил Степан Балабин, был введён в состав экспедиционного корпуса, которым командовал одноногий генерал-аншеф граф Валериан Зубов, брат князя Платона Зубова, последнего екатерининского фаворита. В том походе донцы показали себя во многих делах, в том числе и при взятии древнейшей крепости Дербент на дагестанском побережье Каспия.

Персидский поход дал возможность Балабину 2-му отличиться не раз, как под Дербентом, так и в мусульманских ханствах Северного Азербайджана. Заслуженной наградой ему стал чин майора.

Тот поход по кавказскому берегу Каспийского моря к границам шахской Персии и стал для казака из станицы Раздорской трамплином к той должности, которая в военной истории старой России прославила его достойное имя.

…Степан Фёдорович Балабин с 1806 года по декабрь 1818 года командовал образцовой частью Донского казачьего войска — Атаманским полком, которому суждено было пополнить ряды казачьей гвардии старой русской армии. Атаманский полк носил имя Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича.

Это был элитный полк донского казачества. Его сформировал с разрешения императрицы Екатерины II 20 апреля 1775 года войсковой атаман А. И. Иловайский в составе пяти сотен под названием «Войска Донского Атаманский полк». Он предназначался для непрерывной службы при войсковом атамане в качестве его особой личной стражи. Комплектовался полк лучшими казаками, которые набирались со всех станиц.

В отличие от синего мундирного цвета донцов, кафтаны и шаровары атаманцев, как рядовых, так и офицеров, шились из голубого сукна. В последующем они носили голубые парадные мундиры.

Атаманский полк просуществовал в России до 1920 года, когда уцелевшие в огне Гражданской войны донцы-атаманцы оказались в белой эмиграции. При всех бедах они смогли сохранить до последних дней своей жизни полковую спайку и любовь к оставленному ими Отечеству.

Атаманский полк имел к тому времени богатую боевую биографию и своих героев, которые считались героями всего Дона. С 1802 года его история была связана с именем атамана М. И. Платова. Поэтому он и стал называться Атаманским

Платова полком. Быть его полковым командиром означало исключительную честь.

Балабин принял командование над атаманцами в тот год, когда началась Русско-прусско-французская война 1806–1807 годов. В той войне полку пришлось нести не только боевое охранение русской армии и вести разведку неприятеля, но и нарушать его коммуникации. За сражение при Ганау, где Атаманский полк действовал удачно и бесстрашно, его командир удостоился ордена Святого Георгия 4-го класса (степени).

Из Восточной Пруссии полк совершил переход на берега Дуная, где шла Русско-турецкая война 1806–1812 годов. На Балканах донцы-атаманцы особенно отличились при разбитии турецких корпусов в сражении под Рассеватом и Силистрийской крепостью. В том же 1809 году полк по высочайшему повелению возвратился на Дон. В январе 1810 года его командир получает чин полковника.

…Отечественную войну 1812 года Атаманский полк начал в составе летучего казачьего корпуса атамана М. И. Платова, входившего в состав 2-й Западной армии, которой командовал генерал от инфантерии П. И. Багратион, один из любимейших суворовских учеников. Атаманцы оказались деятельными участниками во всех делах платовского корпуса.

Полковник Степан Балабин 2-й демонстрировал в каждом арьергардном бое высокое искусство командования элитным полком Войска Донского. На его личном «счету» в начале войны значились Мир, Романово, Иньково (или Молево Болото). Отличился в бою у деревни Кареличи, где ложной атакой полка обеспечил победный исход столкновения с французами. У деревни Климовой балабинские казаки разбивают французский отряд, обратив его в бегство.

Во всех этих арьергардных делах командир атаманцев лично водил казаков в кавалерийские схватки, не раз находясь на волоске от смерти. Слава его полка в событиях Отечественной войны 1812 года была общепризнанной, и в излишних подтверждениях того не нуждается.

Впрочем, «гроза 12-го года» стала одной из самых славных боевых страниц в истории всего донского казачества.

Единственным важнейшим событием той войны, в котором донцам-атаманцам не довелось участвовать, стало Бородинское сражение. До начала его полковнику Балабину было поручено с пятью казачьими сотнями (половиной полка) вести наблюдение за неприятелем на правом фланге русской армии.

Атаманцы в истории антинаполеоновской войны известны и тем, что однажды они едва не взяли в плен самого Наполеона

Бонапарта. Дело происходило под Городнёй и обстояло так. Во время рейда по тылам французской армии под Малоярославцем император проводил рекогносцировку и опасно удалился от своего конвоя. Казаки не обратили внимания на небольшую группу всадников, стоявшую в стороне, и вступили в схватку с конвоем Наполеона. Тут к нему на выручку подоспела гвардейская кавалерия, и атака донцов была отбита.

В том деле под Городнёй разгрому подвергся гвардейский артиллерийский парк и обозы французской армии. Атаманцы оказались тогда одними из главных действующих лиц дня. О том, что они едва не стали «обладателями» самого Бонапарта, стало известно гораздо позднее.

…В декабре 1812 года Балабин тяжело заболел и остался на излечении в Ковно. Когда он вернулся в строй, то получил в командование казачью бригаду. В октябре 1813 года Степан Фёдорович принял под своё командование Донской казачий полк Иловайского 11-го, который теперь в списках русской армии стал называться Донским казачьим полком Балабина 2-го.

Из наиболее крупных дел в заграничных походах для него стал штурм французского города Суассона. За него он получил высочайшим пожалованием орден Святого великомученика и победоносца Георгия. Для полковников он был крайне редким отличием. В наградном рескрипте о содеянном подвиге говорилось кратко:

«В воздаяние отличных подвигов мужества, храбрости и распорядительности, оказанных в сражениях против французских войск 2 февраля при штурме Суассона».

Генерал-майорский чин Степан Фёдорович Балабин 2-й получил в январе 1815 года за отличия в кампании 1813 года. Человек, которому история лейб-гвардии Атаманского полка, гордости Войска Донского, обязана очень многим, ушёл из жизни в 1818 году.

Андриан Карпович Денисов 6-й (1763–1841)

Генерал-лейтенант. Герой суворовских Итальянского и Швейцарского походов 1799 года

Денисовы на тихом Дону относились к старинному старшинскому роду. И их можно с полным на то основанием считать казачьей аристократией. Но добились они своего высокого общественного положения прежде всего ратными трудами и личной доблестью. В противном случае не ходить было им в старшинах и атаманах, не водить казачьи полки в походы и на войны, не одерживать победы во славу русского оружия…

Денисов 6-й родился в станице Пятиизбянской. Образование получил домашнее, основными науками для сына казачьего офицера, разумеется, были науки воинские. На военную службу в полк поступил двенадцатилетним казаком в 1776 году, начав её под начальством своего дяди графа Фёдора Петровича Денисова.

Боевое крещение получил во время Польской кампании 1783 года. Перед этим (в 1780 году) Андриан Денисов выбился в казачьи офицеры, получив чин есаула. Командовал сотней, небольшими казачьими «партиями», решавшими вполне самостоятельные задачи.

Познания в воинском деле он демонстрировал немалые. К тому же умел и любил командовать людьми, в личной жизни излишеств не терпел, в походы ходил с удовольствием, считая их делом казацкого долга. Командиром полка стал в 23 года, в 1787 году, когда началась «Вторая екатерининская турецкая война». Она сразу же прославила его и без того славное имя.

На его счету было участие в деле на Кинбурнской косе и бой при Варнице. Участвовал с «примерной храбростью» также в сражении на реке Сальче, за что казачий полковник удостоился армейского чина премьер-майора (тогда чины казачьи ещё не были приравнены к армейским). Затем последовало участие в непродолжительной осаде Бендерской крепости и овладении Бендерами.

Слава же казачьего военачальника пришла к Андриану Денисову в 1790 году под Измаилом. В том приступе, который в мировой военной истории не имеет себе равных, он командовал пешим полком безлошадных донских казаков в штурмовой

колонне бригадира В. П. Орлова.

В ходе жестокого и кровопролитного штурма его донцы, вооружённые укороченными пиками, сумели в отчаянном порыве взойти на крепостной вал. Денисов первым ворвался на один из измаильских бастионов, бесстрашно увлекая за собой подчинённых. Вражеская батарея была взята единым порывом.

За этот подвиг командир казачьего полка по представлению генерал-аншефа А. В. Суворова-Рымникского был, как герой битвы за Измаил, пожалован орденом Святого Георгия 4-й степени. В измаильском деле Денисов получил сильную контузию, но поля боя не покинул, сражаясь в первых рядах до победного конца.

«Вторая екатерининская турецкая война» 1787–1791 годов закончилась для Андриана Денисова участием в июньском «заключительном» полевом сражении при Мачине. В той битве султанская армия понесла последнее, разгромное поражение и потеряла способность к дальнейшему ведению войны. Тогда казачья конница окончательно добила османов.

Денисовские казаки у Мачина действовали столь удачно, что наградой их командиру стала золотая медаль (медальон) с портретом императрицы Екатерины II. Такая награда в Екатерининскую эпоху почиталась не ниже орденской.

…Затем последовало участие в Польской кампании 1792 года. Полк Андриана Денисова входил в состав войск генерал-аншефа Каховского. Донцы в тех боях против польских конфедератов отличились в сражениях при селениях Мурафе, Валовке, Люборе, Зелиницах, Городнице. За два последних полковой командир удостоился ордена Святого Владимира 4-й степени.

За дело на Липовом поле, где был разбит большой отряд польских повстанцев, Денисов был награждён прусским королём боевым орденом «За воинские достоинства». Пруссия тогда была кровно заинтересована в полном разгроме восстания на сопредельной стороне, поскольку она вместе с Россией и Австрией участвовала в разделах Польши.

Новая Польская кампания 1794 года оказалась делом куда более серьёзным. 28 сентября при Мациовицах, командуя казачьими полками, Денисов совершенно разбил немалую числом польскую кавалерию, врезался с донцами в пехоту противника и преследовал бегущих поляков до тех пор, пока в плен не попал их главнокомандующий генерал Т. Костюшко.

После этого георгиевский кавалер Денисов участвовал в штурме укреплённого варшавского пригорода Праги и взятии самой столицы Польши. Участвуя в различных столкновениях с

поляками, Андриан Денисов получил тогда три ранения: саблей в шею и в руку (в бою при Слониме), и пулей в руку.

Руководивший штурмом Праги генерал-фельдмаршал Суворов-Рымникский отметил казачьего военачальника в числе наиболее отличившихся командиров. Императрица Екатерина Великая пожаловала ему Золотое оружие — саблю с надписью «За храбрость».

В Персидском походе 1796 года генерал-аншефа Валериана Зубова денисовский полк участия не принимал, не будучи включён в состав экспедиционного корпуса. Сам же Денисов в поход отправился по своей воле, волонтёром, готовым командовать хоть отдельным полком, хоть казачьей сотней. На этом его ратная служба в Екатерининскую эпоху завершилась…

С вступлением на престол Павла I для Российской империи началась длинная серия войн сперва против революционной, а потом и против наполеоновской Франции. Естественно, что казачество вновь выставило на поле брани свои полки.

Андриан Карпович становится деятельным участником Итальянского и Швейцарского походов А. В. Суворова ещё до того, как великий полководец прибыл на театр военных действий. В 1798 году Денисов, как походный атаман, во главе шести Донских казачьих полков по указу императора вошёл в состав авангарда русского корпуса, отправленного в Северную Италию, где союзники-австрийцы терпели от французов одно поражение за другим.

Итальянская земля тогда впервые увидела русских казаков. Священник из местечка Ламоне, поражённый видом донцов в походе, писал:

«Почти все русские всадники (донские казаки. — *А. Ш.*) были с длинными бородами. На голове у них была красная с голубым шапка, по два пистолета на груди и длинная пика».

В тех сражениях на полях Италии в 1799 году казаки покрыли себя неувядаемой славой. 13 апреля Денисов вместе с Грековым, ведя за собой донцов, стремительно ворвались («влетели») в крепость Бергамо, овладели городом и цитаделью. В плен попало больше сотни французов, а русскими трофеями стали 19 артиллерийских орудий, много военных запасов и ружей. Благодаря искусству начальников Бергамо был взят одними казаками, без поддержки пушечного огня и пехоты.

Затем последовали отличия в деле при Лекко (здесь донцы сражались спешенными), в большом сражении на реке Адда. Там денисовские казаки, первыми переправившись на противоположный берег реки, фланговой атакой смяли французскую пехоту и выручили окружённых было неприятелем

австрийцев. Теперь французам генерала Моро самим пришлось поспешно отступать, чтобы не попасть в окружение.

За победу на берегах Адды Денисову жалуется орден Святой Анны 2-й степени, а его казакам — по рублю наградных. За сражение при Маренго Андриан Карпович Денисов награждается Мальтийским крестом — орденом Святого Иоанна Иерусалимского. В том походе он стал и генерал-майором.

За сражение при городе Нови, где атаман находился рядом с Суворовым, он удостоился ордена Святой Анны снова 2-й степени, но с алмазами. Следует сказать, что полководец в тех двух походах — Итальянском и Швейцарском — об Андриане Карповиче отзывался неизменно тепло и уважительно.

В Швейцарский поход донские казаки выступили пешими, отдав коней (которые у них ещё оставались) для перевозки боевых припасов и раненых. Дело было даже не в том, что суворовские войска собирались совершить героический прорыв через заснеженные Альпы: союзники-австрийцы, обещавшие предоставить 1429 мулов для русского обоза, своих обязательств перед ними не выполнили.

По суворовским подсчётам, мулы в таком количестве должны были поднять четырёхдневный запас провианта, а также перевезти 25 горных орудий, взятых из арсеналов Пьемонта, с огневыми зарядами к ним. В итоге русские большую часть припасов несли по горам на своих плечах, а от столь необходимых в войне пушек пришлось отказаться.

Денисову и в марш-броске через швейцарские Альпы довелось отличиться лично. В бою при Мутентале он первым пробрался по левому неприятельскому флангу через горный хребет, покрытый лесом, неожиданно атаковал французов и безостановочно гнал их от Мутенталя длительное расстояние. Наградой за совершённый подвиг стал орден Святой Анны высшей, 1-й степени.

…В 1801 году генерал-майор Денисов участвовал в походе Войска Донского в Индию (или, иначе, в походе к Оренбургу) под предводительством атамана М. И. Платова. Индийский поход, авантюрный по самому своему замыслу, прекратился в связи с убийством императора Павла I заговорщиками из числа екатерининских вельмож. Воцарившийся Александр I сразу отменил поход. Платов и Денисов увели полки, ещё раз переправившись через Волгу на Дон.

В 1805–1806 годах Андриан Карпович Денисов исполнял должность войскового наказного атамана.

Затем последовало добровольное участие в Русско-прусско-французской войне 1806–1807 годов, в которой Денисов

командовал отдельным отрядом из трёх Донских казачьих полков. За лихую конную атаку в сражении при Гуттштадте он удостаивается ордена Святого Владимира 3-й степени. За кавалерийское дело при Гейльсберге — почётной Золотой сабли, украшенной алмазами, с надписью «За храбрость».

Денисов также участвовал в трёх кампаниях в Русско-турецкой войне 1806–1812 годов. В рядах Молдавской армии, действовавшей на дунайских берегах, командовал авангардным отрядом из шести Донских казачьих полков и четырёх эскадронов регулярной кавалерии. Отличился в сражениях при Бабадаге, Гирсове и особенно у Кюстенджи.

29 июля 1812 года он был назначен наказным атаманом Войска Донского. Сформировал для действующей армии 26 конных полков казачьего ополчения, всячески поощрял денежные пожертвования на войну, за что был награждён орденом Святого Владимира 2-й степени. В высочайшем рескрипте императора Александра I говорилось:

«…Отличное усердие ваше к службе, благоразумное распоряжение, оказанное вами, по случаю нового наряда с Дона полков, для усиления действующих ныне против неприятеля армий Наших, и равномерное, благовременное и успешное приготовление оных, обращает на себя Наше внимание и милость».

Звание генерал-лейтенанта А. К. Денисов получил в 1813 году, став после смерти Платова в 1818 году на три года его преемником в должности войскового атамана. После чего был отрешён от должности в ходе реформы управления Донским казачьим войском.

Денисов, один из самых прославленных в истории военных вождей донского казачества, умер в 1841 году. После себя он оставил мемуарные записки, которые печатались в «Русской старине» в течение 1874–1875 годов, и пользовавшихся большой популярностью у читателей.

В августе 1904 года имя Андриана Карповича Денисова, как вечного шефа, было присвоено 7-му Донскому казачьему полку.

Дмитрий Ефимович Кутейников 2-й (1766 или 1769–1839 или 1844)

Генерал от кавалерии. Наказной атаман Войска Донского

На атаманском поприще Всевеликого Войска Донского представители из старинной казачьей фамилии Кутейниковых блеснули дважды. Блеснули так, что военная история государства Российского их запомнила.

…Родился Кутейников-младший в 1766 году (по другим данным — на три года позже). Образование он получил самое начальное, то есть был грамотным человеком. На службу его отец, донской походный атаман Кутейников Ефим Дмитриевич, отправил в 13 лет, записав в рядовые казаки «Войска Донского из штаб-офицерских детей» Дмитрия Кутейникова 1 января 1778 года. Сам Ефим Дмитриевич отличился в ходе Семилетней войны в сражении при Гросс-Егерсдорфе, командуя донцами в Польше и пограничной Моздокской укреплённой линией.

Через полтора года Дмитрий Кутейников состоял уже в полку своего отца. Но скорая смерть родителя лишила юношу прозаической протекции: теперь ему приходилось выбиваться в казачьи офицеры самому.

Отцовский полк тогда стоял на Кавказской укреплённой пограничной линии, ещё не представлявшей из себя единого целого. Кутейников 2-й на Северном Кавказе побывал в двух длительных командировках: в 1779–1782 и 1784–1787 года. Ему приходилось участвовать во многих стычках с «немирными» горцами, видеть на Кубани А. В. Суворова. Там же он и получил в 16 лет долгожданный чин есаула. Случилось это важное в его биографии событие 20 июля 1780 года.

Кавказская служба сослужила ему самую добрую службу на будущее. Хотя она проходила в мирное время и о будущей Кавказской войне ещё не велось речи, военные действия против «немирных» горцев не прекращались. Боевые качества казачьих заслонов постоянно проверялись многочисленными шайками горских разбойников-абреков. В документах того времени абреки именовались «хищниками».

Первая слава к Дмитрию Кутейникову, имевшему уже чин войскового старшины, пришла с началом «Второй екатерининской турецкой войны», которую можно с полным

правом назвать Суворовской войной. Его полк входил в число войск Кинбурнского оборонительного района, которым начальствовал тогда генерал-аншеф Александр Васильевич Суворов, будущий генералиссимус всех Российских войск.

Сражение на Кинбурнской косе 1 октября 1787 года начиналось так. Ещё до рассвета на неё с турецких кораблей стал высаживаться янычарский десант. Янычары с большой поспешностью вырыли здесь первую линию окопов (ложементов) и от неё стали продвигаться вперёд по песчаной косе к крепости Кинбурн, перед которой русские войска уже изготовились для встречи неприятеля.

Янычары раз за разом вырывали новые линии окопов от берега Днепровско-Бугского лимана до берега моря. Всего таких «перекопов» на косе ими было сделано пятнадцать. Они отстояли друг от друга примерно на тысячу шагов и предназначались для стрелков.

Генерал-аншеф Суворов построил свой отряд для сражения в три боевые линии. На флангах, по берегу у уреза воды встали Донские казачьи полки полковника В. П. Орлова, подполковника И. И. Исаева и премьер-майора З. Г. Сычёва. После сражения Суворов подпишет ведомость «Коликое число разных команд нижних чинов», из которой видно, что в деле с янычарским десантом участвовало 898 донских казаков (не считая офицеров) из общего числа 4405 человек.

Сражение на Кинбурнской косе началось в 15 часов. Первая линия русской пехоты атаковала подходивших турок. Султанский флот, приблизившись к косе, обрушил на неё шквал ядер, бомб и картечи. Суворов, руководивший боем, вёл своих бойцов, шаг за шагом, от одной линии окопов к другой. Донцы проявили смекалку, обходя линии вражеских ложементов по морской воде, и в каждом таком броске оказывались в ближнем тылу у турецких стрелков, засевших в окопах.

В сражении Суворов был ранен дважды. Сперва картечь ударила его в левый бок, но генерал-аншеф поля боя не покинул. Когда уже начинало темнеть, вражеская пуля поразила его в левую руку и прошла насквозь. Генерал-майор Л. Н. Энгельгардт в своих мемуарах так описывает этот эпизод:

«…Суворов был ранен в левое плечо; он потерял много крови, и не было лекаря перевязать рану. Казачий старшина Кутейников привёл его к морю, вымыл рану морскою водою и, сняв свой платок (офицерский галстук. — *А. Ш.*) с шеи, перевязал ему рану.

Суворов сел на коня и опять возвратился командовать…»

Кинбурнская баталия закончилась около полуночи. Из десанта силой в пять тысяч янычар на шлюпках спаслась едва ли

десятая их часть. У неприятеля было отбито 15 знамён. Среди пленных оказалось несколько французских волонтёров в офицерских чинах — инструкторов. Императрица Екатерина II повелела на время отправить их в Сибирь, заметив при этом:

«…Дабы отбить охоту ездить учить и наставлять турок».

За «совершенную победу» на Кинбурнской косе Кутейников был награждён «Именной золотой медалью» на Георгиевской ленте и чином «донского полковника», то есть казачьего полковника. Шёл ему тогда от роду всего лишь двадцать первый год.

В той «Второй екатерининской турецкой войне» он всё же получил боевое ранение. Это случилось в 1790 году при штурме казавшейся неприступной Измаильской крепости. В своём рапорте главнокомандующему светлейшему князю Г. А. Потёмкину-Таврическому генерал-аншеф Суворов среди отличившихся отметил и Кутейникова…

В 1791–1792 годах Донской казачий полк, в котором тот служил, находился в Польше, оказавшись в гуще военных событий, связанных с её третьим разделом. Когда начались бои с отрядами польских конфедератов в Подолии, Кутейников отличился при взятии защищаемого ими города Каменец-Подольский.

В 1798 году следует производство его в армейские подполковники, а 28 октября следующего, 1799 года, — в армейские полковники.

Во время короткого царствования Павла I Кутейников находился во главе полка своего имени в рядах Войска Донского, которое под предводительством атамана М. И. Платова совершило поход к Оренбургу, участвовав в форсировании Волги, на которой ещё не закончился ледоход, в её нижнем течении. Этот поход был частью несостоявшегося похода донского казачества для завоевания (по замыслу императора Павла I) Британской Индии.

Когда началась длинная серия войн европейских монархий против наполеоновской Франции, Кутейников во главе своего казачьего полка снова изведал тягот походной жизни. В ходе Русско-прусско-французской войны 1806–1807 годов полковник оказался одним из первых донских офицеров, ставших георгиевскими кавалерами за проявленную доблесть и умелое командование людьми.

Военный орден Святого великомученика и победоносца Георгия 4-й степени Дмитрий Кутейников получил за дело у местечка Рожаны. Тогда он со спешенными донцами своего полка вплавь перебрался через реку Нарев и снял расположенные на её

берегах вражеские пикеты.

Затем его полк был переброшен в состав Молдавской армии на берега Дуная. Шла Русско-турецкая война 1806–1812 годов. Кутейников участвовал в ней три года (1808–1810). Он сумел отличиться во многих делах тех лет. 2 июня 1809 года он был произведён в генерал-майоры (за участие в разбитии турок при Браилове). Его донцы оказались причастны к занятию Бабадага, Кюстенджи, Гирсова. В тех боях он принял командование казачьей бригадой, составленной из нескольких полков.

За отличие в сражении при Рассевате генерал-майор Войска Донского Дмитрий Ефимович Кутейников награждается вторым орденом Святого Георгия — 3-й степени. В наградном рескрипте от 22 декабря 1809 года о совершённом на поле брани подвиге говорилось следующее:

«В награду отличного мужества и храбрости, оказанных в сражении против турок при с. Рассевате, где, находясь с бригадою впереди корпуса с генерал-майором графом Строгановым, начально открыл неприятеля, продолжал с ним жестокую перестрелку и теснил.

А при генеральной атаке первый сделал удар со всею быстротою на противустоявшия толпы, мужественно опрокинул оные и преследовал до 30 вёрст, употребляя по благоразумию своему все способы на поражение и истребление неприятеля».

Война за Дунаем на болгарской земле закончилась для казачьего генерала и георгиевского кавалера боем при Татарице. После этого дела он был откомандирован на Дон. В победном завершении войны поучаствовать ему не довелось.

Нашествие Великой армии императора французов на Россию застало Дмитрия Ефимовича Кутейникова на тихом Дону. Он играет видную роль в формировании Донского ополчения, вновь приняв командование над казачьей бригадой. В мае 1812 года Кутейников прибыл с нею на театр военных действий, войдя в состав летучего казачьего корпуса атамана М. И. Платова.

В его послужной список за 1812 год вошло «примерное» участие в боях при Бельковичах, под Миром, Романовом, Иньковом (или, иначе, при Молевом Болоте), Смоленском, Бородино, Боровском, Малоярославцем, Колоцким монастырём, Вязьмой, Дорогобужем, опять под Смоленском, Вильно (ныне Вильнюс), Ковно (ныне Каунас). Сам этот список участия в боях и сражениях с французами выглядит впечатляющим.

Под Миром исход боя на второй день сражения решило внезапное появление отряда генерал-майора Д. Е. Кутейникова на левом неприятельском фланге. Донцы здесь ударили по стоявшим уступами трём польским уланским полкам генерала Доминика

Дзевановского. Казачья лава смяла сперва 11-й уланский полк, затем 2-й уланский полк…

Расстроенные уланы начали «стремительное отступление», преследуемые по пятам казачьей конницей. Наполеоновская кавалерия давно не знала такого поражения. Не случайно французы писали про казаков:

«Не знаешь, как против них действовать; развернёшь линию — они мгновенно соберутся в колонну и прорвут линию; хочешь атаковать их колонной — они быстро развёртываются и охватывают её со всех сторон…»

В деле под Романовом Могилёвской губернии Кутейников, «командуя частью донских полков, с левого фланга сильно ударил на неприятельскую кавалерию; находясь в середине неприятеля, был ранен в левую руку саблею, несмотря на свою рану, окончил сражение и взял в плен 17 штаб- и обер-офицеров и 293 нижних чинов».

В боя у села Романово донцы форсировали реку Морочь, предав огню мосты за своей спиной. Когда французская кавалерия генерала Латур-Мобура подошла к реке, её встретили ружейным огнём с противоположного берега. Казаки не раз в тот день переправлялись через Морочь, вступая с неприятелем в рукопашные схватки. От донцов Кутейникова больше всего досталось польским уланам и конным егерям.

За дело при Романове генерал-майор Дмитрий Ефимович Кутейников был награждён орденом Святой Анны высшей, 1-й степени.

В трёхдневном сражении под Смоленском — 5-го, 6-го и 7-го августа — донцы Кутейникова вновь отличились. В ходе одной из атак его конникам удалось спасти от плена батальон русских егерей, которые оказались во вражеском кольце.

Полки Кутейникова продолжали действовать в составе летучего казачьего корпуса атамана М. И. Платова. У деревни Иньково Поречского уезда Смоленской губернии донцы разбили 2-ю лёгкую кавалерийскую дивизию генерала-корсиканца Ораса Себастиани. Бригада (три полка) Кутейникова наносила удар с правого фланга. Ожесточённый конный бой длился свыше часа, дело доходило до того, что русские «ударяли в дротики».

Всего платовские казаки в день 27 июля у Молева Болота провели от сорока до пятидесяти конных атак. В ходе их дивизия генерала Себастиани потеряла из двух тысяч кавалеристов шестьсот человек, в том числе пленными десять офицеров и свыше трёхсот нижних чинов.

В одной из атак «Кутейников… опрокинул неприятеля и прогнал до пехоты, подкреплявшей кавалерию». Сам атаман

Матвей Платов о действиях донских казаков высказался в таких словах:

«…Неприятель пардона не просил, а российские войска, быв разъярены, кололи и били его».

В Малоярославецком сражении бригада генерал-майора Д. Е. Кутейникова участвовала в составе платовского корпуса. Четыре его полка отличились тем, что в ходе преследования отступавших французов отбили у них у деревни Колодезь часть обоза с награбленным в Москве имуществом.

Донские полки Кутейникова не раз участвовали в ходе контрнаступления кутузовской армии в рейдах на коммуникации неприятеля. Так, 13 октября они (четыре полка) очень удачно действовали на Боровской дороге, заставив французов через день оставить разграбленный и полусожжённый ими старинный русский город Боровск.

Во время преследования французов казачья бригада отличилась под Борисовом и Вильно: она захватила одиннадцать неприятельских орудий и пленила около трёх тысяч человек.

Действия генерал-майора Кутейникова на заключительном этапе Отечественной войны 1812 года были отмечены достаточно высоко. Наградой ему стало почётное Золотое оружие с надписью «За храбрость» — сабля, украшенная алмазами.

В заграничных походах русской армии 1813 и 1814 годов Дмитрию Ефимовичу участвовать не пришлось. Из-за боевого перенапряжения 23 марта 1813 года он был уволен в отпуск «за болезнью на Дон» и больше в боевых действиях против наполеоновской Франции не участвовал.

Подчинёнными ему полками донцов в ходе Отечественной войны 1812 года было взято в плен 4 генерала, 55 офицеров и 3184 нижних чина армии императора Наполеона Бонапарта. Трофеями же стали 10 артиллерийских орудий (по другим источникам число трофейных пушек было несколько больше).

К слову сказать, в этой войне из рода Кутейниковых в должностях командиров Донских казачьих полков своего имени участвовало ещё два человека, два родных брата. Это были подполковник Фёдор Афанасьевич Кутейников и войсковой старшина Василий Афанасьевич Кутейников.

Всего же в этой войне приняло участие восемь офицеров Кутейниковых. И, судя по их воинским заслугам, Войско Донское могло гордиться этой казачьей фамилией.

Бессрочный отпуск по болезни длился до декабря 1819 года, когда заслуженный казачий генерал-майор был уволен от службы по собственному прошению с правом ношения мундира.

Однако долго в бездействии ему быть не пришлось. Уже в

1820 году он назначается «непременным» членом правительственного Комитета по устройству Войска Донского. То есть он стал причастным к реформам, которые назрели в казачьих войсках Российской империи.

…В 1826 году по указу императора Николая I генерал-майор и кавалер Д. Е. Кутейников 2-й вновь возвращается на действительную военную службу по «казачьему ведомству». Новый государь возвращал тогда на службу многих отставных военачальников, известных ему лично.

В Николаевскую эпоху и состоялся карьерный взлёт Дмитрия Ефимовича Кутейникова. В мае 1827 года он назначается наказным атаманом Войска Донского, сменив на этом посту генерал-майора И. А. Андрианова, атаманствовавшего совсем недолго. 6 декабря того же года ему присваивается высочайшим указом чин генерал-лейтенанта.

Чин полного генерала — генерала от кавалерии — донскому атаману был пожалован 22 апреля 1834 года, когда ему было уже под семьдесят. Но преклонные уже годы не мешали ему деятельно заниматься административными делами на Дону. Хотя есть и высказывания современников о том, что «в управлении войском Кутейников не проявил особой энергии».

10 февраля того же, 1836 года, генерал от кавалерии и дважды георгиевский кавалер Д. Е. Кутейников высочайшим указом был «милостивейшее уволен от должности наказного атамана Войска Донского „по болезни“» и вышел в полную отставку.

Кутейников 2-й относился к числу наиболее известных донских атаманов. Его заслуги перед Отечеством, помимо уже названных боевых наград, были отмечены орденами Святого Александра Невского с алмазами, Святого Владимира 2-й степени, Святого Иоанна Иерусалимского (Мальтийским крестом от императора Павла I), двумя прусскими орденами (в том числе орденом «За заслуги»), знаком отличия «За XXX лет беспорочной службы».

Василий Андреевич Углицкий (Углецкий) (1766–1822)

Генерал-майор. Герой войн против наполеоновской Франции. Наказной атаман Оренбургского казачьего войска

Сын наказного атамана оренбургского казачества Андрея Андреевича Углицкого службу начал простым казаком, когда ему ещё не исполнилось и двенадцати лет. Получил домашнее образование. Много раз находился в составе дозорных и разведывательных отрядов, рассылаемых по степи вдоль Оренбургской укреплённой пограничной линии. Там Углицкий-младший и получил своё боевое крещение, равно как и воинское обучение.

Всё же отцовская должность сказалась на его прохождении казачьей службы. В 1778 году Василий Углицкий производится из капралов сразу в офицеры. Хорунжим 12-летний сын атамана Углицкого-старшего стал «за отменную в службе расторопность».

В 1781–1782 годах он «находился на службе у сибирского и уфимского генерал-губернаторов». То есть юный хорунжий набирался опыта административной работы, что в будущем ему немало пригодится.

Светлейший князь Г. А. Потёмкин, всесильный екатерининский фаворит, относился к А. А. Углицкому весьма доброжелательно, ценя его немалые заслуги в обеспечении безопасности государственной границы на Южном Урале. Поэтому по его приказу Василий Углицкий, уже армейский поручик, в 1783 году «за усердную службу» производится в капитаны.

Он поднимался по служебной лестнице достаточно быстро, последовательно командуя ротой, полком и наконец корпусом, в который были сведены все основные силы Оренбургского казачьего войска. Этапы его атаманского становления были таковы.

В 1785 году капитан Василий Углицкий вступил в командование 9-й (казачьей) ротой Оренбургского нерегулярного корпуса, то есть тысячного полка, созданного по инициативе его отца.

В 1787 году производится в войсковые старшины и принимает под своё командование один из Оренбургских казачьих полков.

В 1804 году производится в армейские полковники, часто помогая Углицкому-старшему, произведённому в генерал-майорский чин, решать вопросы войскового управления.

…Новой школой для Углицкого-младшего стала Русско-прусско-фрацузская война 1806–1807 годов. Полковник В. А. Углицкий командует отрядом из двух Оренбургских казачьих полков, успешно действуя с донцами против французов. С той поры войско с Южного Урала стало заниматься не только несением службы пограничной стражи, но в случае необходимости выставлять свои полки на войны, которые вела Российская империя в Европе и на Востоке. В русско-прусско-французской войне полковник Углицкий участвовал с 1807 года. Для неё специально были сформированы 1-й и 2-й Оренбургские казачьи полки.

После окончания войны на полях Восточной Пруссии оба полка оренбургских казаков перебрасываются на Дунай, в состав русской Молдавской армии. Шла Русско-турецкая война 1806–1812 годов. Полки полковника Углицкого прибыли туда в 1809 году. Им довелось отличиться при штурме Браилова, в битве под Рассеватом, в осаде Силистрийской крепости.

За эти боевые отличия на дунайских берегах и болгарской земле Василий Углицкий был награждён орденом Святого Владимира 4-й степени.

…Ему не довелось до конца поучаствовать в этой войне с Турцией. В сентябре того же 1809 года из жизни ушёл его отец генерал-майор А. А. Углицкий. По решению императора Александра I Павловича освободившийся пост войскового атамана должен был занять его сын, имевший по службе прекрасные рекомендации. И Углицкому-младшему пришлось поспешить с Дуная, с войны, в далёкий Оренбург принимать атаманские дела.

Вторжение Великой армии императора французов Наполеона Бонапарта отразилось и на жизни казачества Южного Урала. В августе 1812 года формируется Оренбургский атаманский тысячный полк. Первоначально полк предназначался для охраны столичного Санкт-Петербурга.

Одновременно формируется 3-й Оренбургский казачий полк и Тептярские казачьи полки. Они создавались «из тептярского и бобыльского народа» (башкир, татар, мордвы, марийцев, удмуртов и других), которые являлись на территории Оренбургской губернии военно-служивым сословием.

Со своими казаками и тептярями войсковой наказной атаман участвовал в Отечественной войне 1812 года и в Заграничных походах русской армии 1813 и 1814 годов. В истории последних есть такая запись: «…31 марта 1813 года… через город Дерпт (от столицы России. — *А. Ш.*) к действующей армии прошли 2-й Тептярский, 7-й Башкирский и Оренбургский Атаманский полки под командой полковника Углицкого».

Оренбургские казаки под командованием Углицкого особенно отличились при осаде города-крепости Данцига (ныне Гданьск, Польша) на берегах Балтийского моря. После капитуляции французского гарнизона Атаманский полк был назначен в состав русского крепостного гарнизона.

3-й Оренбургский казачий полк был прикомандирован к Нижегородскому ополчению. Он вошёл в состав союзной Польской армии и участвовал во многих сражениях с французской армией, в том числе знаменитой Битве народов под городом Лейпцигом, а также в боевых действиях на территории самой Франции.

В память об участии оренбургских казаков в войнах против Наполеона одна из станиц войска — 29-я Новолинейного района — была названа Лейпциг (Лейпцигская). Так на географической карте Урала появилось название одного из крупнейших германских городов.

За отличия в делах против наполеоновских войск полковник В. А. Углицкий был награждён орденом Святой Анны 2-й степени.

При атаманстве Василия Андреевича Углицкого в Оренбургском казачьем войске появилась своя артиллерия. В апреле 1819 годы были сформированы первые две конно-артиллерийские роты, которым (и другим тоже) пришлось немало потрудиться и отличиться в походах русских войск по Средней Азии.

Генерал-майорский чин войсковой наказной атаман получил, пожалуй, очень поздно для своей должности, только в 1820 году. Через два года, в Оренбурге, он ушёл из жизни.

В декабре 1913 года высочайшим указом императора Николая II Александровича имя атамана генерал-майора В. А. Углицкого, как вечного шефа, было присвоено 6-му Оренбургскому казачьему полку. Этому полку, стоявшему тогда в городе Скобелеве Ферганской области и входившему в число войск Туркестанского военного округа, довелось особенно отличиться в Хивинском походе 1873 года.

Алексей Васильевич Иловайский 3-й (1767–1842)

Генерал-лейтенант. Наказной атаман Донского казачьего войска

Представитель одного из известнейших на Дону казачьих дворянских родов. Отец — полковник В. И. Иловайский. На военную службу поступил в 1776 году в офицерском звании есаула, когда ему не было ещё и десяти лет. Такова была отцовская воля.

Действительную казачью службу (с 1776 по 1778 год) начинал на Царицынской укреплённой линии, в Волжских степях. В 1781–1782 годах нёс пограничную службу по реке Южный Буг в Северном Причерноморье. В 1784–1786 годах — на Кавказской укреплённой линии, где казаки стояли заслонами на путях набегов «хищников», то есть шаек горцев-абреков. Таким образом, стаж службы пограничным стражником у Иловайского 3-го оказался велик.

Послужной его формуляр пестрит записями об участии в войнах, походах и сражениях. Для начала Алексей Васильевич отличился во «Второй екатерининской турецкой войне» 1787–1791 годов. Он принял участие во многих её больших делах под знамёнами А. В. Суворова: в сражениях под Фокшанами и на реке Рымник (награждён чином премьер-майора).

Отличился при штурме Измаильской крепости. В ходе приступа получил тяжёлое пулевое ранение. Но после излечения от раны полковой строй не оставил. За Измаил удостоился чина подполковника.

Ту большую войну России с Турцией Иловайский 3-й отвоевал до конца. Он вновь отличился в Мачинском сражении, которое довершило разгром военной силы Оттоманской Порты и в котором казаки «ходили на первых ролях». Указом императрицы Екатерины Великой был награждён именной золотой медалью.

…Вскоре после окончания войны оказался в Польше. В 1792 году командовал Донским казачьим полком своего имени, участвуя в боевых действиях против польских конфедератов, хотя тогда дело до больших столкновений не дошло.

В октябре 1794 года производится в полковники. 30 октября 1798 года становится генерал-майором Войска Донского, но в том

же году по высочайшему приказу императора Павла I увольняется от службы. Поселился отставной генерал на Дону.

На службу Иловайского вернул император Александр I. Случилось это в 1808 году после десятилетней отставки. Генерал-майор назначается непременным членом войсковой канцелярии, которым он состоял по 1811 год, ведая вопросами внутреннего устройства Войска Донского.

…К боевой деятельности Алексей Васильевич Иловайский вернулся только в 1812 году. Был одним из создателей Донского казачьего ополчения. Оно собиралось всем миром. Войсковое дворянство выставило 1500 лошадей. Торговые казаки пожертвовали 100 тысяч рублей на нужды поголовного донского ополчения. Каждый жертвовал тогда чем мог ради спасения Отечества. У кого было два седла — отдавал седло неимущему; помогали при формировании ополчения также оружием, одеждой, провиантом. В самое короткое время было собрано 26 конных полков и снаряжено шесть орудий Донской казачьей артиллерии. Без днёвок и без отдыха тронулись эти полки с тихого Дона, делая по 60 вёрст в день, в лагерь кутузовской армии у села Тарутино.

В качестве походного атамана генерал-майор А. В. Иловайский 3-й привёл с Дона в Тарутинский лагерь казачьи ополченческие полки, вместе с которыми принял самое деятельное участие в изгнании наполеоновской армии из пределов России, многократно отличаясь в ходе контрнаступления под командованием полководца М. И. Голенищева-Кутузова, князя Смоленского.

Иловайский 3-й своё возвращение в ряды русской армии отметил образцом «примерной храбрости» в сражении на реке Чернишня, которое иначе называется Тарутинским сражением. Тогда донцы оказались главными «виновниками» поражения войск наполеоновского маршала Иоахима Мюрата, командовавшего резервной кавалерией Великой армии.

Затем последовало участие в ожесточённейшем сражении под Малоярославцем, когда этот город несколько раз переходил из рук в руки.

Казаки-донцы отличились в деле при Колоцком монастыре, под Гжатском, Вязьмой и Дорогобужем.

В ночь на 13 октября шесть полков донских казаков у Малоярославца переправились через реку Лужу и совершили внезапное нападение на французские биваки. Атаке подвергся и неприятельский артиллерийский парк к югу от Городни. В тех событиях угроза пленения нависала и над самим императором Наполеоном Бонапартом, чему есть многочисленные

свидетельства очевидцев.

Французам стоило немалых трудов отразить ночное нападение казаков лишь с подходом к Городне подкреплений. Отряд Иловайского вернулся в расположение русских войск с солидной добычей в 11 артиллерийских орудий, захваченных ими у французов.

Генерал-майор А. В. Иловайский особенно отличился при Духовщине, уездном городке Смоленской губернии, где казаки под его предводительством отбили у неприятеля 36 артиллерийских орудий. В том деле донцы составляли авангард отряда генерала П. В. Голенищева-Кутузова, который преследовал корпус вице-короля Италии Э. Богарне.

За кампанию 1812 года, то есть за изгнание наполеоновской армии, Иловайский был награждён императорским Военным орденом Святого великомученика и победоносца Георгия сразу 3-й степени. Это, по мнению современников, была высокая, но вполне заслуженная награда казачьего военачальника.

Интересен такой факт. В истории Отечественной войны 1812 года казачьи отряды под его командованием установили своеобразный рекорд: их трофеями стало 118 (!) неприятельских орудий. Такой урон артиллерии Великой армии императора французов Наполеона Бонапарта со своими полками не нанёс больше ни один другой казачий военачальник. К этой цифре следует добавить ещё и две с половиной тысячи взятых пленных.

Заграничные походы русской армии начались для донцов Иловайского 3-го с участия во взятии города-крепости Эльбинг, морских ворот столицы Восточной Пруссии Кёнигсберга. Эльбинг был занят 31 декабря 1812 года. Здесь в плен попало около 400 французов, не считая 35 офицеров и 942 рядовых, находившихся в местных госпиталях. Было освобождено 62 русских, бывших в плену.

После этого последовало участие во взятии Мариенвердера и Мариенбурга, занятии города Лауэнбург в Померании, в блокаде сильных неприятельских крепостей Данцига, Штеттина, Торгау, Магдебурга, в сражении при Денневице.

И хотя здесь Иловайскому почти не приходилось действовать самостоятельно, впечатление он оставлял у высшего союзного командования самое положительное. Генерал-майору Иловайскому 3-му в большинстве случаев пришлось начальствовать иррегулярной конницей силой в несколько полков в корпусе прусского генерала Ф. В. Бюлова.

Во всех этих военных событиях генерал Войска Донского показал себя умелым и предусмотрительным командиром. Это, скорее всего, и предопределило его дальнейшую судьбу.

Закончив боевую службу, А. В. Иловайский в 1820 году назначается членом государственного Комитета по устройству Войска Донского. Отношение к нему императора Александра I, который на войне не раз мог удостовериться в личных достоинствах казачьего военачальника, было самое благоприятное.

В 1821 году императорским указом генерал-майор Алексей Васильевич Иловайский 3-й назначается наказным атаманом Донского казачьего войска, став обладателем атаманской булавы. В том же году его ожидает повышение в чине: он становится генерал-лейтенантом.

Однако с воцарением Николая I положение донского атамана вскоре пошатнулось. Причина заключалась в том, что в 1826 году он в день коронации нового всероссийского императора в Москве подал ему докладную записку. В ней говорилось о состоянии Войска Донского, косвенно критиковалась деятельность николаевского «вечного военного министра» генерал-адъютанта А. И. Чернышёва. Речь шла также о работе Комитета по устройству Войска Донского.

Такое отношение к одному из своих фаворитов самодержец не потерпел. Он поручил написать ответ на записку… самому Чернышёву. В июне 1827 года наказной атаман был смещён со своего поста, а окончательно вышел в отставку только через четыре года, в 1831-м. Но к тому времени своих прямых обязанностей опальный казачий военачальник уже не исполнял. Скончался Иловайский 3-й через десять лет после своей отставки и был похоронен в городе Новочеркасске.

Генерал-лейтенант Алексей Васильевич Иловайский известен в Отечественной истории как один из героев-казаков Отечественной войны 1812 года. Георгиевский кавалер имел среди прочих наград ордена Святого Александра Невского, Святого Владимира 2-й степени, Святой Анны 1-й степени, Золотую саблю «За храбрость».

Максим Григорьевич Власов 3-й (1767–1848)

Генерал от кавалерии. Войсковой атаман Дона. Главноуправляющий Черноморского казачьего войска

В многовековой истории Донского казачьего войска казак станицы Раздорской считается одним из известнейших военных деятелей. Он имел богатейшую боевую биографию, ещё в молодости став одним из геройских казаков. Более того, он являлся одной из наиболее ярких личностей среди войсковых атаманов тихого Дона. Довелось ему простоять шесть лет на вершине власти и в Черноморском казачьем войске.

Происходил Власов 3-й из «обер-офицерских Войска Донского детей». В десятилетнем возрасте был отдан отцом в обучение монахам Киево-Печерского монастыря, хотя в тот же 1777 год был записан на службу рядовым казаком. На Дон, в родную станицу, Власов-младший вернулся в 1784 году, пробыв в монастыре семь долгих лет.

На действительную службу он попал по меркам того времени очень поздно, в 19 лет, в 1786 году. Будучи человеком образованным, он в 1790 году был назначен полковым писарем.

Екатерининская эпоха позволила ему уже вскоре отличиться на поле брани и стать казачьим офицером. Он участвовал в двух Польских кампаниях: в 1792 году (получил чин сотника) и в 1794 году (стал есаулом). Боевое крещение в делах против польских конфедератов сослужило Максиму Власову хорошую службу: он показал себя доблестным офицером.

После длительной полковой службы в 1805 году ему доверяется управление делами войсковой канцелярии, затем он был переведён в образцовый Атаманский полк.

В Русско-прусско-французской войне 1806–1907 годов офицеру-атаманцу довелось не раз отличиться. Сражаясь под знамёнами атамана Войска Донского М. И. Платова, он участвовал в делах казачьей конницы при Мальге, Омулёве, Едвабно, Алленштейне, Гуттштадте и, наконец, во Фридландском сражении. Иначе говоря, боевую практику есаул Максим Власов получил богатую.

За храбрость в сражениях против французов на земле Восточной Пруссии он награждается орденом Святого Владимира

4-й степени с бантом и прусским орденом «За заслуги».

Затем он приобретает новый боевой опыт в войне с Турцией, участвуя в кампаниях 1809 и 1810 годов. Он сражается на валахском и болгарском берегах Дуная у Браилова, Гирсова, Кюстенджи, Силистрии, Татарицы. Одним из его наиболее славных и громких дел стало пленение двухбунчужного паши Махмуд-Ширана.

В январе 1810 года Власов производится в подполковники. В феврале следующего года получает под своё командование Донской казачий полк, который теперь стал носить имя Власова 3-го.

…С самого начала Отечественной войны 1812 года, которая прославила М. Г. Власова как казачьего военачальника, его полку пришло участвовать в беспрерывных арьергардных боях. С начала отхода русской армии от берегов пограничного Немана Власов со своими донцами не выходил из боёв с французами. В списке тех боевых дел значатся: Большие Солешники, Ольшаны, Камень, Молево Болото, Смоленское сражение.

За доблесть в жарком и упорном бою с французами при Молевом Болоте полковой командир награждается Золотым оружием — саблей с надписью «За храбрость».

В славной для русского оружия битве на поле Бородина подполковник Максим Власов 3-й командовал отдельным казачьим отрядом, состоявшим из четырёх полков. Уже одно такое командование служит ему лучшей характеристикой: чина полковника он ещё не носил.

Когда началось преследование отступавшей наполеоновской армии, донцы вновь оказались в гуще военных событий. После сражения у Малоярославца Власов постоянно находился со своим полком в составе авангардных сил русской армии. Под городом Смоленском его казаки захватили девять неприятельских орудий.

Пожалуй, самым громким делом Максима Григорьевича в ходе Отечественной войны 1812 года стал бой у Ковно, на российской границе. Он, командуя отрядом из трёх казачьих полков, захватил в плен 23 офицера и 2237 французских солдат.

За доблесть при преследовании неприятеля и изгнании его из пределов России он награждается Военным орденом Святого Георгия 4-й степени. В феврале 1813 года следует производство в полковники.

…Во время Заграничных походов русской армии власовский полк состоял в отдельном отряде генерал-адъютанта А. И. Чернышёва, будущего военного министра России при императоре Николае I. Власову в 1813 году довелось отличиться почти сразу: в бою на прусской земле при Мариенвердере донские

казаки отбивают у французов 15 пушек.

В заграничных кампаниях он участвует во взятии Берлина и Люнебурга, боях у Шарлоттенбурга и Виттенберга. Особо отличается в столкновении с неприятелем у Белцига, когда его казаки захватили в плен 20 офицеров и 1207 рядовых наполеоновской армии. За это славное дело, «за отличную храбрость и мужество» полковник Власов 3-й награждается орденом Святого Георгия 3-й степени.

Затем власовские казаки принимают участие в лихом кавалерийском набеге на город Кассель, в сражении при Ганау, в блокаде крепости Куверден на голландской земле. В награду за Кассельский рейд следует производство в генерал-майоры. Получает Максим Григорьевич и очередной боевой орден — Святой Анны 2-й степени.

В 1814 году боевые действия переносятся на территорию Франции. Новоиспечённый казачий генерал со своими донцами участвует в штурме крепости Суассон, взяв в том деле в плен 300 человек. Затем казаки под его командованием отличились в боях у Бери-о-Бак, Лаона, Реймса, Вилькуа, Мартена.

За доблесть в боях на французской земле Донской казачий полк Власова 3-го удостоился почётнейшего полкового Георгиевского знамени, став одним из прославленных героев в Войске Донском.

После окончания войн с наполеоновской армией генерал-майор М. Г. Власов вернулся на Дон. В мае 1819 года он отправляется на только что официально начавшуюся Кавказскую войну, получив назначение на должность походного атамана Донских казачьих полков в Грузии, которую постоянно тревожили набеги воинственных горцев и лихорадили внутренние неурядицы. Власову пришлось заниматься «наведением порядка» в Имеретии и Ширванском ханстве.

Вскоре он получает назначение на Кавказскую укреплённую линию. Максим Григорьевич с декабря 1820 года по август 1826 года исполняет должность главноуправляющего Черноморским казачьим войском, полки которого стояли на берегах Кубани, отражая нападения отрядов черкесов из горных лесов. В те годы Кавказская война в Причерноморье быстро «набирала свои обороты».

За время, когда Власов 3-й стоял во главе Черноморского казачьего войска, было проведено несколько больших военных экспедиций против «закубанских народов». Одновременно казаки-черноморцы отбили немало набегов с левобережья Кубани, из Черкесии. За участие в войне на Кавказе генерал-майор награждается орденами Святого Владимира 2-й степени и Святой

Анны высшей, 1-й степени.

Он оставил пост главноуправляющего Черноморским казачьим войском не по своей воле. Власов был предан по повелению императора Николая I суду за разорение двух аулов мирных черкесов. Его отстранили от всех занимаемых должностей и «посадили под арест в крепость».

В рескрипте на имя главнокомандующего русскими войсками в Грузии (Отдельного Кавказского корпуса) генерала от артиллерии А. П. Ермолова государь так охарактеризовал действия Власова против горцев:

«…Ясно видно, что не только одно лишь презрительное желание приобресть для себя и подчинённых знаки военных отличий лёгкими трудами при разорении жилищ несчастных жертв, но непростительное тщеславие и постыднейшие виды корысти служили им основанием».

Однако военный суд, разобравшись в тех событиях, оправдал действия главноуправляющего черноморским казачеством. Однако император Николай I официально помиловал генерал-майора Власова 3-го только в феврале 1830 года.

Вскоре государь отправил его, уже седого старика, в Польшу, где начался сильный мятеж против России. В 1831 году, в сражении при Вавре, генерал-майор лично водил донских казаков в атаку на польскую кавалерию. В жарком конном бою неприятель был опрокинут, частью истреблён, частью рассеян в окрестных лесах.

То дело при Вавре вошло в биографию 64-летнего М. Г. Власова 3-го особой строкой: он впервые в своей долгой жизни был ранен. И как ранен! В одном конном бою он получил сразу 10 ран, из них восемь были сабельными, а грудь пробита двумя ударами уланских пик. Тяжелораненым его вынесли с поля боя в критическом для жизни состоянии.

За подавление Польского мятежа 1831 года донской военачальник производится в чин генерал-лейтенанта. Крепкое здоровье позволило ему вскоре вернуться в строй.

В феврале 1836 года Максим Григорьевич Власов назначается войсковым атаманом Войска Донского (утверждён же в этой должности был только в октябре следующего года). В высочайшем рескрипте говорилось следующее:

«…Назначается… с целью поддержания в войсках боевого казачьего духа, поднятия коневодства и искоренения злоупотреблений».

Известны слова, которые были сказаны казачьему военачальнику самодержцем в личной беседе по случаю назначения на атаманство:

«Я посылаю тебя туда потому, что надеюсь на тебя и у тебя нет там ни родства, ни кумовства».

Жизнь показала, что административная деятельность Власова на посту войскового атамана оказалась для Донского казачества очень плодотворной. В знак признания его заслуг 10 октября 1843 года он производится в генералы от кавалерии.

В 1848 году в станице Усть-Медведицкой Максим Григорьевич ушёл из жизни, скончавшись от холеры. Ею он заразился от больных казаков в холерном бараке, который не раз безбоязненно посещал во время эпидемии. Он был похоронен там же, в ограде станичной Воскресенской церкви.

История донесла до нас следующую характеристику одного из известнейших войсковых донских атаманов. Благодаря ей мы видим человека таким, каким он был для современников:

«Как боевой генерал Власов отличался многими выдающимися качествами. Он был безумно храбр, решителен, отважен, но вместе с тем крайне осмотрителен и осторожен.

Обладая горячим пылким сердцем, он в то же время никогда не терял головы в тяжёлые опасные минуты боя и всегда спокойно и логично рассуждал, какие меры оказывались наиболее целесообразными для выхода из затруднительного положения, для достижения победы над врагом».

Максим Григорьевич Власов 3-й был последним атаманом Войска Донского из природных казаков в почти 200-летней истории Российской империи.

С 26 августа 1904 года по начало 1918 года его имя, как вечного шефа, носил 5-й Донской казачий полк.

Иван Дмитриевич Иловайский 4-й (1766 или 1767 — после 1827)

Генерал-майор. Донской казачий военачальник. Герой войн против наполеоновской Франции

Сын наказного атамана Войска Донского генерала от кавалерии Д. И. Иловайского, из донского дворянского рода. На службу был записан казаком в Атаманский полк в мае 1772 года. Образование получил домашнее. В мае 1775 года, когда ему не исполнилось ещё и десяти лет, получил, благодаря отцовской заботе, первый свой офицерский чин сотника.

Иловайский-старший рано стал приучать своих сыновей, в том числе и Ивана, к войсковым делам. Тот в 1778 году был назначен в состав Зимовой станицы, которая отправлялась в столицу для получения годового войскового жалованья.

Боевое крещение Иван Иловайский получил на Кавказской укреплённой линии, где находился с 1782 по 1786 год в составе Донских казачьих полков. Постоянно принимал участие в стычках с горцами, нёс казачью службу в Чечне, Кабарде и в Грузии. Участвовал во многих военных экспедициях в горы. За боевые заслуги был в 1783 году произведён в чин армейского поручика.

В 1787 году находился в составе делегации от Донского казачьего войска для торжественной встречи императрицы Екатерины II Великой.

…Заслуженная слава пришла к Иловайскому 4-му в ходе Русско-турецкой войны 1787–1791 годов. Он стал участником многих событий той войны, сумев проявить и воинскую доблесть, и большое мужество, и умение водить за собой в бой людей.

Послужной список Ивана Иловайского впечатляет. В 1787 году отличается при «истреблении» турецкого десанта на Кинбурнской косе, будучи отмечен за храбрость самим А. В. Суворовым. В следующем году он участвует в коротком, но кровавом штурме крепости Очаков. В ходе приступа казачий офицер получает ранение в ногу.

После отличия в Очаковской виктории получает под своё командование в 23 года (!) Донской казачий полк, который стал именоваться полком Иловайского 4-го. Далее участвует во взятии крепостей Каушаны и Бендеры. Вновь отличается в суворовском Измаильском штурме 1790 года, идя на приступ в составе

казачьей штурмовой колонны.

За ту Русско-турецкую войну И. Д. Иловайский награждается двумя екатерининскими боевыми наградами, приравненными историей к Георгиевским. Это были золотые кресты «За Очаков» и «За Измаил», которые носились на Георгиевской ленте — редкие и особо почитаемые в русской армии награды, приравненные к орденским.

Полковником Иловайский 4-й стал в декабре 1797 года, а генеральский чин был ему присвоен императором Павлом I в 1799 году. И в мирное время он продолжал нести действительную службу, командуя казачьим полком своего имени. Современники считали, что столь быстрой карьере Иван Иловайский был обязан женитьбе на Анастасии Денисовой — дочери генерала от кавалерии графа Ф. П. Денисова.

Новый боевой успех пришёл к нему в ходе Русско-прусско-французской войны 1806–1807 годов. Его полк сперва находился в составе авангарда русских войск, которым командовал один из любимых учеников генералиссимуса А. В. Суворова-Рымникского генерал-лейтенант П. И. Багратион. Затем казачьему военачальнику довелось отличиться в арьергардных делах с французами.

Участвовать же ему пришлось почти во всех сражениях, которые состоялись в ходе той войны на полях Восточной Пруссии: при Альткирхене, Гуттштадте, Анкендорфе, Гейльсберге и, наконец, Фридланде. Теперь Иловайскому 4-му всё чаще стало доверяться начальствование над отдельными казачьими отрядами, которые формировались по случаю из двух или более полков иррегулярной конницы.

В 1809 году он со своим полком участвовал в походе русских войск в австрийскую Галицию.

В ходе Отечественной войны 1812 года «примерно» проявил себя под Романовом, Велижем и Смоленском, Рузой. Отличился в ходе преследования отступавшей французской армии.

Но войну он начал не в составе 1-й или 2-й русских Западных армий, а командуя тремя Донскими казачьими полками в составе отдельного отряда генерал-майора барона Ф. Ф. Винцингероде. Этот отряд, переименованный вскоре в корпус, прекрасно показал себя в своих партизанских действиях на вражеских коммуникациях и в тылах Великой армии.

Когда барон Винцингероде в ходе переговоров в Москве был вероломно захвачен французами в плен, генерал-майор И. Д. Иловайский на правах старшинства вступил во временное командование отдельным корпусом, действовавшим со стороны Ярославской дороги. Именно под его началом русские войска

(летучий отряд) вошли в оставленный наполеоновской армией первопрестольный град Москву.

К слову говоря, казачий военачальник оказался одним из тех начальствующих лиц, которые занимались сбором отбитого у французов церковного имущества (прежде всего серебряной утвари), награбленного в московских храмах. Однажды на вопрос, зачем он этим занимается, ответ был таков:

«…Я дал обет, что всё, что побогаче, если Бог сподобит меня к занятию от вражеских рук Москвы, всё ценное, доставшееся моим казакам, отправить в храм Божий на Дон, а данный завет надо свято исполнять, чтобы не разгневать Бога».

Когда наполеоновская армия была изгнана из пределов России, казачий военачальник имел под своим командованием (по расписанию русской армии на декабрь 1812 года) восемь казачьих полков. Среди них было семь Донских и один казачий полк Тверского ополчения.

В ходе контрнаступления русской армии его казаками были пленены один генерал, 576 штаб- и обер-офицеров и 7747 рядовых. Среди казачьих военачальников по общему числу взятых пленных он был вторым после В. Т. Денисова, а вот по числу пленных офицеров ему равных за всю войну не оказалось.

За кампанию 1812 года генерал-майор Иван Дмитриевич Иловайский удостоился ордена Святого Георгия сразу 3-го класса (степени). В наградном рескрипте говорилось:

«В воздаяние отличной храбрости и мужества, оказанных в сражениях против французских войск в нынешнюю войну».

…В ходе заграничных походов русской армии в 1813 и 1814 годов казаки И. Д. Иловайского (отряд в пять полков) первоначально сражались в рядах союзной Северной армии наследного принца Швеции. Донцы отличились под Лютценом, Кёнигсвартом, Бауценом, Лейпцигом, Краоном, Лаоном, Реймсом, Бар-сюр-Об и при штурме Парижа. Его полки заняли город Франкфурт, успешно отразили вылазку неприятеля из крепости Йюлих. В последний год казачий корпус атамана М. И. Платова с боями прошёл по территории Франции.

После окончания военных действий против Наполеона, отправленного в почётную ссылку на остров Эльбу, И. Д. Иловайский вёл в Россию, на тихий Дон, одну из четырёх казачьих колонн. В отставку вышел окончательно по болезни в 1827 году. Дата смерти его неизвестна.

В отечественную военную историю казачий военачальник из славного рода Иловайских вошёл как герой войн против наполеоновской Франции. Его боевые заслуги были отмечены высоко: помимо ордена Святого Георгия и двух золотых крестов

он имел ещё ордена Святой Анны 1-й степени с алмазами и Святого Владимира 2-й степени, Золотое оружие — саблю с надписью «За храбрость».

…Войско Донское могло гордиться родом Иловайских. Для истории известен такой примечательный факт. В ходе Русско-прусско-французской войны 1806–1807 годов император Александр I при встрече представил своему союзнику королю Пруссии Фридриху Вильгельму III братьев Иловайских, сказав такие слова:

«Вот как у меня служат донцы — семь сыновей у отца, и все они здесь налицо…»

Речь шла о сыновьях генерала от кавалерии Дмитрия Ивановича Иловайского — Павле, Иване, Степане, Григории, Тимофее, Василии и Петре Дмитриевичах. Все они в ходе длинной серии войн против наполеоновской Франции стали георгиевскими кавалерами, четверо были удостоены орденов Святого Георгия 3-й степени. Четверо Иловайских-младших стали казачьими генералами.

Ни один донской генеральский род в этом сравниться с атаманской семьёй Д. И. Иловайского не может. Ни по числу братьев-кавалеров ордена Святого Георгия, ни по числу братьев-генералов.

Гавриил Амвросиевич Луковкин (1768 или 1772–1849)

Генерал-майор. Герой Заграничных походов русской армии 1813 и 1814 годов

Происходил «из генерал-майорских детей Войска Донского». Его отцом был войсковой судья в генеральском чине Амвросий Гавриилович Луковкин, который записал сына на службу казаком в 12 лет. К тому времени он прошёл в полном объёме домашнее воспитание, в котором приоритет отдавался физической подготовке, военным играм, выездке, охоте, стрельбе и джигитовке. Впоследствии Луковкин-младший вспоминал о своём детстве так:

«Сообразно тогдашним понятиям на Дону о „воспитании“, я учился чтению и письму, но более упражнялся в верховой езде. Мой отец радовался моим успехам в наездничестве и готовил меня на службу царскую; когда же, будучи 12-ти лет, я бесстрашно вскакивал на дикого коня и нетерпеливо ожидал надеть мундир, меня записали на службу казаком».

В 1783 году Амвросий становится полковым есаулом. Зачисление на эту должность было связано с тем, что полк, в котором служил Луковкин-младший, выходил в поход на Кубань. Однако там по малолетству принять ему участие в боях не пришлось.

Интересно, что в том походе Гавриилу Луковкину довелось первый раз увидеть А. В. Суворова. Донской полк входил в его сводный отряд, посланный в Закубанье наказать ушедших из-под российского подданства ногайских татар.

Всё же боевое крещение ему пришлось принять именно на Кубани, в пограничных столкновениях с «закубанцами». В 1790 году войсковой старшина Гавриил Луковкин получил под командование казачий полк, носивший его имя, с которым до 1792 года находился на Кавказской линии, проходившей по правому берегу Кубани, участвуя там в стычках с турками и отрядами горцев Черкесии. Эта охранная служба и стала школой боевой выучки для будущего прославленного донского генерала.

Своё имя Луковкин первый раз прославил при разгроме на Северном Кавказе войска известного султанского полководца Батал-паши. В 1790 году в сражении у Малого Зеленчука казачий

полк выдержал натиск превосходящей числом неприятельской конницы, а потом в яростной контратаке опрокинул её. В том деле были захвачены все вражеские знамёна, артиллерийские орудия и зарядные ящики. А сам турецкий командующий, сераскир Батал-паша, попал к русским в плен. На месте той битвы в горах со временем появилась казачья станица Баталпашинская.

За тот великий успех 18-летнего полкового командира произвели в премьер-майоры. В январе 1799 года он производится в полковники, но в том же году уходит в отставку по «домашним обстоятельствам». На Дону ему принадлежало тогда более 1200 душ крепостных крестьян, доставшихся в наследство от отца. Отставка длилась девять долгих лет.

…В 1808 году полковник Г. А. Луковкин снова поступил на службу. В высочайшем указе императора Александра I по такому случаю подчёркивалось, что он принимается в армию «по отличной его способности к службе».

Луковкин назначается командиром казачьей бригады, входившей в состав Молдавской армии. Шла Русско-турецкая война 1806–1812 годов. На Дунае он отличился во многих делах: в боях против гарнизона Бабадагской крепости, вышедшего было в чистое поле, в штурмах того же Бабадага, Гирсова и Кюстенджи. В каждом таком случае Гавриил Луковкин лично водил своих донцов в схватки с турками.

В большом сражении у Рассевата он командует особым казачьим отрядом и благодаря своим способностям во многом способствует победе русского оружия. За проявленное «примерное отличие» он посылается в Санкт-Петербург с донесением о полной победе над турками. В столицу казачий полковник привозит 30 трофейных знамён. За доброе известие император Александр I награждает вестника бриллиантовым перстнем.

В 1810 году Луковкин принимает командование полком донских казаков. С ним он под крепостью Шумла отбивает вылазку большого отряда османов, загнав их обратно за крепостную ограду. Этот подвиг, названный в приказе главнокомандующего Молдавской армией генерала от инфантерии графа Н. М. Каменского 2-го «героическим», принёс Гавриилу Амвросиевичу орден Святого Георгия 4-й степени.

Когда главное командование Молдавской армией принял М. И. Голенищев-Кутузов, донской полковник участвовал в форсировании Дуная в составе отряда генерал-майора Е. Е. Гампера. Казачий полк преодолел тогда водную преграду, заслужив оценку «похвально».

Оказавшись на болгарской земле, Луковкин получает задачу

овладеть Силистрийской крепостью. Случилось это сразу после победного Рущукского сражения 1811 года. Его полк усиливается двумя эскадронами Смоленского драгунского полка, двумя батальонами Козловского пехотного полка и пятью сотнями болгарских добровольцев. С этим сводным отрядом Гавриил Амвросиевич и начал атаку на Силистрию.

В ночь на 12 октября русский отряд на рыбачьих лодках, устроив из них паромы, а также на других подручных средствах незаметно подошёл по реке к Силистрии. Внезапным штурмом турецкий гарнизон, который готовился обороняться прежде всего со стороны суши, а не со стороны Дуная, был разгромлен.

Приступ длился всего один час, но стоил османам тысячи пленных, двенадцати артиллерийских орудий, восьми знамён, немалых крепостных арсеналов и провиантских складов. Иначе говоря, пала сильная неприятельская крепость, сторожившая со стороны болгарского берега среднее течение Дуная.

За блестяще проведённый ночной штурм Силистрии полковник Г. А. Луковкин награждается орденом Святого Владимира 3-й степени. В высочайшем наградном рескрипте по такому случаю говорилось:

«За отличную храбрость, мудрое распоряжение и присутствие духа, чрез которые покорена Силистрия».

На театр Отечественной войны 1812 года георгиевский кавалер прибыл с берегов Дуная на Волынь в составе армии адмирала П. В. Чичагова. Ему довелось участвовать во многих боях с французами в составе армейского летучего (партизанского) отряда генерал-адъютанта А. И. Чернышёва, будущего военного министра России. С ним он совершает рейд в Варшавское герцогство.

На реке Березине у селения Уша казачий отряд в самостоятельном бою 9 ноября разбивает два батальона польской пехоты из дивизии генерала Я. Г. Домбровского.

После перехода через Березину Луковкин получает под своё командование четыре казачьих полка, с которыми участвует в настойчивом преследовании остатков наполеоновской армии до Вильно и Ковно. Отличается в бою под Игуменом. В этих авангардных боях его казаки захватили два неприятельских гвардейских штандарта, немало артиллерийских орудий и пленных.

После Вильно отряд вошёл в состав летучего казачьего корпуса атамана М. И. Платова, в составе которого и участвовал во взятии пограничного города Ковно и переходе через Неман. После этого донцы полковника Г. А. Луковкина заступили на охрану восстановленной государственной границы с Восточной

Пруссией.

Широкую известность как военачальник Гавриил Амвросиевич приобрёл в ходе заграничных походов русской армии в 1813 и 1814 годах. В первой кампании его казаки первоначально входили в состав корпуса генерала графа М. С. Воронцова, затем Ф. В. Остен-Сакена. 16 июня 1813 года Луковкин производится в генерал-майоры.

Первыми его заграничными делами стали следующие. Сперва, после блокады крепости Новый Ченстохов, обращается в бегство двухтысячный польский отряд генерала князя Ю. А. Понятовского, будущего маршала наполеоновской Франции. Поляки бежали в австрийские пределы. После этого разгрому у Гроссенгейна подвергается полк французских драгун. За него Луковкин удостоился ордена Святой Анны 1-й степени.

В кавалерийском бою 18 сентября близ немецкого города Мейсена передовой казачий отряд разбивает три полка неприятельской кавалерии. В плен берутся две сотни человек.

Особую доблесть донской военачальник продемонстрировал своим и чужим в ходе лейпцигской Битвы народов. В день 8 октября с восемью Донскими казачьими полками он атаковал французскую пехоту и разбил её, взяв в плен 13 офицеров и до 200 рядовых. Затем отличился при преследовании отступавшего неприятеля (его донцы в конце сражения пленили 2000 французов).

За содеянные подвиги в Битве народов генерал-майор Гавриил Амвросиевич Луковкин удостоился военного ордена Святого великомученика и победоносца Георгия 3-й степени. Он получил эту высокую награду «в воздаяние отличного мужества и храбрости».

Затем последовал новый ряд удачных боевых действий: разгром французской бригады у Тюркгейма, прикрытие отступления дивизии генерала Талызина, участие в сражениях при Бриенн-ле-Шато, Ла-Ротьере, Монмирале, Шато-Тьерри, Сезанне, Краоне (получил сильную контузию ядром в левую ногу), Лаоне и под Фер-Шампенуазом.

При вступлении союзных армий в поверженный Париж генерал-майор Г. А. Луковкин был награждён алмазными знаками ордена Святой Анны 1-й степени и прусским орденом Красного Орла 2-й степени.

После окончания боевых действий Гавриил Амвросиевич во главе походной колонны из двенадцати донских казачьих полков отправился из Франции к немецкому городу Веймару. Оттуда он в апреле 1814 года убыл домой, на родной Дон, «поправлять здоровье».

Там он продолжительное время служил «по Войску Донскому», выполняя различные административные поручения. Окончательно вышел в отставку в марте 1836 года. Остаток своих дней герой заграничных походов русской армии, дважды георгиевский кавалер, прожил на Дону, окружённый неизменным почётом земляков.

В августе 1904 года имя генерал-майора Г. А. Луковкина, как вечного шефа, было присвоено 10-му Донскому казачьему полку.

Пётр Матвеевич Греков 8-й (1769, 1762 или 1764–1817)

Генерал-майор. Герой двух русско-турецких войн

Вечный шеф 16-го Донского казачьего полка, происходивший из прославленного казачьего дворянского рода и родившийся в донской станице Луганской (ныне город Луганск на Украине), начинал военную службу в 1784 году рядовым казаком. В следующем году он производится в первый офицерский чин хорунжего и начинает своё боевое поприще с участия в бою с так называемыми «хищниками» на степной реке Малке.

В Русско-турецкой войне 1787–1791 годов Пётр Греков 8-й отличался не раз: при Бендерах, Каушанах, Аккермане, Мачине. Был награждён чином поручика. В ходе суворовской «прямой» атаки неприступного Измаила состоял в казачьей штурмовой колонне бригадира М. И. Платова и в награду за храбрость получил сперва чин капитана, а затем золотой крест «За Измаил». Это была первая Георгиевская награда казачьего офицера.

Затем последовало участие в Польской кампании 1792 года. Греков 8-й вновь отличается во многих делах. В бою при Дубенках он был ранен пулей в правую руку. В том же году производится в чин секунд-майора.

В 1794 году он уже командовал казачьим полком всё в той же Польше. В бою под Мечевицами его донцы опрокинули неприятельские передовые пикеты, после чего успешно действовали на правом фланге русских. За участие в разгроме войска польских конфедератов, а также за то, что лично сумел отбить у неприятеля пушку, Пётр Греков награждается орденом Святого Георгия 4-й степени. Вскоре он производится в премьер-майоры.

В мирные годы продолжает командовать Донским казачьим полком, носившим его имя. В 1798 году георгиевский кавалер получает чин подполковника.

Уже в звании полковника Пётр Матвеевич Греков участвует в суворовских Итальянском и Швейцарском походах 1799 года. При этом он командует отдельным отрядом из четырёх Донских казачьих полков. Отличается во многих сражениях и рядовых схватках с французами на земле Северной Италии, не раз будучи отмечен самим А. В. Суворовым-Рымникским в приказах и

донесениях на имя императора Павла I.

В Италии на Грекова 8-го снизошёл орденский звездопад. За участие во взятии города-крепости Бергамо он награждается орденом Святой Анны 2-й степени. За блестящие конные атаки в сражениях при Маренго и на реке Треббия (в последнем случае он командовал четырьмя казачьими полками), успешное преследование разбитых войск генерала Массены удостаивается ордена Святого Иоанна Иерусалимского (Мальтийского креста), Святой Анны 2-й степени с алмазами и второго Мальтийского креста — Командорского ордена Святого Иоанна Иерусалимского с алмазами.

В ходе Швейцарского похода донцы бились с французами, раз за разом вставшими заслонами на их пути, пешими. Своих коней они отдали для перевозки раненых и того небольшого запаса огневых зарядов и провианта, что был взят с собой в путь при прорыве через заснеженные Швейцарские Альпы. Полковник Греков вёл своих казаков по обледенелым горным тропам тоже пешим.

…В 1801 году полковой командир принял участие в Индийском походе Донского казачьего войска (или, иначе, в походе к Оренбургу).

Затем после непродолжительной «мирной передышки» участвовал в Русско-турецкой войне 1806–1812 годов. В 1808 году «содержал» посты против турок по берегам реки Аржис в дунайском княжестве Валахия. В следующем году командовал авангардом русского Валахского корпуса. За взятие укреплений Журжи и преследование отступившего неприятеля до крепости Баняс награждён орденом Святого Владимира 3-й степени.

В 1810 году за удачно проведённую переправу полка на правобережье Дуная, что стало большой и опасной неожиданностью для турок, получил Золотое оружие — саблю с надписью «За храбрость».

Славу военачальника полковник П. М. Греков 8-й добыл в Рущукском сражении 1811 года, когда командующий Молдавской армией М. И. Голенищев-Кутузов вверил под его начальство четыре Донских казачьих полка. Он успешно отразил все атаки османской конницы в тылы русской армии, не оставив неприятелю никаких шансов на успех. Наградой Петру Матвеевичу за Рущукское дело стал второй орден Святого Георгия, на этот раз 3-й степени. В наградном рескрипте говорилось о содеянных заслугах так:

«В воздаяние отличных подвигов мужества и храбрости, оказанных в сражении против турецких войск в нынешнюю кампанию».

За успешный для казачьей конницы бой под Туртукаем следует долгожданное производство его в генерал-майоры.

…Отечественную войну 1812 года Греков 8-й начал во главе отряда (целого казачьего корпуса) из десяти Донских полков Дунайской армии адмирала П. В. Чичагова. Борьбу с французами-завоевателями он вёл напористо и бесстрашно. Провёл удачные бои под Любальмом, Брестом, Кайданом, Борисовом.

19 ноября в бою под местечком Хатаевичами (Хотиничами) был ранен пулей в голову. За тот победный бой был пожалован орденом Святой Анны 1-й степени.

В ходе преследования неприятельской армии грековские казаки стремились поражать врага на каждом его шагу по земле России. Они дошли с авангардными боями до берегов реки Березины. После переправы через неё преследовали отступавшего неприятеля до города Борисова, взяв в плен 2000 человек.

…Под новый, 1813 год, русская армия перешла государственную границу и двинулась в Европу, преследуя остатки Великой армии императора Наполеона, который уехал собирать новые силы в Париж. Генерал-майор Греков 8-й принимает участие почти во всех сражениях с французами, которые состоялись в 1813 году. Но перед этим ему пришлось оставить строй для излечения раны, полученной у Хатаевичей.

В кампании 1813 года он сражался при Михельсдорфе, Цейхау, Кольберге, Левенберге, Снове. Был награждён орденом Святой Анны 1-й степени. Особо отличается в лейпцигской Битве народов, где его казаки в бесстрашной атаке на позицию французской артиллерии захватили 22 орудия. За Лейпциг донской военачальник удостоился Золотой сабли «За храбрость», украшенной алмазами.

В кампании 1814 года Пётр Матвеевич Греков 8-й с неменьшим успехом воевал и на французской территории. Ему и в тот год не пришлось вкладывать золотую саблю в ножны. Он принял со своими полками донцов деятельное участие во взятии крепости Немур и в сражении при Фер-Шампенуазе, а также стал одним из участников взятия Парижа.

Последними боевыми наградами прославленного казачьего генерала стали орден Святого Владимира 2-й степени и баварский Святого Максимилиана Иосифа большой крест.

…Греков 8-й был для современников весьма колоритной фигурой, выделяясь даже из донского генералитета. Он был исключительно храбр и горяч в любом бою, часто не в меру увлекался атакой, в минуту же смертельной опасности служил примером для подражания казакам.

Умер в слободе Дячкиной у станицы Каменской, приехав в

гости к генералу А. А. Карпову. Похоронен был при церкви Трёх Святителей в Дячкиной слободе Донецкого округа Войска Донского.

Память о Петре Матвеевиче Грекове 8-м, как герое и видном военачальнике, хранилась в донском казачестве свято. Не случайно он стал с 26 августа 1904 года вечным шефом 16-го Донского казачьего полка.

Николай Васильевич Иловайский 5-й (1772 или 1769–1828)

Генерал-лейтенант. Походный атаман Донских казачьих полков

Родился в городе Черкасске. Происходил из «Войска Донского обер-офицерских детей». На службу записан казаком в шесть лет в мае 1779 года. В 8 лет участвовал в походе на Крым для усмирения «возмущения» крымских татар. В июне 1783 года получил первый офицерский чин есаула.

С 1784 года с казачьим полком нёс пограничную службу на Кавказской укреплённой линии, участвовал в боевых столкновениях на территории Чечни.

В ходе «Второй екатерининской турецкой войны» Николай Иловайский сражался под Хаджибеем (на месте которого возник город Одесса), Бендерской крепостью. Участник штурма Измаила и Мачинского сражения. За отличия в боях досрочно был произведён в армейские капитаны, а затем в секунд-майоры. Через два десятилетия он вновь будет сражаться с турками на хорошо знакомых ему берегах Дуная.

В 1792 и 1794 годах воевал в Польше против польских повстанцев. В 1796 году участвовал в Персидском походе экспедиционных войск генерал-аншефа Валериана Зубова. Был под древней крепостью Дербент, ходил походами по мусульманским княжествам Закавказья, в Северном Азербайджане.

Полковником стал в январе 1798 года. В следующем году, в июне месяце, получив чин генерал-майора, назначается походным атаманом Донских казачьих полков на Кавказе, то есть на Кавказской укреплённой линии. Через три с половиной месяца императором Павлом I без лишних объяснений увольняется в отставку. На службу возвращается в 1801 году, уже в царствование Александра I Павловича.

В 1802–1805 годах был походным атаманом трёх Донских казачьих полков на западной границе Российской империи. Его казаки три года без нареканий несли службу пограничной стражи.

С началом Русско-прусско-французской войны 1806–1807 годов генерал-майор Н. В. Иловайский 5-й, как уже опытный казачий военачальник, отзывается в действующую армию. Ему довелось участвовать в сражениях под Лангенау, Гуттштадтом, Гейльсбергом и Фридландом. За Фридландское сражение ему был пожалован орден Святого Георгия сразу 3-й степени. В наградном рескрипте так говорилось о совершённом им подвиге на поле брани:

«В воздаяние отличного мужества и храбрости, оказанных в сражениях против французских войск с 6-го по 15-е марта, где, командуя частью донских полков, во всех случаях наносил вред неприятелю, особенно 2-го марта при с. Гросс-Шеманике, когда с четырьмя полками истребил 25-й драгунский полк, положа на месте полкового начальника и многих офицеров.

13-го при с. Мальче опрокидывал два раза кавалерию в большом числе и, приведя в совершенный беспорядок, принудил к бегству, причём полк (польских. — *А. Ш.*) конфедератов, именуемых Домбровского, был истреблён без остатка».

Новой войной для генерал-майора Н. В. Иловайского 5-го стала Русско-турецкая война 1806–1812 годов. Правда, там ему довелось состоять в рядах Молдавской армии только в 1809 и 1810 годах. Однако казачьему военачальнику удалось принять участие в больших полевых сражениях при Браилове, Рассевате и Шумле. Его донцы тогда отбили у турок 18 знамён, не раз отличившись в конных схватках и лихих атаках, при несении дозорной службы на аванпостах.

После вторжения наполеоновской армии в Россию Иловайский принял командование отдельным казачьим отрядом в рядах русской 2-й Западной армии генерала П. И. Багратиона. Участвовал едва ли не во всех жарких арьергардных боях, отличившись со своими казаками под Миром, Романовом (ранен пулей в ногу, награждён орденом Святой Анны 1-й степени с алмазами), Иньково, Смоленском, Вязьмой и Дорогобужем.

В тех боях отважный генерал лично водил в атаки своих донцов, увлекая их своей отвагой. В тех арьергардных схватках прежде всего с вражеской кавалерией он «получил две раны сабельные в правое плечо и в правую ногу пулей».

В Бородинском сражении Н. В. Иловайский командовал казачьей бригадой и являлся главным помощником атамана М. И. Платова. Участвовал в рейде русской кавалерии и казачьей конницы против левого фланга вражеской армии.

Когда русская армия перешла в контрнаступление, казачий генерал вновь почти не выходит из боёв. В его послужном списке значатся дела у Колоцкого монастыря, Гжатска, Вязьмы, Семлёва,

Духовщины, Смоленска, Красного, Березины, Молодечно, Вильно и Ковно. Это были вехи второй половины Отечественной войны 1812 года. То есть полки его отряда донцов проделали весь путь бегства наполеоновской Великой армии из России до пограничной реки Неман. В большинстве тех дел они сражались в рядах летучего корпуса атамана М. И. Платова.

Принимал участие отряд Иловайского в занятии городов Восточной Пруссии — Эльбинга и Мариенбурга. Летучие казачьи отряды из платовского корпуса тогда ещё до начала 1813 года перешагнули черту государственной границы, преследуя остатки французской армии.

15 февраля 1813 года за успехи в сражениях при преследовании отступающего неприятеля, когда он водил в бой не одну тысячу донцов, Николай Васильевич Иловайский производится в генерал-лейтенанты.

В заграничных походах русской армии он успел принять участие только в Лютценском и Бауценском сражениях. Беспрерывные бои, плохо залеченная рана и походная жизнь вконец подорвали его здоровье. 23 июня 1813 года он был «за болезнью отпущен на Дон», то есть убыл из рядов действующей армии. Тогда в рядах донского генералитета таких людей оказалось немало: Отечество защищали не щадя себя.

Иловайский 5-й породнился с атаманом М. И. Платовым, женившись на его падчерице — Екатерине Павловне Кирсановой. Хотя, как известно, атаман не благоволил к Иловайским, оспаривающим его влияние в Войске Донском.

С января 1815 года по декабрь 1816 года Н. В. Иловайский исполнял обязанности войскового наказного атамана. В его доме в мае 1918 года останавливался император Александр I, во время поездки по российскому Югу посетивший город Новочеркасск. Государь лично был расположен к одному из самых прославленных на Дону казачьих военачальников, хорошо знакомому ему.

В июле 1818 года генерал-лейтенант и георгиевский кавалер Иловайский 5-й по собственному прошению на высочайшее имя окончательно увольняется со службы «по болезни» с мундиром. В последние годы жизни он потерял зрение.

Николай Васильевич Иловайский остался для отечественной истории одним из подлинных героев Отечественной войны 1812 года. Помимо вышеназванных наград его мундир украшали орден Святого Владимира 2-й степени, именные золотые медали за Измаил и Мачин, прусский орден Красного Орла 1-й степени. Имел он и Золотую саблю «За храбрость».

Василий Алексеевич Сысоев 3-й (1774 или 1772–1739 или 1840)

Генерал-лейтенант. Герой Русско-турецкой войны 1806–1812 годов. Военачальник Донского и Черноморского казачьих войск

Родился в донской станице Грушёвской, происходил «из штаб-офицерских детей». Отец — полковник А. Г. Сысоев. На службу поступил рядовым казаком в 12 лет. Боевое крещение состоялось в Русско-шведской войне 1788–1790 годов на территории Финляндии. В одном из боёв получил две штыковые раны.

В 1792 и 1794 годах сражался с польскими конфедератами. За боевые отличия в тех польских кампаниях был произведён сперва в сотники, затем — в есаулы. Участвовал в штурме укреплённой Праги — варшавского пригорода. В 1799 году получил чин войскового старшины и был назначен командиром Донского казачьего полка своего имени.

В Русско-австро-французской войне 1805 года к Сысоеву 3-му пришла первая командирская слава. Его полк в составе шеститысячного отряда генерала П. И. Багратиона отличился в бою под Шёнграбеном, когда он преградил путь 30-тысячному авангарду французской армии под командованием маршала Мюрата, который намеревался нанести фланговый удар по отступающей от берегов Дуная русской армии. Потеряв треть своего состава, багратионовский отряд поставленную задачу выполнил.

Сысоевский полк действовал против французов столь отважно и стойко, что за Шёнграбен был награждён Георгиевским знаменем. Это было одно из первых подобных коллективных пожалований в казачьих войсках старой России. И потому стало памятным для истории Дона.

Затем последовало участие в Русско-прусско-французской войне 1806–1807 годов. За вторую кампанию этой войны войсковой старшина Василий Сысоев удостаивается ордена Святого Георгия 4-й степени.

…Подлинная слава военачальника пришла к нему в Русско-турецкой войне 1806–1812 годов. Со своим полком Сысоев оказался в рядах Молдавской армии только в третью кампанию, то есть в 1808 году. Уже в первых боях при Бурдоне и Котове (там

было взято 400 пленных) полковой командир показал завидную удаль, бесстрашие и мастерство кавалерийского начальника. Теперь ему стали доверять командование казачьими отрядами, состоявшими из нескольких полков.

В кампании 1809 года он успешно действует под Браиловом, Кюстенджи, Рассеватом, Силистрией. В столкновениях с турецкой конницей казаки Сысоева 3-го не знали поражений. За один год войны он удостоился сразу трёх боевых орденов: Святой Анны 2-й степени, Святого Владимира 4-й и 3-й степеней. Последняя награда была получена за бои в окрестностях сильной вражеской крепости Шумла.

За отличие при Базарджике он получает в июне 1810 года чин полковника. И награждается золотым крестом «За Базарджик», который носился на чёрно-оранжевой ленте и приравнивался в русской армии к Георгиевским наградам.

Наибольшую же славу казачьему полковнику принесла кампания 1811 года на берегах Дуная. Командуя отрядом из шести Донских казачьих полков, он успешно отражал сильные вылазки турок из Журжи и Слободзеи. В этих боях донцами был взято в плен 2800 турок. За те события мемуаристы называли Сысоева «отважным казаком».

За особенную храбрость в делах под Журжей и Слободзеей Василию Сысоеву был пожалован орден Святого великомученика и победоносца Георгия 3-й степени. Для военачальника в полковничьем чине это была редкая и очень высокая награда на всём протяжении её существования в старой России. Так В. А. Сысоев 3-й стал героем русской армии.

…С начала Отечественной войны 1812 года его казачий отряд из пяти полков не выходил из арьергардных боёв, успешно сражаясь под Миром, Городищем, Быховом и в ходе рейда на город Могилёв, к которому подступил французский авангард. Сысоев стал участником и генеральной баталии войны — Бородинской битвы.

Казачий полковник особенно отличился в сражении на реке Чернишня, которое в отечественной истории известно ещё и как Тарутинское сражение. Полки Сысоева в том деле участвовали в разгроме левого фланга кавалерийского авангарда Великой армии, которым командовал маршал Франции И. Мюрат. Тогда донцы отбили у неприятеля 19 артиллерийских орудий.

Сам же Сысоев доставил главнокомандующему генерал-фельдмаршалу М. И. Голенищеву-Кутузову знамя 1-го кирасирского полка, которое стало его личным трофеем. Наградой ему за Тарутино стал ежегодный пенсион в 1500 рублей. Были в Российской императорской армии той эпохи и

такие денежные награды.

В Малоярославецком сражении полки Сысоева 3-го отличаются вновь. Во время рейда через реку Лужу они удачно атакуют позиции неприятельской артиллерии и захватывают у французов ещё 18 орудий. Успех сопутствовал казакам и в сражении у Колоцкого монастыря.

26 октября в бою у села Маркова донские казаки празднуют новую большую победу над отступающим врагом. Они отбивают у французов две пушки и принуждают их непрестанными дерзкими атаками бросить на дороге ещё 62 (!) артиллерийских орудия, которые становятся почётными трофеями донцов. Это был редчайший случай, когда в общем-то рядовой бой в ходе контрнаступления русской армии закончился таким образом.

За этот замечательный подвиг на поле брани Василий Алексеевич Сысоев 6 декабря 1812 года производится в генерал-майорский чин. Современники считали, что он его заслужил ранее.

В заграничных походах 1813–1814 годов новоиспечённый казачий генерал не участвовал. Причина была веская и, в общем-то, обыденная для окончания той войны. Из-за перенапряжения сил и плохо залеченных ран Сысоеву был дан отпуск на Дон для поправки здоровья.

…Боевую службу он продолжил в 1817 году с началом Кавказской войны. Он участвовал в нескольких экспедициях против чеченцев и в 1818 году в одном из боёв был ранен пулей в левую ногу. Служба на Северном Кавказе закончилась в следующем году и была отмечена орденом Святой Анны 1-й степени.

В 1826–1827 годах генерал-майор А. В. Сысоев проходит службу в Черноморском казачьем войске. Бывшие запорожцы, переселившиеся по воле императрицы Екатерины II на Кубань, «держали» западный участок Кавказской укреплённой линии, расположенной против Черкесии. Сысоев ведал эти два года административными делами войска, занимаясь его устройством и организацией службы на линии.

…Новая боевая слава пришла к нему с началом Русско-турецкой войны 1828–1829 годов. В должности походного атамана Донских казачьих полков он отправляется на Балканы, для начала — на берега так хорошо знакомого ему полноводного Дуная. Затем боевые действия переносятся на речное правобережье, на болгарскую землю.

Казаки Сысоева 3-го отличаются при блокаде и осаде крепости Шумла, пресекая попытки турок выйти за её стены. Они нарушают вражеские коммуникации, отбивают обозы с

провиантом. В августе 1828 года Василий Алексеевич был произведён в генерал-лейтенанты.

В сражениях у Кулевчинских теснин и Сливно султанская армия потерпела полное поражение и отступила. Полки донских казаков преследовали турок и сумели занять важный в стратегическом отношении город Казан. Тем самым было прервано сообщение крепости Шумла с её многотысячным гарнизоном и городом Адрианополем (ныне Эдирне), который считался воротами к столице Блистательной Порты Стамбулу (или Константинополю, Царьграду).

После этого казаки приняли участие во взятии самого Адрианополя. Овладение им стало логическим завершением победы русского оружия в очередной войне России с Турцией. Участие в ней казаков, в том числе с берегов Дона, оказалось весомым и значимым.

…Последней войной для В. А. Сысоева 3-го стало участие в подавлении Польского восстания 1830–1831 годов. Бои с поляками тогда отличались ожесточением. Казачий генерал не раз лично водил донцов в конные атаки и получил пять ранений: два штыковых, сабельное — в голову, пикой — в руку, пулей — в ногу.

Наградой казачьему военачальнику за Польскую кампанию от императора Николая I стало пожалование трёх тысяч десятин земли в Ставропольской губернии.

Исследователи подсчитали, что донские казаки под его командованием во всех войнах пленили до 4600 неприятельских солдат и офицеров, отбили 97 артиллерийских орудий и 8 знамён. У Василия Алексеевича был редкий набор золотых крестов, носимых на Георгиевской ленте: «За Прагу», «За Прёйсиш-Эйлау» и «За Базарджик».

Современники считали Сысоева 3-го одним из лучших офицеров в истории Войска Донского, слава которого в военной истории российского Отечества никогда не будет забыта. Это был настоящий герой тихого Дона.

О генерал-лейтенанте В. А. Сысоеве в старой русской армии действительно помнили до последних дней её существования, то есть до начала 1918 года. Его ратным заслугам посвящали свои работы историки, его вспоминали по случаю военных памятных торжеств.

Высочайшим указом императора Николая II Александровича от 26 августа 1904 года «В вечное сохранение и напоминание славных имён военачальников Донского войска, водивших его к победам» 2-й Донской казачий полк получил наименование «2-й Донской генерала Сысоева казачий полк». То есть эта воинская

часть, обладавшая Георгиевским знаменем, получила для своей истории вечного полкового шефа.

Григорий Дмитриевич Иловайский 9-й (1778 или 1780–1847)

Генерал-майор. Донской казачий военачальник. Герой Отечественной войны 1812 года

Четвёртый из семи сыновей генерала от кавалерии и наказного атамана Войска Донского Д. И. Иловайского. На службу был зачислен казаком в январе 1787 года, а в мае следующего года ему был присвоен офицерский чин сотника. Казачью подготовку под строгим отцовским присмотром прошёл в полном объёме.

Боевое крещение получил в ходе Русско-турецкой войны 1787–1791 годов. Юный сотник Григорий Иловайский 9-й сражался под Очаковской крепостью, Каушанами, Бендерами, Килиёй и наконец под Измаилом. Шёл ему тогда всего тринадцатый год. То есть ещё в детстве будущий казачий генерал стал лично причастен ко всем главным победам русского оружия в той большой войне.

Наградой ему за воинскую доблесть во «Второй екатерининской турецкой войне» стал золотой крест «За Измаил». Немногие из донского генералитета в свои мальчишечьи лета были обладателями таких высоких боевых наград, как один из сыновей наказного атамана Войска Донского.

В 23 года он уже в чине секунд-майора командовал Донским казачьим полком, носившим его имя. С ним он принял в 1801 году участие в Индийском походе (или походе к Оренбургу), который начался (но, к счастью, так и не состоялся) по воле императора Павла I. Тот, заключив союз с Францией, обязался перед Парижем нанести удар по колониальной жемчужине британской короны — сказочно богатой Индии.

После убийства монарха заговорщиками из числа екатерининских вельмож воцарившийся Александр I приказал Донскому казачьему войску, уже дошедшему до верховьев Иргиза, вернуться домой. При всём том Индийский поход продемонстрировал мобильность казачьего войска, умение в самых тяжёлых природных условиях совершать дальние переходы.

…Григорий Иловайский прошёл в начале XIX столетия путь, который вместе с ним проделали большинство казачьих военачальников, участвовавших в войнах против наполеоновской Франции. Новой школой боевой выучки для него стала союзническая война России и Пруссии против Французской империи 1806–1807 годов.

Полк Иловайского 9-го оказался причастен ко многим событиям той войны на Европейском континенте. Прежде всего, он отличился в арьергардных делах, когда казачьи отряды прикрывали походные колонны русской армии. Не менее успешно действовал он и в составе авангардных отрядов. В большом сражении при Прёйсиш-Эйлау Григорий Иловайский был ранен пулей в правый бок навылет, но в армейском строю остался.

Прёйсиш-Эйлау стал не единственной строкой в богатом послужном списке молодого полкового командира в той войне. Он принял со своими донцами «примерное» участие в делах при Аленштейне, под Гуттштадтом, Гейльсбергом, на реке Пассарга. Полк Иловайского 9-го не раз отмечался в приказах по действующей армии.

За доблесть, проявленную в ходе русско-прусско-французской войны, Григорий Иловайский удостоился ордена Святого Владимира 4-й степени с бантом и почётного Золотого оружия — сабли с надписью «За храбрость». В будущем такое наградное оружие будет называться Георгиевским.

После походов по земле Восточной Пруссии Иловайский продолжил действительную службу командиром «своего», именного казачьего полка. В 1809 году принял участие в кампании против Австрии. В январе 1810 года получил чин полковника и был уволен в отставку.

…Вторжение наполеоновской армии в Отечество застало Григория Иловайского на Дону. По воле случая полковнику пришлось заниматься формированием полков всеобщего Донского ополчения в 1-м Донском округе. Вместе с ними он и прибыл в Главную действующую армию, в её Тарутинский лагерь.

Начиная с этого времени, донцы Иловайского 9-го, как говорится, не выходили из боёв. Воевать же ему пришлось в основном в отряде генерал-майора В. В. Орлова-Денисова, одного из самых прославленных казачьих военачальников 1812 года.

Славу себе полковой командир добыл в деле под Медынью в Калужской губернии 13 октября. Здесь состоялся тяжёлый бой между казаками и Польским корпусом Великой армии генерала Ю. А. Понятовского. Тот попытался было отступить на Смоленск по неразорённой дороге через Медынь, Юхнов и Ельню. Таков был приказ императора Наполеона, который попытался таким

образом решить проблему обеспечения провиантом и фуражом своих войск.

Понятовский выслал на эту дорогу для разведки корпусной авангард под командованием генерала Ш. Лефевра-Денуэтта в составе четырёх полков: двух конных егерей, уланского и пехотного (всего около 1200 человек) при пяти орудиях. Атаман М. И. Платов, командир летучего казачьего корпуса, своевременно узнал об этом и выслал к Медыни бригаду (два полка) полковника Г. Д. Иловайского.

Когда казаки Иловайского прибыли к месту, поляки уже теснили вставший перед ними на дороге Донской казачий полк А. И. Быхалова. Узнав об этом, командир бригады разместил два своих полка в засаде. Удар из неё оказался силён и внезапен: польский 5-й конно-егерский полк, отступая, наскочил на свою артиллерию и лишил её возможности вести огонь по атакующим казакам.

Донцы вели неотступное преследование неприятеля и с ходу захватили все пять его орудий, изготовленные для стрельбы. Они сразу же развернули пушки в обратную сторону и начали палить по отступавшим полякам. В той схватке в плен попал наполеоновский кавалерийский генерал Т. Тышкевич. Бой под Медынью, начавшийся около 11 часов дня, завершился с наступлением темноты.

Авангард Польского корпуса в том бою потерял, кроме всей своей артиллерии, более 120 человек убитыми и около ста человек пленными, а также весь обоз. К тому же исход боя оказал деморализующее влияние на будущего маршала Франции князя Юзефа Понятовского.

Дело под Медынью состоялось в тот день, когда две армии — наполеоновская и кутузовская — стояли друг против друга под Малоярославцем. Император Наполеон решил, что дорога через Медынь плотно прикрыта противником, он приказал своим войскам возвратиться на разорённую Старую Смоленскую дорогу и по ней отступать на запад.

В память того славного для донского казачества дела в Медыни в 1854 году на личные средства городского головы Рябцева был воздвигнут красивый обелиск с образом святых Павла и Попилы. Разрушенный в ходе Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, обелиск был восстановлен в прежнем виде в 1988 году.

…Следующим блистательным делом полковника Иловайского стал бой у смоленской деревни Ляхово на Старом Смоленском тракте. Он со своим полком входил в состав армейского летучего (партизанского) отряда генерал-майора

В. В. Орлова-Денисова. У Ляхова партизаны пленили бригаду генерала Ж. П. Ожеро. Разгневанный Наполеон приказал расформировать дивизию, в которую входила эта бригада.

После этого казаки Иловайского 9-го участвовали в сражениях при Красном, Орше, Борисове, Вилейке, Вильно (ныне Вильнюс, Литва). Под Красным на Смоленщине донцы «примерно» действовали против императорской гвардии императора Франции.

Наполеоновский Русский поход закончился гибелью Великой армии. Казачий полковник оказался одним из героев той войны. Наградой за доблесть ему стал орден Святого Георгия 4-й степени:

«В воздаяние ревностной службы и отличия, оказанных против французских войск с 13 октября 1812 года по 4 января 1813 года».

Г. Д. Иловайский участвовал также в заграничных походах русской армии. В кампании 1813 года он отличился при осаде приморской крепости Данциг на балтийских берегах современной Польши. В июле того же года был произведён в генерал-майорский чин.

…После окончания военных действий против наполеоновской Франции по выбору донского дворянства с 1816 года Григорий Дмитриевич Иловайский служил непременным членом канцелярии Войска Донского. В полную отставку вышел в 1827 году. Похоронен в Святогорской Успенской пустыни Изюмского уезда Харьковской губернии, у входа в пещерную церковь.

Пётр Фёдорович Тацын (около 1780–1831)

Генерал-майор. Герой Донской конной артиллерии в войнах против наполеоновской Франции

Точная дата рождения его нам неизвестна. Известно только место рождения — станица Кривянская (ныне Ростовская область). Старшинская фамилия Тацыных на Дону к числу казачьей аристократии не принадлежала, хотя отец смог дать сыну хорошее по тому времени начальное образование. Только этим можно объяснить то, что Пётр Тацын начал в 1797 году службу рядовым казаком в войсковой канцелярии, то есть он был достаточно грамотным.

Боевое крещение Тацын-младший получил в Персидском походе 1796 года. Участвовал во взятии крепости Дербент на приморском юге Дагестана. Этот поход стал для молодого донца примечателен тем, что в нём он воевал «при артиллерии». Пушкарское дело с тех пор стало для него казачьей профессией.

В 1797 году Пётр Тацын зачисляется в Донскую конную артиллерию, которая тогда делилась на две конно-артиллерийские роты. Персидский поход дал ему немалый опыт и профессиональные знания. Всё это стало не последним фактором, когда встал вопрос о производстве Тацына в офицеры. В 1798 году он получает чин сотника.

20 октября 1797 года была сформирована Первая конная рота артиллерии Донского войска. (Название её в истории несколько раз менялось, пока она наконец в 1894 году не стала называться 6-й Донской казачьей батареей, обладательницей наградных четырёх Георгиевских серебряных труб.) Вскоре после этого знаменательного для себя события сотник Пётр Тацын оказывается со своей конно-артиллерийской ротой откомандированным на Северный Кавказ, где шли военные действия против «немирных» горцев. Командировка длилась два года: 1806 и 1807 годы. Наградой казачьему офицеру стала золотая медаль с изображением императора Александра I Павловича.

Петра Фёдоровича Тацына можно с полным на то правом назвать героем Русско-турецкой войны 1806–1807 годов. В ходе её казачьи пушкари с Дона отличились во многих делах. А лично

Тацын — в боях при Журже, Малайнице, в сражении под Слободзеей. Донские конные артиллеристы вели огонь в первых рядах русских войск, поддерживали своим огнём атаки казачьих полков, отражали наскоки османской конницы.

Высшей мерой бесстрашия в конной артиллерии в ту бранную эпоху было следующее. Орудийные расчёты на полном скаку выносились вперёд, разворачивались в сотне-другой шагов от неприятельских рядов (а порой и того меньше), и разили врага «ближней картечью». Несомненная храбрость донцов в таких боевых эпизодах удивляла и своих, и чужих. И казалась военным людям, многое повидавшим на своём веку, потрясающей.

За ту Турецкую войну донской артиллерист Пётр Тацын получил целый букет боевых наград. Это были ордена Святого Владимира 4-й степени и Святой Анны той же степени. Его мундир украсило Золотое оружие — сабля с надписью «За храбрость». На дунайских берегах он дважды повышался в чине, став сперва есаулом, а потом войсковым старшиной.

…Не меньшим героем показал себя Тацын и в новой для себя войне — Отечественной 1812 года. Он её начал в должности командира конно-артиллерийской роты 1 (12 орудий) и в чине майора. Интересен такой факт: во время того трагического для императора Наполеона Бонапарта Русского похода в рядах донского казачества билось шесть Тацыных.

Казачья конная артиллерия отличилась во многих арьергардных делах Первоначально тацынская рота входила в состав летучего казачьего корпуса 2-й русской Западной армии, состоявшего из восьми Донских казачьих полков и роты конной артиллерии. Корпусом сперва командовал генерал-майор Н. В. Иловайский, затем его сменил генерал-майор А. А. Карпов.

В послужном списке П. Ф. Тацына значатся бои при Мире, Романове и под Могилёвом. Его 12-орудийная конная артиллерия особо эффективно действовала, когда казачья конница применяла свой излюбленный тактический приём — «вентерь». То есть наводила под огонь донских пушек неприятельскую кавалерию. Огонь из засады «ближней картечью» и ядрами всегда оказывался не только впечатляющим, но и губительным для врага.

Умело вели тацынские пушкари и артиллерийские дуэли с французскими батареями, не раз блистая меткостью стрельбы. Как это было, к примеру, под Романовом, где конно-артиллерийская рота прикрыла своим огнём позицию егерского полка, занявшего село.

Отличились донские артиллеристы и в Бородинском сражении, где гул сотен и сотен орудий двух сторон перекрывал собой все остальные звуки генеральной баталии Отечественной

войны 1812 года. За отличие в битве на поле Бородина Пётр Фёдорович производится в подполковники.

Донские артиллеристы действовали с неменьшим успехом и при изгнании неприятеля из пределов России. 1-я конно-артиллерийская рота Войска Донского проделала путь с боями от Малоярославца до Данцига, всегда находясь в составе авангардных сил.

За тот победный путь, в ходе которого казачья артиллерия участвовала в окончательном сокрушении Великой армии завоевателя Бонапарта, Пётр Фёдорович Тацын удостоился ордена Святого Георгия 4-й степени. Это было высокое признание его боевых заслуг.

В заграничных походах русской армии 1813 и 1814 годов казачьей артиллерии пришлось потрудиться не меньше, чем на полях России. Тацынская рота особенно отличилась тогда в больших сражениях, как при Лютцене, Бауцене, в Битве народов при Лейпциге.

В 1814 году тацынская рота также прекрасно показала себя при штурме неприятельской крепости Намюр, которую защищал арьергард корпуса маршала Франции Э. Ж. Ж. Макдональда. Намюр был занят отрядом генерал-адъютанта А. И. Чернышёва 14 января.

За те походы по земле Европы, освобождаемой от наполеоновского владычества, командир Первой конной роты артиллерии Войска Донского вновь стал обладателем целого букета наград. В него вошли орден Святой Анны 2-й степени, вторая Золотая сабля, два прусских ордена «За заслуги», шведский орден Золотого Руна и чин полковника.

Офицерам Донской конно-артиллерийской роты № 1 император Александр I пожаловал по примеру армейских полков золотые петлицы — существовала в старой России и такая почётная коллективная награда.

…Полковник Тацын служил в казачьей конной артиллерии и после окончания антинаполеоновских войн. В донском обществе он был уважаемым, заслуженным человеком. В 1819 году его привлекли к работе Комитета по выработке Положения об управлении Войска Донского.

Последней войной для Петра Фёдоровича стала Русско-турецкая война 1828–1829 годов. Он снова оказался в Валахии, на берегах Дуная и на болгарской земле. Казачьей конной артиллерии довелось и там блеснуть своей высокой выучкой и бесстрашием орудийных расчётов.

Уже давно признанный герой Донской конной артиллерии умножил свою славу первого командира первой роты. Он

отличился в сражениях при Слободзее и Силистрии, исключительно грамотно ведя огонь и по атакующей турецкой коннице, и по вражеским «фортециям», и в ходе атак казачьей конницы.

В 1829 году П. Ф. Тацын получает чин генерал-майора и под его командование вверяется вся конная артиллерия Войска Донского. Многого сделать он на новом для себя начальственном поприще не успел, поскольку через два года ушёл из жизни. Но светлую память в славной истории Донского казачьего войска оставил.

Василий Васильевич Орлов-Денисов (1780, 1775 или 1777–1843)

Генерал от кавалерии. Герой войн против наполеоновской Франции

До 1801 года человек, которого с полным правом можно назвать одной из самых героических личностей в истории донского казачества, носил отцовскую фамилию Орлов. Отец его — Василий Петрович Орлов — был войсковым атаманом, генералом от кавалерии. Он был славен тем, что при взятии Измаила командовал 4-й штурмовой колонной, а став полновластным атаманом, добился, чтобы в Войске Донском было введено жалованное дворянство, а казачьи чины уравнялись с чинами регулярной армии.

Дедом же Орлова-младшего по матери был генерал от кавалерии Фёдор Петрович Денисов, первый граф из донцов. Поскольку наследников по мужской линии он не имел, то в 1801 году передал право обладания графским титулом своему любимому внуку. Император утвердил такое ходатайство прославленного казачьего военачальника, и так в отечественной истории появился граф Орлов-Денисов. И тоже в чине генерала от кавалерии, как отец и дед.

Василия Орлова на службу записали рядовым казаком 1 января 1789 года, а 4 декабря того же года он уже имел чин сотника. После перевода в разъездной казачий полк (полк его отца), стоявший в Санкт-Петербурге, он был произведён в мае 1791 года в есаулы. Но тогда, в одиннадцать лет, он действительной службы ещё не нёс, обучаясь в частном пансионе.

В июле 1799 года 19-летний Орлов-Денисов производится в полковники. С 1801 по 1806 год его полк несёт службу на Дону. В 1806 году его переводят в лейб-гвардии Казачий полк на должность командира эскадрона (казачья гвардия тогда сотенного деления ещё не имела). С этой поры жизнь молодого графа из донцов резко меняется и приобретает совсем иной смысл.

С началом Русско-прусско-французской войны 1806–1807 годов Василий Орлов-Денисов с лейб-гвардии Казачьим полком оказывается в рядах действующей армии и получает боевое крещение, которое предвещало ему будущее умелого

военачальника. То есть, как говорится, первый блин комом в его биографии не стал.

Лейб-казаки в январе 1807 года отличились в сражении против войск маршала Нея у Гейльсберга. Тогда наступление французов было остановлено. 28 мая того же года полковник Орлов-Денисов со своим эскадроном в бесстрашной конной атаке остановил вражескую колонну. Это случилось под Фридландом. В ходе той схватки лейб-донцы опрокинули эскадрон французских гвардейских конных егерей.

Во Фридландском сражении казачий граф возглавил арьергард русских войск, покидавших поле битвы. Французы оказались лишены надежд преследовать отходившего противника.

За доблесть и мужество, «выказанные» во Фридландском сражении, граф из донцов награждается орденом Святого Георгия 4-го класса (степени). Это было отличное начало, а боевых наград он получит в войнах против наполеоновской Франции ещё немало.

В его послужном списке также имеются записи об участии в сражениях при Гуттштадте и Гейльсберге. Василий Орлов-Денисов проявил «примерное» мужество и отвагу при защите армейских переправ через реку Алле. Война на полях Восточной Пруссии прославила его.

…В декабре 1807 года граф производится в генерал-майоры. В феврале следующего года он назначается командиром лейб-гвардии Его Величества Казачьего полка, квартировавшего в столице.

Его назначение совпало с началом Русско-шведской войны 1808–1809 годов. Гвардейский казачий полк выступает из столицы на войну в Финляндию. Под командованием Орлова-Денисова лейб-казаки отличаются при взятии городов Борго и Гельсингфорса (ныне Хельсинки). У нынешней столицы Финляндии их атака оказалась настолько стремительна, что шведы даже не успели произвести залп из шестиорудийной батареи, хотя пушки стояли на позиции заряженными.

Затем казачья гвардия участвовала во взятии Свеаборга: овладение этой морской крепостью решало проблему защиты южного побережья Финляндии и входа в Финский залив. В ходе блокады Свеаборга лейб-гвардии Казачий полк небольшими партиями по ночам постоянно тревожил шведский гарнизон. Казаки в темноте подкрадывались под крепостную ограду и начинали под барабанный бой вести ружейную пальбу.

После взятия крепостного Свеаборга Орлову-Денисову поручается охрана морского побережья Финляндии. В его командование выделяется большой отряд войск с артиллерией.

Однако неприятель уже не помышлял о высадке морских десантов.

Война России со Швецией принесла генерал-майору графу В. В. Орлову-Денисову две орденские награды 2-степени: Святого Владимира и Святой Анны. В 1811 году командир казачьей гвардии удостаивается придворного звания генерал-адъютанта.

В преддверии Русского похода императора Наполеона Бонапарта, когда угроза столкновения двух великих европейских империй стала реальной, император Александр I прибыл к действующей армии в Вильно. С ним из Санкт-Петербурга на западную границу пришла гвардия.

Лейб-казаки первыми встретили переправившихся через пограничный Неман французов. В одном из боевых эпизодов они, ведомые полковым командиром, лихо ворвались в расположение одного из неприятельских штабов и пленили полковника Сегюра, принца Гогенлоэ.

Начались арьергардные бои, в которых генерал-адъютант Орлов-Денисов командовал гвардейской казачьей бригадой. За бои в районе Дриссы против авангардных войск наполеоновской армии награждается орденом Святой Анны 1-й степени.

Под Витебском донцы-гвардейцы и гвардейская Черноморская казачья сотня столь решительно атаковали три французских полка, что вынудили их отступить. Вражеских кавалеристов лейб-казаки гнали с такой лихостью, что четвёрка донских казаков в пылу погони ворвалась на вражескую батарею, на которой находился сам император Наполеон, наблюдавший за боем. И хотя все четыре гвардейских донца попали на батарее к неприятелю в плен, неудержимость казачьей атаки произвела на венценосного полководца-завоевателя неизгладимое впечатление. В том витебском столкновении Василий Васильевич получил сильную контузию картечью в шею, но в строю остался.

За удалый бой под городом Витебском граф В. В. Орлов-Денисов был награждён Золотой саблей с надписью «За храбрость».

Отличился генерал-майор Орлов-Денисов и под Лубиным, когда в бою против кавалерии маршала Франции, короля Неаполитанского Иоахима Мюрата командовал несколькими казачьими полками. Он лично водил казаков в атаки, участвуя в конных схватках. В донесении в армейский штаб граф писал, что «до ночи не уступит Мюрату ни шагу».

В бою под Валутиной Горой (у Смоленска) В. В. Орлов-Денисов удачно командовал 1-м резервным кавалерийским корпусом. На Смоленщине к нему пришло признание его мастерства как одарённого кавалерийского военачальника,

которое впоследствии им подтверждалось не раз.

Участвовал он также и в сражении на Бородинском поле. Во время рейда русской конницы (корпусов Платова и Уварова) возглавлял атаку трёх кавалерийских полков (лейб-гвардии Казачий, лейб-гвардии Гусарский и Елисаветпольский гусарский) на неприятельскую пехоту.

Одной из вершин славы Василия Васильевича Орлова-Денисова стало сражение на реке Чернишня (или Тарутинское сражение). Он командовал первой атакующей колонной и был контужен картечью в ногу. Плодами внезапной атаки его конницы стали все захваченные в тот день русскими боевые трофеи — 38 вражеских орудий. В день 6 октября граф командовал десятью казачьими и четырьмя кавалерийскими полками, несколькими сборными эскадронами, 20-м егерским полком и двумя артиллерийскими ротами, общей численностью около 8,5 тысяч человек.

Тарутинское сражение стало одной из самых славных для русского оружия страниц Отечественной войны 1812 года. Начальник штаба Главной армии генерал Л. Л. Беннигсен в донесении главнокомандующему М. И. Голенищеву-Кутузову оценивал действия начальника 1-й атакующей колонны следующим образом:

«…Граф Орлов-Денисов вёл себя самым блистательным образом. Его храбрость делает честь Российскому оружию…»

Наградой Василию Васильевичу Орлову-Денисову за знатное дело на реке Чернишня стал военный орден Святого великомученика и победоносца Георгия 3-й степени:

«В воздаяние отличного мужества и храбрости, оказанных в сражении против французских войск 6-го октября при Тарутине».

С началом контрнаступления русской армии генерал-адъютант командовал отдельным летучим (партизанским) отрядом. Он оказался одним из тех казачьих военачальников, кому генерал-фельдмаршалом М. И. Голенищевым-Кутузовым было поручено по пятам преследовать французов, пытавшихся вырваться из «объятий» России.

В его послужном списке появились записи об участии в боях под Гжатском, Ляховым (в плен была взята бригада генерала Ожеро), Красным, Вильно и Ковно. По дороге к Красному казаки Орлова-Денисова пленили около 1300 человек и захватили большой обоз с награбленным на Смоленщине провиантом. В бою 2 ноября они разгромили вражескую колонну, пленив четырёх генералов и отбив у врага четыре орудия.

В истории Отечественной войны 1812 года Василий Васильевич известен и таким удивительным случаем. Заболев, он

ехал на санях в сопровождении императорского лейб-медика Виллие и одного казачьего урядника. По дороге им встретилась отступающая колонна французов. Генерал направил к ним урядника и от своего имени потребовал сдаться и сложить оружие. Так в русском плену оказалось 400 наполеоновских солдат, которым имя казачьего военачальника оказалось хорошо знакомо.

…В ходе Заграничных походов 1813 и 1814 годов граф Орлов-Денисов командовал императорским конвоем (охранной стражей) Александра I и вместе с ним участвовал в сражениях под Лютценом, Бауценом, Дрезденом, Кульмом. В сентябре 1813 года он получает чин генерал-лейтенанта.

Новый подвиг на поле брани был им совершён в Битве народов под Лейпцигом 4 октября 1813 года. В критический момент, когда центр русской позиции оказался прорван сильным атакующим ударом французов и те сумели захватить часть орудий русских, император Александр I приказал лейб-казакам прикрыть замолчавшую батарею.

Орлов-Денисов во главе четырёх сотен казаков с подоспевшими двумя конными полками союзников-пруссаков с ходу атаковал колонну французской кавалерии. Наступающий неприятель от такого удара дрогнул и остановился, тут же попав под картечный огонь орудий 23-й конно-артиллерийской роты. После этого на наполеоновцев, прорвавших позицию русских войск, обрушился шквал огня их артиллерии…

За Лейпцигское сражение генерал-лейтенант граф В. В. Орлов-Денисов удостоился ордена Святого Владимира 2-й степени. Была ему и ещё одна боевая награда — награда лейб-гвардии Казачьему полку, к которой он оказался лично причастен. Лейб-казаки получили почётный Георгиевский штандарт, надпись на котором гласила:

«За отличие при поражении и изгнании неприятеля из пределов России 1812 года и за подвиг, оказанный в сражении при Лейпциге 4 октября 1813 года».

Вскоре после Битвы народов под Лейпцигом командиру императорского конвоя удалось отличиться ещё дважды. Это было при преследовании наполеоновских войск при Эйзенахе и Ганау.

В кампании 1814 года и во время второго похода русской армии во Францию в 1915 году Орлов-Денисов находился при императоре Александре I.

…В 1825 году он получает в командование 5-й резервный кавалерийский корпус. В августе 1826 года удостаивается чина генерала от кавалерии. В следующем году увольняется в отставку.

Среди его пяти иностранных орденов был французский орден Святого Людовика высшей, 1-й степени.

Граф В. В. Орлов-Денисов участвовал и в Русско-турецкой войне 1828–1829 годов, находясь при Главной квартире армии России. После окончания военных действий он окончательно ушёл в отставку.

Скончался Орлов-Денисов в Харькове, где и был похоронен в Покровском монастыре. В 1911 году прах героя Дона был перенесён в усыпальницу Войскового собора в Новочеркасске.

С 26 августа 1904 года его имя (как вечного шефа) стал носить 9-й Донской казачий полк.

Император Николай II ещё раз державно почтил память генерала от кавалерии графа В. В. Орлова-Денисова. Государь установил день праздника лейб-гвардии Казачьего полка 4 октября. Именно в этот день 1813 года под Лейпцигом донцы-гвардейцы провели свою самую знаменитую в полковой биографии атаку.

Афанасий Фёдорович Бурсак 2-й (1782–1825)

Полковник. Командир лейб-казачьей Черноморской сотни

Отцом прославленного героя Отечественной войны 1812 года был войсковой атаман Черноморского казачьего войска Фёдор Яковлевич Бурсак, гроза «немирной» Черкесии в преддверии Кавказской войны. Бурсака-старшего в истории называют последним из могикан Запорожья.

Его сын воспитывался в казачьей среде, происходя «из обер-офицерских детей». В четырнадцать лет начал службу рядовым казаком на Кавказской линии — укреплённой пограничной линии на Северном Кавказе. Участвовал не только в стычках с горцами на берегах реки Кубань, но и в Закубанских походах. В них он получил своё боевое крещение.

В пятнадцать лет Бурсак производится в сотенные есаулы, в семнадцать лет — в хорунжие, через год — в сотники. В 1807 году стал полковым есаулом. Не без отцовской протекции в тот же год, в декабре, будучи уже «видным казачиной», становится адъютантом военного министра генерала от артиллерии графа А. А. Аракчеева, временщика царствовавшего тогда Александра I.

Чин войскового (казачьего) полковника получил в 1810 году. Когда в преддверии наполеоновского Русского похода Аракчеева на посту военного министра сменил генерал от инфантерии М. Б. Барклай-де-Толли, остался у него адъютантом.

…В марте 1811 года войсковой полковник Афанасий Бурсак 2-й назначается командиром гвардейской Черноморской сотни и отправляется на Кубань для её формирования. История этой сотни лейб-гвардии Казачьего полка, составленного из донцов, такова.

Военный министр, занимаясь подготовкой русской армии к ожидавшейся новой войне с наполеоновской Францией, с одобрения императора Александра I начал расширять ряды гвардии. В этих целях он предписал херсонскому военному губернатору герцогу Ришельё из «лучших людей» Черноморского казачьего войска сформировать сотню лейб-казаков.

Бурсак-младший, откомандированный из столицы, получил соответствующее предписание. Ему было приказано набрать в сотню казаков «хорошего состояния, доброго поведения, здоровья,

ростом и лицом видных». Рост гвардейцев должен был составлять от 173 до 191 сантиметра, а средний возраст — около 30 лет.

Формирование сотни было завершено к середине июля 1811 года. В неё входило 5 офицеров, 14 урядников, 2 трубача и 100 казаков. Первоначально вооружение черноморских лейб-казаков состояло из сабель различных образцов, ружей («на манер черкесский длинноствольные») и пистолетов («на манер турецкий со стальной оправою»). Пики с красным древком без флюгера появились у них на вооружении в следующем году.

Бурсак привёл сотню «своим ходом» в Санкт-Петербург в первый день марта 1812 года. Она сразу вошла в состав лейб-гвардии Казачьего полка. В середине того же месяца выступила с полком в Вильно для содержания пикетов по берегам пограничного Немана.

…С началом 1812 года Черноморская сотня участвовала во многих арьергардных стычках, действуя чаще всего впереди регулярной кавалерии. Уже в самом начале военной кампании её командир «за разные авангардные дела» награждается орденом Святого Владимира 4-й степени с бантом.

В послужном списке Афанасия Бурсака значатся многие сражения и большие бои Отечественной войны, в которых он доблестно бился против французов со своими казаками-черноморцами.

В Бородинской битве его сотня участвовала в рейде атамана Платова и генерала Уварова, двумя взводами ворвавшись на неприятельскую батарею. Затем последовало сражение на реке Чернишня (или при Тарутине). Бурсак за это дело награждается орденом Святой Анны 2-й статьи. Затем последовали Малоярославец и Вязьма.

За поражение французов при Дорогобуже на Смоленщине сотенный командир жалуется алмазными знаками к ордену Святой Анны 2-й степени. Потом последовали бои при Ляхове и Красном. То есть почти до самой Березины лейб-казачья Черноморская сотня находилась в числе тех сил атамана Платова, которые преследовали отступавшую наполеоновскую армии, как говорится, по пятам.

Аккордным делом черноморцев в Отечественной войне 1812 года стало отбитие у французов под Вильно 19 орудий. С прибытием в действующую армию императора Александра I сотня стала состоять в его конвое, начав в этом новом качестве заграничные походы русской армии.

Черноморские казаки — отборная сотня войска — отличились в сражениях при Лютцене, Бауцене, Дрездене, Кульме, в лейпцигской Битве народов. Бурсак 2-й становится

георгиевским кавалером, удостоившись военного ордена Святого Георгия 4-й степени за лихую, успешную атаку неприятельской кавалерии.

Его казаки участвовали во взятии Парижа, раскинув свой бивак на знаменитых Елисейских Полях. Сотенный командир лейб-черноморцев к тому времени имел наградное Золотое оружие «За храбрость» и прусский орден «За военные заслуги».

В августе 1813 года Афанасий Бурсак из войсковых полковников переименовывается в полковники армии. Это тоже была награда за доблесть, поскольку армейский чин тогда считался намного выше казачьего: они тогда ещё не были уравнены друг с другом.

После заграничных походов для полковника и георгиевского кавалера Афанасия Фёдоровича Бурсака начинается служба в столичной гвардии. Он был принят при дворе. В 1815 году его должность стала называться так: командир лейб-гвардии Черноморского казачьего эскадрона номера 7-го, входившего в состав всё того же лейб-гвардии Казачьего полка.

По всей видимости, гвардейская служба в столице тяготила сына казачьего атамана, которого тянуло на родину. Только этим можно объяснить, что человека, постоянно «отличавшегося в службе», перевели из Санкт-Петербурга на Кубань. Случилось это в середине 1818 года.

Полковник А. Ф. Бурсак 2-й назначается командиром 2-го конного полка Черноморского казачьего полка. Отца его к тому времени уже не было в живых. Полк ему пришлось переучивать с использованием того боевого опыта, который он получил в действиях против французов.

В те годы из Черкесии постоянно совершались набеги на «огнедышащую» Кавказскую укреплённую линию: начиналась затяжная Кавказская война. Бурсак со своим полком участвовал в Закубанских походах в 1823 и 1824 годах, лично побывав во многих жарких стычках и перестрелках.

В следующем, 1825 году, его не стало. Он погиб трагически, утонув в полноводной Кубани. Был похоронен на кладбище «запорожского» Елизаветинского куреня. Позднее его прах перенесли в войсковую столицу — город Екатеринодар.

…В Черноморском казачьем войске, ставшем в самом конце Кавказской войны составной частью Войска Кубанского, имя Афанасия Фёдоровича Бурсака знали как героическое, прежде всего за дела в Отечественной войне 1812 года. Об этом свидетельствуют войсковые летописи и истории самых различных авторов.

Именно эта благодарная историческая память стала

основанием для присвоения его имени, как вечного шефа, 1-му Черноморскому полку Кубанского казачьего войска. Это событие в жизни войска произошло в 1913 году, когда состоялся высочайший указ императора Николая II.

Степан Фёдорович Тацын (1783–1828)

Подполковник. Герой Русско-турецкой войны 1828–1829 годов

Младший брат генерал-майора П. Ф. Тацына тоже относился к старшинскому роду Войска Донского. И тоже мог гордиться старинной родословной Тацыных. На действительную службу рядовым казаком он пошёл в 16 лет, в 1800 году. Участвовал в походной жизни Донских казачьих полков, боевое крещение получил в стычках с горцами на Кавказской укреплённой линии. То есть его биография мало чем отличалась от биографий многих тысяч донцов, начинавших служить Богу, царю и Отечеству на рубеже двух столетий.

Первой большой войной для Степана Фёдоровича, ещё не ходившего в офицерах, стала Русско-прусско-французская война 1806–1807 годов. Полки донских казаков являли тогда собой не только «глаза и уши» русской армии, но и бились в частых малых боях, и ходили лавами в атаки в больших сражениях.

Казаку Тацыну в той войне повезло: и отличился, и жив остался, и на родной Дон, в станицу Кривлянскую, офицером возвратился. За проявленную доблесть в боях при Пултуске и на берегах реки Пассарга награждается Золотым оружием — саблей с надписью «За храбрость». За жаркое для конницы сражение при Гейльсберге производится в сотники.

Первые свои боевые ордена Степан Тацын добыл в Русско-турецкой войне 1806–1812 годов. Тогда сотенному командиру при его бесстрашии и презрении к смертельным опасностям довелось отличиться не раз. Особенно при овладении сильной Силистрийской крепостью, стоявшей на дунайских берегах, и в сражении при Рущуке.

Тогда и появились на синем донском мундире казачьего сотника две приметные орденские награды: Святого Владимира 4-й степени и Святой Анны 2-й степени.

С берегов Дуная полк, в котором служил Тацын, ушёл походным порядком на другую войну — Отечественную 1812 года. Схваток с французами и их союзниками по наполеоновскому Русскому походу состоялось немало, но особенно отличился казачий офицер в боях при Романове и под древним городом московской земли Звенигородом.

Бой под Звенигородом состоялся 31 августа. Тогда отряд генерал-адъютанта барона Ф. Ф. Винцингероде защищал город против войск вице-короля Итальянского Эжена Богарне, пасынка императора французов. 4-му Итальянскому корпусу наполеоновской армии пришлось приложить немало усилий, чтобы к вечеру заставить русских отступить от Звенигорода.

За Отечественную войну 1812 года Степан Фёдорович Тацын был награждён орденом Святого Георгия 4-й степени и чином подполковника. Теперь он писался в документах и приказах как «кавалер».

В последующем С. Ф. Тацын долго служил в Виленской губернии и в Царстве Польском. На Дон он возвратился только в 1820 году.

В 1820–1823 годах подполковник С. Ф. Тацын состоял депутатом черкасского начальства, занимаясь административной деятельностью. Однако он явно тяготел к строевой службе, перевода в которую и добился довольно скоро.

В те же 1820-е годы Тацын со своим полком нёс «степовую» службу в обширной тогда Астраханской губернии. Казаки устанавливали кордоны в степях, обеспечивали должный порядок в степных кочевьях, боролись с разбойными отрядами, которые занимались угоном стад у своих соседей.

…Когда началась Русско-турецкая война 1828–1829 годов, в походной колонне Войска Донского шёл и полк Тацына, который носил его имя. Особенностью полка было то, что он уходил на большую войну, будучи составлен из «малолеток», то есть молодых казаков первого года службы, ещё не получивших боевого крещения.

Тацынский полк был в числе первых, кто форсировал полноводный Дунай и оказался на противоположном, болгарском берегу реки. Один из корпусов русской армии начал наступление на крепость Силистрию, тесня перед собой турок.

В том походе к Силистрии и принял подполковник и георгиевский кавалер Степан Фёдорович Тацын свой последний бой. Принял он свою гибель бесстрашно, как и подобает воину, с оружием в руках, не показав врагу свою спину. Чем и прославил своё имя как казак-герой.

В «Картинах былого тихого Дона» — кратком очерке истории Войска Донского для чтения в семье, школе и войсковых частях, увидевшем свет в 1909 году — о том неравном бое рассказывается в таких словах:

«Наша армия быстро подавалась к главной турецкой крепости Силистрии. Для разведки крепости, в июле месяце был послан регулярный полк (кавалерии) под командою полковника

Хомутова и Донской казачий 2-й Тацына полк. День был жаркий. Дорога шла по прекрасной местности. В полдень оба полка стали на привале в лесу на тенистой поляне. Прилегли отдохнуть.

В назначенный для выступления час полк Хомутова поднялся и ушёл, казаки же, утомлённые походом, бессонными ночами на сторожевой службе, разморились на жаре и теперь на холодке так разоспались, что и не видели, как ушла кавалерия.

Вдруг часовой сделал выстрел, другой и третий. В казачьем стане поднялась тревога. Спросонок казаки не знали, куда сунуться. Кинулись к лошадям, да было уже поздно. На казачий привал налетели турки.

В полку было много молодых казаков. Они растерялись. Кто схватил пику и не знает, что делать с нею без коня, другой нёс вьюк, да так с вьюком и замер с разинутым ртом. Старые казаки схватились за ружья — да старое ружьё не то, что теперешняя винтовка, — один выстрел сделал, а потом надо заряжать, возиться долго…

Одним из первых погиб полковник Тацын. Его так изрубили турки, что тело его потом узнали только по рукам да по золотому кольцу на пальце. Пять сотен казаков погибло под ударами кривых турецких ятаганов, лишь шестая успела сесть на лошадей и под командою есаула Вильфинга прорубилась сквозь турок».

Те из тацынских казаков, которым удалось «прорубиться сквозь турок», и рассказали о том, как героически вёл себя в последнем бою их полковой командир. Как он с несколькими казаками пытался стать преградой на пути вражеской конницы, обрушившейся из засады на казачий стан. Он жертвовал собой, чтобы дать возможность своим «малолеткам» прийти в себя и начать бой. Однако соотношение сил в той схватке оказалось далеко не пользу одного-единственного казачьего полка.

Василий Дмитриевич Иловайский 12-й (1788 или 1785–1860)

Генерал-лейтенант. Походный атаман Донских казачьих полков на Кавказе

Представитель известнейшего казачьего рода. Родился в старинной дворянской семье Войска Донского. Отец, генерал от кавалерии Дмитрий Иванович Иловайский, был на Дону наказным атаманом. Его сын был записан на службу казаком в Атаманский полк (будущий лейб-гвардии) в 1792 году, и через три года имел уже офицерский чин есаула.

С 1798 по 1801 год в этом чине воспитывался в столичном 2-м кадетском корпусе. После его успешного окончания для Василия Иловайского началась действительная военная служба офицером в Атаманском полку. В 1802 году переведён в Донской казачий полк Иловайского 2-го (полки тогда носили имена своих командиров).

Боевое крещение получил в Русско-прусско-французской войне 1806–1807 годов. Отлично зарекомендовал себя, командуя небольшими казачьими партиями (отрядами). Первым боем для сотенного казачьего офицера с французами стал бой у городка Плонска.

Василий Иловайский 12-й впервые заявил о себе как о храбром и инициативном командире в январе 1807 года в сражении у Гогенштейна, когда его донцы лихой конной атакой разбили эскадрон французских конных егерей. Тогда его казаки пленили всех оставшихся в живых неприятельских кавалеристов — капитана и 24 рядовых.

За доблесть, проявленную в сражении при Прёйсиш-Эйлау на земле Восточной Пруссии, Василий Иловайский был награждён золотым крестом на Георгиевской ленте. Он так и назывался — «За Прёйсиш-Эйлау» и относился к числу Георгиевских наград. В апреле того же года со своими казаками Иловайский переправился через реку Алле и уничтожил на противоположном берегу вражеский пикет.

За свою первую войну с наполеоновской Францией представитель славной донской генеральской династии

удостоился Золотого оружия — сабли с надписью «За храбрость» и ордена Святой Анны 4-й степени.

…В 1808 году со своим полком Василий Иловайский был откомандирован в состав Молдавской армии, в рядах которой сражался с турками по 1810 год. На берегах Дуная через год он производится за боевые заслуги в войсковые старшины. Участник форсирования этой реки в 1809 году, Иловайский стал командиром казачьего полка своего имени.

В той войне с именем В. Д. Иловайского 12-го связано немало славных дел русского оружия. На марше от Гирсова к Силистрийской крепости его отряд удачным манёвром выманил из укреплённого лагеря при Рассевате две тысячи турок и заманил их в засаду, где укрылся другой казачий полк. В бою большая часть турецкой конницы была истреблена.

На следующий день, 30 июля 1809 года, полк Иловайского смело атаковал четырёхтысячный отряд неприятельской конницы и пехоты и наголову разбил его, частью рассеяв, частью обратив в бегство. За этот подвиг полковой командир был награждён орденом Святого великомученика и победоносца Георгия 4-й степени.

4-го сентября того же года Иловайский 12-й, начальствуя командой конных охотников (добровольцев), дерзко атаковал отряд вражеской конницы и, преследуя его, ворвался в турецкие окопы, выгнав оттуда пехоту и захватив одно орудие. В тот же день он ещё раз бесстрашно атаковал турок, взяв у них ещё два орудия, пять отрядных знамён и много пленных. Наградой войсковому старшине стал орден Святой Анны 2-й степени.

10 сентября казачий офицер с охотниками из своего полка сперва отбил у неприятеля на берегу Дуная четыре орудия и 13 зарядных ящиков. После этого успеха донцы переправились на один из дунайских островов и уничтожили укрепившийся там турецкий гарнизон.

23 мая 1810 года султанские войска, разбитые в сражении у Базарджика, начали отступать по Шумлинской дороге. Казачий полк Иловайского 12-го преследовал врага более 20 вёрст, при этом донцы захватили три знамени и 98 пленных, в том числе одного пашу (генерала), за что командир был награждён золотым крестом «За Базарджик».

За этот успех и за отличия в сражении при Батине В. Д. Иловайский в том же 1810 году производится в полковники. За доблестное участие в Русско-турецкой войне он удостоился ещё орденов Святого Владимира 3-й и 4-й степеней. Высший из них он получил за сражение при Рущуке.

Финалом той войны стала Рущукская виктория.

Главнокомандующий русской армией М. И. Голенищев-Кутузов скрытно переправил на правый (болгарский) берег Дуная корпус генерала Маркова. В его состав входили два Донских казачьих полка под общим командованием полковника Иловайского 12-го. Это была хорошо продуманная и эффектная «диверсия» в тыл султанской армии, оказавшейся на левом (валахском) берегу реки.

Донцы в числе первых переправились через полноводный Дунай, ворвались в походный лагерь армии великого визиря и удерживали его до подхода главных корпусных сил. В том бою казаки захватили много пленных, семь пушек, две мортиры, 12 знамён. Василий Дмитриевич Иловайский стал одним из героев Русско-турецкой войны 1806–1812 годов, а его полк стал считаться в Войске Донском одним из лучших.

Нашествие Великой армии императора французов Наполеона Бонапарта полковник В. Д. Иловайский 12-й встретил со своим полком на западной границе России. Боевые действия против французов в ходе 1812–1814 годов стали самыми яркими страницами в его блистательной карьере казачьего военного вождя.

Полк Иловайского входил в состав багратионовской 2-й Западной армии. В ходе отступления русских войск отличился при Романове, под городом Велижем, у Поречья. Участвовал в Бородинском сражении.

Генерал-майором Василий Дмитриевич стал в 27 лет за победу в бою у Химок под Москвой. Тогда казаки бесстрашно совершили ночное нападение на французский авангард и, разбив его, преследовали несколько вёрст. В плен было взято 270 наполеоновцев. В представлении на генеральский чин говорилось, что он «испрашивается» за храбрость и умелые распоряжения в большом деле.

Но больше всего прославился Иловайский 12-й при изгнании наполеоновской армии из российских пределов. Его донцы первыми вошли в сожжённую первопрестольную Москву, когда французский арьергард только готовился её оставить. Отряд вражеской кавалерии в полторы тысячи сабель атаковал донцов у Петровского дворца. Умелым фланговым ударом казаки не только парировали атакующий удар, но и разбили нападавших.

Вражеский арьергард был вытеснен из Москвы. Очевидец этого конного сражения в самом центре большого города генерал-майор Ф. Ф. Винцингероде доносил императору Александру I следующее:

«Считая всегда венгерскую конницу первою в мире, после виденной мной атаки Иловайского я должен отдать

преимущество казакам перед венгерскими гусарами».

При изгнании армии Наполеона казаки В. Д. Иловайского находились в рядах авангарда русской армии. 28 октября у смоленского городка Духовщина донцы нанесли поражение отряду генерала Н. А. Сансона. Он был взят в плен почти со всеми своими офицерами, 280 нижними чинами и десятью артиллерийскими орудиями, отрядным обозом.

Затем последовали более впечатляющие боевые успехи. Под Оршей казаки Иловайского 12-го захватывают более пятисот пленных, а у Ковно (ныне Каунас, Литва) — одного генерала, 202 штаб- и обер-офицеров и 2262 рядовых. За эти славные для донского казачества дела генерал-майор награждается алмазными знаками к ордену Святой Анны 1-й степени, который он уже имел.

Подсчитано, что под командованием В. Д. Иловайского в период контрнаступления русской армии казаки захватили в плен трёх генералов, 239 офицеров и 4168 солдат императора Наполеона.

…Во время заграничных походов 1813 и 1814 годов донцы, которыми командовал Иловайский 12-й, постоянно действовали в составе авангардных сил. Самым блистательным делом для них стало окружение под Кульмом корпусного штаба маршала Франции Д. Ж. Р. Вандама и взятие в плен самого наполеоновского полководца со всеми офицерами и нижними чинами его штаба и восемью артиллерийскими орудиями.

Накануне взятия города Лейпцига генерал-майор получил лично от императора Александра I следующую боевую задачу. Ему предстояло двигаться впереди отступающих французских войск, громить их тылы, совершать диверсии на дорогах, создавать благоприятные условия для преследовавших общего врага союзных армий.

Донские казаки успешно справились с такой непростой задачей. На всём пути к городу Франкфурту они уничтожали (сжигали или разрушали) мосты и неприятельские продовольственные магазины. За городом Веймаром была разгромлена французская дивизия генерала Фурнье.

Прославился Иловайский 12-й и удачным делом при Ганау, где его казаки пленили до четырёх тысяч наполеоновцев, которые сложили перед атаковавшей их русской конницей своё оружие. Блеснул он талантом кавалерийского военачальника и при Денневице. За эту победу Василий Дмитриевич удостоился ордена Святого Георгия 3-го класса (степени). А за бои на германской земле король Пруссии наградил его орденом Красного креста 2-й степени.

В наградном Георгиевском рескрипте от 10 декабря 1813 года о совершённом генерал-майором Войска Донского боевом подвиге говорилось до ясности кратко:

«В награду за отличное мужество и храбрость, оказанные в сражении против французских войск 25 августа при Денневице».

Не менее успешно действует В. Д. Иловайский и на французской территории в 1814 году. В бою при Васси донские казаки нанесли полное поражение нескольким эскадронам кавалерии неприятеля и захватили этот город. Войска маршала Франции О. Ф. Мармона отступили перед ними, не отважившись оборонять Васси.

У Морт-Эрандера разгрому подвергся вражеский арьергард, в плен были захвачены генерал фон Мерген, 16 офицеров и более 200 рядовых. За этот бой казачий военачальник награждается орденом Святого Владимира 2-й степени.

15 февраля 1815 года казаки В. Д. Иловайского 12-го наносят французам ещё одно поражение, взяв в плен более полутысячи человек. Австрийский император награждает русского генерала орденом Леопольда.

В сражении при Фер-Шампенуазе казачьи полки дважды георгиевского кавалера в ходе атаки буквально врезались в колонны французских войск. Результатом скоротечного боя стал захват пяти артиллерийских орудий и пленение 900 солдат и офицеров наполеоновской армии. И под самыми стенами Парижа донцы пленили ещё 139 французских военных.

…При возвращении из Европы на Дон, в 1823 году, Иловайский 12-й был назначен походным атаманом Донских казачьих полков, входивших в состав Отдельного Кавказского корпуса. В это время «проконсул Кавказа» А. П. Ермолов вёл наступательную Кавказскую войну против «немирных» горцев Чечни и Дагестана, утверждая в горном крае владычество России.

За участие в кавказских делах Василий Дмитриевич Иловайский в августе 1826 года указом императора Николая I производится в генерал-лейтенанты.

В следующем, 1827 году, ему довелось участвовать во второй русско-персидской (иранской) войне. За отличие в этой войне — поражение персов у Джеван-Булаха — он награждается золотой табакеркой с портретом императора, осыпанный бриллиантами.

В 1840 году Василий Дмитриевич Иловайский 12-й по состоянию здоровья увольняется со службы и проводит остаток своей жизни на Дону в родной станице. Он ушёл из жизни через двадцать лет, став одним из последних донских генералов, носителей казачьей славы Отечественной войны 1812 года. Был похоронен в Донском монастыре, в Москве.

Высочайшим указом императора Николая I имя (как вечного шефа) генерал-лейтенанта В. Д. Иловайского 12-го в августе 1904 года было присвоено 8-му Донскому казачьему полку.

Осип Михайлович Гладкий (1789–1866)

Генерал-майор. Последний кошевой атаман Сечи Задунайской. Наказной атаман Азовского казачьего войска

Родился в селе Мельники Полтавской губернии. «Прожив оставшееся после отца имущество», в 31 год он отправился на заработки в вольный город Одессу, который бурно обустраивался и развивался как морской порт. Однако там разорившийся ранее Осип Гладкий не прижился.

Он бежит из России в турецкие пределы, в область Добруджу. Жившие там запорожцы принимают его в свой круг. С началом Греческого восстания в 1826 году добруджские казаки призываются под знамёна османского султана. Гладкий оказывается в составе войск египетского паши Ибрагима (Ибрахима) который высаживается в Южной Греции и начинает огнём и мечом усмирять греков-христиан, восставших против векового оттоманского ига.

В тех событиях бывшие запорожцы в составе турецко-египетских войск участвовали в осаде города Миссолунг (Мисалонгион). Кровавая расправа с населением города и греческим населением полуострова Пелопоннес вызвала тогда бурный протест по всей христианской Европе, что стало прологом для Наваринского морского сражения, в котором объединённые эскадры России, Англии и Франции уничтожили турецкий флот.

…Осип Гладкий в той войне против восставшей Греции проявил немалую доблесть. И в 1827 году запорожцы Добруджи избрали его кошевым атаманом Сечи Задунайской. Он именным фирманом (указом) султана утверждается в правах двухбунчужного паши, то есть становится одним из военачальников турецких войск.

Однако кровавая расправа османов с восставшим греческим населением православного вероисповедания оставила в сердце Гладкого глубокий след. Он становится тайным и убеждённым врагом Оттоманской Порты, ожидая только случая, чтобы выступить против неё. И такой случай вскоре представился.

Приближалось начало Русско-турецкой войны 1828–1829 годов. Стамбул мобилизовывал для её ведения, прежде всего на Балканах, все наличные военные силы. Воевать против России у

добруджанских запорожцев большого желания, естественно, не имелось. Этим определяющим обстоятельством и воспользовался их кошевой атаман. События стали развиваться следующим образом.

«Гладкий стал склонять запорожцев к возврату в Россию, распуская слух, что султан намерен переселить их в Египет, тогда как в России они получат такую же свободу и самостоятельность.

Такое обещание основывалось Гладким на секретном письме к нему измаильского коменданта, генерала С. Тучкова…»

Увещевания Осипа Гладкого подействовали на добруджанских запорожцев. Они на своих рыбачьих лодках приплыли по Дунаю к крепости Измаил. Там Гладкий вместе с куренными атаманами был представлен императору Николаю I, который прибыл на главный театр военных действий.

Всероссийский государь принял от кошевого атамана грамоты и регалии, полученные Сечью Задунайской от турецких султанов. Николай I объявил всему войску высочайшее прощение за его переход в Турцию. Теперь бывшие запорожцы становились подданными Российской империи.

…Узнав, что русское командование озабочено выбором места форсирования через Дунай, Осип Гладкий, запорожцы которого влились в ряды действующей российской армии, предложил свою помощь: он прекрасно знал дунайские воды в нижнем течении реки. Предводитель запорожских казаков вызвался указать место для переправы, где турки этого меньше всего ожидали и потому не укрепили полевой фортификацией берег.

Император послал разведать это место одного из своих флигель-адъютантов. Запорожцы под покровом ночи переправили его через Дунай в указанное место, близ турецкой крепости Исакча. Посланный офицер лично убедился в том, что в указанном месте нет никаких неприятельских укреплений и даже войск.

В ночь на 27 мая 1828 года русские войска начали переправу через реку. Проводилась операция при содействии запорожцев и их лодочной флотилии. Операция для врага развивалась скрытно. Так на противоположном берегу Дуная оказалась дивизия генерала Рудзевича, которая без промедления двинулась в тыл крепости Исакча.

Появление больших сил русских у себя в тылу стало для крепостного гарнизона большой неожиданностью. 30 мая дунайская крепость была занята без боя: турки сами оставили Исакчу, не отважившись на её защиту.

За эту немаловажную услугу, оказанную русской армии в самом начале войны, Осип Михайлович Гладкий был награждён

орденом Святого Георгия 4-й степени. Ему присваивается чин полковника, и он назначается командиром сформированного из добруджанских запорожцев пешего пятисотенного Дунайского казачьего полка.

Полковнику и георгиевскому кавалеру Гладкому со своими казаками в той войне довелось действовать на дунайских водах и болгарском берегу при решении самых различных задач. Казачья лодочная флотилия оказалась незаменимой в начальный период войны.

После победного окончания войны император Николай I принял решение переселить добруджанцев на пустующие степные земли на российском Юге. Осип Гладкий с таким поручением был послан в Приазовье. Там он и выбрал для своих казаков, на какое-то время составивших Отдельное запорожское казачье войско, земли между Мариуполем и Бердянском.

В 1831 году войско получает название Азовского. Гладкий, уже носивший эполеты генерал-майора, указом государя назначается его первым наказным атаманом. Он лично много сделал для обустройства добруджанских казаков на новом месте жительства.

Азовское казачье войско просуществовало до 1866 года (то есть 35 лет), когда было упразднено. В том же году Осипа Михайловича Гладкого не стало. «Русская старина» посвятила ему яркий и интересный очерк, в котором рассказывалось о жизненном пути последнего в истории атамана запорожских казаков.

Алексей Данилович Безкровный (Бескровный) (1785–1833)

Генерал-майор. Войсковой атаман Черноморского казачьего войска

В историю кубанского казачества Алексей Данилович Безкровный вписал своё имя как один из самых храбрых атаманов. Сын обер-офицера Черноморского войска, он получил домашнее образование. Службу начал рядовым казаком в 1810 году. Благодаря личному бесстрашию, своей физической силе и ловкости не раз отличался в походах против «закубанских» горцев, защищая Кубанскую кордонную линию.

В 1807 году производится в хорунжие, продолжая демонстрировать воинское дарование. За свои подвиги на Кавказе дважды (в 1810 и 1811 годах) отмечался в приказах высшего командования. Бои с горцами на Кавказе стали для него прекрасной боевой школой.

В 1812 году Алексей Безкровный получает чин сотника и переводится в Санкт-Петербург, в гвардию с чином армейского поручика. Он назначается командиром сотни черноморских казаков, входившей в состав лейб-гвардии казачьего полка, составленного из донцов.

…Командуя гвардейской Черноморской казачьей сотней, Алексей Безкровный не раз отличался в Отечественной войне 1812 года, в заграничных походах русской армии в 1813 и 1814 годах. За боевые отличия получил чины штабс-ротмистра и ротмистра, а его сотня была награждена серебряными Георгиевскими трубами. Казаки-черноморцы в ходе отступления русских армий от границы к Москве участвовали во многих арьергардных боях от Смоленска до Бородино.

В Бородинском сражении сотня (два взвода) поручика Безкровного в конной атаке, прорвавшись через картечные залпы вражеской артиллерии, сумели ворваться на позицию французской батареи, перебив её прислугу. За этот подвиг он был награждён почётным Золотым оружием с надписью «За храбрость».

В 1813 году за проявленное ранее мужество казачий офицер

«исключительной храбрости» переводится в личный конвой императора Александра I. Но «придворная» служба в монаршем конвое не мешала ему и его товарищам участвовать в самых кровопролитных баталиях антинаполеоновской войны.

В сражении под Лейпцигом в рукопашной схватке Безкровный получил ранение пистолетной пулей в грудь, а в Кульмской битве — картечью в бок. От этой плохо залеченной раны он страдал всю оставшуюся жизнь. За отличие в этих делах Алексей Безкровный получил чин полковника и был пожалован орденом Святого равноапостольного князя Владимира 3-й степени с бантом.

Вернувшись после окончания антинаполеоновских войн на Кубань, в Черноморье, стал командовать 9-м Черноморским казачьим полком, с которым принял участие в Кавказской войне. За проявленные отличия в походах за реку Кубань и в горы был награждён пятью тысячами рублей и бриллиантовым перстнем.

С 1823 по 1827 год А. Д. Безкровный со своим полком казаков из Черноморья нёс пограничную службу в Царстве Польском на прусской границе.

По возвращении с границ Пруссии на Кубань командовал всеми казачьими войсками Черноморской кордонной линии, отвечая за её оборону в условиях ухудшающихся отношений России с Оттоманской Портой.

27 сентября 1827 года был назначен высочайшим указом императора Николая I Павловича войсковым (затем — наказным) атаманом Черноморского казачьего войска, которое считалось на Северном Кавказе самостоятельным и не входило в состав Кавказского линейного казачьего войска. Он много сделал для наведения порядка в войске и его администрации.

В Русско-турецкой войне 1828–1829 годов атаман Черноморского казачьего войска отличился при защите государственной границы на Кубани от протурецки настроенных «закубанских народов» и при взятии крепости Анапа. Он успешно командовал в той войне отдельным Таманским отрядом, который как передовой начинал осаду Анапской крепости.

За эти дела Алексей Данилович Безкровный удостоился чина генерал-майора и ордена Святого великомученика и Победоносца Георгия IV степени. Полки черноморских казаков, бывшие с ними при взятии Анапской крепости и участвовавшие во второй Русско-персидской войне, получили за боевые отличия почётные Георгиевские знамёна:

1-й конный полк с надписью «За отличие в войнах с Персией и Турцией в 1827, 1828 и 1829 годах»;

5-й и 6-й конные полки с надписью «За отличия в Турецкую

войну в 1829 году»;

8-й и 9-й конные, 5-й и 8-й пешие с надписью «За отличие при взятии крепости Анапы в 12 день июня 1828 года»;

1-й пеший полк с надписью «За отличие 29 мая 1828 года при разбитии Турецкой флотилии под Браиловым».

…После окончания войны с Турцией Безкровный вновь участвует в Кавказской войне на Кубани, за что был отмечен Золотым оружием — саблей, украшенной алмазами и надписью «За храбрость».

Свой последний бой наказной атаман черноморских казаков Алексей Безкровный провёл в 1831 году. В справочной книжке императорской Главной квартиры по Казачьим войскам приводится описание этого боя:

«…Теперь остаётся сказать ещё о последнем геройском подвиге генерала Безкровного. Алексей Данилович вообще славился беззаветной отвагой и смелостью в бою. Во время Закубанских походов командующего войсками генерала Эммануэля, действовавших против горцев в 1831 г., одним из отрядов, направленных в землю шапсугов, командовал генерал Безкровный.

В это время славился у шапсугов храбрый и неустрашимый в войне предводитель их дворянин Цокомото. С этим-то азиатским героем пришлось сражаться Безкровному в виду разорённых, пылавших горских аулов.

Пользуясь затруднительным положением нашего отряда, растянувшегося по ущелью вёрст на десять, горцы под предводительством самого Цокомото стремительно бросились на ряды казаков, прикрывавших артиллерию. И, пользуясь своим численным превосходством, стали рубить артиллерийскую прислугу и лошадей, начав уже увозить пушки.

В это время налетает Безкровный с казаками, отбрасывает пиками черкесов и отнимает захваченные ими наши орудия. Разбитые черкесы бегут в лес. Безкровный с небольшой частью отряда преследует их, но подоспевшие с гор черкесы отрезывают его от следующих за ним казаков и, пользуясь своим превосходством в силах, оттесняют их обратно к отряду.

Преследуемые же Безкровным черкесы, в ряды которых он врубился, видя подоспевшее к ним подкрепление, повернули назад. И таким образом Бескровный очутился один посреди многочисленной толпы горцев.

Началась неравная борьба насмерть между ним одним и его врагами. Обрадованные горцы, видя в своих руках страшного для них кубанского героя… желая захватить Безкровного в плен живым, прежде всего четырьмя пулями убили под ним коня.

Но Безкровный быстро вывернулся из-под навалившегося на него лошадиного трупа, стал на ноги и, держа в одной руке пику, а в другой пистолет, решился скорее умереть в честном бою, чем сдаться в плен.

Первым метким выстрелом из пистолета Безкровный уложил самого злейшего и храбрейшего своего противника Цокомото, а двух приблизившихся горцев заколол пикой. Но это страшное в сильных и умелых руках оружие было быстро изрублено шашками наседавшего неприятеля.

Рассвирепевшие черкесы, окружив его, подступили к нему вплотную, стали наносить удары со всех сторон, но богатырь не свалился, а, выхватив шашку, стал ею отбиваться. Безкровный превосходно владел этим оружием, рубил направо и налево подступивших врагов.

Это беспримерное сражение одного человека с толпою продолжалось, быть может, несколько минут, ибо на выручку своего атамана уже подоспели казаки. И, пробившись через толпу черкесов, схватили Безкровного в то время, когда он, изнемогая от большой потери крови, совсем уже терял сознание, но всё ещё держался на ногах.

На этом кончилась боевая жизнь бесстрашного Безкровного…»

…Вернувшись из той Закубанской экспедиции и поправившись от полученных в ней ранений, генерал-майор А. Д. Безкровный занялся строительством передовых укреплений на Кавказской линии. Одно из них — Алексеевское — было названо его именем — «Алексеевское».

Вскоре он попал в немилость к царскому наместнику в Тифлисе и командующему русскими войсками на Кавказе генерал-фельдмаршалу И. Ф. Паскевичу-Эриванскому. Тот лишает боевого генерала за допущенные «упущения по службе» поста наказного атамана Черноморского казачьего войска и отправляет в отставку.

Умирая, Алексей Данилович Безкровный завещал все свои сбережения на постройку в Екатеринодаре богадельни «для призрения одиноких старых, израненных и искалеченных казаков» Кубанского войска. Завещание было исполнено.

…В августе 1904 года имя войскового атамана генерал-майора А. Д. Безкровного «в вечное сохранение и напоминание» высочайшим указом было присвоено 1-му Таманскому полку Кубанского казачьего войска. Так один из самых прославленных полков казачества Северного Кавказа обрёл своего вечного шефа.

Иван Васильевич Падуров (1798–1859)

Генерал-майор. Герой Русско-турецкой войны 1828–1829 годов. Наказной атаман Оренбургского казачьего войска

Родился в войсковой столице городе Оренбурге. Происходил из старинного казачьего рода Падуровых, самым известным в котором был его дед Тимофей Иванович, казачий сотник. Тот был депутатом от оренбургского казачества в Уложенной комиссии 1767–1769 годов, учреждённой императрицей Екатериной II в начале её царствования.

Однако такая приобщённость к государственным делам не помешала казачьему сотнику вместе со своим отрядом у крепости Татищевой перейти на сторону Емельяна Пугачёва, который присвоил ему чин полковника своей «царской» армии. Тимофей Иванович в истории Пугачёвского бунта известен своими «угрозительными» письмами оренбургскому губернатору И. А. Рейнсдорпу, атаману Оренбургского казачьего войска В. И. Могутову и старшине Яицкого казачьего войска М. Бородину с требованием сдаться Пугачёву.

Полковник пугачёвцев кончил жизнь так же, как и вождь крестьянской войны, выходец из донских казаков. Он был выдан властям заговорщиками и казнён в Москве на Болотной площади…

Внуку пугачёвца суждено было стать героем одной из войн России с Турцией и наказным атаманом оренбургского казачества. Иван Падуров получил домашнее образование. Служить начал в 14 лет урядником в канцелярии Оренбургского генерал-губернатора для письмоводства.

Дальнейшая служба его проходила на Оренбургской укреплённой пограничной линии. Здесь, на Южном Урале, на границе Киргизской (Казахской) степи, он выбился в офицеры. В 1813 году был произведён в зауряд-хорунжие, в следующем году — в зауряд-сотники, через два года — в зауряд-есаулы. Действительным же хорунжим становится в 20 лет, сотником — в 23 года, есаулом — в 27 лет. Иначе говоря, служба у Ивана Падурова ладилась.

Сотником Падуров состоял адъютантом при войсковом атамане В. А. Углицком. После его смерти в 1822 году находился

при управляющем войском (до назначения нового атамана).

В июле 1823 года по делам службы был послан степью из Оренбурга на волжские берега, в Самару. В пути подвергся нападению киргизов и попал к ним в плен. В ноябре того же года они освободили казачьего офицера по грозному настоянию оренбургского генерал-губернатора. То есть дело обошлось без выкупа.

Имея хорошие рекомендации и немалый опыт степной службы, есаул И. В. Падуров в феврале 1828 года назначается командиром вновь формируемого 9-го Оренбургского казачьего полка. Он создавался от войска для участия в Русско-турецкой войне 1828–1829 годов.

Полку Падурова довелось воевать на Балканском театре. Первую благодарность оренбуржцы получили за «примерное» форсирование Дуная. Им довелось участвовать во многих больших делах той войны: боях при Эски-Армаутларе и Козлудже, в Кулевчинском сражении (в нём участвовало пять казачьих полков), под осаждённой крепостью Шумла. Главнокомандующий русской армией генерал-фельдмаршал И. И. Дибич-Забалканский не раз отмечал казачью доблесть.

Иван Васильевич Падуров за мужество и умелое командованием полком за неполный год участия в войне награждался трижды: Анненским оружием «За храбрость», орденом Святого Владимира 4-й степени и чином войскового старшины.

Его подчинённые всегда отличались мужеством, демонстрируя на полях Болгарии лихость степной конницы, не раз ставя турок, обученных воевать по-европейски, в затруднительные, опасные положения. То есть они на тех полях брани сражались столь же доблестно, как донцы и астраханцы, линейные кавказские казаки, будущие кубанцы и терцы.

9-й Оренбургский казачий полк удостоился за «выказанную доблесть» сразу двух коллективных наград. Первой стало вручённое в 1831 году полковое (простое) знамя с надписью «За отличие в Турецкую войну в 1829 году» и знаки отличия на головные уборы нижних чинов с такой же, как и на знамени, надписью.

Мерилом отношения казаков к своим командирам, а войска — к своим героям служит память о той или иной войне, походе и сражении в народном творчестве: песнях, сказаниях, легендах, поговорках… Так, о полке Ивана Падурова, воевавшего в 1829 году за Дунаем, была сложена песня, певшаяся в станицах и хуторах до начала XX века:

Уж ты степь ли наша, степь наша широкая!
Широко-долго, степь, ты протянулася.
Пролегла во степи больша дороженька,
По этой дороженьке никто не прохаживал,
Никто следику не прокладывал,
Тут шёл-то, прошёл Падуров с полком.
Впереди-то идут бравые хорунжишки,
За хорунжишками младые уряднички,
За урядничками идёт полк казачоньков.
Как у вас-то в полку несчастьице случилося —
Как убили у вас бравого хорунжушку.
Как хорунжушки шашками возбрякнули,
А младые уряднички песенку возгаркнули,
А полк-казачоньки слезнёхонько восплакнули.
Не в чистом поле снежки забелелися,
Не алы цветы заалелися —
Забелелося тело белое,
Заалелася кровь алая.

…Когда война победно завершилась, 9-й Оренбургский казачий полк не вернулся в родные края. Он до августа 1832 года нёс карантинную службу по течению реки Прут, оберегая приграничные губернии России от эпидемий, которые свирепствовали в Дунайских княжествах — Молдавии и Валахии.

Герой Оренбуржья в Турецкой войне войсковой старшина Иван Падуров, сдав один полк, распущенный по домам, вскоре принял командование над другим — Оренбургским казачьим «непременным» полком. Его чины частью служили на пограничной линии, частью находились в станицах.

Полковник И. В. Падуров неоднократно командовал военными экспедициями (казачьими отрядами), которые посылались в Киргизскую степь. Такие степные походы состоялись в 1836, 1838 и 1839 годах.

…Турецкая война сделала его авторитетным человеком. В июне 1841 года он становится членом войскового правления, с марта 1852 года — присутствующим в войсковом правлении.

13 декабря 1852 года Иван Васильевич Падуров высочайшим указом императора Николая I назначается наказным атаманом Оренбургского казачьего войска. Ему присваивается генерал-майорский чин.

Шла эпоха присоединения Туркестана к Российской империи. Оренбургское, уральское, сибирское казачество оказалось на переднем крае этих исторических событий. Оставаясь в

атаманской должности, Падуров в апреле 1853 года назначается начальником экспедиционного отряда на Сырдарью для взятия кокандской крепости Ак-Мечеть, самого большого разбойного гнезда в Средней Азии.

В июле того года он командует осадными войсками у стен Ак-Мечети, находясь в подчинении оренбургского военного губернатора генерала от кавалерии В. А. Перовского. За овладение этой сильной пограничной крепости Кокандского ханства был награждён орденом Святого Станислава высшей, 1-й степени.

Атаман Иван Васильевич Падуров ушёл из жизни в расцвете сил. Его именем были названы казачий посёлок Оренбургского войска и улица в казачьем предместье города Оренбурга. Память о нём хранилась и в походной песне казаков Южного Урала.

Феликс Антонович Круковский (1804–1852)

Генерал-майор. Герой Кавказской войны

Казаком Кавказской линии Круковский стал не от рождения, а по зову судьбы. Происходил он из польской шляхетской семьи Гродненской губернии. Образование получил в иезуитском коллегиуме.

На военную службу 17-летний Феликс Круковский поступил в 1821 году — унтер-офицером в лейб-гвардии Подольский кирасирский полк. Через два года получил первый чин кавалерийского офицера — корнета. Затем служил в Татарском уланском и Рижском драгунском полках.

Судьба забросила его на Северный Кавказ в 1837 году. В тот год он получает чин майора с назначением в Кавказское линейное казачье войско. Он становится командиром Горского линейного казачьего полка, воевавшего в Чечне. Так началось его долгое, до последнего дня жизни, участие в длительной Кавказской войне.

В те годы начинается подъём имама Шамиля и активность боевых действий в Нагорном Дагестане и Чечне. Горский казачий полк постоянно участвует то в боях на Кавказской укреплённой линии, то в военных экспедициях в горы и заповедные леса предгорий Кавказа. Круковскому доводилось раз за разом подтверждать своё умение командовать полком в боевых ситуациях.

В 1840 году он участвует в «делах» при чеченских аулах Чемулго и Шеналук. В бою на реке Фортанге получает пулевое ранение в шею. За конные атаки войска мюридов награждается орденом Святого Владимира 4-й степени с бантом.

В 1841 году Круковский со своим казачьим линейным полком участвовал во многих боях на территории Малой и Большой Чечни. В следующем году выполнял задачу по охране от нападений «немирных» чеченцев территорий по верхнему течению рек Терек и Малой Кабарды, то есть земель «мирных» осетин и кабардинцев.

Командование Отдельного Кавказского корпуса (русских войск на Кавказе) высоко ценило тактическое искусство полкового командира. В конце 1842 года он принимает

командование над одним из самых прославленных полков Кавказского линейного казачьего войска — Хопёрским, который был сформирован в своё время из переселившихся на Терек казаков с Верхнего Дона, подвергшегося в ходе восстания Булавина страшному опустошению.

В следующем году Феликс Круковский прославился тем, что во главе четырёхсот конных хопёрцев отбил ночное нападение примерно четырёхтысячного отряда противника на станицу Бекешевскую, рассеял его и тем спас город Пятигорск от разорения. Этот бой сделал Круковского знаменитым, о нём заговорили и казаки, и горцы.

За Пятигорское дело командир Хопёрского казачьего полка производится в полковники. А боевой орденской наградой ему стал Святой Георгий 4-й степени.

…В 1845 году полковник Ф. А. Круковский назначается командиром Нижегородского драгунского полка, самого прославленного полка регулярной кавалерии русской армии в войнах на Кавказе. С нижегородцами он участвует в ряде экспедиций в Чечне и Дагестане.

В середине 1840-х годов, вершины успехов имама Шамиля, драгунам под его командованием довелось участвовать в целом ряде трудных боёв. Они ещё больше прославили решительного и бесстрашного Круковского. Это были бои в Гойтинских и Гехинских лесах, на реке Мартана.

Окончательно стать казаком Феликсу Антоновичу пришлось в 1848 году. В тот год он производится в генерал-майорский чин и назначается наказным атаманом Кавказского линейного казачьего войска, с которым за девять лет войны на Кавказе Круковский сроднился и на поле брани, и в быту.

В те годы Кавказская война по-настоящему бушевала, вызывая огромный накал страстей с обеих сторон. В 1849–1851 года генерал-майор Круковский в качестве начальника конного отряда участвует в боях с «немирными» горцами за Кубанью, на реке Белой и в Чечне (на правом фланге Кавказской укреплённой линии) в экспедициях под общим командованием генералов Завадского и Нестерова.

Казаки-линейцы могли гордиться не только умелым командованием своего наказного атамана, но и его бесстрашием и отвагой. Примером личной храбрости казачьего генерала может служить то, что он объезжал в условиях войны сторожевые пикеты без всякого конвоя, в сопровождении только одного казака-проводника.

Наказной атаман Кавказского линейного казачьего войска Ф. А. Круковский погиб вместе со своим конвоем 18 января 1852

года в бою в чеченском ауле Шаухал. Случилось это в ходе военной экспедиции князя А. В. Барятинского к верховьям реки Гойты.

В тот день авангардная колонна под командованием генерал-майора Круковского подошла к лесным хуторам близ аула Дуба и укрепления Урус-Мартан. Казаки были посланы вперёд. Выбив стрелков-чеченцев, засевших за завалами, атакующие казаки-линейцы ворвались в аул, который уже никто не защищал, и рассыпались по нему.

Опасаясь, что они могут быть разбиты поодиночке или небольшими группами, Круковский в сопровождении конвоя из двадцати казаков-линейцев и майора Полозова, поскакал к только что взятому аулу, в котором ещё не утихла ружейная пальба. Он остановился на площади у мечети, приказав трубачу играть сигнал сбора.

В это время из мечети грянул ружейный залп. Приметный по форме генерал был смертельно ранен несколькими пулями. Конвой пришёл в замешательство. Почти сразу же из близкого оврага выскочили в большом числе горцы, которые ударили в шашки, окружив конвойных казаков. Ординарец Круковского казак Толчанинов попытался было вынести командира с поля боя. Но Круковский только и успел сказать ординарцу:

— Брось меня и спасайся сам.

Толчанинов, однако, не оставил Круковского в беде и в рукопашной схватке был изрублен вместе с генералом. Погиб и почти весь конвой: казаки, встав в круг перед мечетью, дорого продавали свои жизни.

На шум боя в аул прискакали нижегородские драгуны. Там они нашли тело своего командира, раздетого донага и всего изрубленного. Погиб и конвой: лишь несколько смертельно раненных казаков смогли рассказать о случившемся.

Впоследствии царскому наместнику на Кавказе князю А. В. Барятинскому удалось за большие деньги выкупить у имама Шамиля Георгиевский крест и орден Святого Станислава 1-й степени, принадлежавшие генералу и бывшие на его черкеске в день гибели. Шашку же и кинжал Круковского Шамиль не согласился уступить ни за какие деньги.

Генерал-майора и георгиевского кавалера Ф. А. Круковского похоронили со всеми воинскими почестями в станице Екатериноградской. На его могиле был поставлен скромный, но приметный памятник: большой чугунный крест на пьедестале из белого камня, обтёсанного в виде пирамиды. До наших дней этот памятник, естественно, не сохранился.

Кавказский наместник, будущий генерал-фельдмаршал и

победитель имама Шамиля светлейший князь Воронцов писал в Санкт-Петербург военному министру по поводу гибели атамана линейного казачества Кубани и Терека следующие слова:

«Если бы выбрать из войска тысячу лучших людей и у каждого из этих людей взять его лучшие достоинства и качества, то и тогда сумма их не перевесила бы тех качеств, которыми обладал покойный атаман, совершенно незаменимый для нашего кавказского казачества…»

…Император Николай II счёл необходимым отметить 50-летие гибели в бою генерал-майора Феликса Антоновича Круковского. В 1902 году его имя, как вечного полкового шефа, было присвоено 1-му Горско-Моздокскому полку Терского казачьего войска.

Этот казачий полк являлся гордостью терского казачества. Он имел Георгиевское знамя с надписью «За военные подвиги против непокорных горцев», восемь Георгиевских серебряных труб «За отличие в Турецкую войну 1877 и 1878 годов». Знаки отличия за Крымскую (или Восточную) войну носили на головных уборах — папахах казаков первой сотни полка.

Яков Петрович Бакланов (1809–1873)

Генерал-лейтенант. Герой Кавказской войны 1817–1864 годов

Вечный шеф 17-го Донского казачьего полка ещё при жизни стал легендарной личностью. Он родился в станице Гугнинской (ныне она находится на дне Цимлянского водохранилища) и происходил из семьи дворян Войска Донского. Его отец — Пётр Дмитриевич, участник изгнания французов из России и георгиевский кавалер, в Русско-турецкую войну 1828–1829 годов командовал казачьим полком. Его сын начал действительную службу в пятнадцать лет в 1-м Донском казачьем полку.

Бакланов-младший впервые отличился на той Русско-турецкой войне, в которой его отец командовал полком. Боевое крещение получил на болгарской земле. Там же получил первое офицерское звание — хорунжего. Он мужественно сражался при штурме крепости Браилов. За участие в разбитии армии великого визиря в Кулевчинском сражении и проявленную при этом личную доблесть был награждён орденом Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость».

Затем казачий офицер отличился при взятии с боем у турок укреплённых городов Месемврия и Ахиолло. Наградой стал орден Святой Анны 3-й степени с бантом.

В сентябре 1836 года Яков Бакланов производится в чин сотника. В этом звании он начинает свою долгую и славную боевую службу на Кавказе. Там ему суждено было стать одним из самых известных и легендарных (для своих и чужих) участников Кавказской войны.

Уже в 1836 году Бакланов получает «высочайшее благоволение» императора Николая I за участие в военных экспедициях в Закубанский край против «немирных» аулов Черкесии. Однако воевать ему пришлось на всём протяжении Кавказской укреплённой линии.

4 июля 1837 года 8-й Донской казачий полк наносит полное поражение большой «партии» горцев в бою близ укрепления Вознесенское. За особое мужество в том столкновении офицер награждается орденом Святого Владимира 4-й степени с бантом.

Кавказская война постоянно давала возможность проявить себя военным людям, в ней участвовавшим. Равно как и

заслужить различные боевые награды. В 1837 году Яков Бакланов уже производится в есаулы, а в 1844 году — в войсковые старшины.

С 1841 по 1845 год для Бакланова наступил «перерыв от кавказских дел». Он служит в 36-м Донском казачьем полку, стоявшем в Польше. После польской командировки снова оказывается на Кавказе.

Немногие участники Кавказской войны имели такие послужные списки, как Бакланов. 20 июля 1845 года он отличается в бою с чеченцами в урочище Шаухал-Берды, который завершился взятием неприятельских пушек и штурмом укреплённых завалов, которые служили укрытием для стрелков-горцев. Наградой войсковому старшине за то трудное дело стал орден Святой Анны 2-й степени.

5 июля 1846 года «за отличие, храбрость и мужество, оказанные в жарком бою со „скопищем“ отрядов имама Шамиля при отражении его с большим уроном от крепости Внезапная, пожалован Императорскою короною к ордену Святой Анны высшей степени».

В 1844 году Яков Бакланов производится в подполковники. С 1849 года по 1852 год командует сперва 20-м, а затем 17-м Донскими казачьими полками, которые несли сменную службу на Кавказской укреплённой линии.

В феврале 1849 года за взятие укреплённых аулов Махмуд-Юрт, Перхикан-Юрт и Бейк-Которо (где состоялся сильный бой с мюридами имама Шамиля) награждается Золотым оружием — саблей с надписью «За храбрость». В сентябре того же года Яков Бакланов показывает себя отважным командиром во многих жарких схватках с горцами, которые случались во время прокладывания просек для дорог в дремучих лесах Чечни.

Чин полковника полковой командир получил в 1850 году «за отличие во время набега на Гойтемировские ворота». В следующем году он награждается орденом Святого Владимира 3-й степени за победу в бою над отрядами Шамиля, который произошёл на известной в Чечне Шалинской поляне.

В 1852 году Яков Петрович Бакланов становится георгиевским кавалером. Орден 4-й степени он получает за исключительную личную храбрость, проявленную при атаке неприятельской укреплённой позиции на реке Мичик. В первый день сентября того же года следует производство Бакланова в генерал-майорский чин.

10 апреля 1853 года «за отличие, оказанное при атаке неприятельской позиции у аула Гурдали и совершенном рассеивании скопищ Шамиля» казачий генерал награждается

орденом Святого Станислава 1-й степени.

В мае того же 1853 года генерал-майор Я. П. Бакланов оставляет должность полкового командира. Императорским указом он назначается «состоять при Кавказском корпусе в звании начальника кавалерии левого фланга» Кавказской укреплённой линии. Так он входит в число военачальников России в той длительной войне, командуя теперь казачьей конницей, действовавшей в Чечне и Дагестане.

Список победных баклановских боёв в бурном 1854 году пополнился разгромом многочисленного отряда имама Шамиля между крепостью Грозная и аулом Урус-Мартан. За ту победу император Николай I выразил казачьему генералу высочайшее благоволение.

…Крымская (или Восточная) война призывает Я. П. Бакланова, генерала Войска Донского, на новое боевое поприще — в Закавказье. В 1855 году он назначается начальником иррегулярной (казачьей и милиционной кавказской) кавалерии Отдельного Кавказского корпуса (его Александрийского отряда), вставшего своими основными полевыми силами на турецкой границе и изготовившегося перейти в наступление.

Тогда целью русских войск стала сильная в фортификационном отношении крепость Карс, находившаяся на пересечении важных путей в кавказском приграничье Российской империи. Под личным командованием Якова Петровича корпусная кавалерия перекрывает не только дороги, но и тропы, по которым осаждённый султанский гарнизон получал и продовольствие, и подкрепления, и связь со Стамбулом. Такое «стеснение» повлияло на осаждённых в Карсе турок самым деморализующим образом.

За участие в осаде и штурме Карской крепости, в полном успехе её взятия Бакланов в 1856 году награждается орденом Святой Анны высшей, 1-й степени…

После Крымской войны он возвращается из Закавказья на Кавказскую укреплённую линию. По императорскому повелению Александра II Яков Петрович в феврале 1857 года был назначен походным атаманом Донских казачьих полков, находившихся в «поочерёдных командировках» на Кавказе. В этой должности он состоял до 1860 года.

2 апреля 1860 года за «кавказские труды» Бакланов производится в генерал-лейтенанты. После этого он оставляет Кавказ и не участвует в завершении Кавказской войны. С 1861 по 1863 год он является начальником (генералом) Второго округа Войска Донского.

…Во время очередного «возмущения» в Польше, с июня 1863 года по 1867 год генерал-лейтенант Бакланов находился в «служебной командировке» в городе Вильно (ныне Вильнюс, Литва). Во время Польского восстания он начальствовал над Донскими казачьими войсками в Виленском военном округе, быстро сломив здесь сопротивление «мятежной шляхты».

В этой должности и ситуации Бакланов показал себя суровым, но справедливым начальником. Невзирая на строгие предписания, он не конфисковывал имения польских повстанцев, старался учредить опеку над малолетними детьми убитых в боях или высланных из России конфедератов, чтобы сохранить за ними имущество. На докладе командующему Виленским военным округом Яков Петрович заявил:

«Вы можете меня и под суд отдать, и без прошения уволить, но я скажу одно: отделом я управлял от вашего имени, которое всегда чтил и уважал, целью моею было так поступать, чтобы на имя это не легло никакого пятна, и совесть мне говорит, что я добился успеха…

Я моему Государю, России и вам, моему прямому начальнику, был и буду верен, но в помыслах моих было ослабить слухи о русской свирепости».

За «командировку» в Царство Польское казачий военачальник был награждён орденом Святого Владимира 2-й степени с мечами.

После Вильно генерал-лейтенант Я. П. Бакланов до самой своей смерти 18 октября 1873 года «состоял при войске налицо». Умер он в Санкт-Петербурге, где и был похоронен.

В военной биографии Бакланова поражает, что, участвуя во многих кровавых переделках, он был ранен только дважды: в 1848 году пулей в ключицу левого плеча, и в 1850 году опять же пулей в бедро правой ноги.

О безмерной храбрости и лихости Бакланова ходили легенды. Он лично водил казачьи полки и сотни в атаки, участвовал в засадах и перестрелках, приступах, строительстве укреплений, мостов и дорог. Обладая огромной физической силой, неизменно выходил победителем из рукопашных схваток, в которых ему также доводилось бывать часто.

Яков Бакланов был одним из самых популярных героев эпохи Кавказских войн. Получив под командование полк донцов, бывший в крайне плохом состоянии, он своей энергией быстро привёл его в образцовое состояние, а от робкой линейной обороны своих предшественников перешёл к самым решительным наступательным действиям «за линией». И уже вскоре сделался грозой «немирных» горцев, считавших «Баклю» сродни самому

дьяволу и звавших его «Даджал», то есть сатана.

Зная об этом, Бакланов всячески поддерживал противников в убеждении, что ему помогает нечистая сила. Когда в марте 1850 года он был ранен и горцы, узнав об этом, решили сделать набег большим отрядом, генерал, превозмогая боль, ночью лично повёл казаков на врагов, которые, увидев перед собой «Даджала», разбежались в страхе перед его неуязвимостью.

В другой раз во время внезапного нападения мюридов имама Шамиля на стан русских войск, Бакланов, не успевший одеться, появился перед казачьим полком в одной бурке, накинутой на голое тело, и с шашкой в руке, чем и навёл на нападавших горцев панику.

Наконец, во время рубки просеки через Качкалыковский хребет, Бакланов, знавший, что знаменитый горский стрелок Джанем обещал Шамилю убить его, когда он станет на обычное место на холме, всё-таки в обычное время поднялся на высоту. И, когда дважды промахнувшийся Джанем выглянул из-за скалы, пулей из штуцера сразил его наповал, чем вызвал восторг даже среди горцев, наблюдавшим за этим огневым поединком.

Многими своими подобными поступками в боевых ситуациях Бакланов сделал своё имя грозным по всему Кавказу, чему история знает много примеров и подтверждений…

Один из признанных историков Кавказских войн с турками, персами, горцами и местными мятежниками, В. А. Потто в биографическом очерке о легендарном казачьем предводителе писал так:

«Кто не знает, с каким чувством вспоминается имя знаменитого кавказского героя на Дону, где даже дети в играх своих стараются во многом и теперь подражать Бакланову!

Мир праху храброго и доблестного воина!

С гордостью будет произноситься это славное имя каждым донским казаком, и тёплым задушевным словом помянут его сослуживцы, свидетели его беззаветной удали и честного исполнения долга».

В 1904 году имя генерала, как вечного шефа, императорским указом получил 17-й Донской казачий полк. За полком был закреплён личный баклановский значок, на чёрном полотнище которого была вышита Адамова голова со скрещёнными костями. Надпись на значке легендарного героя Кавказской войны 1817–1864 годов гласила:

«Чаю воскресения мёртвых и жизни будущаго века. Аминь».

Герасим Алексеевич Колпаковский (1819–1896)

Генерал от инфантерии. Основатель и наказной атаман Семиреченского казачьего войска

Военную службу выходец из потомственных дворян Харьковской губернии Герасим Колпаковский начал в январе 1835 года рядовым на правах вольноопределяющегося в Модлинском пехотном полку. В звании унтер-офицера участвовал в десантной операции под начальством генерала Раевского, которая проводилась в 1840 году из Крыма на кавказское черноморское побережье. В следующем году был произведён в прапорщики.

В начале 1844 года вновь принял участие в Кавказской войне. Получив назначение в состав гарнизона крепости Грозной, отличился в боях, которые вёл Чеченский отряд генерала Гурко. Особенно — в перестрелках на реке Аргун и при обороне укрепления Воздвиженское, за что уже подпоручик Герасим Колпаковский получил орден Святой Анны 4-й степени.

Вскоре Модлинский пехотный полк возвратился из командировки на Кавказ на место своей постоянной дислокации. Колпаковский получает чин поручика и должность полкового казначея. Принимает участие в походе русских войск в Дунайские княжества — Валахию и Молдавию.

В Венгерской кампании 1849 года Герасим Алексеевич отличается в боях в горах Трансильвании: в сражении под Германштадтом, пленении отрядов венгерских войск Беккера и Фруммера, за что был произведён в штабс-капитаны и награждён орденом Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом.

В 1851 году Колпаковский назначается адъютантом 1-й бригады 15-й пехотной дивизии, а в следующем году — адъютантом к командующему Отдельным Сибирским корпусом генералу Гасфорту. Через три года получает должность старшего адъютанта этого корпуса.

Новое повышение в чине за отличие по службе ожидало Герасима Колпаковского в январе 1855 года одновременно с назначением исправляющим (исполняющим) должность военно-окружного начальника. В 1858 году становится исправляющим должность начальника Атавского округа и киргизов (казахов)

Большой Орды. В 1860 году производится в подполковники.

Осенью того же года Колпаковский участвует в военной экспедиции полковника Циммермана за реку Чу для «наказания» кокандцев за их разбойное нападение на казахские роды, присягнувшие на верность России. В ходе экспедиции штурмом были взяты крепости Токмак и Пишпек.

21 октября 1860 года подполковник Г. А. Колпаковский, командуя отдельным отрядом, выдержал бой с 20-тысячным войском хана Коканда, которое вторично перешло границу России. За победу в этом бою, когда неприятель имел численное превосходство более чем в двадцать раз, он был произведён в чин полковника и пожалован орденом Святого Георгия 4-й степени.

В 1862 году полковник Колпаковский командовал отрядом, который проводил рекогносцировку (разведку) за рекой Чу. Было взято укрепление кокандцев Кастек и после десятидневной осады вторично взята крепость Пишпек, которая подверглась разрушению. За эту военную экспедицию Герасим Алексеевич производится в генерал-майорский чин.

В 1864 году Колпаковскому вверяется командование войсками Семипалатинской области, и он становится её генерал-губернатором. С образованием в 1867 году Семиреченской области он назначается её генерал-губернатором и командующим войсками, расположенными на этой территории, в том числе казачьими.

С именем Герасима Алексеевича Колпаковского связано создание порубежного Семиреченского казачьего войска. Он и стал, как командующий войсками Семиреченской области, первым наказным атаманом новообразованного казачества Российской империи.

Причиной его создания стали задачи охраны российской государственной границы в Туркестане с Китаем. Так в отечественной истории появилось новое «восточное» пограничное казачье войско — Семиреченское. Оно было образовано 14 июля 1867 года из 9-го и 10-го полковых округов Сибирского казачьего войска, то есть из личного состава 9-го и 10-го полков сибирских казаков.

В казачье сословие по желанию записывались крестьяне из числа православных, селившихся в Семиречье. В 1869 году в него записали 400 человек эмигрантов-калмыков, бежавших из китайского Туркестана, принявших православие и российское подданство.

Новое казачье войско размещалось в Семиреченской области (на территории современных Киргизии, Алма-Атинской, Талды-Курганской, части Джамбульской и Семипалатинской областей

Казахстана). Войсковой столицей, в которой размещалось управление, стал город Верный (ныне Алматы).

Войсковым знаменем казаков-семиреченцев было Георгиевское знамя с надписью «Семиреченскому казачьему войску, получившему своё начало от доблестных Сибирских казаков».

На высокой должности войскового наказного атамана Г. А. Колпаковский пробыл долгих 15 лет, много сделав для обустройства новообразованного Семиреченского казачьего войска и хозяйственного развития края, ставшего частью Российской империи. В скором времени здесь появились первые русские поселения, население которых занималось землепашеством.

Производство в генерал-лейтенанты главы Семиреченской области состоялось в 1871 году. Колпаковский становится одним из тех военных деятелей, которые расширяли российские пределы в Туркестанском крае, обеспечивали здесь безопасность государственных границ, занимались экономическим обновлением областей Средней Азии.

Колпаковский оказался одним из организаторов Кульджинского похода 1871 года. Его результатом стало временное присоединение к Российской империи Кульджинского ханства, располагавшегося на юго-западной окраине китайского Туркестана. Поход был подготовлен и проведён с минимальными потерями в людях и материальных издержках.

Кульджинский поход явился защитой государственных интересов России в Средней Азии. Непосредственным поводом к нему стал опустошительный набег дунган, таранчей и других племён Северо-Западного Китая весной 1871 года на российские владения в Семиречье, от которого в первую очередь пострадали местные киргизы (казахи).

Генерал-лейтенант Г. А. Колпаковский во главе двухтысячного воинского отряда, значительную часть которого составляли семиреченские казаки, вторгся во владения кульджинского хана и двинулся на его столицу Кульджу (Инин). Разгромив несколько отрядов таранчей, Колпаковский штурмом взял крепость Чинчагодзы. Большая часть её трёхтысячного гарнизона оказалась уничтоженной.

На следующий день после её взятия состоялось решающее в походе сражение с ополчением племени таранчей и его союзниками. Племенные отряды оказались наголову разгромленными, и бежали, преследуемые казачьей конницей. После этого русский отряд, уже не встречая организованного сопротивления, двинулся вверх по течению реки Или и без боя

вступил в город Кульджу. Там были взяты богатые трофеи, в том числе 19 артиллерийских орудий устаревших образцов.

Ободрённый большим успехом, Колпаковский вознамерился было идти походом на город Кашгар и одноимённую область. В этом стремлении его поддержал генерал-губернатор Туркестана К. П. Кауфман, покоритель ранее недоступного Хивинского ханства.

Но официальный Санкт-Петербург, не желавший прямого столкновения с Великобританией, не дал на это согласие, ограничившись оккупацией враждебного Кульджинского ханства, где силой оружия было подавлено сопротивление местных племён. Однако русские войска оставались там непродолжительное время.

Кульджинский поход продолжался всего около двух месяцев и завершился полной победой русского оружия, у которого, надо заметить, не оказалось достойных противников. Опустошительные набеги на российские владения в Средней Азии прекратились, поскольку местные племена изъявили покорность. К тому же казаки двух войск — Сибирского и Семиреченского — оказались надёжными стражами границы с китайским Туркестаном.

Уже в 1874 году русские войска оставили большую часть ханства на реке Или. В 1876 году с Кашгарией был заключён выгодный торговый договор. В 1881 году доброжелательно настроенная Россия возвратила Кульджу Циньской империи (Китаю).

За успешно проведённую Кульджинскую военную операцию генерал-губернатор Семиреченской области награждается орденом Святого великомученика и победоносца Георгия 3-й степени. В наградном рескрипте командующего войсками Семиреченской области от 7 ноября того же года говорилось следующее:

«Выступив 12 июня 1871 года из Барохудзара по Кульджинской дороге, быстрым передвижением войск по пустынным и безводным местностям, энергичными действиями и благоразумными распоряжениями успел разбить и рассеять значительные силы неприятеля близ крепости Чин-ча-ходзы и 18 июня 1871 взял штурмом эту крепость.

Затем 19 июня овладел без выстрела крепостью Суйдун, разбив предварительно неприятеля в числе 6 тысяч человек, и, наконец, 22 июня, занял без боя Кульджу».

Колпаковскому по долгу службы не раз приходилось исполнять во время отсутствия генерала Кауфмана должность туркестанского генерал-губернатора и командующего войсками

Туркестана. Во время Хивинского похода 1873 года он занимал должность начальника «военно-народного управления» землями Средней Азии.

В 1876 году генерал-лейтенант Г. А. Колпаковский командовал отрядом, занявшим Кокандское ханство, которое вошло в состав Российской империи под названием Ферганской области. Как таковое ханство было ликвидировано. Причиной такого решения стали прежде всего непрекращающиеся кровавые неурядицы среди ханского рода, что вело к опустошению селений Ферганы.

В 1882 году образовывается Степное генерал-губернаторство, в которое вошла часть территорий Западной Сибири и Туркестана. Его центром утверждается город Омск. Колпаковский становится первым степным генерал-губернатором и командующим войсками Омского военного округа.

В следующем, 1883 году, Герасим Алексеевич был «зачислен по Семиреченскому казачьему войску», становлению которого он отдал много лет своей жизни, энергии и трудов.

В 1885 году Колпаковский производится в полные генералы, то есть в генералы от инфантерии.

Как видный государственный деятель своего времени, в октябре 1889 года Г. А. Колпаковский назначается членом Военного совета империи, покидает Омск и переезжает в Санкт-Петербург. Но до последних дней своей жизни он не теряет связей с Семиреченским казачьим войском.

Значение деятельности семиреченского казака и русского военачальника Колпаковского для России в Туркестане трудно переоценить. Об этом свидетельствуют и его награды: ордена Святого Александра Невского, Святого Георгия 2-й и 3-й степеней, Святого Владимира 2-й, 3-й и 4-й степеней, Святой Анны всех четырёх её степеней и Святого Станислава 1-й, 2-й и 3-й степеней.

…Данью памяти Герасиму Алексеевичу Колпаковскому стало увековечивание его имени, как вечного шефа, в названии 1-го Семиреченского казачьего полка. Высочайший указ императора Николая II по этому поводу состоялся в январе 1911 года. Личный состав этого полка имел знаки отличия на головных уборах с надписью «За отличие в Хивинском походе 1873 года».

Иван Васильевич Турчанинов (1822–1901)

Донской казак. Полковник Генерального штаба. Герой Гражданской войны в США. Бригадный генерал

Человек, который оставил свой след и своё имя в истории Соединённых Штатов, родился в станице Константиновской, в семье офицера, дворянина Войска Донского. Закончил войсковую гимназию в Новочеркасске. Затем, однако, пошёл учиться не в кавалерийское училище, а в столичное Михайловское артиллерийское, из стен которого выпущен офицером в 1841 году.

Службу начал в чине хорунжего в 5-й Донской конно-артиллерийской батарее. Затем был переведён в Санкт-Петербург, в гвардейскую конную артиллерию: прапорщиком в лейб-гвардии (6-ю) Донскую батарею. Затем служил в Царстве Польском.

Боевое крещение получил в событиях Венгерского похода 1849 года под знамёнами генерал-фельдмаршала И. Ф. Паскевича-Эриванского. Тогда русская армия спасла австрийскую монархию Габсбургов от восставшей против неё Венгрии.

Учёба в Николаевской академии Генерального штаба длилась с 1849 по 1952 год. Её Иван Турчанинов закончил в 30 лет с серебряной медалью. Служил во 2-й гвардейской пехотной дивизии. Стал участником Крымской (или Восточной) войны 1853–1856 годов. В её ходе получил чин полковника Генерального штаба.

В силу своей образованности и неприятия существовавшего тогда крепостного права, Иван Васильевич счёл для себя невозможным дальнейшую службу в русской армии и пребывание в Отечестве. Весной 1856 года он с женой Надеждой выехал якобы на лечение за границу. В действительности же чета Турчаниновых покидала Россию добровольными эмигрантами, не желавшими мириться с крепостным строем.

Иван Турчанинов стал сторонником идей Герцена, которые тот пропагандировал в издаваемом им журнале «Колокол». Полковник Генерального штаба встретился с Герценом в Лондоне, после чего вскоре переехал на постоянное место жительство в США. Здесь Иван Васильевич Турчанинов стал именоваться

Джоном Бэзилом Турчиным.

Однако и там существовало рабство, что не вызывало у казака-эмигранта восторженных чувств. Он писал в 1859 году в Лондон Герцену, который говорил ему о том, что «скучна земля Америка»:

«…Я отчасти усомнился в ваших словах, мои заокеанские грёзы были гораздо выше и чище пошлой действительности…

Эта республика — рай для богатых, они здесь истинно независимы; самые страшные преступления и самые чёрные происки окупаются деньгами…»

Турчаниновы — Иван и Надежда — свою жизнь за океаном устроили довольно скоро. Уже бывший полковник Генерального штаба русской армии закончил инженерный колледж в Филадельфии и стал работать инженером-топографом в Чикаго. Супруги мечтали вернуться в Европу. Но события в США изменили их жизненные планы.

На американском континенте началась Гражданская война 1861–1865 годов. Она велась между буржуазным Севером и рабовладельческим Югом и унесла с собой 600 тысяч человеческих жизней.

Турчанинов встал на сторону противников рабства. Спустя всего два месяца после начала мятежа в рабовладельческих штатах Юга, в июне 1861 года, он получает назначение командиром 19-го Иллинойсского добровольческого полка армии северян. За ним был признан чин полковника, который он имел в России.

Полковник Джон Бэзил Турчин, используя опыт русской армии и казачьих войск, сумел добиться высокого уровня боевой готовности вверенного ему полка американской армии. Полк вначале не участвовал в военных действиях, неся службу в штатах Миссури и Кентукки, которые пока не примкнули к мятежной Конфедерации, но были настроены враждебно к правительству в Вашингтоне.

Непосредственное участие в Гражданской войне русский эмигрант принял в конце 1861 года, когда он был назначен командиром бригады, состоявшей из четырёх полков. В мае 1862 года бригада совершает успешный рейд из штата Теннесси на юг, в штат Алабаму. В той войне это был заметный успех северян, повлиявший на дальнейший ход противостояния между Севером и Югом.

Однако по итогам этого рейда по неприятельским тылам у Турчанинова возникли серьёзные разногласия с армейским командованием. Во-первых, он в ходе операции снабжал свои полки за счёт мятежных плантаторов-рабовладельцев. Во-вторых,

он отказывался выдавать из своего лагеря беглых рабов-негров. В последнем случае он, по всей вероятности, действовал по старинному казачьему закону: «С Дона выдачи нет!»

В ответ армейское начальство обвинило полковника Джона Бэзила Турчина в неуважении к личности и частной собственности. В американской жизни такие обвинения были очень серьёзными, и виновного отдали под суд. В те дни в газетах Севера писали о его поведении следующее:

«Оно мужественно, внушает всяческое уважение, исполнено воинской прямоты…

Это человек могучего физического сложения с характерно военной манерой держаться, с лицом, выражающим смелость и ум».

На суде Турчанинов признал себя виновным только в одном: он позволил своей жене быть рядом с ним на войне в качестве медицинской сестры. Суд постановил уволить его из рядов армии северян. Такое решение вызвало открытое недовольство его солдат и офицеров, которые теряли любимого командира.

Надежда Турчанинова лично обратилась за помощью к президенту США Аврааму Линкольну. Тот поступил дипломатично: не вмешиваясь в ход судебного процесса, произвёл русского полковника в бригадные генералы. Это было не чем иным, как одобрением его действий главой государства. Джон Бэзил Турчин, освобождённый из-под следствия, остался в рядах армии северян.

Бригада Турчанинова в дальнейшем участвовала в упорных и кровопролитных боях при Чикамоте и Чаттануге. Бригадный генерал не раз демонстрировал личную храбрость. Так, в сентябре 1863 года он лично водил своих солдат в штыковую атаку.

В ноябре того же года турчаниновские полки участвовали в штурме укреплений южан на Миссионерском хребте близ города Чаттануга. То сражение во многом определило победу Севера над Югом. В мае 1864 года генштабист из России оказался одним из генералов, которые под знамёнами Шермана совершили победное вторжение в южный штат Джорджия.

Эта операция стала последней для Ивана Турчанинова в Гражданской войне в США. В том же 1864 году бригадный генерал из-за болезни был вынужден оставить ряды армии северян.

Турчанинов возвратился в Чикаго. В 1865 году он издавал военно-публицистический ежемесячник. Последующие пять лет работал в патентном бюро, затем вновь вернулся к профессии инженера-топографа. Проявлял заботу о поляках-эмигрантах, участниках последнего восстания в Царстве Польском Российской

империи. Отставной бригадный генерал выхлопотал для 500 польских семейств землю к югу от Чикаго, где поляки основали городок Радом.

Затем Иван Турчанинов занялся фермерством, одновременно работая над книгой о Гражданской войне в США. Семья русских эмигрантов часто нуждалась в средствах, и тогда её глава подрабатывал игрой на скрипке. В конце концов фермер Джон Бэзил Турчин окончательно разорился. Но при всём том супруги были счастливы в жизни, как люди, любящие друг друга.

Он умер в казённом госпитале и был похоронен на военном кладбище Маунт-Сити, в штате Иллинойс. Там находились захоронения погибших в Гражданской войне северян. Многие из них были подчинёнными и соратниками бригадного генерала Турчина.

Через три года рядом с ним была похоронена его супруга, бывшая медицинская сестра армии северян. Разрешение на это дало Военное министерство США. Надежда Турчанинова была известна тем, что однажды приняла на себя командование вместо заболевшего мужа.

В «Словаре Гражданской войны в США», 1962 года издания, Надежде Турчиной (Турчаниновой) посвящена целая статья. Она заканчивается следующими словами:

«…Имея всё обаяние женщины, она обладала энергией и уверенностью в своих силах, как мужчина».

Иосаф Игнатьевич Железнов (1824–1863)

Хорунжий Уральского казачьего войска. Бытописатель и историк казачьего Урала

Родился в городе Гурьеве — старинной земле Уральского казачьего войска (ныне Казахстан). Его дед, казачий сотник, участвовал в Отечественной войне 1812 года, в последующих Заграничных походах русской армии. Отец, урядник, ходил всю жизнь «по службам» и, когда его сын Иосаф был ещё маленьким, пропал без вести в степи. Будущего писателя воспитывала мать-вдова, сумевшая привить ему любовь к родному краю.

В 12 лет Иосаф Железнов поступает в войсковое училище, в котором прошёл курс уездного училища. Закончил его с отличием и в 1841 году поступил писцом в Гурьевскую войсковую канцелярию, в которой требовались образованные казаки. В 1844 году его перевели в Уральск на ту же должность в канцелярию наказного атамана.

Из Уральска повзрослевший казак возвращается в родной Гурьев, в линейную команду. Вскоре он назначается начальником сперва Красноярского форпоста, а в 1846 году — Уральского укрепления. Служба в степи закончилась для него в следующем году, и он, уже имея «за отличные умственные способности» офицерский чин хорунжего, возвращается в Уральск.

Когда в Уральском казачьем войске стал формироваться полк для участия в Венгерском походе 1849 года, хорунжий Иосаф Железнов записался в него. Но полк в Венгрию не попал, а был оставлен для несения службы в Малороссии.

В 1852 году Железнов вернулся в Уральск, где получил назначение в Уральский казачий полк, который квартировал в Москве, «состоять» адъютантом при командире полка К. Ф. Буянове. К тому времени Иосаф Железнов, начиная с 1849 года, уже писал рассказы о жизни уральского казачества.

Оказавшись в Москве, начинающий казачий бытописатель, прекрасно знающий историю казачьего Урала, сблизился с известным в своё время литературным кружком, в состав которого входили М. П. Погодин, И. С. Аксаков, А. Н. Островский и А. Ф. Писемский. Эти люди и помогли Иосафу Игнатьевичу сформировать собственное литературное мировоззрение.

В то же время Железнов сближается с редакцией журнала «Москвитянин». Известно, что большое влияние на его судьбу, в том числе и литературную, оказал наказной атаман Уральского казачьего войска А. Д. Столыпин, известный своими прогрессивными взглядами государственник.

Казачий хорунжий стал публиковать свои рассказы, очерки на страницах «Москвитянина». Повесть «Уральцы. Очерки быта уральских казаков» принесла ему литературную известность. В ней автор познакомил читателей с военной историей и военным бытом казаков с берегов Урала (Яика).

Свою повесть офицер Иосаф Железнов преподнёс наследнику цесаревичу Николаю Александровичу, который наградил автора за интересный историко-литературный труд золотыми часами.

В 1857 году хорунжий добровольно остаётся на второй срок полковой службы в Москве: в казачьем Московском полку он прослужил до 1862 года. Теперь он много печатается в «Русском вестнике», «Библиотеке для чтения» и «Отечественных записках» как уже хорошо известный литератор. Он много разъезжает по станицам уральского казачества, неутомимо собирая материал по истории, этнографии и быту родного ему казачества.

Когда войсковой атаман генерал Столыпин предложил казачьему писателю написать «Историю Уральского казачьего войска», Железнов отказался, хотя имел к тому времени богатейший, собранный им на Урале документальный материал. Он не хотел связывать себя, как творческого человека, обязательствами по времени и официальности.

Иосаф Игнатьевич Железнов ушёл из жизни трагично, очень рано, в 39 лет. В 1863 году его, атамана войскового рыболовства, обвинили в «корысти и беспорядках» во время рыбного промысла. Хорунжий не смог вынести такого навета на себя и застрелился.

По другим данным, причиной его самоубийства стал конфликт, возникший на его последнем месте службы членом войсковой канцелярии. Тогда между начальником Уральского края, исполняющим одновременно обязанности наказного войскового атамана, и выборными от казачества членами канцелярии возникли серьёзные разногласия. Иосаф Железнов в том конфликте встал на сторону своих земляков, защищая старинные казачьи права.

В 1871 году почитателями писателя и историка И. И. Железнова в Уральске, на Старом кладбище, ему на могиле был поставлен памятник с надписью:

«Автору „Уральцев“ — от земляков».

Но это были ещё не все посмертные почести, отданные уральскими казаками своему знаменитому на литературном

поприще земляку. Прилегающая к Старому кладбищу площадь получила название «Железновской».

Собранные им материалы он в своём большинстве не успел обработать и напечатать. Многие из них увидели свет уже после его смерти благодаря усилиям его друга М. К. Курилова. Они публиковались в 1869–1871 годах в «Уральских войсковых ведомостях».

Литературное наследство казачьего писателя велико. Это такие известные в своё время повести и рассказы, как «Василий Струняшев», «Картины аханного рыболовства», «Картины казацкой жизни», «Хива», «Предания о Пугачёве», «Сайгачники», «Маринкин городок» и многие другие.

…Железнов известен не только как казачий писатель, но и как самый видный представитель «казакоманства» — казачьей идеологии XIX столетия. Это принесло ему большую известность в общественных кругах России. Он идеализировал «казачью старину» с её патриархальным укладом жизни. «Казакоманство» в ту пору считалось частью славянофильства.

Бытописатель и историк Урала в своих статьях выступал в защиту старинных казачьих обычаев, против давления на них официальных властей. По этому поводу И. И. Железнов писал:

«Вы хотите, чтобы казак был смирен как овечка и силён как лев. Эти два качества несовместимы. Стало быть, хотение останется хотением…»

«На родине, у домашнего очага, среди родительских преданий и обычаев, в сфере хозяйственных занятий казак не должен быть стеснён ни мундиром, ни вытяжкой рук по швам и тому подобными вещами и учреждениями, полезными и разумными в казармах и лагерях, но вредными и не имеющими смысла в обществе…»

О себе лично и о своём казачьем мировоззрении хорунжий-уралец литератор Иосаф Железнов писал и говорил откровенно и прямо:

«Я, если меня разбирать с общей точки зрения — гуманист, но коснись дело до интересов казаков, я — эгоист. Я днём и ночью, и наяву и во сне желаю, чтобы казак имел не только необходимое, но и лишнее…»

Писателя Иосафа Игнатьевича Железнова в старой России хорошо помнили. В 1888 году в Санкт-Петербурге вышло его трёхтомное собрание сочинений с первым биографическим очерком о нём. Автором очерка стал Н. А. Бородин, известный уральский учёный-краевед.

В 1910 году это трёхтомное издание переиздаётся под общим названием «Уральцы». В новой России память об интересном

писателе и историке казачьего Урала возвращается из незаслуженного забытья.

Василий Иродионович Серов (1829–1901)

Генерал-лейтенант. Герой Икана и Туркестанских походов

У каждого казачества были свои герои, которые совершали удивительные подвиги на войнах и в походах. Для уральцев такое имя — иканский герой сотник Василий Серов. Он совершил со своими казаками подвиг, о котором в своё время говорила вся Россия и который остался навечно в отечественной военной истории.

Серов родился на берегах Урала. Отец имел возможность отдать своего сына на учёбу в войсковое училище, которое тот успешно закончил в 1844 году. Действительную же службу 15-летний Василий Серов, как человек, получивший немалое образование, начал урядником в Уральской войсковой канцелярии, которой требовались грамотные люди.

Он прослужил в ней четыре года, после чего получил назначение начальником степных Приузенских хуторов. Через год Серов в составе 7-го Уральского казачьего полка отправился в Венгрию. Но до дунайских равнин полк по дальности перехода не дошёл и был оставлен для несения службы в Виленской губернии.

В 1851 году полк вернулся в Уральск. И в том же году 22-летний Василий Серов получил первый офицерский чин хорунжего и вышел на «льготу», то есть стал войсковым запасником. Через два года его призвали в строй и назначили младшим офицером Гурьевской линейной команды.

В Гурьеве Серов женился и продолжил службу в должностях комиссара (начальника) гурьевского и сарайчикового провиантских магазинов (складов) Уральского казачьего войска.

Затем он стал смотрителем войсковых судов на Каспийском море. Должность по тому времени было значимой, поскольку основной доходной статьёй уральского казачества, в отличие от других войск России, было рыболовство на Каспии и реке Урал.

Служба у Василия Серова ладилась. В 1855 году он получает чин сотника. В 1859 году становится есаулом. И в тот же год награждается первым своим орденом — Святого Станислава 3-й степени.

…Действительная офицерская служба его проходила в эпоху, когда Российская империя через Киргизскую (Казахскую) степь

начала своё продвижение в Среднюю Азию, которая тогда называлась Туркестаном. В Туркестанских военных походах казаки, как пешие, так и конные, оказались незаменимой силой.

В 1864 году принимается решение соединить две пограничные линии — Сырдарьинскую и Сибирскую. От казачьих войск — Уральского, Оренбургского и Сибирского — вытребовали дополнительное, сверхштатное количество людей, как это бывало в подобных случаях. Уральцы, кроме обычного наряда, обязывались послать на берега реки Сырдарьи отдельную конную сотню. В её состав брали только добровольцев-льготников, которые в войнах старой России назывались охотниками.

Такая сотня сформировалась быстро. Командовать ею было поручено есаулу Василию Серову. Охотников вооружили тогда новейшим стрелковым оружием — штуцерами со штыками, которого в восточных казачьих войсках ещё не было.

Серовская сотня сперва стояла в степной крепости Перовске. Затем её перевели южнее, на границу с Кокандским ханством, в крепостной городок Туркестан. Под его стенами сотне уральских казаков-охотников и довелось вписать себя в летопись славы не только родного войска, но и всего отечественного казачества.

В ноябре 1864 года воинственный правитель Коканда хан Алимкул задумал нанести русским неожиданный и сильный удар. Речь шла о смелой военной операции. Со своей армией, которая, по разным источникам, оценивается в 10–15 тысяч человек, большей части конницы, Алимкул выступил из Ташкента в обход главного отряда противника, через его тылы, на город Туркестан. То есть речь шла о достаточно глубоком и хорошо продуманном манёвре.

Уже потом стало ясно, что главным экспедиционным силам генерала Черняева грозила серьёзная опасность. Внезапное взятие ханским войском укреплённого Туркестана отрезало русских от их главной коммуникационной линии, по которой к ним поступали подкрепления и провиант. Черняев о неприятельских замыслах не знал.

Ничего не подозревал о дерзких замыслах кокандцев и полковник Жемчужников, комендант Туркестана. Но его не могла не интересовать обстановка в дальних окрестностях вручённой ему на сохранение крепости, взятой в своё время с боем. Поэтому комендант приказал сотне есаула Серова провести рекогносцировку, то есть разведку близлежащего района. В другом случае это была бы рядовая, боевая задача.

В сотне насчитывалось немногим более ста конных казаков, вооружённых штуцерами. На всякий случай комендант крепости Жемчужников отправил с ней орудийный расчёт единорога с

ограниченным запасом боевых зарядов.

4 декабря сотня уральцев-охотников выступила из Туркестана и почти сразу же неожиданно и для себя, и для неприятеля оказалась перед всей армией Алимкула. Кокандцы уже приблизились к Туркестану, о чём русское командование и не подозревало. Встреча сторон состоялась у небольшого селения Икан, от которого и произошло название того знаменитого боя.

Есаул Василий Серов понял, что вражеское войско надо задержать у Икана любой ценой. По его приказу казаки-охотники создали в степи укрепление, положив перед собой на землю лошадей, которые стали укрытием для людей. Единственное орудие было поставлено там, откуда уральцам грозила наибольшая опасность.

Иканский бой, о равенстве сил в котором говорить не приходилось, шёл три дня — 4, 5 и 6 декабря. На все предложения хана Алимкула о почётной сдаче есаул Василий Серов отвечал решительным отказом. Конные тысячи кокандцев не раз пытались смять сотню русских казаков, но каждый раз их атаки заканчивались полной неудачей.

Охотники метко разили врага из дальнобойных, быстро заряжающихся штуцеров. Метко стрелял и расчёт единорога. Когда стало ясно, что патроны кончаются, а одно-единственное орудие замолчало, сотенный командир понял, что надо прорываться к близкой крепости. Это в той ситуации был единственный шанс для уральцев непобеждёнными выйти из боя.

Заклепав единорог, расстрелявший весь свой боезапас, казачья сотня, потерявшая за три дня боя половину своих людей и всех лошадей, пешей пошла на прорыв к Туркестану. Но прорываться ей пришлось сквозь ряды вражеской армии, которая превосходила её числом раз в 100–150! Серовцы всё же прорвались под стены крепости, с которых их поддержали пушечным огнём.

Раздосадованный кокандский хан Алимкул, мечтавший о полководческой славе, отказался от осады Туркестана, которая не сулила ему военных выгод. Внезапного удара в тыл русским войскам генерала Черняева не получилось, и хан счёл за благо увести армию Коканда назад.

…Все иканские герои стали георгиевскими кавалерами, получив в награду за содеянный подвиг георгиевские кресты. Сам Василий Иродионович Серов удостоился ордена Святого Георгия 4-й степени. В бою под Иканом он получил ранение и дважды был контужен. Сотня стала полностью Георгиевской, что было в истории русской армии случаем исключительным.

С тех пор 4-я (серовская) сотня 2-го Уральского казачьего

полка стала называться Иканской…

Тогда и прогремел на всю Россию подвиг сотни охотников есаула Василия Серова. В популярном «Русском инвалиде» появилась статья «Геройский подвиг уральских казаков». В «Военном сборнике» была напечатана статья с описанием подробностей операции хана Алимкула. В статье говорилось:

«…Глубоко задуманный стратегический манёвр кокандского вождя разбился о стойкость героической сотни есаула Серова».

…В январе 1865 года Василий Серов был произведён в войсковые старшины и назначен комендантом Туркестана. Через год его назначают начальником Ташкентского района.

В 1866 году Серов отличился при освобождении русских невольников, за что был награждён орденом Святого Владимира 4-й степени.

Весной 1868 года с двумя сотнями конных уральцев войсковой старшина Серов участвует в Самаркандском походе. Но командовать в битве против армии бухарского эмира на Зербулакских высотах ему пришлось не казаками, а отрядом конной афганской милиции, то есть племенного ополчения. После взятия Самарканда он был назначен комендантом города.

На этом посту Василий Иродионович показал себя талантливым администратором. Под его руководством была распланирована «туземная» часть Самарканда, проведены шоссейные дороги, посажен лес, построены мосты через арыки.

В 1869 году за Туркестанские походы В. И. Серова награждают чином подполковника и Золотым оружием — казачьей шашкой с надписью «За храбрость». Домой из Туркестана он возвратился в 1872 году, имея на плечах погоны полковника.

Он продолжил службу в городе Гурьеве — морских воротах уральского казачества. В 1874 году был назначен атаманом 2-го (Гурьевского) отдела Уральского казачьего войска. На этой высокой войсковой должности он награждается двумя орденами: в 1875 году Святым Станиславом 2-й степени, а в 1878 году — Святой Анны тоже 2-й степени.

В 1878 году следует новое назначение — старшим членом Войскового хозяйственного управления. За заслуги на этом посту через три года был удостоен ордена Святого Владимира 3-й степени.

В декабре 1882 года В. И. Серова назначают атаманом 1-го (Уральского) отдела. В качестве депутата от Уральского казачьего войска он присутствует на коронации императора Александра III. Его производят в генерал-майоры. Иканское дело при этом играло не последнюю роль.

Осенью 1889 года Серова отчисляют от атаманства в связи с выходом на «льготу». Но в Санкт-Петербурге о герое Икана хорошо помнят, и в следующем году отставной генерал награждается орденом Святого Станислава высшей, 1-й степени.

За время с 1878 по 1889 год Серову не раз приходилось по разным случаям исполнять обязанности войскового атамана. Это поручалось ему как человеку, пользовавшемуся исключительной популярностью среди казаков-уральцев.

Высочайшим указом от 25 мая 1894 года Василий Иродионович Серов был произведён в генерал-лейтенанты с увольнением со службы по возрасту с мундиром и пенсией. Скончался он в городе Уральске. Земляки помнили его как человека религиозного и мягкого, уважительного к казакам любого звания, всегда заботившегося о родном войске.

Григорий Николаевич Потанин (1835–1920)

Хорунжий Сибирского казачьего войска. Историк и исследователь Сибири и Центральной Азии

Происходил из старинного рода сибирских казаков, проживавшего на Горькой пограничной линии. Родился в станице Ямышевской, расположенной на берегах Иртыша, в 50 километрах выше города Павлограда. Отец был казачьим офицером, разжалованным в рядовые. Семья жила в бедности.

Потанин-старший сумел определить 11-летнего сына в Войсковое казачье училище, которое вскоре было переименовано в Сибирский казачий корпус. Его учениками были в основном дети сибирских казаков. Атмосфера кадетской жизни сделала Григория Потанина большим патриотом своего Отечества и земли Сибирской.

В 1852 году 17-летний юноша получает первый офицерский чин хорунжего и выпускается в 8-й Сибирский казачий полк. Служить ему довелось в Семипалатинске (ныне Казахстан), где он хорошо познакомился с патриархальным бытом жителей казачьих станиц Алтая, то есть Бийской укреплённой линии.

Через три года, в 1855-м, хорунжего переводят для продолжения службы в войсковую столицу, в город Омск. Там он увлёкся работой в архивах и при содействии великого русского путешественника и географа П. П. Семёнова-Тян-Шанского оставил военную службу и всецело посвятил себя научной деятельности.

В 1856–1860 годах Г. Н. Потанин на правах вольного слушателя обучался на естественном отделении физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета. В 1861 году он возвратился в Омск. Там Потанин участвовал в обсуждении нового Положения о Сибирском казачьем войске. Как секретарь собрания, добился включения в его проект ряда пунктов, касающихся улучшения быта казаков.

В 1865 году по обвинению в сибирском сепаратизме отставной казачий хорунжий был арестован и три года провёл под следствием в тюрьме. Там ему было разрешено работать и он разбирал областные архивы, писал очерки по истории Сибири.

Затем последовала ссылка в балтийскую крепость Свеаборг и

городок Тотьму Вологодской губернии. В ссылке Григорий Потанин много работал и написал для Географического общества очерки о распространении тюркских и финских племён в Томской области. В конце ссылки он женился на дочери нижегородского священника Александре Лаврской, которая стала его надёжной спутницей и помощницей во всех трудах и экспедициях.

По ходатайству Географического общества в 1874 году Потанин получил высочайшее помилование. Он некоторое время жил в столице, где изучал труды по географии Азии, прежде всего его малоизученных Центральных районов — Монголии, Тибета и Западного Китая.

Затем Григорий Николаевич начинает активно заниматься исследовательской деятельностью, став географом и этнографом. В 1876–1899 годах он совершил ряд экспедиций в Монголию, Тянь-Шань, Туву (Урянхайский край), Северный Китай, посетил берега озера Зайсан и горы Тарбагатай. Во время путешествия в 1893 году умерла его жена А. В. Потанина.

Из этих экспедиций наряду с географическими отчётами были привезены ценные гербарии растений и зоологические коллекции, материалы по культуре, быту и творчеству многих народов Южной Сибири и Центральной Азии. Его отчёты о путешествиях, опубликованные Географическим обществом, имели большую научную ценность и успех. Неутомимый путешественник свою последнюю экспедицию совершил в Восточную Монголию в 1899 году, когда ему было уже 64 года. Остальные годы жизни Г. Н. Потанин провёл в Иркутске, Красноярске, а с 1907 года — в Томске, который в то время являлся центром научной деятельности всей огромной Сибири.

Всего выходец из сибирских казаков, крупный учёный старой России за свою жизнь совершил пять больших путешествий по Монголии, Китаю и Восточному Тибету. Во время этих научных экспедиций он посещал кочевья кочевников, буддийские монастыри, китайские города и горные селения. Всё это позволило ему привозить из поездок ценнейшие материалы о малоизведанной и труднодоступной Центральной Азии. Обращает на себя внимание то, что он никогда не брал с собой в поездки конвоя, хотя такие возможности у него имелись.

Последние научные поездки совершались уже по Сибири. Учёный занимался сбором фольклорного и исторического материала.

Для общественности Сибири Потанин был известным человеком. В декабре 1917 года Чрезвычайным общесибирским съездом (большинство голосов в нём принадлежало членам партии социалистов-революционеров — эсеров) 82-летний

учёный был избран главой Временного Сибирского областного Совета. Но через две недели он сложил с себя эти полномочия.

Григорий Николаевич Потанин, посвятивший свою жизнь науке и родной Сибири, скончался в июне 1920 года. Был погребён в Томске, на кладбище местного женского монастыря…

Именем сибирского казака Г. Н. Потанина на географической карте нашей планеты названы один из горных хребтов в Китае и крупный ледник на Алтае. После себя он оставил сочинения «Путешествия по Монголии», которые были изданы уже в советское время, в 1948 году.

Ростислав Александрович Хрещатицкий (1841–1906)

Генерал от кавалерии. Войсковой наказной атаман Приамурских казачьих войск

С именем этого человека связаны многие страницы из истории обустройства Приамурских казачьих войск, самых восточных в России — Амурского и Уссурийского казачеств. То есть освоение приграничных земель Дальнего Востока, обеспечение их защищённости в годы Русско-японской войны 1904–1905 годов…

Родился Ростислав Хрещатицкий в станице Луганской (ныне Луганская область Украины) в семье казачьего офицера. Окончил Пажеский Его Величества корпус в столице. С 1861 года — сотник одного из Донских казачьих полков, стоявших на Кавказе. Через два года в звании ротмистра переводится в лейб-гвардии Казачий полк, расквартированный в Санкт-Петербурге.

В 1869 году Хрещатицкий назначается войсковым есаулом при войсковом наказном атамане Донского казачьего войска. В 1873 году назначается командиром 27-го Донского казачьего полка, который несколько позже будет переименован в первоочередной 12-й полк.

Боевое крещение получил в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов. Его 12-й Донской казачий полк входил в состав Рущукского отряда, сумев отличиться во многих делах против турок на болгарской земле.

Вместе с полком отличился и его командир полковник Ростислав Хрещатицкий. За проявленную доблесть он награждается орденом Святого Владимира 4-й степени с мечами. За успешные действия подчинённых ему донцов при селении Черноводы удостаивается Золотого оружия — шашки с надписью «За храбрость». За отличия при Красном и Кадыке был пожалован орденом Святой Анны 2-й степени, а за бои при Трестенике и Мечке — орденом Святого Владимира 3-й степени с мечами.

В 1880 году Р. А. Хрещатицкий за боевые заслуги в войне за освобождение Болгарии от османского ига получает чин генерал-майора. Это вводило его в круг казачьих военачальников.

В 1881 году его назначают командиром 2-й бригады сперва 6-й кавалерийской дивизии, а через три года — 10-й кавалерийской дивизии. В состав вторых бригад таких дивизий входили казачьи полки.

В 1888 году он возвращается в родные края. Генерал-майор Хрещатицкий получает назначение на должность окружного начальника Таганрогского округа Области войска Донского. Затем с 1891 по 1893 год он успешно командует гвардейской казачьей бригадой 1-й гвардейской кавалерийской дивизии. В состав бригады входили донские лейб-гвардии Казачий и Атаманский полки, а также лейб-гвардии Сводно-Казачий полк.

Чин генерал-лейтенанта присваивается Хрещатицкому в 1893 году одновременно с назначением начальником 2-й Сводно-Казачьей дивизии, состоявшей из казачьих полков: двух Донских, Кубанского и Терского. В 1899 году он становится командиром 14-го армейского корпуса, а в 1904 году получает чин генерала от кавалерии, то есть полного генерала.

Командующий Варшавского военного округа, в состав войск которого входил 14-й кавалерийский корпус, дал его командиру блестящую служебную характеристику:

«Генерал Хрещатицкий положил немало труда на боевую подготовку вверенных ему войск, работая со свойственными ему энергией и знанием дела. Обладая обширным опытом мирной и боевой службы, основательно зная условия быта войск, тщательно вникая в их нужды и потребности, генерал Хрещатицкий не останавливался на одном формальном выполнении дела, а заботливо изыскивал всегда лучшее разрешение встреченных вопросов…»

Известность имя Ростислава Александровича получило в связи с пребыванием его на посту командующего войсками Приамурского военного округа с одновременным назначением его войсковым наказным атаманом Приамурских казачьих войск — Амурского и Уссурийского. Назначение состоялось в середине ноября 1904 года. На его плечи легла организация защиты Приамурья в ходе Японской войны.

Ему пришлось заниматься вопросами мобилизации на войну амурского и уссурийского казачества, охраны государственной сухопутной границы на Дальнем Востоке. Его деятельность заслуживала самых высоких оценок.

Помимо этого, атаман Хрещатицкий в силу своего служебного положения много сделал для хозяйственного обустройства вверенных ему восточных казачьих войск Российской империи. Он заботился об экономическом процветании казачьих станиц, посёлков и хуторов, о финансовом

положении войск, о способности казачьих семей выставлять на службу новобранцев в полном казачьем снаряжении, со строевым конём.

Командующий войсками Приамурского военного округа много сил и энергии отдавал государственной деятельности. Он был членом Комитета по устройству казачьих войск, входил в состав правительственных комиссий, которые занимались вопросами казачьего обмундирования и конского снаряжения, а также разработкой тактики действий казачьей конницы лавой. Для того времени это были проблемы большой важности.

Хрещатицкому принадлежит идея создания нового образца казачьей пики — её наконечника. Образец был утверждён высочайшим указом в 1891 году и принят на вооружение в степовых казачьих войсках.

…Ростислав Александрович Хрещатицкий вошёл в историю Казачьих войск России как большой знаток, любитель и собиратель казачьего фольклора, прежде всего многовековой «Донской старины». Им лично были собраны и изданы сборники донских казачьих песен.

На мотивы этих песен генерал Р. А. Хрещатицкий написал войсковой марш донского казачества, который принёс ему огромную личную популярность среди земляков-донцов.

Умер генерал от кавалерии в Хабаровске. По просьбе донских казаков его прах был перенесён в Новочеркасск, столицу Области Войска Донского, и там перезахоронен со всеми воинскими почестями.

Василий Иванович Суриков (1848–1916)

Выходец из донских казаков. Русский исторический живописец

Родился великий русский мастер кисти в Сибири, в городе Красноярске. Предки его по отцу и матери были выходцами с казачьего Дона. Они значились в числе основателей Красноярского городка на Енисее. Именно благодаря семье Иван Суриков полюбил отечественную историю, события которой позднее он воплотил в своих живописных полотнах. Сам художник о своём происхождении писал так:

«В семье у нас все казаки. До 1825 года простыми казаками были, а потом офицеры пошли…

Идеалы исторических типов воспитала во мне Сибирь с детства. Она же дала мне дух, и силу, и здоровье».

Художественный талант у Василия Сурикова проявился с раннего детства. Сперва он учился рисованию у местного учителя Н. В. Гребнева. Затем прошёл обучение в уездном училище. После смерти отца юноше пришлось пойти служить чиновником, но он продолжал при этом заниматься рисованием и живописью как любитель.

Его несомненный талант был замечен. Нашлись добрые люди, местный губернатор Замятин и золотопромышленник-меценат Кузнецов, которые отправили молодого художника в Санкт-Петербург. Там он за несколько месяцев прошёл трёхгодичный курс школы живописи.

Суриков успешно заканчивает Санкт-Петербургскую Академию художеств, в которой обучался с 1870 по 1875 год. Его учителем стал известный в своё время художник П. П. Чистяков. За свои работы Суриков несколько раз награждался серебряными медалями. В 1874 году за написанную по учебной программе картину «Милосердный самарянин» он был удостоен малой золотой медали.

Звание классного художника первой степени Василий Суриков получил в 1875 году. Так высоко была оценена его работа «Апостол Павел благовествует пред царём Агриппою и его сестрою Вероникою». Это полотно благодарный живописец подарил меценату золотопромышленнику Кузнецову. Сейчас она находится в Красноярском музее.

Академию художеств Суриков закончил в 27 лет. В этом возрасте он взял единственный в своей жизни заказ. Это были четыре большие стенные работы «Вселенские соборы» для храма Христа Спасителя в первопрестольной Москве. Этой работой живописец занимался два года: 1876-й и 1877-й. Стенные картины получили самую высокую оценку со стороны специалистов и зрителей.

С Москвой была связана вся дальнейшая жизнь великого русского историка-живописца. Он покидал её только для собирания материала к новым полотнам в самые различных уголках России и за границей. В Москве Суриков и умер.

В 1881 году В. И. Суриков вступает в члены Товарищества передвижников. Он постоянно, до 1909 года, участвовал в его выставках. Затем перешёл в Союз русских художников. Академиком живописи стал в 1895 году, будучи 47 лет от роду.

Первой самостоятельной картиной живописца стало большое историческое полотно «Утро стрелецкой казни при Петре Великом». Он трудился над этой картиной с 1879 по 1881 год. Успех картины был огромен, и Василий Иванович сразу же выдвигается в число крупнейших отечественных художников. Живописец писал о своём великом творении, в котором он изображал Русское царство на его историческом изломе:

«Торжественность последних минут мне хотелось передать, а совсем не казнь…»

Затем последовали новые большие полотна, которые имели неменьший успех. Картину «Меншиков в Берёзове» художник создавал с 1881 по 1883 год. В ней Суриков изобразил драматический финал судьбы фаворита Петра I, который после смерти императора не сумел удержать за собой в придворной иерархии положение временщика.

Картину «Боярыня Морозова» Василий Иванович писал с 1881 по 1887 год. Огромное историческое полотно было посвящено судьбе легендарной героини русского старообрядчества. Сюжет картины прост и трагичен: по заснеженной московской улице в заточение везут неукротимую воительницу за старую веру, а на неё со всех сторон смотрят друзья и враги…

В суриковском творчестве есть единственная жанровая картина — «Взятие снежного городка». Её сюжет был взят из праздничных впечатлений от поездки Сурикова в родной Красноярск. Суриков работал над этим полотном в 1890–1891 годах.

…В историческом миропонимании Василия Ивановича тема русского казачества присутствовала не менее ярко, чем другие сюжеты. Коренной сибиряк не мог пройти мимо легендарного

образа атамана Ермака Тимофеевича. В 1891–1895 годах, за пять лет, он объехал всю Сибирь. Летом 1893 года делал зарисовки образов казаков на Дону.

Итогом этой упорной работы стала одна из самых знаменитых Суриковских картин — «Покорение Сибири Ермаком», имевшая на первой же выставке огромный успех. О её художественном замысле живописец высказывался так:

«Хотелось передать, как две стихии встречаются…» Художнику очень хотелось знать мнение профессиональных историков, исследователей Сибири. Его волновала историческая достоверность изображённых им событий далёкой давности. Он в числе первых показал своего «Ермака» знаменитому путешественнику, признанному знатоку земли Сибирской Г. Н. Потанину, а также известному отечественному историку конца XIX века И. Е. Забелину. Суриков писал о том, как они отозвались о его живописной работе:

«…Все они признали, что „Ермак“ у меня удался».

О суриковской картине, посвящённой деяниям русского казачества, много писали при жизни великого художника, писали и после его кончины. Так, живописец М. В. Нестеров в таких словах отдал дань уважения картине «Покорение Сибири Ермаком»:

«Чем я больше смотрел на Ермака, тем значительнее он мне казался как в живописи, так и по трагическому смыслу своему».

Среди суриковских зарисовок, набросков к созданным и будущим картинам образы казаков присутствуют всегда. Он писал не только их, но и своих родственников и близких людей, которые могли стать героями исторических полотен. Поездка на землю предков, на Дон, дала Василию Ивановичу массу впечатлений и творческих задумок. Суриков писал брату после поездки в область войска Донского:

«Мы, Сибирские казаки, происходим от донских казаков… Душа так и радуется, что мы с тобой такого роду хорошего, казачьего роду».

…Художник мечтал о том, чтобы показать в живописных образах величие Российской державы. Поэтому он постоянно обращался к образам своих великих соотечественников. Одним из самых дорогих для Сурикова образов стал русский военный гений генералиссимус А. В. Суворов-Рымникский, в своей полководческой биографии не знавший поражений от врагов на полях брани.

Швейцарский поход Суворова 1799 года давал немало сюжетов для написания большого исторического полотна. Василий Иванович совершил специальную поездку в Швейцарию,

посетил суворовские места в Альпах. Картина, над которой он трудился с 1897 по 1899 год, была приурочена к 100-летию прорыва русских войск через альпийскую Швейцарию.

Образ Александра Васильевича Суворова писался живописцем с одного из казачьих офицеров. Выставленное полотно имело огромный успех, став одним из самых выдающихся Суриковских творений. Художник писал о своей работе:

«Главное у меня в картине — движение. Храбрость беззаветная — покорные слову полководца идут».

К казачьей теме Суриков вернулся в работе «Степан Разин». Эта картина разительно отличается от «Покорения Сибири Ермаком», которая наполнена накалом нешуточного, неравного по силам сторон боя. Здесь же прославленный в народном творчестве казачий атаман со своей дружиной плывёт по раздольной Волге.

В картине нет ничего, что бы говорило об опасностях, которые поджидают разинцев впереди. Сам атаман изображён в минуты отдыха и размышлений. Безмятежность сюжета рисует главного героя совсем с иной стороны, чем говорилось о нём в исторических трудах. Картину «Степан Разин» Василий Иванович писал с 1901 по 1907 год.

В последние годы своей жизни художник много и плодотворно трудился. В 1912 году он закончил картину «Посещение царевной женского монастыря», а в 1915-м — картину «Благовещение». Ему также принадлежит целая серия пейзажных акварелей и большая галерея портретов.

Живописец ушёл из жизни в расцвете сил. Об этом свидетельствуют многочисленные эскизы к так и не завершённым работам: они остались на уровне творческого замысла великого мастера кисти. Среди них — «Ольга встречает тело Игоря», «Пугачёв», «Смерть Павла», «Красноярский бунт».

Павел Иванович Мищенко (1853–1918 или 1919)

Генерал от артиллерии. Войсковой наказной атаман Семиреченского казачьего войска

Самый прославленный кавалерийской военачальник Русско-японской войны 1904–1905 годов происходил из донских казаков. Он родился в дагестанском городе Темир-Хан-Шура (ныне Буйнакск), где офицером служил его отец. Павел Мищенко окончил Первое Павловское военное училище, но начинать службу ему пришлось не в казачьих войсках, он попал подпоручиком в 38-ю артиллерийскую бригаду.

Боевое крещение Мищенко получил в Хивинском походе 1873 года, когда его батарея отличилась во время столкновения с ханской конницей, состоявшей из туркменских всадников.

Затем участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов за освобождение Болгарии. Тогда он командовал батареей 2-й гренадерской артиллерийской бригады, участвовавшей в осаде крепости Плевна. Исход того боя тогда во многом решал исход всей войны за освобождение болгарской земли от османского ига.

В 1893–1897 годах Павел Мищенко служил на различных должностях в Закаспийском крае, то есть в современном Туркменистане.

Затем офицерская судьба забросила полковника П. И. Мищенко в Маньчжурию. С 1899 года он помощник начальника охранной стражи Китайской Восточной железной дороги (КВЖД). Охранная стража формировалась из добровольцев, большей частью из казаков разных войск, состоявших на льготе.

Во время Китайского похода 1900–1901 годов — подавления Ихэтуаньского (Боксёрского) восстания, — когда шёл подлинный погром КВЖД, показал себя храбрым и распорядительным командиром железнодорожной пешей и конной охранной стражи. В тех событиях Мищенко исполнял должность начальника южного отдела охраны дороги.

За участие в Китайском походе Павел Иванович стал георгиевским кавалером. Его боевая командирская деятельность в тех событиях была оценена исключительно высоко: ему был пожалован орден Святого Георгия 4-й степени.

После подавления восстания ихэтуаней международным экспедиционным корпусом Мищенко остаётся в Маньчжурии. В июне 1901 года он, как человек, хорошо знакомый с Китаем, назначается командиром 1-й бригады 39-й дивизии в Квантунской области. Одновременно следует производство в чин генерал-майора.

В 1903 году Павел Иванович вновь оказался в Закаспийском крае: служба не баловала его престижными местами армейской службы. С началом Японской войны генерал-майор казачьих кровей мобилизовывается в состав русской Маньчжурской армии. На этой войне он переводится в кавалерию.

Мищенко, как военачальник казачьей конницы, показал себя в сражениях на реке Шахэ и при Сандепу с самой лучшей стороны. Для его действий на флангах русских сил показателен такой факт. Отрядный штаб Мищенко состоял всего из пяти офицеров. За войну их было убито четверо, двое пропадут без вести, одного ранят три раза, другого — четыре. Весь урон мищенского штаба будет исчисляться в 22 человека, не считая ординарцев и офицеров связи.

Но особенно прославил себя Павел Иванович тем, что возглавлял единственный глубокий кавалерийский рейд по вражеским тылам в той войне, известный в её официальной истории под названием «Набег на Инкоу».

Подобных конных рейдов славная летопись русской армии знает немало во многих войнах России — с Турцией и Францией, Швецией и Польшей, Пруссией… К тому же главнокомандующий А. Н. Куропаткин хотел порадовать царя-батюшку успешным набегом конницы и одновременно поднять боевой дух русских войск, подупавший из-за постоянных отходов на новые позиции.

В августе 1904 года конный отряд генерал-майора П. И. Мищенко преобразуется в Сводный кавалерийский корпус под его же командованием. Начальником корпусного штаба назначается подполковник А. И. Деникин, будущий командующий Вооружёнными силами Юга России в Гражданской войне.

Рейдовый отряд конницы Мищенко был сформирован из состава кавалерии всех трёх русских Маньчжурских армий — 1-й, 2-й и 3-й, и насчитывал около 75 сотен и эскадронов, имел 22 конных орудия и 4 пулемёта. Всего отряд насчитывал семь с небольшим тысяч человек.

В его состав вошли: Урало-Забайкальская казачья дивизия, Кавказская конная бригада (перед этим одна сотня её Терско-Кубанского казачьего полка была расформирована из-за беспорядков), 4-я Донская казачья дивизия, безномерной Приморский драгунский полк, несколько конно-охотничьих

команд сибирских стрелков, сборная сотня дивизиона разведчиков главнокомандующего, четыре полусотни конной пограничной стражи, конно-сапёрная команда.

Артиллерия набегового отряда состояла из двух забайкальских казачьих батарей, одной конно-артиллерийской батареи и поршневой (то есть стреляющей гранатами, а не одной шрапнелью) пешей полубатареи.

Фураж и провиант для отряда везли на мулах (1500 вьюков), и в силу этого огромный конный отряд в день совершал переход только в 30–35 километров, хотя мог двигаться по вражеским тылам по крайней мере в два раза быстрее.

Бездорожье составляло трудности не только для обоза, но и для артиллерии, и для двух летучих отрядов «Красного Креста»: раненые японцам оставлялись только в исключительных случаях.

Главной целью рейда было разрушение железной дороги, в том числе и железнодорожных мостов, на участке Ляоян — Ташичао — Дальний, чтобы тем самым затруднить переброску осадной 3-й японской армии, «освободившейся» после падения Порт-Артура.

Вступая по пути в частые перестрелки и непродолжительные стычки с японцами и китайскими разбойниками-хунхузами, отряд генерал-майора П. И. Мищенко 30 декабря 1904 года беспрепятственно подошёл к портовому городу Инкоу на берегу Жёлтого моря. По сведениям лазутчиков, там было сосредоточено запасов японской армии на два, а то и на двадцать миллионов рублей.

Для атаки, назначенной на вечер, выделялось 15 казачьих сотен и драгунских эскадронов, остальные находились в резерве и боевом охранении. «Штурмовой колонне было послано приказание взорвать всё что можно и уходить».

Перед атакой русская конная артиллерия обстреляла город Инкоу и подожгла многочисленные армейские склады, которые горели несколько суток. Однако пламя пожаров осветило местность, и японцы повели по атакующей русской коннице прицельный огонь и отбили её атаку.

Участник набеговой операции на Инкоу полковник князь Вадбольский писал в своих мемуарах следующее:

«Со стороны станции доносились звуки частой стрельбы японских магазинок. Послышалось „ура“, заглушённое ещё более яростной стрельбой. Ещё раза два среди шума перестрелки вспыхивало „ура“.

Пришло донесение об отбитой атаке, о больших потерях, об отходе колонны…»

Мищенко хотел повторить атаку в конном строю большими

силами, но тут ему сообщили с линии дозоров, что на выручку гарнизона Инкоу спешит из близкого Ташичао большой японский отряд. Русской коннице пришлось отступить от горящего во многих местах города-порта и начать отход в расположение своих армий.

Главнокомандующий японскими силами в Маньчжурии маршал Ивао Ояма сильно обеспокоился такой глубокой диверсией противника. Он начал маневрировать тыловыми силами, пытаясь перехватить отряд русской конницы, но безуспешно…

Из главной квартиры японских Маньчжурских армий о действиях русской конницы в их тылах в Токио ушло не одно боевое донесение. В одном из них, к примеру, говорилось:

«…Отряд из 500 или 600 человек неприятельской конницы при 10 орудиях, который был обращён в бегство в сторону Ньючванга, направился на северо-восток через Ляотуонглу. Вечером того же дня наш кавалерийский отряд имел у Ляохеше столкновение с казаками.

Отряд доносит, что некоторые солдаты этих русских частей были одеты в китайское платье, другие имели, кроме того, ещё китайские шапочки, а большое число людей были одеты совершенно по-китайски, причём имели косы. Войска эти, по-видимому, очень утомлены…»

Результаты рейда по глубоким неприятельским тылам оказались ниже ожидаемых. За восемь дней конница проделала путь в 270 километров. Во время набега было разгромлено несколько японских воинских команд, уничтожено до 600 обозных арб с воинскими припасами, подожжены склады в порту Инкоу, в ряде мест нарушена телефонная и телеграфная связь противника, пущено под откос два поезда, взято, в качестве «языков», 19 пленных.

За время набеговой операции отряд потерял в боях (в основном при атаке Инкоу) убитыми и ранеными 408 человек и 158 лошадей.

…В феврале 1905 года генерал-майор П. И. Мищенко принял командование Урало-Забайкальской казачьей дивизией. В августе того же года переведён в распоряжение главнокомандующего на Дальнем Востоке. За Русско-японскую войну Павел Иванович удостоился Золотого оружия «За храбрость».

В 1906 году Мищенко переводят на Кавказ командиром 2-го Кавказского армейского корпуса. Он становится генерал-лейтенантом.

С 1908 по 1909 год Мищенко — туркестанский генерал-губернатор, командующий войсками Туркестанского военного

округа. Одновременно он исполняет должность войскового наказного атамана Семиреченского казачьего войска. С февраля 1911 года — войсковой наказной атаман Донского казачьего войска. Затем служит в Кавказском военном округе.

В начале Первой мировой войны боевой генерал и георгиевский кавалер П. И. Мищенко, которому шёл уже седьмой десяток лет, принял командование над 2-м Кавказским армейским корпусом (переброшенным на Восточный фронт Великой войны), которым уже когда-то начальствовал. Корпус состоял из Кавказской гренадерской и 51-й пехотной дивизий. В марте 1915 года принимает 31-й армейский корпус, воевавший на Юго-Западном фронте.

Из его боевых дел известно, что его войска сумели удержать позиции в декабре 1914 года, когда 9-я германская армия генерал-полковника А. фон Макензена атаковала 2-й Кавказский армейский корпус.

…Во время чистки высшего командного состава армии и флота после Февральской революции генерал от артиллерии П. И. Мищенко отстраняется с поста командира корпуса. В апреле 1917 года он увольняется от службы с пенсией и правом ношения мундира. Он уезжает на родину, в Дагестан, в город Темир-Хан-Шуру.

После Октября, не скрываясь, носил генеральский мундир со всеми своими регалиями. Когда к нему в дом вломились большевики и при обыске отобрали погоны и награды, Мищенко застрелился.

Василий Фёдорович Белый (1854–1913)

Генерал от артиллерии. Начальник Квантунской и Владивостокской крепостной артиллерии

Один из самых доблестных участников героической Порт-Артурской эпопеи был родом из кубанских казаков, место его рождения — столица Кубанской области город Екатеринодар (ныне Краснодар).

Действительную службу начал в 15 лет в конной артиллерии Кубанского казачьего войска в нижних чинах. В 1873 году Василий Белый получает первый офицерский чин хорунжего и назначается в Кубанскую казачью артиллерийскую бригаду. Уже тогда он демонстрировал высокий профессионализм, умение работать с людьми.

Боевым крещением для будущего героя обороны Порт-Артура стала Русско-турецкая война 1877–1878 годов, в конторой он сражался на Кавказском театре. Он сумел отличиться во многих делах, но особенно в ходе штурма сильной Карской крепости. Тогда казачьи орудия били по турецким крепостным сооружениям прямой наводкой, что требовало и мастерства, и немалого мужества.

В ту войну Василий Белый дважды получал внеочередные воинские звания — сотника и есаула. Был награждён орденами Святого Станислава 3-й степени и Святой Анны 4-й степени. Ко всему прочему он не раз показал себя блестящим тактиком применения конной артиллерии в полевом бою.

В 1886 году казака-есаула переименовывают в капитаны с назначением в Карскую крепостную артиллерию. Карс тогда стоял на русско-турецкой границе у пересечения важных путей и своей мощью крепил безопасность России на Кавказе.

Уже в те годы Василий Фёдорович зарекомендовал себя как большой знаток артиллерийского искусства. В конце XIX столетия большинство европейских государств относилось к ведению крепостных войн (защите и взятии крепостей) самым серьёзным образом. Белый оказался в России одним из ведущих специалистов по артиллерийскому вооружению крепостей, что и определило его дальнейшую судьбу.

С 1892 года В. Ф. Белый заведовал практическими занятиями

Севастопольской крепостной артиллерии, то есть занимался вопросами её боевой подготовки. В 1899 году получает чин полковника.

На заре нового столетия Российская империя стала самым серьёзным образом укреплять свои позиции на берегах Тихого океана. С этой целью на арендованном у Китая (Циньской империи) Квантунском полуострове стала создаваться мощная морская крепость Порт-Артур. На её вооружение должны были поступить десятки и десятки орудий крупных калибров.

Когда же зашла речь о назначении начальника Квантунской крепостной артиллерии, то выбор пал на полковника В. Ф. Белого, большого практика этого дела. За успехи по службе он в 1903 году производится в генерал-майоры. В. Ф. Белый много сделал для совершенствования огневой защиты Порт-Артурской крепости, прежде всего со стороны моря. Об обороне морской крепости с суши в те годы в далёком Санкт-Петербурге как-то забывали. К тому же стоило это больших денег.

С начала Русско-японской войны 1904–1905 годов Василий Фёдорович Белый успешно руководил артиллерийской обороной Порт-Артура. Одновременно ему приходилось заниматься и вопросами фортификационного строительства, с установлением на новых сухопутных укреплениях орудий самых разных калибров и целых батарей.

Своими умелыми распоряжениями он содействовал отражению попыток японских брандеров заградить вход во внутреннюю Порт-Артурскую гавань, а также яростных вражеских штурмов русской крепости. Он разработал правила сигнализации и дозорной службы. Заботился о бытовых условиях батарейных команд, о своевременной доставке на позиции огневых припасов.

При его деятельном участии были вооружены артиллерией гора Ляотешань и Высокая гора. Генерал-майор В. Ф. Белый был готов укрепить артиллерийскими позициями весь горный хребет вокруг города-крепости до «Бухты десяти кораблей». Однако такое дельное и важное предложение не встретило понимания со стороны командования порт-артурского гарнизона генералов Стесселя и Фока.

Под руководством умелого начальника артиллерии Порт-Артура для гибкого управления артиллерийским огнём морская крепость была разделена на 12 секторов и три отдельные группы. Их начальники подчинялись начальникам фронтов крепостной обороны, а те, в свою очередь, непосредственно Белому. Командиры батарей сухопутного фронта подчинялись командирам фортов и укреплений.

Такая система управления артиллерийским огнём полностью

оправдала себя в ходе обороны Порт-Артура. Это признавала и японская сторона, и иностранные специалисты, которые находились в штабах армии Страны восходящего солнца.

Василий Фёдорович лично организовал стрельбу с закрытых огневых позиций, что стало для осадной 3-й императорской армии японцев весьма неприятным сюрпризом. Это сразу осознал её командующий генерал-полковник Маресукэ Ноги, поскольку для японцев теперь крайне усложнялись условия для контрбатарейного соперничества с русскими, для подавления их пушечного огня.

Чем же командовал генерал-майор В. Ф. Белый в осаждённом Порт-Артуре? На вооружении крепости к началу её осады находилось 646 орудий и 62 пулемёта. В долговременных крепостных укреплениях и на полевых позициях было установлено 514 орудий различных калибров. В том числе — 283 крепостных, 168 морских и 63 полевых орудия. И ещё 47 пулемётов.

На приморском фронте обороны крепости располагалось 123 орудия и 5 пулемётов. Имелся небольшой резерв — 9 лёгких орудий и 10 пулемётов. Но фортификационная незаконченность крепости не позволяла её гарнизону обладать артиллерийским огневым совершенством.

При обороне Порт-Артура появилось новое оружие — миномёты. Идею миномёта разработал и осуществил на деле лейтенант Подгурский. Для стрельбы метательными минами образца 1890 года он приспособил катерный метательный аппарат.

Стрельба из таких миномётов особенно досаждала японским сапёрам, которые траншеями, преимущественно по ночам, старались подобраться поближе к линии крепостных укреплений. Мины тогда метались на дальность в 100 метров и были эффективным оборонительным средством русских.

На военном совете 16 декабря 1904 года, когда решался вопрос о судьбе Порт-Артура, генерал-майор Белый мужественно высказался за продолжение обороны. Он заявил, что снарядных запасов в крепости хватит на отбитие ещё двух генеральных штурмов. Это своё заявление он оправдал на суде по делу капитуляции Порт-Артурской крепости убедительными документами.

При сдаче крепости Порт-Артур он не воспользовался предоставленным ему японской стороной правом вернуться в Россию. Он добровольно отправился в плен на Японские острова, надеясь быть там полезным офицерам и нижним чинам крепостной артиллерии, оказавшимся в плену. Современники

посчитали такой поступок генерала высокоблагородным и ответственным, о чём много писалось в газетах.

По возвращении во Владивосток в конце 1905 года Василий Фёдорович был назначен председателем государственной комиссии по приёму русских военнопленных, возвращавшихся из Японии.

Заслуги генерал-майора В. Ф. Белого при обороне Порт-Артура были оценены очень высоко. Об этом говорят его орденские награды: Святой Георгий 4-й степени, Святой Владимир 2-й степени, Святой Анны и Святого Станислава 1-й степени с мечами.

По окончанию работы комиссии по приёму военнопленных В. Ф. Белый назначается в 1906 году начальником Владивостокской крепостной артиллерии. Он много потрудился как по усилению огневой мощи морской крепости, так и по приведению в должный порядок материальной части артиллерии. При Белом серьёзно улучшился быт подчинённых ему офицеров и нижних чинов как в самом Владивостоке, так и на его форпосте острове Русском.

В 1908 году Василий Фёдорович Белый, продолжавший деятельно начальствовать над артиллерией морской крепости Владивосток, получил производство в генерал-лейтенанты.

Серьёзная болезнь, повлёкшая за собой лишение ноги, заставила Белого в начале 1911 года подать в отставку. Георгиевского кавалера, прославленного делами защитника Порт-Артура уволили в отставку с повышением чина. Так кубанский казак, начинавший службу рядовым казаком в конной войсковой артиллерии, стал генералом от артиллерии.

Умер он через два года в Царском Селе (ныне город Пушкин Ленинградской области). Был похоронен со всеми полагающемуся ему по чину и заслугами почестями.

Алексей Максимович Каледин (1861–1918)

Генерал от кавалерии. Войсковой атаман Донского казачьего войска

Один из известных военачальников русской армии в Первой мировой войне и один из зачинателей Гражданской войны на Дону родился на хуторе Каледине станицы Усть-Хопёрской Области Войска Донского. То есть родом он был с Верхнего Дона, с Хопра.

Его отец дослужился до казачьего полковника. Семья была небогата. Алексей Каледин закончил Воронежский кадетский корпус, а затем в 1882 году получил чин артиллерийского офицера, обучаясь сперва во 2-м Константиновском, а затем в Михайловском артиллерийских училищах Санкт-Петербурга.

Армейскую службу начал в конно-артиллерийской батарее Забайкальского казачьего войска. В 1889 году закончил Николаевскую академию Генерального штаба. После двух лет штабной службы два года командовал эскадроном 17-го драгунского Волынского полка. Побыв три года в штабе Варшавского военного округа, в 1895 году возвращается на родной Дон, став старшим адъютантом войскового штаба.

Послужив после этого штаб-офицером при управлении пехотной резервной бригады, А. М. Каледин назначается начальником Новочеркасского казачьего юнкерского училища, в котором много сделал для улучшения организации учебного процесса. В 1906–1910 годах — помощник начальника штаба Донского казачьего войска.

На всех этих постах Алексей Максимович показывал себя с самой лучшей стороны как офицер-оперативник, как командир-единоначальник, как воспитатель подчинённых ему людей.

Первую мировую войну — войну Великую, Отечественную (так её называли в российской прессе) генерал-лейтенант А. М. Каледин встретил начальником 12-й кавалерийской дивизии 8-й армии Юго-Западного фронта. В войну показал большую личную храбрость. За августовские бои первой военной кампании под Львовом удостоился Георгиевского оружия «За храбрость».

В октябре 1914 года награждается орденом Святого Георгия

4-й степени. Не проходит и полгода, как он получает императорский Военный орден более высокой, 3-й степени за прорыв неприятельского фронта. В наградном приказе говорилось следующее:

«За то, что состоя начальником 12-й кавалерийской дивизии, в середине февраля 1915 года, будучи направлен во фланг противнику, теснившему наши войска от города Станиславова к Галичу и угрожает ему последнему, лично командуя дивизией и находясь под действительным огнём противника, причём 16-го февраля был ранен, энергичными действиями сломил упорное сопротивление бывшего против него противника в районе села Бендаров.

Вследствие этого главная группа противника, наступавшая к городу Галичу, угрожавшая с фланга и тыла, начала отходить к городу Станиславову…»

В марте 1915 года дважды георгиевский кавалер Каледин формирует кавалерийский корпус, который спасает положение русской 9-й армии ударом во фланг наступающим австро-венгерским войскам. Затем становится командиром 12-го армейского корпуса, а в марте 1916 года сменяет генерала от кавалерии А. А. Брусилова (он принимает командование фронтом) на посту прославленной своим боевыми делами 8-й армии.

Когда началось знаменитое брусиловское наступление Юго-Западного фронта, 8-й армии отводится роль главной ударной силы. Она получает в свой состав треть фронтовой пехоты (13 дивизий) и половину тяжёлой артиллерии (19 батарей).

Калединская армия блестяще провела сражение у города Луцка: было разгромлено несколько корпусов австро-венгров, в плен взято 922 офицера, 43 628 нижних чинов. В числе трофеев числились 66 орудий, 71 миномёт и 150 пулемётов. Всего австро-венгерские войска, которые противостояли 8-й армии, потеряли в Луцком сражении свыше 82 тысяч человек. Потери же русской стороны составили около 33 тысяч человек убитыми и ранеными…

10 июня 1916 года донскому казаку Алексею Максимовичу Каледину присваивается чин генерала от кавалерии.

Неприятель смог остановить Брусиловское фронтовое наступление лишь после того, как на помощь австро-венграм пришли крупные силы германской армии, в том числе переброшенные с Французского фронта. Но оправиться после такого мощного удара в Галиции Австро-Венгерской империи не удалось до самого окончания Первой мировой войны. Немалая доля в этом успехе русского оружия пришлась на 8-ю армию…

Но после луцкого успеха Каледина ожидала неудача в августовских боях под Новоград-Волынским. Получив на усиление из Особой армии 1-й и 2-й гвардейские (пехотные) корпуса, он не смог прорвать неприятельский фронт, после чего наступательная операция завершилась. Однако специалисты считают, что в неудаче большой вины командующего 8-й армии не было.

После Февральской революции генерал от кавалерии Каледин резко выступил против «демократизации» армии, которая вела к утрате боеспособности, дисциплины и организованности. В конце апреля Временное правительство отстраняет его от командования армией.

Каледин уезжает в Новочеркасск, где в то время работал Донской войсковой круг. Боевой генерал был горячо встречен его участниками и 19 июня избран войсковым атаманом Донского казачьего войска. В Петрограде это решение пришлось утвердить.

В грамоте круга Войска Донского по поводу избрания генерала от кавалерии и георгиевского кавалера, прославившегося в боях фронтовика А. М. Каледина говорилось следующее:

«По праву древней обыкновенности избрания Войсковых атаманов, нарушенной волей царя Петра I в лето 1709-е и ныне восстановленному, избрали мы тебя нашим Войсковым атаманом».

Пробыть же А. М. Каледину войсковым атаманом донского казачества довелось немногим более шести месяцев…

На Московском государственном совещании в середине августа 1917 года Каледин от имени всех двенадцати Казачьих войск России требовал продолжения войны до победного конца, роспуска советов и комитетов в армии, указывая, что «армия должна быть вне политики». С трибуны совещания Алексей Максимович заявил:

«Расхищению государственной власти центральными и местными комитетами и Советами должен быть положен предел. Россия должна быть единой…»

Хотя донской атаман открыто не поддержал выступление Верховного главнокомандующего России генерала от инфантерии Л. Г. Корнилова, родом из сибирских казаков, он всё же заявил у себя на Дону: «Временное правительство… происходит плоть от плоти и кровь от крови Совета рабочих и солдатских депутатов…»

Керенский в ответ смещает «несогласного» войскового атамана «с преданием суду за мятеж». Однако Донское правительство и Донской круг не признали такого решения Временного правительства. Тому пришлось отменять свой указ.

Когда в столице произошёл Октябрьский переворот, Каледин назвал «захват власти большевиками преступным». Он объявил Область Войска Донского и Южный углепромышленный район на военном положении, начав силой разгон местных советов. Началось формирование белоказачьих отрядов.

К тому времени в Новочеркасске началось создание Добровольческой армии генералов Корнилова и Алексеева. Все трое надеялись, что совместными усилиями они создадут на Дону очаг сопротивления советской власти и в конечном итоге одержат победу. Но этого не случилось.

Возвращавшиеся с фронта казачьи части, уставшие от войны, в своём большинстве не поддержали в те дни войскового атамана. Более того, съезд казаков-фронтовиков, проходивший в начале января в станице Каменской, избрал Донской казачий военно-революционный комитет во главе с вахмистром Ф. Г. Подтёлковым, заявивший о взятии власти на Дону в свои руки.

Одновременно на Область Войска Донского повели наступление отряды красных войск. Главный удар наносился со стороны Донецкого каменноугольного бассейна. Мобилизованные атаманом казаки массами расходились по станицам и хуторам, не желая воевать.

Атаман Каледин трезво оценивал обстановку, понимая, что сил для сопротивления у него почти нет. 29 января 1918 года он выступил на заседании Донского правительства с последним словом:

«…Положение наше безнадёжно. Население не только нас не поддерживает, но настроено нам враждебно…

Я не хочу лишних жертв, лишнего кровопролития; предлагаю сложить свои полномочия…

Свои полномочия войскового атамана я с себя слагаю».

В тот же день Алексей Максимович Каледин застрелился в своём служебном кабинете. Но с этого револьверного выстрела Гражданская война на Дону обрела новое звучание.

Николай Андреевич Бородин (1861–1937)

Уральский казак. Учёный-естественник, историк и общественный деятель

Происходил из известной в уральском казачестве атаманской династии Бородиных. Родился в городе Уральске (ныне Казахстан). После окончания в 1879 году с золотой медалью войсковой гимназии Николай Бородин не стал поступать в военное училище, отказавшись от офицерской профессии. Он становится студентом естественного отделения физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета, который успешно закончил в 1884 году.

Из столицы Бородин возвращается в город Уральск и начинает службу военным чиновником Уральского казачьего войска — статистиком в управлении войскового хозяйства. На родине он начинает изучать историю, этнографию, географию уральского казачества, одного из старейших в России, а также ихтиологию.

Его исследовательская деятельность имела практическую значимость. В 1894 году Николай Андреевич становится первым в старой России военным техником рыбного хозяйства Уральского казачьего войска. Основой экономической деятельности и доходов уральских казаков, в отличие от других казачьих войск, являлся лов рыбы на реке Урал (бывшем Яике) и северной части Каспийского моря. Благодаря Бородину войсковое рыбное хозяйство за самый короткий срок приходит в образцовое состояние.

В конце XIX века Н. А. Бородин получает известность в стране благодаря публикации ряда научных работ. Это были «Статистический атлас Уральского войска», «Уральское казачье войско. Статистическое описание», «Правила производства рыболовства в Уральском казачьем войске» и «Рыбоводство и рыбный промысел в Западной Европе и Северной Америке». Первые три труда были изданы в Уральске, четвёртый — в Санкт-Петербурге.

Во второй из этих работ Николай Андреевич исследовал процесс капитализации казачьего хозяйства и его адаптацию в условиях рыночной экономики. В работе он показал процесс

имущественной дифференциации (расслоения) аграрного населения Уральской области. Бородин пытался в «Статистическом описании» войска казачества Урала найти пути правильного решения многих хозяйственных проблем, которые встали перед его земляками в капиталистической России.

Монография, опубликованная в 1891 году, получила должное признание в учёном мире России. Её автор удостоился золотой медали Географического общества.

Признанный в научном мире, Бородин в 1900 году переезжает в столицу. Его приглашают на работу в Министерство земледелия в качестве старшего специалиста по рыбоводству в России. В империи Романовых серьёзно заботились о возобновлении рыбных запасов. Уральский же казак оказался не только большим практиком в этом важном государственном деле, но и теоретиком, умевшим делать прогнозы на будущее.

Оказавшись в Санкт-Петербурге, Николай Андреевич начинает активно заниматься общественной деятельностью. С того же 1900-го по 1906 год он становится издателем и редактором первой общероссийской казачьей газеты «Вестник казачьих войск». Эта газета стала уникальным собирателем и хранителем казачьих культурных ценностей, прежде всего истории и народного литературного творчества.

Бородин стал основателем и редактором-издателем не только этой казачьей газеты. С его именем связано появление таких российских периодических изданий, как газеты «Уралец», «Русские ведомости» и «Наша жизнь», журналов «Известия Комитета по холодильному делу», «Известия Общества сближения между Россией и Америкой», «Международный журнал по рыболовству и рыбоводству».

Министерский чиновник стал видным членом Императорского общества рыболовства и рыбоводства, русского Комитета по холодильному делу. В Санкт-Петербурге он стал основателем «Общества сближения между Россией и Америкой».

Одновременно с этим Бородин ведёт научную деятельность по своей профессии. В 1904 году выходит в свет капитальный труд о войсковом хозяйстве кубанского казачества: «Кубанское рыболовство, его современное положение и нужды». Работа отличалась глубиной анализа и определением перспектив рыбного дела в пределах Кубанского края.

В 1906 году Бородина, потомка старинного атаманского рода, на родине избирают в состав 1-й Государственной думы. В ней он защищал интересы уральского казачества, да и не только его. Среди думских деятелей Бородин стал заметной фигурой во многом благодаря практической взвешенности своих

предложений и отсутствию в них политической демагогии.

В своей научной деятельности в те годы Н. А. Бородин признавал, что патриархальный уклад жизни казачества, в том числе и уральского, уходит в прошлое. Но при этом он видел предназначение уникального в своей основе воинского сословия государства Российского. То есть Николай Андреевич не мыслил будущее Отечества без казачества.

Известно, что в 1914 году Бородин вступил в одну из столичных масонских лож.

С началом Первой мировой войны 1914–1918 годов Н.А Бородин занимается в рамках деятельности Военно-промышленных комитетов налаживанием холодильного дела на фронтах и в их ближних тылах. Одновременно он, известный в Европе учёный, принимает участие в организации помощи русским военнопленным.

…Свержение монархии Бородин принял как должное. После Февраля 1917 года он избирается от Уральского казачьего войска в состав Учредительного собрания.

После его разгона, последовавшего вслед за Октябрьским переворотом в январе 1918 года, Николай Андреевич уезжает в Сибирь, в Омск, где становится одним из общественных деятелей Белого движения. Он становится представителем Уральского казачьего войска при правительстве адмирала А. В. Колчака.

Гражданская война закончилась для него вынужденной эмиграцией. В конце 1919 года он оказался в США. Поначалу Н. А. Бородин преподавал в Русском народном университете в Нью-Йорке. В 1928 году учёного и белоэмигранта пригласили в качестве профессора в престижный Гарвардский университет, в котором он работал до конца своей жизни. Известно, что другом Советского Союза Бородин так и не стал. Умер в Кембридже, штат Массачусетс, США.

Михаил Александрович Павлов (1863–1958)

Потомственный донской казак. Академик. Учёный-новатор в области металлургии

Родился в семье потомственного донского казака из станицы Усть-Быстрянской Области Войска Донского в посёлке Божий Промысел (ныне в черте города Ленкорань в Азербайджане).

Судьба Михаила Павлова сложилась так, что он с юности «прикипел к варке металла». В 1885 году сын донского казака успешно заканчивает Санкт-Петербургский горный институт. Трудиться он начал на металлургических заводах Вятского горного округа на Урале.

Уже первые годы его производственной деятельности выявили в нём большую тягу к решению сложных технических проблем. Молодой инженер осуществил реконструкцию доменных и пудлинговых печей на Климовском и ряде других металлургических заводов. Павлов получает признательность как специалист, глубоко знающий технологические процессы производства чугуна и стали.

К тридцати годам от роду за Михаилом Александровичем прочно утвердилась слава новатора. В 1894 году в «Горном журнале» им был опубликован научный труд под названием «Исследование плавильного процесса доменных печей». Это было первое в России теоретическое исследование теплового баланса доменных печей, работающих на древесном угле.

В 1896 года Павлова приглашают на один из крупнейших отечественных металлургических заводов — Сулинский — на должность заведующего доменным производством. Это было известное в стране предприятие. На нём, к примеру, изготовлялись трубы для московского водопровода.

Металлург-новатор на Сулинском заводе освоил и усовершенствовал доменную плавку на антраците. Под руководством Павлова проводится реконструкция доменного производства, вносятся существенные конструктивные изменения, вводится в строй третья доменная печь. Павлов руководит реконструкцией и Таганрогского металлургического завода.

Ещё будучи практиком, Михаил Александрович обратил на себя внимание глубиной научных познаний в металлургическом

деле. До 1917 года им были опубликованы такие научные труды, как «Атлас чертежей по доменному производству», «Определение размеров доменных печей», «Тепловые балансы металлургического производства», «Расчёт доменных печей».

Он активно сотрудничал с различными научными журналами, для многих из которых являлся постоянным автором. С 1910 года М. А. Павлов — бессменный редактор открывшегося «Журнала русского металлургического общества».

Педагогическая деятельность учёного-металлурга началась с 1900 года, когда он стал преподавать в Ектеринославском высшем горном училище (ныне Днепропетровский горный институт). С 1904 по 1930 год Павлов — профессор Санкт-Петербургской (Петроградской, Ленинградской) горной академии. Одновременно с 1921 по 1930 год — профессор Московской горной академии.

Его заслуги в металлургическом деле были общепризнанными. В 1927 году Михаил Александрович избирается членом-корреспондентом Академии наук СССР. С 1932 года он действительный академик АН СССР. С 1930 по 1941 год академик М. А. Павлов работает профессором Московского института стали.

В годы советской власти его научный талант получил мировое признание. Он участвует в проектировании крупнейших металлургических заводов, доменных печей и сталеплавильных агрегатов. В своих научных разработках Павлов большое внимание уделяет расширению железорудных и топливных ресурсов металлургического производства.

Так, в частности, академик возобновляет экспериментальные работы по использованию торфа для доменной плавки, освоению выплавки чугуна из уральских титаномагнетитов и природно-легированных руд Халиловского месторождения в Оренбургских степях, руководит работами по агломерации и обогащению бедных железных руд, осуществляет первые плавки на офлюсованном агломерате.

Академик М. А. Павлов многое сделал в области экспериментальных исследований по внедрению кислородного дутья в металлургии. Это было совершенно новое направление в науке о плавке металла.

В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов труды великого учёного пошли на службу защиты Отечества. За выдающийся вклад в развитие металлургического производства Михаил Александрович в 1943 году награждается Сталинской премией, а в 1945 году ему присваивается звание Героя Социалистического Труда.

Научный багаж учёного огромен. Его перу принадлежит более двухсот научных статей, а также ряд крупных монографий по актуальным проблемам металлургического производства. Всемирную известность получили его работы по расчёту доменных печей. Павлова не случайно называли «основателем доменщиков». Книга академика «Металлургия чугуна» была переведена на многие языки.

Сын донского казака из станицы Усть-Быстрянской, ставший прославленным металлургом-новатором, стал обладателем многих высоких наград Советского Союза. Среди них — пять орденов Ленина, орден Трудового Красного Знамени. Умер академик М. А. Павлов в январе 1958 года и был похоронен в Москве.

Николай Николаевич Баратов (1865–1932)

Генерал от кавалерии. Командующий русским экспедиционным корпусом в Персии в Первой мировой войне 1914–1918 годов

Один из героев русской армии в Первой мировой войне происходил родом из дворян Терского казачьего войска. Родился в Северной Осетии, в городе Владикавказе, в котором закончил реальное училище. Образование получил в столице, в стенах 2-го Константиновского военного и Николаевского инженерного училищ.

После производства в офицеры был выпущен в 1-й Сунженско-Владикавказский полк Терского казачьего войска, в котором служило много казаков-осетин. Баратов показал в полку большие способности и ревностное исполнение возложенных на него обязанностей. Ему разрешили сдавать экзамены в Николаевскую академию Генерального штаба, которую казачий офицер закончил в 1891 году на отлично, по первому разряду.

Получив академическое образование, Баратов продолжил службу в штабах Киевского, Одесского и Кавказского военных округов. Был командиром эскадрона 45-го драгунского Северского полка. В 1895 году прикомандировывается к Ставропольскому казачьему юнкерскому училищу (оно просуществовало недолго) для преподавания военных наук.

В ряды Терского казачьего войска полковник Николай Баратов вернулся только в марте 1901 года. Он получает в командование родной ему 1-й Сунженско-Владикавказский полк, в котором начинал свою офицерскую биографию. Со своими терцами участвует в Русско-японской войне 1904–1905 годов. Наградой за доблесть, проявленную на полях Маньчжурии, стало Золотое (Георгиевское) оружие — сабля с надписью «За храбрость».

Производство в генерал-майорский чин состоялось в 1906 году. После пяти лет службы начальником штаба 2-го армейского Кавказского корпуса Николай Николаевич Баратов получает погоны генерал-лейтенанта, и в ноябре 1912 года назначается начальником 1-й Кавказской казачьей дивизии, состоявшей из кубанцев и терцев. С нею он и вступил в Первую мировую войну, которая в старой России называлась Великой Отечественной…

Баратовской казачьей дивизии удалось отличиться уже в самом начале войны — в знаменитой Сарыкамышской операции, в которой далекоидущие планы султанского военного министра Энвер-паши закончились полным провалом. Русским войскам под железнодорожной станцией Сарыкамыш планировалось тактическое окружение в духе «Канн» германского генерала А. фон Шлиффена.

Сражение за Сарыкамыш обернулось для 3-й турецкой армии такими потерями, которые Стамбул не смог восполнить на протяжении всей войны. Из 90-тысячных потерь 30 тысяч пришлось на замёрзших в зимних горах турок. От армии, которая лишилась свыше 60 орудий, уцелело всего 12 400 человек. 1-я Кавказская казачья дивизия в тех боях оказалась в самом пекле: её вклад в победу был огромен.

Посол Франции в России М. Палеолог 6 января 1915 года сделал в своём дневнике такую запись, которая полностью соотносилась к действиям баратовских казачьих полков:

«Русские нанесли поражение туркам вблизи Сарыкамыша, по дороге из Карса в Эрзерум. Этот успех тем более похвален, ибо наступление наших союзников началось в гористой стране, такой же возвышенной, как Альпы, изрезанной пропастями и перевалами. Там ужасный холод, постоянные снежные бури. К тому же — никаких дорог и весь край опустошён. Кавказская армия русских совершает там каждый день изумительные подвиги».

После Сарыкамыша Баратов отличился вновь скоро, в ходе Евфратской операции. По поручению главнокомандующего Отдельной Кавказской армии генерала от инфантерии Н. Н. Юденича формирует у Даяра из своей казачьей дивизии и 4-й Кавказской стрелковой дивизии ударную группу. В середине июля он начинает наступать, выходит на берега Евфрата и наносит полное поражение группе войск Абдул-Керим-паши. У горного хребта Агридаг в плен сдаётся более 2500 турок.

За эту победу в горах Турецкой Армении генерал-лейтенант Н. Н. Баратов награждается орденом Святого Георгия 4-й степени. К нему приходит признание большого военачальника, умеющего принимать стратегически важные решения.

Вершиной же военной биографии терца Николая Николаевича Баратова стало его пребывание в нейтральной в той войне Персии (Иране). Ещё в её начале султанское командование и его германские советники пытались разжечь «джихад» — священную войну мусульман против неверных — и заставить таким образом сражаться на своей стороне Персию и Афганистан. Этот авантюристический в своей основе план был направлен

против России и союзной ей Англии.

Территория Персии, как тогда обычно именовали нынешний Иран, позволяла нанести кратчайший удар по нефтеносному Баку, через который шёл удобнейший выход на Северный Кавказ с той частью горских народов, которые исповедовали мусульманство. Воспоминания об имаме Шамиле и его имамате там были достаточно свежи и, как показала Гражданская война в России, приверженцев их находилось немало. Окажись турецкие войска за Главным Кавказским хребтом, на Тереке, а потом и на Кубани, они отсекли бы от метрополии одну из основных российских житниц.

Стамбул и Берлин обнадёживало то, что подобный опыт «джихада» у них уже имелся. Речь идёт о выступлении в самом начале войны в горной Аджарии местных аджарцев-мусульман, отряды которых оказались основательно «разбавленными» турецкими жандармами.

Через Восточную Персию (её провинцию Хорасан) и Афганистан можно было совершить поход на Туркестан, азиатское владение Российской империи, местное население которого тоже исповедовало ислам. То есть идеи пантюркизма в Турции строились её военным министром Энвер-пашой относительно северного соседа не на пустом месте, не на песке.

Чтобы пресечь такую стратегическую диверсию, в русской Ставке Верховного главнокомандующего принимается решение сформировать экспедиционный кавалерийский корпус и ввести его на территорию нейтральной Персии. Его командующим назначается генерал-лейтенант Н. Н. Баратов. Первоначально корпус состоял из двух Кавказских казачьих дивизий (кубанцы и терцы). Всего — около 14 тысяч человек при 38 орудиях.

Юденич и Баратов блестяще осуществили ввод корпуса в Персию. Неприятель был дезинформирован всеми возможными средствами. Казачьи дивизии, сосредоточившись близ Баку, были переброшены по Каспию в иранский порт Энзели. Всего высаживалось 39 казачьих сотен, три батальона пехоты и 20 орудий. Остальные войска входили на сопредельную территорию по суше.

Сосредоточившись в Казвине, экспедиционные войска двумя походными колоннами, обходя столичный Тегеран, быстро двинулись на города Кум и Хамадан. Там находились отряды шахской жандармерии под командованием прогермански настроенных шведских инструкторов и кочевые племена, на которые готовились опереться турки. Командовали здесь один из племенных вождей курдов Эмир-Наджен и немецкий разведчик лейтенант фон Рихтер.

Баратов действовал самым решительным образом: жандармерия была разоружена, а кочевые племена под угрозой применения оружия рассеялись, не помышляя о сопротивлении. Разоружённых и безлошадных кочевников распустили по домам. Трофеями казаков стали 22 устаревших орудия, некоторые из которых стреляли… ядрами.

Немало германской и турецкой агентуры поспешило ради своего спасения перейти границу в горах Курдистана. Больших вооружённых столкновений в той операции не случилось. Далекоидущие планы Энвер-паши рухнули, как говорится, в одночасье.

Совместно с английскими войсками Баратов установил на иранской территории подвижную завесу из казачьей конницы по линии Бирджан — Систан — Оманский залив. Таким образом, протурецки настроенным кочевым племенам и диверсионным отрядам германской ориентации преграждался путь в восточную часть Персии, к границам с российским Туркестаном (Средней Азией) и Афганистаном. Преграда оказалась достаточно эффективной.

Однако такая решительность в действиях русского экспедиционного корпуса пришлась английскому командованию не по вкусу. И оно отказалось здесь от дальнейших совместных союзнических действий. К тому времени турки перешли в Месопотамии (современном Ираке) в наступление и окружили немалую часть британских войск на её крайнем юге, в Кут-эль-Амаре. Лондон запросил срочной помощи.

В начале 1916 года экспедиционный корпус (около 9,8 тысяч штыков, 7,8 тысяч сабель, 24 орудия) выступил на помощь английским войскам через Керманшах. Но после получения известий о том, что войска генерала Ч. Таунсенда (10 тысяч человек) капитулировали в Кут-эль-Амаре (на крайнем юге Ирака), Баратов прекратил наступление и отошёл к северу от малярийного приграничья.

В июне того же года турецкие войска вошли на персидскую территорию и начали наступательную операцию. Экспедиционному корпусу, многие казачьи полки которого были ополовинены эпидемией малярии, пришлось отступить, оставив города Ханекин, Керманшах и Хамадан. Но наступление неприятеля было остановлено.

В феврале 1917 года Баратов перешёл в контрнаступление и успешно вернул утраченные позиции. Высланная вперёд кубанская казачья сотня вышла на территорию Месопотамии и установила с англичанами непосредственную связь. Со штабом британского главнокомандующего генерала Ф. С. Мода была

установлена радиосвязь.

Генерал от инфантерии Н. Н. Юденич, который с образованием в 1917 году Кавказского фронта стал его главнокомандующим, задумывал преобразовать русский экспедиционный корпус в отдельную армию, поставив во главе её Баратова. Но такому плану не суждено было сбыться. Однако корпусной начальник права командующего армией всё же получил.

На протяжении всей Первой мировой войны Стамбулу и Берлину так и не удалось совершить стратегическую диверсию против России на Кавказе и в Туркестане. Немалая личная заслуга в этом принадлежала терскому казаку в чине генерала от кавалерии Николаю Николаевичу Баратову. Свой последний чин он получил 8 июля 1917 года от Временного правительства.

…После заключения Советской Россией сепаратного мирного договора в Брест-Литовске русская армия и вместе с нею Кавказский фронт перестали существовать. 10 июля 1918 года Баратов подписал свой последний приказ по экспедиционному (Кавказскому кавалерийскому) корпусу — о его расформировании.

После этих событий Баратов пять месяцев жил в Индии, после чего примкнул к Белому движению. Представлял деникинскую Добровольческую армию при меньшевистском правительстве Грузии. 13 сентября 1919 года в Тифлисе террорист бросил в проезжающего в машине генерала бомбу. В результате ранения Баратову была ампутирована нога.

В марте — апреле 1920 года он занимал пост министра иностранных дел Южно-Русского правительства. Оказавшись в белой эмиграции, Николай Николаевич по поручению П. Н. Врангеля занимался вопросами оказания помощи русским военным инвалидам. Стал одним из организаторов Союза инвалидов. С 1927 года — председатель Главного правления комитета «Для русского инвалида», работавшего в Париже.

После этого генерал от кавалерии Баратов до самой смерти занимал пост председателя Зарубежного союза русских инвалидов. Одновременно являлся главным редактором газеты «Русский инвалид» и председателем Союза офицеров Кавказской армии. Умер в Париже.

Константин Константинович Мамантов (1869–1920)

Генерал-лейтенант. Один из руководителей Белого движения на Дону в годы Гражданской войны

В советской историографии этот человек проходит под фамилией Мамонтова. Но на самом деле его настоящая фамилия произносится через второе «а», как Мамантов. Всё дело в том, что председатель Реввоенсовета Л. Д. Троцкий в своих приказах сознательно искажал фамилии «белобандитов». Позднее это написание сохранилось.

К. К. Мамантов родился в семье офицера лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка. Происходил из старинного дворянского рода, но семейные доходы были небольшими. В 1888 году закончил Константиновский кадетский корпус, а ещё через два года — столичное Николаевское кавалерийское училище. Был выпущен корнетом в лейб-гвардии Конно-Гренадерский полк.

И во время учёбы, и с началом службы Константин Мамантов отличался не только высоким ростом и незаурядной внешностью, но и готовностью отстаивать свою честь и свои убеждения. За дуэль в мае 1893 года был отчислен из гвардии и переведён армейским поручиком в 11-й драгунский Харьковский полк.

В 1896 году Мамантов получает чин штаб-ротмистра. Однако через два года «за вольный характер» был вынужден выйти в отставку с зачислением в запас по армейской кавалерии.

…Однако расставаться с военной карьерой Константин Мамантов не пожелал и потому «подался в казаки». В 1899 году «по особому ходатайству» он зачисляется «в комплект Донских казачьих полков». Служба продолжается в 3-м Донском казачьем Ермака Тимофеевича полку, который был расквартирован в городе Вильно (ныне Вильнюс). Теперь его чин — подъесаул.

Поскольку недавний гвардеец стал казачьим офицером, то он причисляется к казачьему сословию. То есть становится приписным казаком станицы Усть-Хопёрской 1-го Донского округа Войска Донского.

В казачьем полку служба у Мамантова ладилась. В 1901 году он производится в есаулы. С началом Русско-японской войны

подаёт прошение о переводе его в действующую армию, то есть в Маньчжурию.

Просьба была удовлетворена. Донской офицер зачисляется в ряды 1-го Читинского полка Забайкальского казачьего войска, с которым Константин Мамантов прошёл всю войну.

Забайкальцы-читинцы в Маньчжурии отличались не раз, особенно в рейдах русской конницы под начальством генерала Мищенко. Именно под его знамёнами Мамантов, будущий белоказачий предводитель, увидел эффективность манёвренных действий больших конных групп.

На Японской войне доброволец удостаивается трёх орденов и наградного Анненского оружия — шашки. После войны, в 1908 году, он производится в войсковые старшины и принимает командование сотней в своём 3-м Донском казачьем полку. Затем переводится в 1-й Донской казачий полк, размешавшийся в Москве.

Первую мировую войну Мамантов встретил командиром первоочередного 19-го Донского казачьего полка, входившего в состав 4-й Донской казачьей дивизии. Затем он переводится командиром 6-го Донского генерала Краснощёкова полка и получает чин полковника.

События февраля и октября 1917 года казачьим офицером были восприняты отрицательно. Однако это не помешало ему в том же году стать командиром бригады в 6-й Донской казачьей дивизии. В конце года он в её составе прибыл на Дон, в станицу Нижне-Чирскую.

С началом Гражданской войны полковник Мамантов встаёт в рады Белого движения. Он формирует в станице Нижнечирской партизанский отряд, в своём большинстве из казаков-фронтовиков, и во главе его выступает в «Степной поход» под командованием походного атамана войска генерала П. Х. Попова.

Первым боем для полковника Мамантова в Гражданской войне стал рейд на станицу Платовскую для разгрома отряда местных крестьян-красногвардейцев, которым командовали Будённый и Думенко. Из местных калмыков были сформированы конные сотни, которые пополнили мамантовский, в основном пеший, партизанский отряд.

В начале апреля 1918 года во время Общедонского восстания вернулся со своим отрядом в Нижне-Чирскую. Из неё выступил на помощь восставшим против советской власти станицам 2-го Донского округа. Звание генерал-майора он получил в том же апреле месяце.

Начались упорные бои. В июне после наступления по линии железной дороги Лихая — Царицын Мамантов выходит к Волге, к

Царицыну. За успехи он назначается генералом Красновым командующим белоказачьими войсками (конной группой Донской армии) на Царицынском направлении. В период весеннего наступления 1919 года уже генерал-лейтенант К. К. Мамантов назначается командиром дивизии.

В июне 1919 года он становится командиром 4-го Донского корпуса. Ему даётся задача: выйти в тыл 8-й Красной армии и, заняв Лиски, способствовать окружению ударной группы советских войск под командованием Селивачёва, состоявшей из дивизий 8-й и 13-й Красных армий. В рейд уходила конная группа в 9 тысяч шашек при 20 орудиях.

Фронт противника был прорван у Елань-Колена 28 июля. Однако Мамантов уклонился от исполнения полученной им директивы командования Вооружённых сил Юга России и начал собственный, глубокий рейд по тылам красных. Белоказачья конница последовательно занимает города Тамбов, Козлов, Лебедянь, Елец. По пути разрушаются железные дороги, уничтожаются различные склады, захватывается огромное количество боеприпасов и военного снаряжения. На станции Пушкари взрываются склады, на которых хранилось 200 тысяч артиллерийских снарядов.

4-й Донской корпус по пути сбивает все вставшие перед ним заслоны. Генерал Мамантов включает в свой конный корпус перешедшую на его сторону Тульскую дивизию, а многочисленных пленных красноармейцев распускает «по домам». Белая конница доходит до города Ранненбурга Рязанской губернии.

Обременённый огромными обозами с захваченным добром, корпус не смог двинуться дальше на запад, на пересечение железной дороги Курск — Орёл — Тула — Москва. Именно этого больше всего боялось красное командование. Мамантов поворачивает на юг, занимает Воронеж и южнее его соединяется с 3-м Кубанским корпусом генерала Шкуро.

Специалисты считают, что глубокий рейд белоказачьей конницы мог бы достичь гораздо большего, стратегического успеха, если бы Мамантов сумел сохранить манёвренность своих сил. А. И. Деникин в «Очерках Русской Смуты» писал следующее:

«Мамантов сделал большое дело… но мог сделать несравненно больше: использовав исключительно благоприятную обстановку нахождения в тылу большевиков конной массы и сохранив от развала свой корпус, искать не добычи, а разгрома живой силы противника…»

…После выхода из 40-дневного рейда, Мамантов распускает часть своих казаков по домам в отпуск. Войсковой круг Дона

постановил наградить генерала почётным оружием — серебряной шашкой.

Роспуск части корпуса незамедлительно сказался в ходе решающих боёв в районе Воронеж — Касторная. Полки Мамантова оказались далеко не в полном составе. 4-й Донской корпус был разгромленным красной конницей С. М. Будённого. Понесённое поражение привело к началу отступления деникинских войск на юг, хотя ожесточённые бои не прекращались.

Когда в конце ноября 1919 года генерал Врангель вступил в командование Белой армией, он назначил генерала Улагая командовать конной группой, а Мамантова отрешил от должности за «преступное бездействие».

В середине января 1920 года низложенный генерал прибыл в город Екатеринодар, где проходило заседание Верховного круга Дона, Кубани и Терека. Там он заболел тифом и умер.

Пётр Николаевич Краснов (1869–1947)

Генерал от кавалерии. Войсковой атаман Донского казачьего войска. Известнейший писатель белой эмиграции

Отцом человека, имя которого пользовалось известностью в двух мировых войнах, был генерал-лейтенант Н. И. Краснов, автор известных в своё время трудов по истории и географии Области Войска Донского. Родился в Санкт-Петербурге (его отец служил в Главном управлении Казачьих войск). Записан был Краснов-младший казаком станицы Вёшенской (по другим данным — Каргинской).

Сперва Пётр Краснов закончил столичный Александровский кадетский корпус. Затем в 18 лет поступил в 1-е Павловское военное училище, из которого выпустился в 1889 году хорунжим в лейб-гвардии Атаманский Наследника Цесаревича полк (первоначально состоял в комплекте Донских казачьих полков). В 1893–1894 годах прошёл курс академического образования.

В 1897–1898 годах исполнял должность начальника казачьего конвоя при русской дипломатической миссии в Эфиопии. За джигитовку донских казаков император Менелик II наградил сотника Краснова офицерским крестом Эфиопской звезды 3-й степени.

Много лет находясь на должности полкового адъютанта в полку донской казачьей гвардии, Краснов рано проявил писательский талант, который в его многочисленных литературных произведениях несомненен. В молодости он начал сотрудничать в ряде изданий, в частности в «Русском инвалиде». Это принесло ему известность, в том числе и в казачьих кругах.

К числу его наиболее известных военно-исторических работ, увидевших свет к началу Первой мировой войны, относятся такие, как «Краткий очерк истории лейб-гвардии Его императорского Высочества Наследника Цесаревича Атаманского полка», «Русско-японская война» в двух томах, «Донцы и Платов в 1812 году», ряд других произведений.

Как военный корреспондент «Русского инвалида», Пётр Краснов участвовал в Китайском походе 1900–1901 года, когда русские войска в составе международного корпуса, основу которого составляли японские военные, принимал участие в

подавлении Ихэтуаньского («Боксёрского») восстания в Китае, во взятии Пекина.

Участвовал гвардейский казачий офицер и в Русско-японской войне 1904–1905 годов, не раз отличался на полях Маньчжурии, где ему довелось командовать казаками-забайкальцами. Наградой стали боевые ордена Святых Анны и Владимира 4-х степеней.

В 1906–1907 годах Краснов командовал 3-й сотней в лейб-гвардии Атаманском полку. После этого учился в специализированной Офицерской кавалерийской школе. После окончания был оставлен там преподавателем. Был начальником казачьего отдела школы.

С 1910 года полковник П. Н. Краснов — командир 1-го Сибирского атамана Ермака Тимофеевича казачьего полка, стоявшего на китайской границе в Джаркенте. С 1913 года — командир 10-го Донского генерала Луковкина казачьего полка (квартировал в городе Замостье Царства Польского), с которым вступил в Первую мировую войну.

В той войне Краснов показал себя способным кавалерийским военачальником. Об этом лучше всего свидетельствует его служебная карьера. После полковой службы стал командиром бригады 1-й Донской казачьей дивизии. Затем стал (последовательно): командиром 3-й бригады Кавказской Туземной конной дивизии, командующим 2-й Сводной казачьей дивизии, 1-й Кубанской казачьей дивизии. В августе 1917 года назначается командиром 3-м конного (кавалерийского) корпуса вместо застрелившегося генерала Крымова.

В состав этого корпуса входили три казачьи дивизии: Уссурийская генерал-майора Губина, Кавказская генерал-майора Багратиона и 1-я Донская генерал-майора Грекова с дивизионной конной артиллерией. 3-й конный корпус распропагандирован не был, в нём соблюдалась воинская дисциплина и организованность.

В мае 1917 года Краснов был арестован революционными солдатами на прифронтовой железнодорожной станции и отправлен в армейский комитет в город Минск. Был освобождён по требованию временно исполняющего обязанности Верховного главнокомандующего (заболевший генерал Алексеев уехал на лечение в Крым) генерала Гурко.

Генерал-майором стал в ноябре 1914 года. Дивизии, которыми командовал Краснов, не раз отмечались в приказах командующих армиями и главнокомандующими армиями фронтов. За личное мужество и успешное выполнение боевых задач был награждён Георгиевским оружием с надписью «За храбрость».

30 декабря 1915 года генерал-майор П. Н. Краснов удостоился ордена Святого Георгия 4-й степени. Его он получил за боевые операции в мае того года на реке Днестр, когда был бригадным командиром Кавказской Туземной конной дивизии.

Краснов в годы мировой войны показал себя видным теоретиком кавалерийского дела. Так, он направил в штаб походного атамана при Верховном главнокомандующем России ряд разработанных им документов о совершенствовании боевого применения кавалерии русской армии, в том числе казачьих дивизий и бригад.

Одним из первых в России выдвинул идею реформирования конницы в соответствии с требованиями современной войны. Он предложил разделить её на стратегическую и армейскую. То есть речь шла о создании конных армий и проведении глубоких рейдов по неприятельским тылам. Эта идея была в некоторой мере реализована в ходе Гражданской войны.

…В силу ряда обстоятельств, командир 3-го конного корпуса оказался одним из главных действующих лиц Октябрьских событий 1917 года. Он выполнил приказ главы Временного правительства А. Ф. Керенского о выступлении на Петроград. Попытка взять миллионный город со взбунтовавшимся гарнизоном в 300 тысяч человек несколькими тысячами конников выглядела откровенной авантюрой. Тем более что к Петрограду подошло всего около девяти неполных сотен 1-й Донской и Уссурийской казачьих дивизий с 18 конными орудиями, одним броневиком и одним бронепоездом. С этими силами генерал-майор Краснов начал наступление на Петроград в районе села Пулково.

Войска Краснова были разбиты в многочасовом бою 30 октября на Пулковских высотах отрядами питерских красногвардейцев и революционных балтийских матросов, которыми командовал левый эсер подполковник М. А. Муравьёв. Перед этим около 20 тысяч мобилизованных людей, посланных на рытьё окопов, в считанные дни создали оборонительный рубеж «Залив — Нева». К тому же казаки не горели желанием сражаться за «временных» министров.

Так в отечественной (советской) истории появился термин: контрреволюционный мятеж Керенского — Краснова в октябре 1917 года.

Бой на Пулковских высотах закончился переговорами в Красном Селе. Они закончились согласием на уход казаков по домам с лошадьми и оружием. Корпусной командир был арестован и доставлен в Петроград, в Смольный. После допроса его отпустили под честное слово русского офицера не выступать

больше против советской власти. Глава Временного правительства Керенский же удачно бежал из-под Петрограда.

Краснов уехал на Дон, где до апреля 1918 года проживал в станице Константиновской, внимательно следя за развитием событий в Гражданской войне. Для донского казачества он являлся авторитетным военачальником с немалыми боевыми заслугами.

16 мая 1918 года на войсковом круге, собравшемся в Новочеркасске, Пётр Николаевич Краснов был избран атаманом Войска Донского (Главнокомандующим белоказачьей Донской армии и Правителем Дона).

При его участии в Области Войска Донского была ликвидирована советская власть. Созданная им Донская армия стала частью белых Вооружённых сил Юга России во главе с генералом А. И. Деникиным. При создании Донской армии Краснов опирался на помощь германского оккупационного командования, которое передало ему часть трофейного вооружения, снаряжения и боеприпасов.

В августе 1918 года выступал организатором «Доно-Кавказского союза» под эгидой германского командования с целью добиться признания Берлином Войска Донского как самостоятельного государства. В дальнейшем планировал соединение его с другими казачьими областями России.

Красновское письмо об этом кайзеру Вильгельму было опубликовано в одной из газет Екатеринодара. Это вызвало резкую критику «автономиста» Краснова со стороны Деникина и других лидеров белого добровольчества. Итогом их противоречий стал уход атамана в отставку. Вместо него атаманом Войска Донского войсковым кругом был избран генерал-лейтенант А. П. Богаевский. Всё же считается, что основной причиной смены атамана стали поражения белоказачьей армии на фронте.

После этого события Краснов оказался в рядах Белой Северо-Западной армии, в штабе генерала от инфантерии Н. Н. Юденича. Как известный литератор, он ведал вопросами пропаганды. В январе 1920 года был военным представителем в Эстонии, участвовал в переговорах с её правительством.

В эмиграции П. Н. Краснов жил в Париже и Берлине (в Германии прожил 25 лет). Сотрудничал с РОВС, руководил курсом «Военная психология». Продолжал активно заниматься писательским трудом. В эмигрантские годы им были написаны книги «На внутреннем фронте», роман «От двуглавого орла к красному знамени» (переведён на 15 языков), «Тихие подвижники», «Всё проходит», «Опавшие листья», «Понять — простить», «Единая, Неделимая» и многие другие литературные

произведения, которые спустя полвека после смерти автора были опубликованы и на его родине.

По количеству созданных литературных произведений за пределами Отечества, по их популярности и переводимости, П. Н. Краснов считается крупнейшим писателем белой эмиграции. Ему в этом уступают в свой эмигрантский отрезок жизни даже такие известные писатели, как Куприн и Алексей Толстой. Данный несомненный факт сегодня нельзя не признать.

Своё сотрудничество с германским командованием гитлеровской Германии Краснов (в отличие от подавляющего большинства белоэмигрантов) начал с 1936 года. В 1941 году он приветствовал нападение Германии и её союзников на СССР. Участвовал в работе казачьего отдела Министерства восточных оккупированных территорий.

Осенью 1942 года приезжал на Дон для организации «добровольческих казачьих отрядов» в составе вермахта. С марта 1944 года Пётр Краснов — начальник Главного управления казачьих войск при Верховном командовании сухопутных войск, руководил организацией Казачьего стана на оккупированной территории и в Северной Италии. Поэтому следует признать и тот факт, что Краснов воевал против собственного Отечества в лице Советского Союза и советского народа. Однако, говоря словами великого французского писателя Виктора Гюго, нельзя быть героем, воюя против собственного Отечества.

После войны Краснов был интернирован англичанами в Австрию и вместе с другими казаками выдан советскому командованию в городе Юденбурге. Казнён (повешен) по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР 16 января 1947 года в Москве.

…Во что же верил Пётр Николаевич Краснов, боевой генерал, донской атаман и писатель, казнённый за то, что «проводил против Советского Союза шпионско-диверсионную и террористическую работу» (так говорилось в информационном сообщении в газете «Правда» от 17 января 1947 года)?

Лучше всего, думается, ответят на такой вопрос слова самого человека, о котором идёт речь. Краснов в «Казачьем альманахе» за 1939 год, выходившем в Париже, писал о своей сокровенной мечте:

«И верю я, что, когда начнёт рассеиваться уже не утренний туман, но туман исторический, туман международный, когда прояснеют мозги задурённых ложью народов, и русский народ пойдёт в „последний и решительный“ бой с третьим интернационалом и будет та нерешительность, когда идут первые цепи туманным утром в неизвестность — верю я — увидят

Русские полки за редеющей завесой исторического тумана родные и дорогие тени лёгких казачьих коней, всадников, будто парящих над конскими спинами, подавшихся вперёд, и узнает Русский народ с величайшим ликованием, что уже сбросили тяжкое иго казаки, уже свободны они и готовы свободными вновь исполнять свой тяжёлый долг передовой службы — чтобы, как всегда, как в старину, одиннадцатью крупными жемчужинами казачьих войск и тремя ядрышками бурмицкого зерна городовых полков вновь заблистать в дивной короне Имперской России».

Лавр Георгиевич Корнилов (1870–1918)

Генерал от инфантерии. Верховный главнокомандующий России (июль — август 1917 года) в Первой мировой войне 1914–1918 годов

Родился первый вождь белого воинства в семье отставного хорунжего станицы Каркаралинской Сибирского казачьего войска в небольшом тогда городке Усть-Каменогорске (ныне Казахстан).

Отец Егор Корнилов был служилым сибирским казаком с Горькой линии на Иртыше. Он прослужил на коне четверть века и сумел получить первый офицерский чин хорунжего. Выйдя в отставку, он поселился в Каркаралинской, став писарем волостной управы. Мать была простой казашкой из кочевого рода аргын.

После окончания Гражданской войны долго писалось, что белый вождь Корнилов происходил из семьи царского чиновника, замалчивая его казачье происхождение.

Лавр Корнилов получил другое написание отчества тогда, когда в его офицерском послужном списке кто-то из старших начальников заменил простонародным «Егорович» на более благозвучное «Георгиевич».

Отцу с его положением чиновниках класса по Табелю о рангах с большими трудами удалось устроить сына в Омский кадетский корпус. Лавр Корнилов рано понял, что в жизни ему придётся пробиваться вперёд самому. И потомственный сибирский казак закончил корпус с наивысшим баллом среди однокашников, а потому имел право выбора училища.

Он выбрал Михайловское артиллерийское училище. Отец, отставной казачий хорунжий, подарил ему вместе с напутственным словом книгу «Собрание писем старого офицера своему сыну», на титульном листе которой чётко подписал: «Кому деньги дороже чести — тот отставь службу. Пётр Великий». Эти слова стали жизненным девизом Лавра Георгиевича до его последнего дня.

…Михайловское артиллерийское училище он закончил в 1892 году, и тогда же подпоручиком начал армейскую службу в Туркестанской артиллерийской бригаде. Через три года, став уже поручиком, Корнилов сдал экзамены в Николаевскую академию

Генерального штаба, из которой выпустился в 1898 году в числе первых с малой серебряной медалью и чином капитана досрочно.

Корнилов выбрал для своей новой службы Туркестанский военный округ. Он начал работать в разведывательном отделе его штаба. Первой его заграничной командировкой стал Афганистан, откуда Лавр Георгиевич вернулся с чертежами крепости Дейдани, которую англичане устроили вблизи границ России. Затем последовали командировки в Восточную Персию и китайскую Кашгарию. Успешно действовать разведчику помогало знание нескольких восточных языков.

…С начала Русско-японской войны Корнилов оказывается в Маньчжурии старшим офицером штаба 1-й стрелковой бригады. Здесь он совершает подвиг, за который был награждён орденом Святого Георгия 4-й степени. Дело обстояло так.

Во время сражения под Мукденом, когда русская армия дезорганизованно отступала, под угрозой полного окружения оказались три арьергардных полка — 1-й, 2-й и 3-й стрелковые. Корнилов возглавил их и вывел из окружения, прорвав вражеское кольцо ударом в штыки. При этом он проявил бесстрашие и командирскую распорядительность. Вместе с корниловскими стрелками из окружения вырвался и ряд других частей.

После Японской войны полковник Л. Г. Корнилов — военный агент (атташе) в Китае, в Пекине. Четыре года он опять работал на военную разведку российского Генерального штаба.

Затем он назначается командиром 2-го отряда Заамурского корпуса пограничной стражи, охранявшего Китайскую Восточную железную дорогу (КВЖД) и промышленные предприятия в её зоне. Отряд состоял из двух пехотных и трёх конных полков. Почти одновременно с назначением Корнилов получил чин генерал-майора.

В феврале 1914 года генерал-майора Корнилов принял под своё командование 1-ю бригаду 9-й Сибирской стрелковой дивизии, расквартированную на острове Русский в морской крепости Владивосток…

С началом Первой мировой войны он по мобилизации попал на фронт. Получил в командование 48-ю «Стальную» пехотную дивизию, которая в русской армии называлась ещё и «Суворовская». Об этом говорили исторические названия её полков: 189-й Измаильский, 190-й Очаковский, 191-й Ларго-Кагульский и 192-й Рымникский. Дивизия входила в состав брусиловской 8-й армии.

Начавшиеся ожесточённые бои позволили Корнилову проявить волю и умение командовать дивизией. В боях под городом Миколаевым ему пришлось выводить свои полки из

окружения: сомкнувшееся кольцо австрийских войск он прорывал штыковой атакой последнего дивизионного резерва силой в один пехотный батальон. Генерал лично повёл его в рукопашный бой.

Во время зимних боёв 1914 годов в Карпатских горах, когда шла Галицийская битва, «Стальная» дивизия оказалась в числе отличившихся. Её командир получает чин генерал-лейтенанта. Его имя стало известно на Русском фронте Первой мировой войны. Генерал А. А. Брусилов в своих воспоминаниях писал о нём следующее:

«Странное дело, генерал Корнилов свою дивизию никогда не жалел, во всех боях, в которых она участвовала под его начальством, она несла ужасающие потери, а между тем солдаты и офицеры его любили и ему верили…

Правда, он и сам себя не жалел, лично был храбр и лез вперёд очертя голову…»

В апрельских боях 1915 года 48-я дивизия, вырвавшаяся в ходе наступления в Карпатах, у Дуклинского перевала попала в окружение австро-венгерских и германских войск. Вырваться из кольца удалось только одному 191-му Ларго-Кагульскому полку и батальону 190-го Очаковского полка. Но они вынесли с собой все знамёна дивизии, что давало право её восстановить под прежним названием.

Дивизионный начальник, раненый в руку и ногу, попал в плен. В июле 1916 года Лавру Георгиевичу, переодевшемуся в форму австрийского солдата, с помощью военного фельдшера чеха Ф. Мрняка, которому было обещано 20 тысяч золотых крон, удалось бежать из лагерной больницы через территорию Венгрии в Румынию, а оттуда возвратиться в Россию.

В германском и австрийском плену в годы войны находилось более 60 русских генералов, а бежать удалось только одному Корнилову, хотя попытки вырваться из плена совершались и другими людьми. Император Николай II пожаловал генерал-лейтенанту Л. Г. Корнилову орден Святого Георгия 3-й степени. В наградном приказе говорилось:

«За то, что во время упорного сражения в Карпатах на реке Дукле 24 апреля 1915 года, когда командуемая им дивизия была окружена со всех сторон превосходным в силах противником, отважно пробивался по трупам заграждавшего дорогу неприятеля, чем дал возможность частям дивизии присоединиться к войскам своего корпуса».

Генерал, бежавший из плена, стал знаменит в стране, которая вела большую войну. После этого начался стремительный взлёт Корнилова по служебной лестнице: командир 25-го стрелкового корпуса; командующий Петроградским военным округом (в марте

1917 года по распоряжению Керенского арестовал в Царском Селе императрицу Марию Фёдоровну); командующий брусиловской 8-й армией; главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта.

На всех этих постах Лавр Георгиевич стремился сохранить в условиях нарастающей революционности сохранить боеспособность и организованность войск, поддержать воинскую дисциплину в частях, ограничить деятельность солдатских комитетов и комиссаров Временного правительства.

Глава кабинета министров А. Ф. Керенский, видя, что власть уходит из его рук к Советам, решил назначить популярного в России генерала от инфантерии Корнилова с «трудовой, казачьей родословной» Верховным главнокомандующим и тем самым поправить дела на фронте. Такое решение состоялось 19 июля 1917 года. Так сибирский казак оказался во главе вооружённых сил России в Первой мировой войне. В газетах его называли «первым солдатом революции».

Однако уже вскоре Лавр Георгиевич убедился в полной несостоятельности Временного правительства. В конце августа он предпринял попытку создания Петроградской Отдельной армии, чтобы навести порядок в разложившемся столичном гарнизоне и хоть как-то изолировать Кронштадт, который уже давно подчинялся только решениям своего Центробалта.

Участниками этой акции вместе с ним оказались премьер Керенский и военный министр, он же недавний эсер-террорист Борис Савинков. Но в решающую минуту они «ушли в сторону», а Керенский объявил Верховного главнокомандующего «мятежником».

Корнилов со своими ближайшими помощниками и соратниками, среди которых были генералы Деникин, Лукомский, Марков, Эрдели и Романовский, оказался в Быховской тюрьме под следствием. Керенский же таким тактическим «ходом» политика сумел продлить существование своего правительства «временных» на два месяца. Заключённых охраняли солдаты Георгиевского батальона и лично преданный Корнилову Текинский конный полк из всадников туркменского племени теке.

После Октября стало ясно, что новая власть готовит расправу над быховскими заключёнными. Бывший Верховный главнокомандующий бежит из тюрьмы под охраной Текинского полка на Дон. В пути текинцы попадают в засаду и лишаются возможности двигаться дальше. Корнилов, переодетый в крестьянскую одежду, с подложным паспортом следует дальше один и в конце декабря 1917 года прибывает в Новочеркасск…

В столице Войска Донского «под крышей» атамана Каледина шло формирование белых добровольческих частей другим

Верховным главнокомандующим России — генералом от инфантерии М. В. Алексеевым. Добровольцев — офицеров, юнкеров, солдат-ударников, гимназистов старших классов — уже набиралось около трёхсот человек.

Корнилов вместе с Алексеевым начинают формировать Добровольческую армию. 27 декабря Лавр Георгиевич становится её командующим, а Алексеев — Верховным руководителем. Пополнение армейских рядов вскоре стало умаляться: Советы установили жёсткий контроль над железнодорожными станциями. Расправа с враждебно классовыми элементами в то время была короткой.

Но время от времени в Новочеркасск прибывали большие группы белых добровольцев. Это были: Славянский Корниловский ударный полк подполковника Нежинцева (500 штыков и 50 офицеров), костяк Георгиевского полка, формировавшегося в Киеве, юнкера киевских военных училищ, старшекурсники столичных Михайловского и Константиновского артиллерийских училищ.

Оружием, провиантом, снаряжением много помогал донской атаман Каледин. Оружие отбиралось у демобилизованных солдат, проезжавших по железной дороге, захватывалось у красных. Покупалось у всех, кто владел им и желал продать.

Когда кольцо красных войск сомкнулось вокруг Дона, а атаман Каледин застрелился, Добровольческая армия выступила из Ростова в поход на Кубань, по сути дела, выходя из окружения. Из 3700 её бойцов почти две трети были офицерами-фронтовиками. Поход вошёл в историю как 1-й Кубанский (Ледяной). Начинался он под знамёнами не «представителя буржуазно-помещичьего класса», а сына простого крестьянина-казака, как себя называл Корнилов.

На Кубани начались беспрерывные бои с красными войсками, которыми командовали бывший хорунжий Автономов и бывший есаул Сорокин. Тяжёлые бои проходят у села Выселки, станиц Кореновской и Усть-Лабинской. У черкесского аула Шенджий состоялось соединение с кубанскими белыми добровольцами бывшего военного лётчика В. Л. Покровского.

Корнилов принимает решение штурмовать город Екатеринодар. Добровольческая армия при полном неравенстве сил три дня, неся тяжёлые потери в людях, пыталась взять столицу Кубанской области.

Утром 31 марта (13 апреля) артиллерийский снаряд, разорвавшийся в небольшом штабном домике, лишил Добровольческую армию его командующего. Человека, который в самом начале Гражданской войны на необъятных просторах

России возглавил Белое дело, не стало.

Фёдор Васильевич Токарев (1871–1968)

Подъесаул. Конструктор стрелкового оружия

Родился в станице Егорлыкской Области Войска Донского (ныне Ростовская область) в простой, трудовой казачьей семье. С детства тянулся к кузнечному делу. Обучался в слесарной школе, работал подмастерьем у станичного кузнеца.

Узнав о том, что в войсковой столице Новочеркасске открывается четырёхлетняя военно-ремесленная школа, которая готовила мастеров по ремонту стрелкового оружия, Фёдор Токарев поступает в неё, успешно сдав вступительные экзамены. Школу он закончил в 1891 году.

Ему повезло в том, что одним из преподавателей был требовательный учитель, лучший оружейник Дона, конструктор казачьей винтовки образца 1860 года урядник А. Е. Чернолихов. Именно он предсказал большое будущее своему талантливому ученику Токареву. И не ошибся в его дальнейшей судьбе — ученик во многом превзошёл своего маститого учителя.

После окончания оружейного отделения Новочеркасской военно-ремесленной школы Фёдор Токарев призывается на действительную службу. Он проходит её в чине старшего урядника оружейным мастером в 12-м Донском казачьем полку, который нёс службу на границе с Австро-Венгрией.

Неся пограничную службу, донской умелец всячески шлифовал свою «железную» профессию. Так, в свободное от полковой жизни время он научился у местного ювелира тонкостям работы по пайке, инкрустации и гравировке различных металлов.

Тяга к знаниям у него была всегда. Он поступает в Новочеркасское казачье юнкерское училище, которое заканчивает в 1900 году. Выпущенный из его стен с офицерским званием подхорунжего, Токарев возвращается в свой 12-й Донской казачий полк на должность заведующего оружия полка, то есть полковым оружейником.

…Конструкторской деятельностью Ф. В. Токарев увлёкся и стал заниматься в 1907 году, во время обучения в специализированной Офицерской стрелковой школе, которая размещалась под Санкт-Петербургом, в Ораниенбауме (ныне

город Ломоносов).

Здесь донской подъесаул Токарев и создал первый образец автоматической винтовки на основе магазинной трёхлинейной винтовки замечательного русского оружейного конструктора С. И. Мосина, то есть на базе знаменитой «трёхлинейки» образца 1891 года. Испытания первого образца нового стрелкового оружия прошли успешно.

Казачьему офицеру приходится стать оружейником-конструктором. В течение 1908–1914 годов Токарев упорно совершенствует своё «детище» на Сестрорецком оружейном заводе.

Начавшаяся Первая мировая война оторвала Фёдора Васильевича от конструкторской деятельности. Подъесаула мобилизовывают на фронт, где он воюет командиром взвода и сотни в рядах всё того же 12-го Донского казачьего полка.

Но воюющей России, действующей русской армии требовалось всё больше оружия, и желательно — новых образцов. В 1916 году Артиллерийское управление Военного министерства возвращает казачьего офицера с несомненным талантом оружейника-конструктора на Сестрорецкий оружейный завод. Там его хорошо знали…

Токарев принял советскую власть и начал работать на оборону молодой Республики Советов. С 1921 года он трудится на Тульском оружейном заводе. На нём он возглавил конструкторское бюро, то есть стал заниматься давно любимым делом.

Успехи в его оружейном творчестве были несомненны. В 1925 году на вооружение Красной армии принимается ручной пулемёт М-Т, переделанный конструктором из станкового пулемёта «Максим».

В течение последующих пятнадцати лет тульский конструктор-оружейник Ф. В. Токарев разработал несколько известных образцов отечественного стрелкового оружия. Это были:

• первый отечественный пистолет-автомат (автомат) под револьверный патрон, который появился на свет в 1927 году;

• самозарядный пистолет — знаменитый ТТ, принятый на вооружение в 1930 году;

• самозарядная винтовка СВТ-38 (то есть образца 1938 года) и её модернизированный, на основе опыта применения в Советско-финской войне, вариант СВТ-40.

На базе последней самозарядной винтовки образца 1940 года создаются снайперская и автоматическая винтовки АВТ-40, которые нашли широкое применение в Отечественной войне

1941–1945 годов.

Заслуги конструктора стрелкового оружия Фёдора Васильевича Токарева в Советском Союзе были оценены очень высоко. В 1940 году он стал третьим человеком, которому было присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда. Первыми были И. В. Сталин (Джугашвили) и другой прославленный оружейный конструктор, старый товарищ Токарева В. А. Дегтярёв.

По ходатайству Артиллерийской академии Токареву присваивается учёная степень доктора технических наук. Она была, вне всякого сомнения, им заслуженной.

В 1940 году Фёдор Васильевич становится лауреатом Государственной премии СССР. Он избирался депутатом Верховного Совета СССР первого и второго созывов.

Среди его правительственных наград были четыре ордена Ленина, орден Суворова 2-й степени (полководческая награда!), два ордена Трудового Красного Знамени, ордена Отечественной войны 1-й степени и Красной Звезды, медали.

Герой Социалистического Труда Ф. В. Токарев занимался конструкторской деятельностью до самого преклонного возраста, уйдя из жизни в 97 лет в Москве. Похоронен же был великий мастер оружейного дела с Дона в городе Туле, который стал для него родным.

Интересен такой факт. Владея в совершенстве знаниями и навыками во всех видах металлообработки, Токарев все создаваемые им образцы стрелкового оружия изготовлял собственными руками — на различных металлорежущих станках и за слесарным верстаком. В своём дневнике он однажды записал такие строки:

«Эдисон говорил, что в каждом изобретении 98 процентов пота и крови, и только два процента подлинного таланта. Я с этим согласен. Если у меня есть какой-либо талант, то только такой».

…Следует сказать, что по стопам отца пошёл и его сын — Николай Фёдорович Токарев. Он успешно закончил Высшие инженерно-технические курсы при Тульском техническом институте. После этого трудился в различных конструкторских бюро конструктором зенитного и авиационного оружия.

В летопись советского оружейного дела Токарев-младший вошёл созданием первой в сухопутных войсках комплексной счетверённой зенитной пулемётной установки. Иностранные армии такого вида оружия тогда не имели. Эта пулемётная установка применялась в Отечественной войне для стрельбы как по воздушным, так и наземным целям.

Филипп Козьмич Миронов (1872–1921)

Войсковой старшина. Командующий 2-й Конной армией РККА

Родился на хуторе Буерак-Сенюткин Усть-Медведицкого округа Области Войска Донского (ныне Серафимовичский район Волгоградской области) в простой казачьей семье. Окончил в окружной станице Усть-Медведицкой церковно-приходскую школу и два класса местной гимназии.

Действительную службу начал в 1892 году младшим писарем в окружном управлении. Затем поступил в Новочеркасское казачье юнкерское училище, которое закончил в 1898 году. Направление получил на должность командира полусотни в 7-й Донской казачий полк. Неоднократно поощрялся командованием за боевую выучку своих казаков.

В 1901 году сотник Филипп Миронов увольняется в запас. В апреле 1903 года казаки древней станицы Распопинской избирают его своим станичным атаманом.

Когда началась Русско-японская война, сотник Миронов трижды подавал рапорт о своём желании повоевать в Маньчжурии, но всякий раз станичный атаман получал отказ. Только в июне 1904 года ему удалось попасть добровольцем на ту далёкую от тихого Дона войну. Он назначается командиром полусотни льготного 26-го Донского казачьего полка 4-й Донской казачьей дивизии.

Воевал с японцами Филипп Козьмич Миронов очень успешно. Всего за 10 (!) месяцев участия в боевых действиях он удостоился на той неудачной для Российской империи войне четырёх боевых орденов: Святого Владимира 4-й степени, Святой Анны 3-й и 4-й степеней и Святого Станислава 4-й степени.

Но уже тогда, в Маньчжурии, Миронов стал показывать свой характер правдоискателя, борца с несправедливостью. В своём выступлении на суде над ним он сказал и такие слова:

«…Когда была объявлена японская война, я был мобилизован. Там я увидел только произвол и бесчинства со стороны командующего состава. И когда начальник четвёртой казачьей дивизии генерал Телешов был посажен в арестантское отделение за бесчинства, которые им были совершены, я публично сказал командиру полка, что так и нужно поступать с начальником. Ибо

невозможно дальше терпеть тех безобразий, которые совершались в нашей армии.

За это я был отправлен в госпиталь для нервно-больных…»

В июне 1906 года подъесаул Филипп Миронов вернулся в станицу Усть-Медведицкую. Там он стал одним из инициаторов казачьего наказа в Государственную думу. Речь шла об освобождении казаков 2-й и 3-й очереди от несения полицейской службы во время революционных и аграрных беспорядков.

С этим наказом от донских казаков Миронов ездил в Санкт-Петербург, за что он оказался в опале у войсковых властей. Его больше не избирали станичным атаманом, и до самого начала Первой мировой войны он занимался хозяйством на своём земельном участке.

…В начале августа 1914 года подъесаул Филипп Миронов с его богатым маньчжурским опытом назначается командиром разведывательной сотни 30-го Донского казачьего полка. Воевал он опять выше всяких похвал. В середине 1916 года войсковой старшина Миронов становится помощником командира 32-го Донского казачьего полка.

О казачьей доблести в Первой мировой войне будущего красного командарма 2-й конной армии свидетельствуют его новые боевые награды. Это были ордена Святого Владимира 3-й степени, Святого Станислава 2-й и 3-й степеней, Святой Анны 2-й степени. И самое главная для него награда — Георгиевское оружие с надписью «За храбрость».

После февральской революции 1917 года Миронова избирают командиром 32-го Донского казачьего полка. С ним он в январе 1918 года прибыл с фронта на Дон и принял самое деятельное участие в установлении советской власти на Верхнем Дону, откуда был родом.

В первые два года Гражданской войны — 1918–1919-м — Миронов командовал красным казачьим полком, бригадой, 23-й стрелковой дивизией, группой войск 9-й армии в составе 16-й и 23-й дивизий. В декабре 1918 года был награждён орденом Красного Знамени.

Когда началось печально известное в отечественной истории «расказачивание», донской красный казак Филипп Миронов резко выступил против такой политики Москвы. Тогда приказом Реввоенсовета Советской Республики (РВСР), то есть Л. Д. Троцкого, он переводится подальше от Донской области — на Западный фронт на должность помощника командующего Белорусско-литовской, впоследствии 16-й армии. С июля 1919 года он становится членом Казачьего отдела ВЦИК.

В том же месяце ему поручается формирование Донского

казачьего кавалерийского корпуса в составе двух конных и одной пехотной дивизий. Однако его формирование шло медленно отчасти из-за того, что комиссарами в корпус были назначены лица, проводившие «расказачивание». Красные казаки питали к ним, естественно, обоснованное недоверие, если не сказать большего.

В те дни Миронов стал в своих выступлениях обвинять политработников в том, что те своими действиями провоцируют контрреволюционные выступления казаков. Естественно, что информация о том стала поступать в Москву. Политотдел корпуса предлагал прекратить формирование корпуса и докладывал в РВСР о «политическом недоверии» Миронову.

Конфликт между ним и корпусным политотделом закончился тем, что Миронов во главе недоформированного корпуса выступил на Южный фронт против белых войск генерала А. И. Деникина. Это было наказуемое своеволие в условиях Гражданской войны, и Реввоенсовет объявляет бывшего царского офицера мятежником.

Конный корпус С. М. Будённого получает приказ разоружить мироновцев, а самого корпусного командира с его ближайшими помощниками арестовать. Эти события происходили у станицы Старо-Анненской: корпус был окружён будённовцами. Приказ о сдаче оружия был исполнен без сопротивления.

В городе Балашове состоялся скорый суд над 480 (!) бойцами и командирами мироновского корпуса красных донских казаков, обвинённых в мятеже против советской власти:

«Чрезвычайный трибунал постановил:

Миронова, Буланкина, Матвиенко, Фомина, Праздникова, Данилова, Изварина, Федосова, Дронова, Корнеева, Григорьева — подвергнуть высшей мере наказания — расстрелу;

Приговорить к 10 годам тюремного заключения — 4 человека;

Приговорить к 5 годам тюремного заключения — 55 человек;

Отправить в рабоче-дисциплинарный батальон сроком на 3 года — 220 красноармейцев 1-го кавполка;

Отправить на Архангельский участок Северного фронта для службы в строю — 190 красноармейцев.

7 октября 1919 года».

Однако расстреливать популярного среди трудового казачества красного командира Филиппа Миронова было в той ситуации крайне опасно. В Москве это поняли, и ВЦИК помиловал Миронова, а Политбюро ЦК РКП(б) освободило от наказания всех мироновцев. Теперь уже бывшего командира корпуса назначают заведующим земельным отделом Донского

исполкома.

Исполнение решения о расстреле 11 красных командиров было приостановлено после получения шифрованной телеграммы от Троцкого, датированной тем же днём, 7 октября 1919 года. Вот её содержание:

«Балашов. Смилге.

Ответ о мироновском процессе наводит на мысль, что дело идёт к мягкому приговору. Ввиду поведения Миронова, полагаю, что такое решение было бы, пожалуй, целесообразно.

Медлительность нашего наступления на Дон требует усиленного политического воздействия на казачество в целях его раскола.

Для этой миссии можно, может быть, использовать Миронова, вызвав его в Москву (после приговора) и помиловав через ЦИК — при его обязательстве направиться в тыл и поднять там восстание.

Сообщите ваши соображения по этому поводу.

Предреввоенсовета Троцкий».

…Доверие, оказанное ему, Филипп Козьмич Миронов оправдал с честью. 2 сентября 1920 года он назначается командующим 2-й Конной армией (1-й Конной армией командовал бывший драгун С. М. Будённый), воевавшей на Южном фронте против Русской армии генерала Врангеля. Мироновские конники остановили бег своих коней в Крыму, в Керчи.

За проявленный полководческий талант и героизм Ф. К. Миронов 25 ноября 1920 года награждается высшей боевой наградой того времени — Почётным революционным оружием.

После расформирования 2-й Конной армии Миронов в феврале 1921 года едет в Москву к месту нового назначения — Главным инспектором кавалерии РККА. По дороге Филипп Козьмич заезжает в родную для него станицу Усть-Медведицкую. Там он, будучи приглашён на окружную партконференцию, выступает с критикой методов проведения продразвёрстки на Верхнем Дону.

Следует ложный донос, и 13 февраля Миронов арестовывается Дончека. Его отправляют под конвоем в Москву, где он оказывается в Бутырской тюрьме. 2 апреля во время прогулки по тюремному двору он был застрелен часовым с вышки.

В 1960 году решением Военной комиссии Верховного суда СССР Филипп Козьмич Миронов был реабилитирован за отсутствием состава преступления.

Африкан Петрович Богаевский (1872–1934)

Генерал-лейтенант Генерального штаба. Войсковой атаман Всевеликого Войска Донского

Один из белых казачьих предводителей в годы Гражданской войны в России родился в старинной станице Каменской Области Войска Донского. Отец его был зажиточным — «домовитым» — казаком, постаравшимся дать сыну с редким именем Африкан офицерское образование.

Богаевский-младший сперва поступил в Донской кадетский корпус, находившийся в войсковой столице городе Новочеркасске. Выпускнику-кадету было 18 лет. Затем он через два года оканчивает столичное Николаевское кавалерийское училище, из стен которого выходит в первом казачьем офицерском чине хорунжего.

Службу начинал в войсках столичной гвардии, отдав лейб-гвардии Атаманскому полку Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича шесть лет своей жизни — с 1892 по 1898 год. Успешно выдержал вступительные экзамены в Николаевскую академию Генерального штаба, которую закончил с отличием.

То есть, можно сказать, что у Африкана Богаевского начало службы было более чем успешным. В казачьи войска направления он не получил, и до 1914 года, то есть до начала Первой мировой войны, служил на штабных должностях в Санкт-Петербургском военном округе, не теряя, однако, тесных связей с родным Доном.

Боевая биография Богаевского началась в Первую мировую войну. В звании полковника он начал её начальником штаба 2-й гвардейской кавалерийской дивизии. С октября 1914 года по январь 1915 года донской казак А. П. Богаевский командует 4-м Мариупольским гусарским полком 4-й кавалерийской дивизии.

Всё же фронтовая судьба возвращает его в ряды казачьих войск, вернее, казачьей гвардии. В январе второго года войны он становится командиром лейб-гвардии Сводно-Казачьего полка. Этот полк состоял из четырёх сотен: 1-й Уральской, 2-й Оренбургской, 3-й, составленной из сибирских, астраханских и семиреченских казаков, и 4-й сотни, составленной их забайкальцев, амурцев и уссурийцев. В марте месяце того же года полковой командир получает чин генерал-майора.

Когда в октябре 1915 года учреждается должность походного атамана Казачьих войск при Верховном главнокомандующем, то начальником его походного штаба был назначен генерал-майор А. П. Богаевский. Атаманом же стал член семьи Романовых — великий князь Борис Владимирович.

Эту должность Африкан Петрович занимал до февраля 1917 года. В марте великий князь по известным причинам подал в отставку. Штаб походного атамана был переформирован в Полевой штаб Казачьих войск, который возглавил генерал Д. Д. Смыгин. Многие офицеры монархических взглядов были уволены со службы.

Генштабиста Богаевского же Временное правительство отправило в войска, на фронт. В апреле он назначается командиром Забайкальской казачьей дивизии. Забайкальцы приняли заметное участие в июньском наступлении русских войск, показав примеры мужества и воинской доблести. Их дивизионный командир был удостоен ордена Святого Георгия 4-й степени.

В августе 1917 года генерал-майор А. П. Богаевский вступает в командование 1-й гвардейской кавалерийской дивизии, сумев в условиях разложения Русского фронта удержать в ней на должной высоте воинскую дисциплину и организованность. Таких армейских соединений, сражавшихся на фронте, к осени того года осталось в рядах русской армии немного.

Следует сказать, что Африкан Петрович показал себя на Русском фронте Первой мировой войны одарённым кавалерийским военачальником. За отличное выполнение боевых заданий и личное мужество он был награждён многими орденами. К концу войны в его послужном списке значились следующие орденские награды: Святого Георгия 4-й степени, Святого Владимира 2-й, 3-й и 4-й степеней, Святой Анны и Святого Станислава 1-й, 2-й и 3-й степеней, шесть иностранных орденов от союзников России по Антанте. К орденам следует добавить и Георгиевское оружие — Золотую саблю с надписью «За храбрость».

Октябрь 1917-го резко изменил судьбу казачьего генерала. Когда на Дон после демобилизации старой русской армии стали возвращаться полки и отдельные сотни, батареи и конвойные полусотни, Богаевский командовал войсками Ростовского района, находясь в подчинении выборного атамана Войска Донского генерала А. М. Каледина.

Гражданская война на Дону началась с разгрома калединцев частями нарождавшейся Красной армии. Богаевский встаёт в ряды корниловской Добровольческой армии, и уходит с нею с

Дона на Кубань в Первый (Ледяной) поход. В рядах корниловцев успешно командует Партизанским полком, составленным в своём большинстве из разрозненных партизанских отрядов белых казаков-донцов.

На Дон он возвратился весной 1918 года, командуя 2-й пехотной бригадой деникинской Добровольческой армии. Когда на войсковом круге Всевеликого Войска Донского войсковым атаманом был избран генерал П. Н. Краснов, авторитетный Богаевский стал председателем Донского правительства. Его должность называлась так: председатель Совета управляющих отделами и Управления отдела сношений с иностранными государствами. То есть одновременно он являлся министром иностранных дел при атамане Краснове.

В августе 1918 года войсковой круг Донского казачьего войска присвоил Африкану Петровичу Богаевскому чин генерал-лейтенанта.

Весной 1919 года наступающая Донская белоказачья армия потерпела ряд поражений и начала отступать. В силу этого в начале февраля войсковой атаман П. Н. Краснов подал в отставку. Войсковой круг избрал на его должность Богаевского.

Войсковым атаманом Дона генерал-лейтенант А. П. Богаевский оставался до конца своей жизни, до 1934 года.

В январе 1920 года главнокомандующий Вооружёнными силами Юга России А. И. Деникин, тоже генерал-лейтенант, назначил Богаевского председателем Южно-Русского правительства.

На всех высоких должностях в Белом движении Африкан Петрович отстаивал интересы казачества. Ему принадлежала идея создания Объединённого Совета Донского, Кубанского и Терского казачьих войск с тремя войсковыми правительствами.

Богаевский ушёл в белую эмиграцию из Крыма (туда он попал из Новороссийска), оставаясь в ближайшем окружении Врангеля. Донскому атаману пришлось жить в турецком Константинополе, болгарской Софии, югославском Белграде, а с 1923 года — в Париже.

Там он активно сотрудничал с руководством Русского общевоинского союза (РОВС). При его атаманском правлении была создана Донская историческая комиссия, издавшая три тома «Донской летописи», известный труд белоэмигранта С. Г. Сватикова «Россия и Дон». Эта комиссия, среди прочего, издавала газеты «Казачьи Думы», «Вестник Казачьего Союза» «Родимый Край», «Казак» и ряд других периодических изданий.

Умер Африкан Петрович Богаевский 21 октября 1934 года во французской столице. Был похоронен на русском кладбище Сен-

Женевьев-де-Буа. После себя он оставил воспоминания «Ледяной поход», которые были изданы в 1963 году на русском языке в Нью-Йорке белоэмигрантским Союзом первопоходников.

Александр Алексеевич Ханжонков (1877–1945)

Хорунжий Донского казачьего войска. Один из первых кинодеятелей России. Предприниматель

Человек, который в 1911 году снял первый русский полнометражный фильм «Оборона Севастополя» — о событиях Крымской (Восточной) войны 1853–1856 годов, был родом из донских степей. Он родился в Области Войска Донского, закончил Новочеркасское казачье училище, из которого был выпущен в 1896 году в чине подхорунжего.

Начинать офицерскую службу ему довелось в Донском казачьем полку, который квартировал в Москве. Прослужил он семь лет, и в итоге разочаровался в карьере военного человека. Зато его до конца жизни очаровал только зарождающийся тогда кинематограф, с которым он случайно познакомился, будучи в Ростове-на-Дону.

Хорунжий подал в отставку и решил заняться киноделом. Позднее А. А. Ханжонков писал в воспоминаниях о начале предпринимательской деятельности:

«В то время я был офицером Войска Донского в чине хорунжего. Денег у меня не было. Единственная надежда была на реверс…»

Реверсом называлась материальная помощь, которая выдавалась офицерам, которые вступали в брак ранее 28 лет. На эти деньги в сумме пять тысяч рублей Ханжонков в 1906 году съездил во Францию, закупил там копии немых игровых кинофильмов и продал их в России. Финансовая операция прошла для него успешно.

Став предпринимателем, отставной казачий офицер сперва занимался продажей кинолент и аппаратуры, как агент ряда иностранных фирм. Но его тянуло к большим делам на пользу Отечества, и в 1907 году он начал собственное производство русских фильмов. При этом он обнаружил большие способности вести собственное дело.

Александр Алексеевич, создавая отечественные ленты игрового кино, обратился к исторической теме. В его московском киноателье, начиная с 1907 года, был создан целый ряд художественных фильмов немого кино. Среди них наибольшую

известность имели: «Песнь про купца Калашникова», снятый по поэме М. Ю. Лермонтова, «Выбор царской невесты», «Русская свадьба в XVI столетии», «Мёртвые души» (по Н. В. Гоголю), «Ванька-ключник», «Коробейники» и многие другие…

Уже первая художественная кинолента о купце Калашникове была тепло встречена зрителями. Литературные критики назвали этот кинофильм первой русской исторической картиной. Ханжонков получил большую личную популярность в обществе.

Всё же наибольший творческий успех был связан с «Обороной Севастополя». Авторами сценария и режиссёрами фильма были А. А. Ханжонков и В. М. Гончаров (операторы — Л. Форестье и А. Рылло). Главными героями фильма стали доблестные защитники героического Севастополя — города русской воинской славы — адмиралы Нахимов и Корнилов. Примечательно, что кинофильм завершался документальными съёмками ещё оставшихся в живых участников Севастопольской эпопеи.

В 1911 году Ханжонков создал научный отдел, который дал новое направление в деятельности отечественного кинематографа. С помощью московских учёных он начал выпуск научно-популярных, хроникально-документальных и этнографических фильмов.

Тематика научной кинопродукции была самой разнообразной. Достаточно привести названия ряда таких кинолент, как «Распространение электромагнитных волн прибором Герца», «Электрический телеграф», «Динамо-машина: принцип её работы и устройства», «Пьянство и его последствия».

Ханжонков в ряде случаев выступал и как известный меценат. Так, он выступил организатором морского путешествия от Одессы до Чукотки через три океана — Атлантический, Индийский и Тихий.

Примечательно, что первые российские объёмные мультипликационные фильмы были также созданы на кинофабрике А. А. Ханжонкова. Созданные здесь киноленты «Прекрасная Люкинда» и «Стрекоза и муравей» имели громкий успех не только в отечественных кинотеатрах, но и в Старом и Новом Свете.

Исторические фильмы, созданные на ханжонковской кинофабрике, особенно в годы Первой мировой войны, имели широкое патриотическое звучание. Достаточно назвать только некоторые из них: «Ермак Тимофеевич — покоритель Сибири», «1812 год», «Царь Иван Васильевич Грозный». Все они имели большой успех, в том числе и у военного зрителя.

В преддверии революции 1917 года предприниматель продолжал обращаться при создании новых художественных

кинолент к творениям великих отечественных писателей. Так на свет появились фильмы «Дворянское гнездо», «Наталья Ростова» и «Пиковая дама».

Одной из отличительных способностей Александра Алексеевича являлось умение создавать творческие коллективы из особо талантливых деятелей кинематографа. С ним успешно сотрудничали такие знаменитые режиссёры своего времени, как Я. А. Протазанов, П. И. Чердынин и В. Р. Гардин, звезда дореволюционного кино В. В. Холодная.

Созданное отставным казачьим офицером акционерное общество «Ханжонков и К°» за время своего существования с 1908 по 1920 год (когда оно было национализировано) создало около четырёхсот (!) кинофильмов. Александр Алексеевич за свои труды кинопредпринимателя дважды награждался императором Николаем II.

Благодаря таким подвижникам, как А. А. Ханжонков, Россия в начале XX столетия, без всякого преувеличения, стала мировой кинодержавой. Выпуск отечественных фильмов резко увеличивался с каждым годом. Если, скажем, в 1908 году на экран их вышло всего восемь, то в 1912 году было уже 72, а в предреволюционном 1916 году — 498!

…В 1917–1920 годах Ханжонков, находясь в Крыму, пытался организовать «Ялтинский Голливуд». Но старая Россия безвозвратно уходила в историю. Три года семья кинопредпринимателя находилась в белой эмиграции, на Родину Ханжонковы вернулись в 1923 году. Александр Алексеевич стал работать в советской кинематографии. Позже стал заниматься литературной работой, проживая по состоянию здоровья в Ялте…

После себя А. А. Ханжонков оставил воспоминания, изданные в 1937 году. Они назывались «Первые годы русской кинопромышленности».

В Москве по сей день стоит памятник известному отечественному кинодеятелю. Это так называемый «Дом Ханжонкова», находящийся на площади Маяковского, которая раньше называлась Триумфальной. Теперь в нём находится киновидеоцентр национальных кинематографий «Москва». Дом был построен в 1913 году как крупнейший в России трёхъярусный кинотеатр «Триумфальный» на 800 мест.

Ока Иванович Городовиков (1879–1960)

Генерал-полковник. Герой Советского Союза. Заместитель командующего кавалерией Красной армии

Казачьи войска старой России по своему составу повсеместно были многонациональными. Так, в начале XX века Войско Донское на девять процентов состояло из калмыков, которые составляли основу населения степного Сальского отдела (округа). Оттуда и начал свой жизненный путь прославленный кавалерийский военачальник Красной армии О. И. Городовиков.

Он родился на хуторе Мокрая Ельмута (ныне Ростовской области) в многодетной калмыцкой семье донского казака. Юность провёл в привольных Сальских степях, работая табунщиком у частных коннозаводчиков, которые поставляли лошадей для русской армии. То есть ещё в те годы Ока Городовиков овладел всеми секретами искусства лихого наездника.

На действительную военную службу он был призван в 1903 году в первоочередной «вечного шефства» 9-й Донской генерал-адъютанта графа Орлова-Денисова казачий полк. Полк тогда квартировал в городе Янов Люблинской губернии Варшавского военного округа. В следующем году казак Ока Городовиков успешно окончил полковую учебную команду, получил чин младшего урядника и был назначен на должность помощника взводного командира.

Служба мирного времени сложилась для него удачно, он считался в полку одним из лучших наездников. В 1906 году старший урядник Городовиков назначается командиром взвода 4-й сотни того же 9-го Донского казачьего полка. Отслужив положенный срок, он в следующем году после увольнения из армейских рядов вернулся на Дон, в степную станицу Платовскую.

Когда началась Первая мировая война, Ока Городовиков попал на фронт не сразу. Только в конце 1915 года 36-летнего старшего урядника-запасника мобилизуют в армию, и он становится взводным командиром третьеочередного 43-го Донского казачьего полка. Однако повоевать ему на фронте долго не довелось: уже через полгода Городовикова отправляют в тыл

по болезни. Медицинская комиссия признала его негодным к строевой, то есть фронтовой, службе.

Однако списывать старшего урядника окончательно со службы не позволяла идущая война. Он зачисляется в 39-ю Донскую отдельную сотню, которая была расквартирована на хуторе (железнодорожной станции) Сулин Черкасского округа и обеспечивала порядок на чугунолитейном заводе Пастухова, выполнявшем военные заказы.

Ока Городовиков оказался среди тех немногих донцов, которые приняли самое деятельное участие в февральских событиях, тогда как основная масса казачества, как на фронте, так и в тылу вначале была нейтральной к происходившим событиям. От своей 39-й Донской отдельной казачьей сотни Городовиков избирается на съезд казачьих и солдатских депутатов, проходивший в Новочеркасске.

Октябрь 1917 года застал Оку Городовикова в станице Платовской. Там он работал в составе объединённого станичного Совета, где занимался созданием красного калмыцкого полуэскадрона. Это формирование с началом Гражданской войны под командованием бывшего старшего урядника, уже как эскадрон, вошло в состав Платовского партизанского отряда Т. Никифорова.

Вскоре его жизненные пути сошлись с С. М. Будённым, полным георгиевским кавалером из драгун мировой войны, тоже уроженцем Области Войска Донского. С 1918 года Городовиков командует в его полку эскадроном. В красной коннице донской казак из калмыков рос быстро благодаря своим талантам и близости к Будённому, у которого пользовался исключительным доверием.

В начале 1919 года Ока Иванович Городовиков командует кавалерийской бригадой. С июня того года по июль 1920 года — 4-й кавалерийской дивизией в будённовской Первой конной армии. Причём командует успешно, умело «конкурируя» с белоказачьими и иными вражескими генералами в искусстве вести манёвренную войну.

Гражданская война сделала Городовикова известным военачальником красной конницы. С 16 июля по октябрь 1920 года он исполняет обязанности командующего Второй конной армией в боях против Русской армии генерала Врангеля. После назначения командармом 2-й Конной Ф. К. Миронова Городовиков назначается на должность командира 6-й Чонгарской кавалерийской дивизии будённовской Конной армии.

Красный конник О. И. Городовиков в годы Гражданской войны имел прекрасный послужной список. Он успешно сражался

против войск генералов А. И. Деникина и П. Н. Врангеля, батьки Нестора Махно. Не смог блеснуть лишь только в Советско-польской войне 1920 года.

Боевые заслуги командира красной конницы в годы Гражданской войны были оценены исключительно высоко: его грудь украсили три ордена Красного Знамени. Таких людей тогда в Рабоче-Крестьянской Красной армии (РККА) насчитывались единицы.

После окончания Гражданской войны комдива Городовикова в 1922 году посылают учиться на Высшие академические курсы. В 1927 году он заканчивает курсы усовершенствования высшего начсостава. В 1932 году — курсы при Военно-политической академии. В 1932 году — Военную академию имени М. В. Фрунзе.

С 1922 года О. И. Городовиков — командир 6-й кавалерийской дивизии. В 1924 году его назначают инспектором кавалерии и председателем Ремонтной комиссии Северо-Кавказского военного округа.

Затем Городовиков три года (1925–1928) командует 1-м конным Червонного казачества корпусом, затем по 1930 год — 2-м конным корпусом. С 1932 по 1938 год — помощник и заместитель командующего войсками Северо-Кавказского военного округа. Сталинские репрессии его не коснулись. С марта 1938 года он уже инспектор кавалерии, с июня 1941 года — генерал-инспектор и командующий кавалерией Красной армии. Звание генерал-полковника получил в 1940 году.

С началом Великой Отечественной войны 1941–1945 годов Городовиков оставался на своей должности до 1943 года. Руководил формированием новых кавалерийских полков и дивизий (всего 78), в том числе 49-ти казачьих (на Дону и Кубани). В августе 1941 года ему довелось командовать корпусом. Находился на фронтах как представитель Ставки Верховного Главнокомандующего по использованию кавалерии. В 1943–1947 годах — заместитель командующего кавалерией Красной армии. Затем он ушёл в полную отставку.

В Великой Отечественной войне красная кавалерия, наряду с танковыми и механизированными войсками, успешно действовала во многих операциях: в битве под Москвой и в Сталинградской битве, на Северном Кавказе, при освобождении Украины и Белоруссии… Отличилась она и в Маньчжурии, при разгроме японской Квантунской армии в 1945 году.

Героем Советского Союза генерал-полковник Ока Иванович Городовиков стал уже после войны, в 1958 году. Его личные заслуги в командовании красной кавалерией, начиная с 1918 по 1947 год, несомненны. Они были высоко оценены

правительством: тремя орденами Ленина, шестью орденами Красного Знамени и орденом Отечественной войны 1-й степени. Городовиков скончался и был похоронен в Москве.

Александр Ильич Дутов (1879–1921)

Генерал-лейтенант. Походный атаман всех Сибирских казачьих войск

Родился в семье казачьего офицера-дворянина в городе Казалинск Сырдарьинской области (ныне Казахстан). В 18 лет закончил знаменитый в своё время Оренбургский Неплюевский кадетский корпус. Затем успешно закончил курс обучения в столичном Николаевском кавалерийском училище, из стен которого вышел в чине хорунжего. Затем успешно сдал экзамены в Николаевскую академию Генерального штаба.

Однако учёба в ней прервалась, едва успев начаться. Началась Русско-японская война 1904–1905 годов. Слушателей академий на неё не отправляли. Казачий офицер отправляется на поля Маньчжурии добровольцем (волонтёром), однако воевать ему пришлось в 5-м сапёрном батальоне. Потому и наградой ему за проявленную доблесть стал армейский чин поручика.

Доучился в Академии Генштаба Александр Дутов уже в 1908 году. После этого три года служил в Оренбургском казачьем юнкерском училище. Преподавал тактику, конно-сапёрное дело, топографию.

В 1912 году он назначается командиром сотни 1-го Оренбургского казачьего полка. Первую мировую войну он прошёл в рядах этого полка, имевшего славную биографию. В чине войскового старшины он был сперва помощником полкового командира, а затем стал и командиром.

После Февральской революции, в ходе которой канула в историю династия Романовых, в марте 1917 года в Петрограде прошёл 1-й Общеказачий съезд. Энергичный, умеющий сказать веское слово войсковой старшина Дутов был избран заместителем председателя Временного совета Всероссийского союза казачьих войск.

В июне он возглавил работу 2-го Всероссийского казачьего съезда, став председателем Совета Всероссийского союза казачьих войск. Своего отрицательного отношения к происходящему развалу русской армии Дутов не скрывал, сразу встав на сторону Белого дела. Оказал большую моральную поддержку генералу от инфантерии Л. Г. Корнилову во время так называемого

«Корниловского мятежа».

В сентябре 1917 года чрезвычайный Оренбургский войсковой круг произвёл А. И. Дутова в чин полковника и избрал его войсковым атаманом Оренбургского казачьего войска. Временное правительство назначает его своим главноуполномоченным по продовольственному делу в Оренбургской губернии и Тургайской области (с полномочиями министра).

Оренбургский край в отечественной истории стал одним из первых очагов Гражданской войны в России. 17 октября атаман Дутов в Оренбурге поднял антибольшевистский мятеж. Он был подавлен в январе следующего, 1918 года, поскольку первоначально широкие казачьи слои не поддержали выступление белых.

Тогда крупные отряды красных под командованием Блюхера и Ермакова вновь овладевают городом Оренбургом. Дутов отступил к казачьему Верхнеуральску, где сумел набрать довольно сильный отряд.

Белоказаки вновь отбивают у красных войсковую столицу. Однако отряды Блюхера наносят им повторное поражение в боях за Оренбург.

Дутовцам пришлось отступить в Тургайские степи. Там атаман создаёт новые казачьи части для борьбы с советской властью. В мае 1918 года он присоединяется к мятежу Чехословацкого корпуса, который на то время являлся составной частью французской армии.

Белые оренбургские казаки (около семи тысяч человек) переходят в наступление. Они занимают войсковую столицу город Оренбург, а также города Челябинск, Троицк, Верхнеуральск. К июню 1918 года Дутов «ликвидировал большевизм на юге Урала».

В июле атаман вошёл в состав Комитета членов Учредительного собрания и был назначен его главноуполномоченным по территориям Оренбургского казачьего войска, Оренбургской губернии и Тургайской области. Он продолжал выступать за продолжение Россией войны с Германией на стороне Антанты. На Уфимском государственном совещании был избран председателем казачьей фракции.

В октябре 1918 года войска атамана Дутова входят в состав армии адмирала Колчака. К концу того года белоказачья Оренбургская армия состояла из двух корпусов по две дивизии в каждом корпусе. В декабре того же года следует производство Дутова в генерал-майорский чин.

Верховный правитель России адмирал Колчак назначает новоиспечённого казачьего генерала командующим своим Юго-

Западным фронтом, который затем преобразуется в Отдельную Оренбургскую армию. Она состояла из 45-ти полков и почти 75-ти тысяч казаков. Следует назначение Дутова и главным начальником Южно-Уральского края.

В апреле 1919 года Верховный правитель России Колчак назначает Александра Ильича Дутова, уже генерал-лейтенанта, походным атаманом всех Казачьих войск России. До этого он был назначен Уфимской директорией походным атаманом всех Сибирских казачьих войск.

Между тем события на Восточном фронте Советской России стали развиваться не в пользу Белого движения. Дутовские казачьи войска прикрывали сперва Башкирскую и Оренбургскую области. В сентябре 1919 года атаман Дутов вступает в командование армией, сформированной на базе Южной группы колчаковских сил.

Сегодня можно сказать, что успешное наступление Красной армии на юге Урала, где ей противостояла белоказачья Оренбургская армии, было обусловлено в немалой степени тем, что дутовские войска поразила эпидемия тифа, и тысячи белых бойцов оказались в тифозных бараках без какой-либо серьёзной медицинской помощи.

Осенью 1919 года в рядах дутовской армии началось разложение: та часть казаков, которая была мобилизована на Гражданскую войну, стала тысячами расходиться по домам, целые полки переходили на сторону красных. После поражения под Актюбинском остатки дутовских войск ушли в Семиречье.

Остатками армии их можно было назвать с известной натяжкой. В ходе отступления вокруг атамана Дутова собралось почти 20 тысяч белых войск: Оренбургский корпус генерала Бакича, 3000 казаков с атаманом 4-го отдела войска Захаровым, казачья бригада «белого партизана» Разумника-Степанова.

Этот поход остатков Оренбургской армии генерал-лейтенанта А. И. Дутова от Актюбинска на юго-запад к Семипалатинску и далее, на юг к Сергиополю, а затем на Копал — ещё одна страница трагических «Ледяных походов» Белых армий. Однако из-за отсутствия продовольствия у дутовцев их поход можно ещё назвать и «Голодным».

Там белые оренбургские казаки влились в состав Семиреченской армии атамана Анненкова. Тот назначает Дутова генерал-губернатором Семиреченской области. Однако Красная армия неумолимо приближалась главными силами и сюда.

Белые стали отходить к китайской границе. Вместе с анненковской Семиреченской армией белоказаки Дутова в конце мая 1920 года перешли через перевал Кара-Сарык в китайский

Туркестан, то есть ушли в белую эмиграцию. Дутов оказался в городе Суйдун провинции Синьцзян.

Китайские власти интернировали отряды белых, почти полностью разоружив их. Однако на противоположной стороне границы отлично понимали, что такой авторитетный белоказачий лидер, каким являлся Дутов, оружия в борьбе против советской власти не сложит. И что его надо обезвредить в самое ближайшее время.

В Синьцзян был послан отряд красных разведчиков, которым командовал чекист Камысхан Чанышев. По эту сторону границы в заложниках оставались десять его родственников, которые должны были быть через семь дней расстреляны в случае невыполнения приказа о ликвидации белого генерала. Поэтому Чанышеву приходилось спешить.

7 марта 1921 года его человек, Махмуд Хаджамиров, застрелил в упор (было сделано два выстрела из револьвера) атамана Дутова прямо в его кабинете. Покушавшимся удалось скрыться — ускакать из Суйдунской крепости. Дутов был похоронен в соседнем городе Кульдже.

Дмитрий Михайлович Карбышев (1880–1945)

Генерал-лейтенант инженерных войск. Герой Советского Союза

Родился в городе Омске. Происходил из известной в Сибирском казачьем войске офицерской династии. Тогда, в начале XIX века, сибирские казаки обосновались на южных сибирских землях, основали свою столицу — Омск, для закрепления за Россией северной окраины Киргизской (Казахской) степи стали возводить в ней полевые укрепления, которые становились казачьими станицами, и осваивать плодородные земли.

В те годы среди сибирских казаков был известен сотник Иван Карбышев, принявший деятельное участие в ряде научных экспедиций по изучению природных богатств Семиречья, юго-восточного уголка современного Казахстана. С его «лёгкой руки», когда он был уже в чине полковника, в 1854 году в Семиречье на месте казахского поселения Алматы было заложено укрепление Верное, которое через тринадцать лет стало городом Верным.

Дед Д. М. Карбышева в своё время закончил военное училище Сибирского казачьего войска, преобразованное затем в Омский (Сибирский) кадетский корпус. Отец заканчивал этот же корпус. Он отличился в Крымской (Восточной) войне 1853–1856 годов, будучи награждён боевыми орденами Святых Анны и Станислава 3-й степени.

Сын казачьего офицера Дмитрий Карбышев в 1898 году успешно закончил Омский кадетский корпус. Он поступает в столичное Николаевское инженерное училище, которое закончил в 1900 году.

Боевым крещением для молодого офицера стала Русско-японская война 1904–1905 годов. Он служил в пехотной дивизии, занимаясь возведением полевых укреплений, улучшением дорог, строительством мостов и многим другим, чем обязаны были заниматься на полях Маньчжурии военные инженеры.

После той войны Дмитрий Карбышев, уже обладавший военным опытом, поступает в Николаевскую военную инженерную академию, которую оканчивает в числе лучших выпускников в 1911 году.

С того 1911 года и до самого начала Первой мировой войны Д. М. Карбышев участвовал в строительстве Брест-Литовской (Брестской) крепости. Он строил её форты и другие фортификационные сооружения в должности дивизионного инженера.

Когда началась Первая мировая война, Дмитрий Карбышев занимает должность дивизионного инженера сперва 69-й, а затем 78-й пехотных дивизий. Затем принимает должность корпусного военного инженера в 22-м Финляндском армейском корпусе. После этого становится старшим производителем работ в Управлениях начальников инженерных войск 11-й и 8-й армий Юго-Западного фронта.

Первую мировую войну Д. М. Карбышев закончил в чине подполковника, получив за три с половиной года войны богатейший опыт практика военно-инженерного дела. После Октября 1917 года становится на сторону советской власти, добровольно вступив в ряды Красной гвардии ещё в декабре месяце.

Сперва его служба проходит в городе Могилёв-Подольский в должности отрядного военного инженера. С 1918 года Карбышев занимает новые, более высокие должности. Он становится инженером Коллегии по инженерной обороне государства, затем начальником инженеров 5-й армии Восточного фронта. Он принимает участие в строительстве ряда укреплённых районов — Симбирского, Самарского и других.

В конце Гражданской войны Карбышев — помощник начальника инженеров Южного фронта. Он обеспечивал инженерную подготовку штурмов Перекопа (Турецкого вала) и Чонгарских позиций, которые занимали для обороны лучшие части Русской армии генерала Врангеля.

В 1921–1923 годах Дмитрий Карбышев находится на ответственных должностях в штабе Вооружённых сил Украины и Крыма.

В 1923–1926 годах Д. М. Карбышев является представителем Инженерного комитета Главного военно-инженерного управления Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА). Одновременно он занимается преподавательской работой в Военной академии имени М. В. Фрунзе.

С 1936 года и до самого начала Великой Отечественной он войны занимал должность заместителя начальника кафедры тактики высших соединений по инженерным войскам в Военной академии Генерального штаба.

В предвоенные годы Дмитрию Михайловичу присваиваются звание профессора (1938), учёная степень доктора военных наук

(1941). Он являлся автором более ста научных трудов по различным областям военного инженерного искусства и военной истории.

Звание генерал-лейтенанта инженерных войск получает в 1940 году.

Его заслуги в укреплении обороны государства и совершенствовании отечественного военно-инженерного дела были отмечены орденами Красного Знамени и Красной Звезды.

С начала Великой Отечественной войны генерал-лейтенант Д. М. Карбышев находится на Западном фронте. В одном из боёв он, получив тяжёлую контузию, попал в плен. От сотрудничества с немецким командованием решительно отказался, хотя такие предложения ему делались не раз.

Участвовал в деятельности подпольных организаций в лагерях смерти Заксенхаузен, Майданек, Освенцим, Маутхаузен. В последний лагерь был переведён в начале 1945 года. В ночь на 18 февраля советского узника-генерала вывели во двор, и, привязав к столбу, стали поливать водой до тех пор, пока его тело не превратилось в ледяную глыбу…

Дмитрию Михайловичу Карбышеву 16 августа 1946 года было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Ему установлены памятники в Москве, Омске, Маутхаузене (Австрия), Таллине (Эстония). В 1959 году именем Карбышева была названа малая планета Солнечной системы, открытая советскими учёными.

Георгий Георгиевич Горшков (1881–1919)

Полковник. Начальник эскадры воздушных кораблей «Илья Муромец» русской армии (1917)

Первая мировая война стала самым серьёзным экзаменом на зрелость народившейся военной авиации: разведывательной, истребительной, бомбардировочной. Если в 1914 году воюющие стороны имели сотни летательных аппаратов, то к концу Великой войны в армиях и на флотах воюющих государств уже насчитывались многие тысячи аэропланов.

Российская империя тоже относилась к числу держав, которые блистали постановкой военного воздухоплавательного дела. Она имела таких бесстрашных лётчиков, как Нестеров и Ткачёв, таких результативных воздушных бойцов, как Казаков и Крутень. Но был ещё один род авиации, который развился в годы войны не сразу, хотя и выглядел перспективным.

В русской армии «серьёзное» бомбометание в годы той войны началось с действий эскадры воздушных кораблей «Илья Муромец». Это было уникальное соединение, своего рода первая в отечественной истории авиационная дивизия, хотя таковой она тогда не называлась.

К фронтовой славе эскадры воздушных кораблей «Илья Муромец» был причастен уральский казак Георгий Георгиевич Горшков, командовавший ею в 1917 году. В Первой мировой войне русский ас был знаменит, хотя в отечественной истории после войны Гражданской его забыли. Судьба же этого человека была удивительна.

Родился он в степной Уральской области. Отец его был казачий есаул, который постарался дать сыну офицерское образование, что было в традициях рода Горшковых. Георгий Горшков закончил в 1901 году Оренбургский Неплюевский кадетский корпус, а затем поступил в столичное Николаевское инженерное училище, из которого выпустился в 1904 году подпоручиком.

Офицеру с казачьим происхождением службу начинать пришлось не «по войску», а в 8-м сапёрном батальоне. Георгий Горшков имел достаточно хорошее знание военно-инженерного дела для того, чтобы заниматься обучением других. Через год

после выпуска из училища он назначается заведующим обучения в унтер-офицерском классе. Затем получает должность заведующего обучением во 2-м отделении сапёрного класса батальонной школы.

В начале того века воздухоплавание «входило в моду» и притягивало к себе людей, влюблённых в небо и любящих рисковать. Таким оказался и уральский казак в чине сапёрного поручика. Он добивается права на обучение в офицерском классе Учебного воздухоплавательного парка, который с успехом заканчивает в 1908 году и остаётся в его постоянном составе.

В том же году поручик Георгий Горшков переводится в Брест-Литовское крепостное воздухоплавательное отделение. В 1910 году становится заведующим Гатчинским аэродромом, но вскоре оказывается в постоянном составе Офицерской воздухоплавательной школы.

С июня по август 1911 года штабс-капитан Георгий Горшков проходил обучение на аппаратах «Блерио» во Франции. Та служебная командировка за границу только закрепила в нём желание летать именно на тяжёлых, в два — четыре мотора аэропланах. И если воевать, то воевать именно лётчиком-бомбометателем. О таком искусстве воздушного бойца тогда ещё только начинали говорить.

Звание военного лётчика Горшков получил лишь после того, как вернулся в Россию из командировки во Франции. Он был назначен помощником начальника авиационного отдела Офицерской воздухоплавательной школы, при этом сам часто поднимался в небо.

Но мечта капитана Г. Г. Горшкова сбылась только после начала Первой мировой войны: в августе 1914 года уже опытный пилот становится командиром воздушного корабля «Илья Муромец-Киевский». В следующем месяце он оказался на фронте в составе эскадры воздушных кораблей, то есть в «тяжёлой бомбардировочной дивизии» русской армии.

Как воевал на фронте уральский казак Георгий Георгиевич Горшков, носивший в 1915 году уже погоны подполковника, лучше всего свидетельствует высочайший приказ от 28 ноября того года о награждении военного лётчика Георгиевским оружием «За храбрость». В том приказе, подписанном императором Николаем II, рассказывалось о совершённом им подвиге так:

«…Награждён… за то, что 15-го, 24-го и 25-го февраля 1915 года, лично управляя вверенным ему кораблём, произвёл повреждение авиационных ангаров, железнодорожных путей и сооружений станции Вилленберг, брошенными с корабля 42-мя

бомбами.

Произвёл фотографирование означенной станции и всех укреплений г. Вилленберга и выполнил разведку, доставив своевременно важные сведения о движении неприятельских войск из Единорожец-Прасныш и отсутствии движения войск и переправ у города Плоцка, вопреки имевшимся агентурным сведениям, чем оказал огромную услугу штабу армии».

Иначе говоря, многомоторный «Илия Муромец-Киевский», с бомбовой нагрузкой в 42 единицы, разбомбил военный аэродром и железнодорожную станцию Вилленберг на территории Восточной Пруссии. Тем самым германской армии был нанесён немалый материальный и людской урон.

Помимо этого, обладатель почётного Георгиевского оружия внёс «с воздуха» серьёзные коррективы в планы русской армии: теперь в штабе Северо-Западного фронта знали доподлинно, что вражеского удара через реку Вислу у города Плоцка не будет. А ведь агентурная разведка из числа местных жителей Царства Польского сообщала совсем иное…

За Первую мировую войну Г. Г. Горшков, ставший в мае 1917 года полковником, заслужил за меткие бомбометания несколько орденов и два высочайших благоволения «за отлично-усердную службу и труды, понесённые во время боевых действий».

Октябрьской революции он не принял. Когда Восточный фронт Первой мировой войны окончательно развалился, полковник Горшков волей судьбы оказался одним из руководителей петлюровской Украинской народной республики (УНР), а затем гетманской Украины.

Но и в годы Гражданской войны он не забывал о своей давно данной присяге на верность Богу, царю и Отечеству. Горшков активно способствовал тайной переправе различного авиационного имущества в белую Добровольческую армию генерала А. И. Деникина, вербовке в неё людей.

В 1919 года гетманский авианачальник бежал с Украины, с целью добраться до мест пребывания частей Деникинской армии. Однако он был арестован Одесской ВЧК и расстрелян.

Митрофан Борисович Греков (Мартыщенко) (1882–1934)

Старший урядник Донского казачьего войска. Один из основоположников советской батальной живописи

Родился на хуторе Шарпаевка (ныне Ростовская область) в семье казачьего офицера Мартыщенко. Ещё в раннем детстве будущий художник-баталист проникся красотой донских степей. Его отец был большим любителем истории казачества, истории родного Дона. Он выписывал иллюстративные издания по военной истории России, в семье имелась неплохая библиотека. Эта любовь к прошлому своего Отечества передалась сыну.

Сказалось на судьбе Мартыщенко-младшего и то, что он ещё в детстве познакомился с творчеством прославившегося в конце XIX столетия русского художника-баталиста Н. Н. Каразина, немало занимавшегося иллюстрированием книг и альманахов.

Будущий знаменитый советский баталист 1920–1930-х годов очень рано проявил свою склонность к живописи. Отец постарался дать ему хорошее образование. После окончания церковно-приходской школы и училища в станице Каменской Митрофан Мартыщенко в 1898 году поступает в Одесское художественное училище. Ему повезло в том, что он учился у известного русского художника К. К. Костанди, от которого почерпнул очень многое.

Учился юный донской казак азам живописи прилежно и уже по своим первым училищным работам заметно выделялся среди других учащихся. В 1902 году Совет Одесского общества изящных искусств присудил ему стипендию имени Судновского.

В 1903 году Митрофан Борисович поступает в Санкт-Петербургскую академию художеств. Молодой художник продолжил своё образование у таких великих российских мастеров кисти, как И. Е. Репин и Ф. А. Рубо. То есть школа батальной и исторической живописи, которую он прошёл в городе на берегах Невы, была высокопрофессиональной.

Академию художеств начинающий живописец закончил в 1911 году, показав большие успехи в овладении секретами мастерства. Он получил звание дипломированного свободного

художника, сменив при этом свою фамилию. Взятый в том году псевдоним «Греков» так и остался для него на всю жизнь фамилией.

Почему именно Греков? Потому что одним из самых старинных и прославленных казачьих родов в Войске Донском были Грековы, которые проживали и в станице Каменской. Это была своеобразная дань истории родного степного края.

Профессия свободного художника не давала материальной обеспеченности, к тому же 30-летний Митрофан Греков, как казак, хотя и осевший в столице, должен был отслужить положенные годы в Российской Императорской армии. В 1912 году он поступает в лейб-гвардии Кирасирский полк, чтобы не терять связей с содружеством вольных художников.

Была и ещё одна причина, почему начинающий баталист пошёл служить в гвардию, в гвардейскую кавалерию. Она имела очень богатую боевую историю, знакомство с которой давало немало интересных тем для рисунков и живописных полотен.

Ряд его картин того времени имели успех на художественных выставках в столице. Одной из них, к примеру, была картина «Атака лейб-гвардии Кирасирского полка под Кульмом в 1813 году». Это полотно было написано в честь памятного события из истории родного полка гвардейской кавалерии.

За два службы кирасирской службы Митрофан Греков написал немало картин на исторические темы из биографии не только своего Кирасирского, но и таких прославленных полков русской армии, как лейб-гвардии Гренадерский и Павловский. Отслужив положенный срок, Греков увольняется в запас в звании младшего урядника.

Когда началась Первая мировая война, Митрофан Греков, как казак, был призван осенью 1914 года на службу не в армейскую кавалерию, а в Донское казачье войско. Собственно говоря, это было и его желанием. Младший урядник зачисляется в ряды 19-й особой (ополченческой) Донской казачьей сотни, которая вскоре убыла в действующую армию.

Воевать Митрофану Грекову довелось на Юго-Западном фронте. Он принимал участие во многих боях, познал все тяготы фронтовой жизни, видел и успешные наступления, и безрадостные отступления. Знал и окопную жизнь. То есть война сама вошла в судьбу художника-баталиста.

В военные годы он сделал немало зарисовок для своих будущих живописных полотен. Его прежде всего интересовали боевые дела и фронтовой быт казачьих войск, особенно земляков-донцов. На эту тему были написаны такие грековские картины, как «Отступают», «Выезд казачьей батареи на позиции», «Солдат

Ширванского полка», «Урядник 19-й сотни», «Казачий разъезд на разведке», «Уральский казак».

Митрофан Греков оказался участником знаменитого Брусиловского наступления, то есть наступательной операции русского Юго-Западного фронта, равной которой в истории Первой мировой войны нет. Те события навеяли ему сюжеты, которые стали основой для таких известных картин, как «Стремительный натиск» и «Гвардии Атаманский полк на русско-австрийском фронте».

…После Октября 1917 года и развала Русского фронта старший урядник Греков со своей Особой сотней вернулся на Дон, в родные места. Когда началась Гражданская война, казак-художник оказался на стороне советской власти. Он добровольцем вступает в ряды красных войск, став бойцом конницы С. М. Будённого. В её рядах он прошёл весь путь прославленной Первой конной армии. При этом он не расстаётся с кистью, продолжая делать зарисовки.

С К. Е. Ворошиловым и С. М. Будённым, людьми из ближнего сталинского окружения, художник познакомился лично в 1922 году, уже после окончания Гражданской войны. Те проявили большой личный интерес к творчеству художника, поскольку почти все его живописные полотна с 1918 года посвящались Первой конной армии и тем боям, в которых она участвовала.

К той знаменательной для Митрофана Борисовича встрече с двумя будущими маршалами Советского Союза он уже написал ряд батальных полотен по истории Гражданской войны на Юге России. Это были картины: «Корниловцы» (1919 год), «Подвоз снарядов к Новочеркасску» (1920 год), «Вступление в Новочеркасск полка имени Володарского» (1921 год).

Только что окончившаяся Гражданская война давала художнику-конноармейцу из казаков обилие тем и сюжетов. Он задумал написать серию картин о Красной армии, в рядах которой сражался против белогвардейцев, в том числе и против белых донских казаков. То есть кистью изобразить увиденное и пережитое лично им. Известно, что сюжетами почти ста грековских картин стали рассказы Ворошилова и Будённого о походах и боях Первой конной армии.

Митрофан Борисович Греков оказался не только талантливым баталистом, но ещё и очень плодовитым. В 1918–1934 годах им было написано почти 300 (!) картин.

Красным конникам Будённого он посвящает такие известные картины, как «В отряд к Будённому» (1923), «Ночная разведка» (1924), «Тачанка» (1925), «Кавалерийская атака» (1927), «Трубачи Первой конной» (1934) и другие. Последняя из названных картин

как бы символизировала победу Красной армии в Гражданской войне.

Большой художественной выразительностью отличаются такие грековские полотна, как «Замёрзшие казаки генерала Павлова» (1923), «Бой под Егорлыкской» (1927–1928), «На Кубань!» (1934) и другие. Все картины талантливого казака-баталиста, ученика Репина и Рубо, отличались высокой художественной культурой, хорошим знанием жизни. И, ко всему прочему, он умел объективно показать изображаемые им исторические события.

Митрофан Борисович Греков в истории отечественной культуры знаменит тем, что стал первым автором советской диорамы «Взятие Ростова», создание которой было завершено в 1929 году. За неё он был награждён золотыми часами с надписью «Мастеру художественного батального слова М. Б. Грекову от 1-й Конармии».

К 1933 году художник заканчивает работу над панорамами «Оборона Царицына» и «Памятник Первой конной армии».

Греков активно занимался общественной деятельностью. В 1925 году он вступает в Ассоциацию художников революционной России (АХРР) и организует её филиал в Новочеркасске. Он становится постоянным участником художественных выставок в Москве и других городах Советского Союза, получая много доброжелательных отзывов.

Живописец не жалел себя в работе. Увлечённый созданием панорамы боёв за Перекоп в 1920 году, Митрофан Борисович поздней осенью 1934 года выехал в Крым для написания этюдов. Там он заболел и в ноябре месяце умер в Севастополе, где и был похоронен.

Созданная им студия военных художников-баталистов в 1935 году была организационно оформлена. Ей было присвоено имя основателя студии.

Художественное наследие донского казака М. Б. Грекова бережно хранится в Государственной Третьяковской галерее, музее политической истории революции и Центральном музее Вооружённых сил в Москве, в Ростовском областном краеведческом музее и в филиале Новочеркасского музея истории донского казачества — Доме-музее М. Б. Грекова.

В Советском Союзе в 1966–1991 годах за лучшие живописные произведения на военно-патриотическую тему ежегодно ко Дню Победы, то есть к 9 мая, присуждались одна золотая и три серебряные медали имени М. Б. Грекова. Казака-донца, прославившего своими талантливыми творениями советскую школу батальной живописи.

Борис Михайлович Шапошников (1882–1945)

Маршал Советского Союза. Начальник Генерального штаба Рабоче-Крестьянской Красной армии (РККА)

Родился в уральском городе Златоуст (тогда Уфимской губернии, ныне Челябинской области). Происходил из потомственных оренбургских казаков.

В 1903 году закончил военное училище в Москве. Офицерскую службу начал в Туркестанском военном округе, затем продолжил в приграничном Варшавском военном округе. В 1910 году успешно закончил Николаевскую академию Генерального штаба. Занимал командные и штабные должности в пехоте и кавалерии.

Участник Первой мировой войны. В кампании 1914 года Шапошников командовал пехотным полком. Потом служил в казачьих войсках. Был начальником штаба Туркестанской казачьей бригады, которая состояла их двух полков: 5-го Оренбургского и 2-го Уральского. Затем назначается начальником штаба Отдельной Сводной казачьей бригады.

Весной 1916 года подполковник Б. М. Шапошников становится начальником штаба 6-й Донской казачьей дивизии. Когда он оставлял из-за нового назначения этот пост, начальник дивизии генерал Г. Л. Пономарёв в своём приказе писал:

«…Энергия, отличная подготовка, инициатива, понимание военной обстановки, честное отношение и любовь к военному делу, служебная тактичность, всегдашняя готовность оказать содействие и помощь своим сослуживцам и подчинённым своими познаниями, умелое руководство своими подчинёнными, — вот те данные, которые присущи служебной деятельности подполковника Шапошникова и которые заставляют сожалеть об уходе из дивизии этого столь полезного штаб-офицера.

Приношу от лица службы благодарность подполковнику Шапошникову, выражаю сердечное пожелание, чтобы новое назначение дало ему полное удовлетворение, как по роду занятий, так и применению своих сил и познаний…»

Мировую войну полковник Шапошников заканчивал командиром полка в Кавказской гренадерской дивизии, которая сражалась на Восточном (Русском) фронте. В декабре 1917 года

на съезде делегатов военно-революционных комитетов был избран начальником штаба этой дивизии.

В Красную армию бывший офицер, а теперь военспец Шапошников вступил в 1918 году добровольно. Военный опыт и знания позволили ему сразу занять высокие должности. Сперва он был помощником начальника Оперативного управления штаба Высшего военного совета. В феврале 1919 года становится помощником начальника штаба народного комиссара по военным делам Украины.

Но наиболее отличился в ходе Гражданской войны бывший полковой командир кавказских гренадер на последующих должностях в Красной армии. С августа 1919 года Шапошников исполняет должность начальника разведывательного отдела, затем начальника Оперативного управления Полевого штаба Реввоенсовета Республики. Принимал участие в разработке плана контрнаступления Красной армии против деникинских Вооружённых сил Юга России в октябре 1919 года.

Шапошников стал одним из авторов плана кампании 1920 года на Юго-Западном и Западном фронтах, а также Южного фронта, действовавшего против Русской армии генерала Врангеля. За инициативу, проявленную при разработке этих стратегических операций, был награждён орденом Красного Знамени.

В ходе тех больших военных событий состоялось личное знакомство Бориса Михайловича со Сталиным и Ворошиловым, что во многом предопределило его дальнейшую судьбу.

По окончании Гражданской войны, в 1921 году, Шапошников назначается первым помощником начальника штаба РККА. В 1925–1928 годах он командует войсками Ленинградского и Московского военных округов. Затем три года является начальником штаба РККА. В 1931–1932 годах командует войсками Приволжского военного округа, после чего три года работает начальником и военным комиссаром Военной академии имени М. В. Фрунзе.

Сталинские репрессии не коснулись бывшего полковника старой русской армии. В 1935–1937 годах он снова командует войскам и хорошо знакомого ему Ленинградского военного округа. С мая 1937 года до августа 1940 года Б. М. Шапошников исполнял должность начальника Генерального штаба РККА. Затем назначается заместителем народного комиссара обороны СССР.

В 1940 году Борису Михайловичу Шапошникову присваивается высокое звание Маршала Советского Союза.

Великую Отечественную войну 1941–1945 годов Б. М. Шапошников начал начальником штаба Западного

направления. Затем вновь был назначен начальником Генерального штаба. Принимал самое непосредственное участие в разработке предложений о подготовке и проведении ряда важнейших стратегических операций советских войск в 1941–1942 годах: Смоленского сражения и зимнего контрнаступления Советской армии под Москвой.

В мае 1942 года маршал Шапошников назначается заместителем наркома обороны СССР. С июня 1943 года и до конца своей жизни Борис Михайлович являлся начальником Военной академии Генерального штаба. До дня великой Победы он не дожил всего полтора месяца. Был похоронен выходец из оренбургского казачества у Кремлёвской стены…

После себя Шапошников оставил фундаментальный научный труд «Мозг армии», в котором раскрыл особенности руководства современной войной и роли Генерального штаба как органа Верховного Главнокомандования.

Заслуги Маршала Советского Союза Б. М. Шапошникова перед социалистическим Отечеством были высоко оценены. Среди его наград — три ордена Ленина, два ордена Красного Знамени, орден Суворова 1-й степени, два ордена Красной Звезды.

Имя Шапошникова было присвоено Высшим офицерским курсам «Выстрел» и одной из улиц Москвы.

Иван Лукич Сорокин (1884–1918)

Есаул. Главнокомандующий Красной армией Северного Кавказа в 1918 году

И. Л. Сорокин был одним из тех подлинных героев Гражданской войны, которых «выплеснул» на верх тех исторических событий буйный водоворот вооружённого противостояния Красного и Белого движений. Он стал таким самородком из народа в ходе вооружённой борьбы двух полярных классовых сил, как, к примеру, казаки Миронов и Шкуро, Каширин и Семёнов, Подтёлков и Покровский…

Иван Сорокин родился в станице Петропавловской Кубанской области в казачьей семье среднего достатка. С детства отличался решительным характером, который, однако, не помешал ему успешно закончить Екатеринодарскую военно-фельдшерскую школу. Она готовила кадры полковых медицинских работников для Кубанского и Терского казачьих войск.

…Первая мировая война началась для военфельдшера Сорокина в рядах первоочередной 1-й Кубанской пластунской бригады на Кавказском фронте. Там казачья пехота с берегов Кубани, Дона и Терека демонстрировала чудеса героизма, отличившись едва ли не во всех сражениях с турками, которые провела Отдельная Кавказская армия под командованием прославленного полководца старой России генерала от инфантерии Н. Н. Юденича. Это были Сарыкамыш и Ардаган, Эрзерум и Трапезунд, Эрзинджан и Хопа…

Военфельдшер Иван Сорокин воевал «примерно», не раз заменяя в окопах стрелков-пластунов и младших командиров в бою. Он был замечен начальством и отмечен боевыми наградами. Уже на второй год войны, в 1915-м, его отправляют на учёбу во 3-ю Тифлисскую школу прапорщиков, которую он заканчивает в чине казачьего хорунжего.

Сперва Сорокин проходил службу младшим сотенном офицером в 3-м Линейном казачьем полку. После новых отличий в боях с турками он получает чин есаула и становится командиром сотни 1-го Лабинского казачьего полка 2-й Кавказской казачьей дивизии. Воевать пришлось всё на том же Кавказском фронте…

Энергичный есаул Иван Сорокин не остался в стороны от Октябрьских событий. В начале 1918 года, когда старая русская армия прекратила своё существование, и казаки-фронтовики вернулись в родные станицы и хутора, бывший офицер организует казачий революционный отряд силой в 150 сабель. Свой отряд он привёл к железнодорожной станции Тихорецкой, где влился в состав Юго-Восточной революционной армии, которой командовал бывший казачий хорунжий А. И. Автономов.

Сорокин лихо и успешно командовал своим конным отрядом земляков на Кубани, где с начала 1918 года полыхала Гражданская война. Он умело командовал, умел сказать на митинге призывное слово, принять волевое решение. К Ивану Сорокину тянулись люди, и вскоре в его отряде насчитывалось до четырёх тысяч красных казаков. И не только казаков.

Бывший военный фельдшер становился для белого командования, основу которого составляли спецы императорского Генерального штаба, опасным противником. В апреле 1918 года сорокинский отряд нанёс сильный удар по корниловской Добровольческой армии, которая героически штурмовала город Екатеринодар.

Этот успех был замечен командованием красных войск, и в том же апреле Иван Сорокин становится помощником главнокомандующего войсками Кубано-Черноморской республики (была и такая в годы Гражданской войны в России). Однако вскоре Сорокин стал проявлять открытое неподчинение Автономову, проявляя известную «самостийность». Хотя ради справедливости надо заметить, что оба они имели во многом схожие взгляды на происходящие события.

Но и его прямой начальник допускал то же самое по отношению и к вышестоящим инстанциям. Такова была стихия Гражданской войны. В результате за отказ подчиниться контролю ЦИК и Чрезвычайного штаба Кубано-Черноморской республики по решению 3-го съезда Советов той же республики А. И. Автономов был снят с должности.

После снятия Автономова в мае 1918 года Иван Сорокин довольно успешно командовал сложным Ростовским боевым участком теперь уже против деникинской Добровольческой армии. Затем ему вверяется группа войск на Северном Кавказе.

Красным войскам на российском Юге требовался новый военный вождь: решительный, умеющий побеждать, популярный. 3 августа 1918 года политическим руководством Кубано-Черноморской республики бывший казачий офицер Иван Лукич Сорокин назначается главнокомандующим войсками Северного Кавказа. С 3 октября того же года он становится временно

исполняющим обязанности командующего 9-й армией.

Вне всякого сомнения, Сорокин обладал прекрасными организаторскими способностями, личной храбростью, военным опытом, перенесённым им с Кавказского фронта в пламя Гражданской войны. Его личную популярность исследователи под сомнение не ставят. Он выступал за то, чтобы старые военные специалисты служили в рядах Красной армии. Его речи на митингах оказывали «зажигающее действие».

Но… в скором времени главнокомандующий Красной армии Северного Кавказа стал в своих частых публичных выступлениях критиковать местные партийные и советские органы за их открыто враждебную политику по отношению к казачеству. Он говорил о том, что политическое руководство не знает «местной специфики».

В нём рано развилось большое честолюбие, или, говоря иначе, от высокой должности, прав и возможностей закружилась голова. Хотя боевых успехов в конце 1918 года у красных на российском Юге становилось всё меньше и меньше: кубанское казачество в своей массе колыхнулось на сторону Белого движения. Историк-белоэмигрант А. А. Гордеев писал о тех событиях так:

«…Красные под начальством фельдшера Сорокина отступили за Кубань. Вторая часть (Таманская армия. — *А. Ш.*) отступила в сторону Новороссийска и дальше на Черноморское побережье, а оттуда передвинулась и сблизилась с частями Сорокина.

На территории Кубани было сосредоточено до 90 000 красных войск при 124 орудиях против 35–40 000 человек добровольцев при 89 орудиях. Станицы всё время переходили из одних рук в другие…»

Сорокин стал стремиться к неограниченной власти. По его приказам производились незаконные реквизиции, аресты и расстрелы. Во второй половине 1918 года он уже открыто противопоставлял себя руководству Кубано-Черноморской республики, которое поддерживало тесную связь с Москвой.

Под предлогом укрепления дисциплины в красных частях он отстраняет от командования Белореченским округом Г. А. Кочергина. Приказывает расстрелять якобы за невыполнение его приказа командующего Таманской армией И. И. Матвеева, человека большой личной популярности среди бойцов.

Сорокинский конфликт с руководством Советской республики в Кубано-Черноморском крае близился к концу. На съезде командного состава Красной армии Северного Кавказа главнокомандующий обвинил политическое руководство республики в плохом снабжении красных войск продовольствием

и обмундированием, боеприпасами и денежным довольствием. В том вызревшем конфликте эта речь стала последней каплей.

Сорокина решают снять с поста главнокомандующего. Дело дальше обстояло так. Секретарь Кубано-Черноморского края М. И. Крайний перебросил через стол президиума того съезда краскомов записку председателю ЧК М. П. Власову. В записке говорилось о том, что на днях будет решаться вопрос о снятии Сорокина. В записке говорилось:

«…Или эта сволочь, или мы».

Однако Власов не заметил переброшенной ему записки. Её поднял начальник пятигорского гарнизона Чёрный, который был сторонником главнокомандующего.

На следующий день Сорокину стало известно содержание записки Крайнего. Он собирает Военный совет армии, который принимает обвинительное решение по отношению к руководству Кубано-Черноморского края. Руководители края обвиняются, ни много ни мало, в измене революционному делу и приговариваются к расстрелу.

21 октября 1918 года у подножия горы Машук на окраине Пятигорска были расстреляны председатель ЦИК Кубано-Черноморской республики А. А. Рубин, секретарь крайкома М. И. Крайний, председатель ЧК М. П. Власов, председатель фронтовой ЧК Б. Г. Рожанский.

Дальнейшие события развивались быстро. 27 октября на железнодорожной станции Невинномысской экстренно собрался Чрезвычайный съезд Советов Северного Кавказа. Своим решением он объявил главнокомандующего Ивана Сорокина и трёх его заместителей вне закона.

30 октября Сорокин был арестован в Ставрополе, близ которого шли тяжёлые бои. До суда его помещают в городскую тюрьму под надёжную охрану — опасаются попытки освобождения.

1 ноября в камеру врывается с оружием в руках командир 3-го Таманского полка Таманской армии И. Т. Высленко. Он убивает заключённого: тогда считалось, что это была личная месть за убийство командарма таманцев Матвеева.

Вячеслав Матвеевич Ткачёв (1885–1965)

Генерал-майор. Начальник авиации белой Русской армии (1920 год)

Родился в станице Келермесской Майкопского отдела Кубанской области. Происходил из потомственных дворян Кубанского казачьего войска. В 1904 году окончил Нижегородский графа Аракчеева кадетский корпус, в 1906 году — столичное Константиновское артиллерийское училище. Был выпущен хорунжим во 2-ю Кубанскую казачью батарею.

В 1910 году сотник Вячеслав Ткачёв стал офицером-воспитателем в Одесском кадетском училище. К тому времени кубанский казак уже всей душой полюбил воздухоплавательное дело и закончил частную авиационную школу Одесского аэроклуба.

После её успешного окончания по собственному желанию был откомандирован снова в казачью конную артиллерию. В 1912 году поступает в Севастопольскую офицерскую школу авиации. После трёх месяцев обучения в декабре того же года сдаёт выпускные экзамены на звание военного лётчика. Затем начинается служба в киевской 3-й авиационной роте вместе с прославленным русским асом П. Н. Нестеровым.

Был награждён золотым жетоном Киевского общества воздухоплавания с надписью «За наиболее выдающийся в России перелёт в 1913 году». Этот перелёт протяжённостью в 1500 вёрст был совершён по маршруту Киев — Одесса — Керчь — Тамань — Екатеринодар с целью тренировки в продолжительности полётов и ориентировки на незнакомой местности.

…Первую мировую войну казачий подъесаул Вячеслав Ткачёв встретил командиром 20-го авиационного отряда, приданного штабу 4-й армии. Первыми боевыми заданиями авиаторов на Юго-Западном фронте стали полёты на разведку вражеских сил.

Он стал первым в русской армии георгиевским кавалером среди военных лётчиков. Свой первый подвиг в небе он совершил 12 августа 1914 года. В высочайшем приказе о награждении орденом Святого Георгия 4-й степени подъесаула Вячеслава Михайловича Ткачёва писалось:

«Награждается… за то, что… произвёл смелую и

решительную воздушную разведку в районе Люблин — Белжеце — Ополе — Юзефов — Анополь — Боров — Госцерадов — Уржендов — Красник — Люблин, проник в тыл и фланги неприятельского расположения.

И, несмотря на действительный огонь противника по аппарату, сопровождавший его в течение всего полёта и повредивший жизненные части аппарата, с исключительной находчивостью, доблестным присутствием духа и беззаветным мужеством выполнил возложенную на него задачу по раскрытию сил и определению направления движения колонн противника.

Вовремя доставил добытые разведкой сведения первостепенной важности и тем способствовал принятию стратегических решений, приведших к одержанию решительного успеха над противником».

За годы Первой мировой войны военный лётчик вырос до полковничьего чина и был награждён четырьмя боевыми орденами, а также французским «Военным крестом».

В мае 1917 года получил в награду за результативные воздушные разведки (у Тарнополя, в районе рек Золотая и Гнилая Липы, Стыри, под Луцком) и воздушный бой с вражеским «Альбатросом», вооружённым пулемётом, Георгиевское оружие — саблю с надписью «За храбрость».

Ткачёв в 1916 году стал командующим 11-м авиационным дивизионом, затем инспектором авиации армий Юго-Западного фронта. В июне 1917 года был назначен исполняющим делами начальника Полевого управления авиации и воздухоплавания при штабе Верховного главнокомандующего. То есть В. М. Ткачёв стал командующим всей авиацией Российской армии.

Его перу принадлежит первое в истории военной авиации России пособие по тактике ведения воздушного боя. Оно под названием «Материал по тактике воздушного боя» было издано в Петрограде в 1917 году.

В конце ноября 1917 года полковник Ткачёв покинул Могилёвскую Ставку и уехал на Кубань. Там он вступает в белый партизанский отряд полковника Кузнецова, действовавший у Майкопа. Попал в плен и чудом избежал расстрела (за него заступились казаки-кубанцы).

После занятия Кубанской области белой Добровольческой армией, в марте 1919 года сформировал в Екатеринодаре 1-й Кубанский авиационный отряд. В мае того же года отличился с ним в операции у станицы Великокняжеской, где совместно с авиационным отрядом Донской армии действовал против частей красной 10-й армии и кавалерийских дивизий С. М. Будённого и Б. М. Думенко.

Был ранен с земли у села Ивановка винтовочной пулей во время одной из атак противника с воздуха. После этого участвовал в боях на Царицынском направлении. Был назначен начальником авиации Вооружённых сил Юга России.

Оказавшись в Крыму, генерал-майор В. М. Ткачёв вступил в должность начальника авиации Русской армии генерала П. Н. Врангеля. Кубанский казак стал одним из первых бойцов Белого движения, награждённых (22 июня 1922 года) орденом Святого Николая Чудотворца.

В те годы Ткачёв показал себя талантливым организатором взаимодействия авиации с сухопутными войсками в ходе Гражданской войны. Такое взаимодействие осуществлял на практике. Во время прорыва фронта белых в Северной Таврии кавалерийской ударной группой Д. П. Жлобы, угрожавшей захватом города Мелитополя, разработал план операции по сдерживанию красной кавалерии с помощью авиации. Результаты этой воздушной операции превзошли все ожидания.

Белая авиация с 15 по 21 июня 1920 года в долине реки Юшанлы сумела полностью деморализовать ударную группу Жлобы, результатом чего явилось почти полное её уничтожение. Сам Жлоба за понесённое поражение был снят со своего поста и отдан под суд.

В своих мемуарных воспоминаниях Врангель неоднократно упоминает генерала Ткачёва, называя его «выдающимся лётчиком», и пишет, что в боях против красной конницы Жлобы «наши аэропланы оказали нам неоценимые услуги…»

Оказавшись в белой эмиграции, генерал-майор Ткачёв поселился в Югославии. Там он работал редактором журнала «Воздухоплавник гласни», некоторое время служил в инспекции авиации Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев (Королевства СХС). Написал ряд пособий для югославской авиации. Проживал в городах Нови-Сад и Земун. В антисоветской деятельности участия не принимал.

В годы Второй мировой войны работал начальником внеклассного воспитания русской молодёжи мужской и женской гимназий города Белграда. С занятием советскими войсками Белграда был арестован СМЕРШем 3-го Украинского фронта и отправлен (этапирован) в Москву.

Там его обвинили «в сочувствии мировой буржуазии, терроризме и участии в антисоветской организации». В августе 1945 года 60-летнего белого генерала Ткачёва осудило Особое совещание при МТБ СССР на десять лет содержания в лагерях ГУЛАГа.

Он был выпущен на свободу «с поражением в правах» и без

права жить в больших городах. Поселился в Краснодаре, где жил у своей племянницы. Работал в артели инвалидов имени Чапаева переплётчиком. Несмотря на нищенское существование, написал книгу «Русский сокол», которую посвятил своему другу — легендарному военному лётчику капитану Нестерову. Другая его книга, «Крылья России», была частично опубликована в журнале «Кубань» в 1962 году.

Жена В. М. Ткачёва при приближении советских войск к Белграду уехала во Францию. В 1960-х годах она обратилась к президенту этой страны генералу Шарлю де Голлю с просьбой предоставить её мужу, как награждённому французским «Военным крестом» в годы Первой мировой войны, гражданство Франции. Де Голль такое согласие дал, и за его подписью в Москву пришёл вызов. Советские органы дали разрешение на выезд из СССР. Но Вячеслав Матвеевич отказался покинуть Отечество.

Командующий авиацией Российской армии в 1917 году, он же начальник авиации врангелевской Русской армии в 1920 году, не дожил до своего 80-летия всего несколько месяцев. Он был похоронен на краснодарском Славянском кладбище. В сентябре 1995 года на доме, в котором последние годы жил В. М. Ткачёв, установлена мемориальная доска.

Андрей Андреевич Гордеев (1886–?)

Полковник. Белоэмигрант. Историк. Автор «Истории казаков»

Талантливый певец истории русского казачества родился на Верхнем Дону, в старинной станице Усть-Хопёрской (ныне Волгоградской области). Происходил он из известного рода казаков-хопёрцев, которые пользовались славой в Войске Донском и стали одними из основателей Кавказского линейного войска, его Кубанской части. То есть ещё в родной станице юный Андрей Гордеев соприкоснулся с историей Дона, узнавая о ней из рассказов стариков, первых прочитанных им книг, рассматривая боевые награды родственников.

Пройдя все азы действительной казачьей службы, Гордеев поступил в Виленское военное училище, которое успешно закончил в 1914 году, в год начала Первой мировой войны. И хотя училище готовило пехотных офицеров, выпускника по его просьбе отправили служить в конные казачьи части.

Он получает назначение в 37-й Донской казачий полк третьей очереди, который был сформирован из запасников по случаю начала большой войны. Полк имел боевую биографию, и за участие в освобождении Болгарии от османского ига был награждён Георгиевским штандартом с надписью «За отличие в Турецкую войну 1877–1878 годов».

Казачий офицер доблестно воевал на Русском (Восточном) фронте с первых дней войны. Об этом свидетельствуют его боевые, пусть и немногочисленные награды: ордена Святого Владимира 4-й степени, Святой Анны 4-й степени и почётное Георгиевское оружие с надписью «За храбрость», которое давало ему полное право называться георгиевским кавалером. Последнее являлось лучшей характеристикой отваги русского воина на протяжении полутора столетий.

Наградой для А. А. Гордеева на войне стали и офицерские чины. Он был произведён в сотники, затем в подъесаулы. То есть можно утверждать, что казаку-фронтовику приходилось отличаться много раз, и в самых разных боевых ситуациях.

Довелось ему участвовать в лихих конных атаках и преследованиях отступавшего неприятеля — австрийцев и германцев, в арьергардных делах при отступлении, познать со

своими спешенными казаками все тяготы окопной жизни, пережить на фронте крушение Российской империи, последовавший затем развал распропагандированной русской армии и Русского фронта Великой войны.

Октябрьский переворот 1917 года подъесаул Андрей Гордеев, как и подавляющее большинство казачьего офицерства, не принял. Он хорошо понимал, что на смену старой России идёт новая власть, враждебная устоям казачьего сословия, за лозунгами которой стояли государственная разруха, кровавый террор против любых «носителей» старых взглядов.

Поэтому уже в самом начале Гражданской войны на Дону, в начале 1918 года, Гордеев без колебаний встал в ряды Белого движения. Новая, ещё более ожесточённая война началась для него и земляков-станичников из Усть-Хопёрской в рядах Северной группы Донской армии, которой командовал войсковой старшина Э. Ф. Семилетов.

В рядах Донской белоказачьей армии офицер-фронтовик имел известность. Уже в августе 1918 года за боевые отличия он производится в есаулы и назначается начальником строевого отдела Усть-Медведицкого округа Всевеликого Войска Донского. Он отвечал за казачьи формирования в своём округе, подготовку молодых призывников, помощь станиц и хуторов фронту, который проходил совсем рядом от станицы Усть-Медведицкой.

Когда линия Южного фронта под давлением превосходящих сил красных войск стала перемещаться к югу, есаул А. А. Гордеев вновь оказался в действующих частях Донской армии, теперь уже отступающей. За доблесть и умелое командование людьми в боях против красных он производится в войсковые старшины и в сентябре 1919 года назначается помощником полкового командира.

Гражданскую войну на Юге России полковник Гордеев закончил помощником командира Назаровского полка Атаманской бригады. Бригада первоначально состояла из элиты донского казачества — прославленных своими боевыми заслугами лейб-гвардии Казачьего и лейб-гвардии Атаманского полков. Белые лейб-казаки отличались высокой сплочённостью и в ходе Гражданской войны действовали успешно.

В составе гвардейской бригады будущему зарубежному историку русского казачества пришлось пройти весь тернистый путь отступления Донской армии с родного тихого Дона на Кубань. Это отступление проходило в непрекращающихся кровавых боях.

Атаманцы многократно участвовали в арьергардных столкновениях с преследовавшими белых красными войсками.

Ряды их за время отступления заметно поредели, но традиционная спайка и войсковое товарищество не привели к гибели полков как таковых.

Только малая часть белых атаманцев ушла в Крым, чтобы оттуда на кораблях и судах Черноморского флота навсегда покинуть Отечество, но не забыть его, равно как и историю донского казачества. Исход для любого из них стал подлинной жизненной трагедией, если не сказать большего. Касалось это и Андрея Андреевича Гордеева.

Гражданская война закончилась для белого офицера вместе с сотнями тысяч его соратников уходом в эмиграцию. Оказавшись за пределами российского Отечества, куда ему возвратиться так и не пришлось, Гордеев не потерялся как человеческая личность. Думается, что здесь ему крепко помогла и офицерская честь, и фронтовая закалка, и любовь, привитая с детства, к истории русского казачества. Последнее немаловажное обстоятельство позволило ему стать признанным певцом казачества России в рядах белой эмиграции. Андрей Андреевич не имел специального образования: профессиональным историком его сделала жизнь.

Писать «Историю казаков» А. А. Гордеев стал почти сразу после окончания Гражданской войны. Стал писать на чужбине, полагаясь больше не на архивные документы, а на свои достаточно глубокие знания истории казачьих войск, прежде всего родного Донского, воспоминания белых эмигрантов из числа казаков, работы маститых военных историков из числа участников Белого движения.

Однако «классическая основа» у историка-белоэмигранта несомненно была. Опорой ему служили труды великих российских историков, с которыми он познакомился во время учёбы в Виленском военном училище, и более глубоко и профессионально изучил, оказавшись на чужбине. Исследовательская работа стала той жизненной нитью, которая связывала белоказачьего полковника с тихим Доном.

…В конце 1920-х годов из-под пера казачьего офицера вышел уникальный труд, который не имел аналогов среди работ отечественных историков старой России, — «История казаков». Он создавался автором с душевным подъёмом, любовью к своему казачьему роду, «которому нет переводу» и по сей день.

Работа отличается живым, образным языком, написана увлекательно и интересно для самого широкого круга читателей. Тех читателей, которые стремятся познать не просто многовековую летопись казачества, а вместе с ней и историю государства Российского.

«История казаков» была написана (или завершена) во

Франции. Там же, в Париже, она впервые увидела свет, будучи опубликована небольшим тиражом на русском языке для любителей истории в среде Белой эмиграции. Там же, на французской земле, донской казачий офицер, вероятно, и закончил свою жизнь, хотя дата и место его смерти нам неизвестны. Известно лишь, что до Второй мировой войны он не дожил.

Труд А. А. Гордеева «История казаков» состоит из четырёх самостоятельных частей:

«Золотая Орда и зарождение казачества»;

«Со времени царствования Ивана Грозного до царствования Петра!»;

«Со времени царствования Петра Великого до начала Великой войны 1914 года»;

«Великая война 1914–1918 гг. Отречение государя. Временное правительство и анархия. Гражданская война».

Белоэмигрант Андрей Андреевич Гордеев до конца своей жизни верил, что рано или поздно «его» Россия, для которой он стал изгоем, вернётся на путь естественного мирового развития. Поэтому свою «Историю казаков» завершил такими словами:

«Для ликвидации системы коммунизма в СССР могут быть две возможности — революция и эволюция. Революция, в силу сложившихся социальных условий, невозможна, для осуществления эволюции в сторону нормального развития страны необходимо отказаться от всеобъемлющей системы дирижирования всеми и наряду с управляемой системой ввести в экономическом производстве частный сектор с правом личной инициативы и народного творчества.

Это и будет тот путь, по которому пойдёт дальнейшее нормальное развитие страны» (Гордеев А. А. История казачества. М.: Вече, 2006. С. 633).

Андрей Григорьевич Шкуро (Шкура) (1886–1947)

Генерал-лейтенант. Командующий белой Кубанской армией

Родился в станице Пашковской близ города Екатеринодара (ныне Краснодар), столицы Кубанской области. Происходил из дворян Кубанского казачьего войска. Окончил 3-й Московский кадетский корпус и столичное Николаевское кавалерийское училище. Высокой успеваемостью не отличался, часто ходил в нарушителях дисциплины.

Андрей Шкуро (отцовская фамилия звучала неблагозвучно, поэтому последняя её буква «а» была заменена на «о») из училища выпустился в 1907 году хорунжим в 1-й Уманский полк Кубанского казачьего войска, где стал младшим сотенным офицером. К слову сказать, он уже тогда отличался прекрасной казачьей выправкой и джигитовкой.

С уманцами хорунжий Шкуро принял участие в военной экспедиции в Персию. Он отличился в боевых столкновениях с племенными отрядами шахсеванов, которые своими действиями вызывали внутренние беспорядки во владениях персидского шаха. За отличия в экспедиции (решительность и дерзость в схватках с шахсеванами) казачий офицер был награждён орденом Святого Станислава 3-й степени.

С 1908 года сотник Шкуро служил в 1-м Екатеринодарском кошевого атамана Чепеги казачьем полку. Тот квартировал в самом Екатеринодаре, входя в состав 3-й Кавказской казачьей дивизии Кавказского военного округа. Полком командовал полковник Г. Ф. Бабиев, будущий соратник Шкуро в Гражданской войне.

Первую мировую войну сотник Андрей Шкуро встретил в рядах 3-го Хопёрского полка, сражавшегося в Галиции и входившего в состав 3-го Кавказского армейского корпуса Юго-Западного фронта. Был командиром взвода, потом сотни. В боях не раз показывал смелость и смекалку, умение вести за собой казаков.

За первые две военные кампании офицер награждается орденом Святой Анны 4-й степени, Золотым Георгиевским оружием — шашкой с надписью «За храбрость» и английским орденом Бани. В 1915 году производится в есаулы.

В декабре 1915 года — январе 1916 года Андрей Шкуро, уже войсковой старшина, сформировал армейский партизанский отряд — конный «Кубанский отряд особого назначения старшины Шкуро». В него принимались только охотники (добровольцы), отбиравшиеся из полков лично командиром, который уже в то время отличался известным самоуправством, доставляя немало забот старшим начальникам.

Кубанский конный отряд совершил несколько конных рейдов по ближним тылам неприятеля, доставив своими дерзкими действиями немало тревог для австрийского и германского командования. В 1916 году отряд входил в состав 3-го Конного корпуса.

После Февральской революции 1917 года партизанский отряд казаков-кубанцев оказывается на Кавказском фронте в рядах русского экспедиционного корпуса генерал-лейтенанта Н. Н. Баратова, действовавшего против турок и их местных союзников на территории Персии. Эта страна Шкуро была хорошо знакома ещё по давней необъявленной войне с союзом шахсеванских племён.

Но здесь конным партизанам особо отличиться не пришлось, поскольку линия фронта была только обозначена на карте. Да и к тому же союзники-англичане не желали, чтобы Россия активизировала свои действия у границ Месопотамии (современного Ирака).

В декабре 1917 года войсковой старшина Шкуро получает в командование кубанский 2-й Линейный казачий полк с одновременным производством в чин полковника. Но долго командовать этим полком ему не пришлось, хотя ветер Октября не сразу дошёл до удалённых от Петрограда фронтов.

На Северный Кавказ полковник Шкуро вернулся в феврале 1918 года. Первое время ему приходилось скрываться, поскольку своей открытой враждебности к советской власти он не прятал, а за это можно было запросто поплатиться жизнью.

В мае 1918 года, сформировав партизанский отряд, преимущественно из казачьих офицеров, возглавил восстание в станицах в районе Кисловодска. Белоказакам удалось на короткое время захватить город, но красные войска нанесли им поражение.

Шкуро бежит на Кубань, которую всё больше охватывало пламя Гражданской войны. Там он в самое короткое время сформировал почти десятитысячный партизанский отряд. Во главе своих партизан достаточно успешно боролся против красных войск в Кубанской и Терской областях.

Соединение отряда Шкуро с деникинской Добровольческой армией состоялось у Ставрополя, вокруг которого шли

ожесточённые и кровопролитные бои. На этом этапе Гражданской войны полковник А. Г. Шкуро несколько раз демонстрировал высокое искусство проведения конных рейдов. Сперва он с налёта захватывает на два дня Ставрополь, а потом города Ессентуки и Кисловодск.

В июле 1918 года Шкуро принимает командование над 2-й Кубанской дивизией, заменив раненого генерала С. Г. Улагая. В августе становится начальником Отдельной Кубанской партизанской бригады. В начале ноября вступает в командование 1-й Кавказской казачьей дивизией, которая была создана на основе его отряда и входила в состав Добровольческой армии.

Перед этим, в конце октября, Кубанская рада присвоила Андрею Григорьевичу генерал-майорский чин. Деникину, который на войне не терпел своевольства, пришлось согласиться с таким решением.

В мае 1919 года за успешные действия Шкуро производится в генерал-лейтенанты. Он назначается командиром 3-го Кубанского конного корпуса, в состав которого входили 1-я Кавказская и 1-я Терская казачьи дивизии. С ними Шкуро совершил с 19 мая по 1 июня свой знаменитый рейд, закончившийся прорывом красного Южного фронта, которым командовал В. М. Гиттис. Дело обстояло так.

Южный фронт в районе Донбасса развивал наступление. На стыке его 13-й армии и 2-й Украинской красной армии была поставлена бригада махновцев, не отличавшихся боевой стойкостью. О таком расположении сил противника стало известно белому командованию, и генерал В. З. Май-Маевский, стоявший во главе Добровольческой армии, решил именно здесь нанести сильный контрудар.

В рейд был послан 3-й Кубанский конный корпус, который, подкреплённый бронепоездами, скрытно сосредоточился вместе с бронепоездами в месте прорыва у станции Ларино. Кубанцы генерал-майора Губина атаковали махновцев с фронта, а терцы генерал-майора Топоркова после удара во фланг зашли противнику в ближний тыл.

Махновская бригада не выдержала удара казачьей конницы и в панике бежала, открыв фронт белым. Те захватили в плен свыше полутора тысяч человек, много орудий и пулемётов. Так красный Южный фронт был прорван белоказачьей конницей с первого же удара.

Вошедший в прорыв корпус Шкуро устремился на Юзовку (ныне Донецк, Украина), в тыл 13-й армии А. И. Геккера. Её правофланговая дивизия, атакованная с двух сторон, бросила занимаемые позиции и в беспорядке стала отступать на север.

Теперь на линии Южного фронта зазияла брешь уже в 80 километров.

С этого прорыва и началось наступление Вооружённых сил Юга России. Тем временем 3-й Кубанский конный корпус, громя тылы 13-й армии, ворвался в Бахмут, а от него повернул на восток и нанёс разгромный удар уже по главным силам 13-й армии. Успех был полный.

К 1 июня сопротивление красных войск в Донбассе был о окончательно сломлено. Потеряв более половины своего состава, 13-я армия в беспорядке отступала в северном направлении. Вслед за ней стала отходить соседняя 8-я армия. Белые полностью захватили Донбасс и стали развивать наступление на важный для обеих сторон Харьков…

11 сентября 1919 года Шкуро снова повёл свой 3-й Кубанский конный корпус в глубокий рейд. Удар с целью прорыва фронта наступающей Красной армии наносился от Царицына на Воронеж. Город был взят и удерживался некоторое время совместно с рейдовым корпусом донских белоказаков генерала Мамантова.

Но на этот раз удача отвернулась от белых генералов и их армий. В сражении в районе Касторной белоказаки понесли серьёзное поражение от красной кавалерии, которой командовал бывший драгун Семён Будённый, уроженец Области войска Донского. Это поражение привело к ускорению отступления белых армий — Добровольческой и Донской.

В первых числах января 1920 года генерал-лейтенант А. Г. Шкуро приступает к формированию Кубанской армии. Однако в середине февраля ему пришлось сдать командование генералу Улагаю. Шкуро оказался в резерве командного состава у Деникина и Врангеля. Последний командировал боевого и авторитетного генерала к союзникам России по Антанте с просьбой об увеличении помощи обороне Крыма.

…Белым эмигрантом Шкуро стал в мае 1920 года. Проживал в Югославии, Франции и Германии. Работал в цирке наездником, показывал вольтижировку.

Во время Второй мировой войны сотрудничал с германскими властями, руководил формированием казачьих частей в составе вермахта. Вместе с генералом Власовым был выдан англичанами в Австрии советскому командованию. Суд, который состоялся в Москве, приговорил самого прославленного белого партизана Гражданской войны к смертной казни. Генерал-лейтенант А. Г. Шкуро был повешен 16 января 1947 года.

Николай Дмитриевич Каширин (1888–1938)

Подъесаул. Начальник управления боевой подготовки РККА. Командарм 2-го ранга

Один из видных военачальников Красной армии в годы Гражданской войны происходил родом из семьи оренбургского казака-учителя, впоследствии станичного атамана. Местом его рождения был старинный казачий городок Верхнеуральск (станица Верхнеуральская), который возник как крепость на Уйской охранной линии в 1734 году.

Отец дал сыну хорошее начальное образование, и поэтому Каширин-младший в 1902–1906 годах учительствовал в своей станице. Затем он поступил в Оренбургское казачье юнкерское училище, которое успешно закончил в 1909 году в чине хорунжего.

До Первой мировой войны Николай Каширин служил в 5-м Оренбургском казачьем полку, который сначала носил имя Его высочества эмира Бухарского. После смерти своего венценосного шефа полк стал называться 5-м Оренбургским казачьим атамана Могутова полком.

Молодой офицер оказался не самым надёжным защитником существовавшего строя, скорее вольнодумцем. В 1912 году Каширин за антиправительственную агитацию среди казаков исключается из списков полка и оставляет действительную службу.

С началом Первой мировой войны его призывают в действующую армию. Он снова становится в ряды своего Оренбургского казачьего войска, мобилизованного на войну. С июля 1914 года сотник Н. Д. Каширин командует конно-сапёрной командой 1-й Оренбургской казачьей дивизии.

Воевал он храбро. В марте 1915 года был назначен командиром сотни 10-го Оренбургского казачьего полка. За личную доблесть в боях удостаивается ордена Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость». В декабре того же года становится начальником полковой разведки 9-го Оренбургского казачьего полка.

На фронте Каширин получил известность как удачливый, способный на разумный риск командир казачьей разведки. За

боевые дела он был удостоен четырёх орденов, а многие его подчинённые стали георгиевскими кавалерами. И вообще в мировой войне на Русском фронте оренбургские казаки отличались доблестью.

Особенно прославила сотника разведка, проведённая в ночь на 19 июля 1916 года под городом Владимиром-Волынским. Тогда команда разведчиков действовала как армейские партизаны времён Отечественной войны 1812 года. Они совершили внезапный налёт на штаб австро-венгерской дивизии, разгромили его, взяли штабные документы, пленили нескольких офицеров и почти без потерь вернулись на ту сторону линии фронта, в расположение своей 1-й Оренбургской казачьей дивизии.

За тот подвиг Николай Каширин получил сразу две награды. Первой стал чин подъесаула, второй — орден Святого Владимира 3-й степени. Это была его шестая боевая орденская награда за Первую мировую войну.

Каширин получает ранение и оказывается в госпитале. После выздоровления офицера направляют в его родной город Верхнеуральск. Там он с января 1917 года командует учебной командой 2-го запасного казачьего полка Оренбургского войска, одновременно ведя большевистскую агитацию среди казаков. После Февральской революции решительный и деятельный Николай Каширин избирается председателем полкового комитета.

После Октября 1917 года Каширин однозначно становится на сторону советской власти. В начале 1918 года он формирует в Верхнеуральске красный казачий отряд для борьбы с белоказаками войскового атамана полковника А. И. Дутова. На казачьем Урале начиналась Гражданская война.

Верхнеуральским красногвардейским отрядом Николай Каширин командовал умело. Сумел обеспечить соединение с ним красных Оренбургского и Орского казачьих отрядов. Когда они объединились в один отряд, бывший подъесаул-орденоносец стал его командиром.

Объединённый отряд красных казаков выступает на помощь так называемой Самарской армии и прикрывает её отход, разбив в бою два полка дутовцев. В июле 1918 года Н. Д. Каширина избирают главнокомандующим Южноуральского сводного партизанского отряда (Уральской партизанской армии), действовавшего в тылу у белых на Южном Урале.

С января 1919 года Николай Дмитриевич становится начальником 4-й Уральской стрелковой дивизии, состоявшей из шести стрелковых бригад по три полка в каждой. Впоследствии

она будет переименована в 30-ю стрелковую дивизию. Каширинцы отличились на Восточном фронте тем, что в зимнем наступлении армии адмирала Колчака не позволили ей прорвать линию фронта и зайти своему противнику в тыл.

В том же 1919 году Кашин назначается комендантом Оренбургского укреплённого района. Затем становится начальником 49-й крепостной дивизии Туркестанского фронта.

В начале 1920 года краском Н. Д. Каширин избирается председателем Оренбургско-Тургайского губернского исполкома. Он становится участником 1-го Всероссийского съезда трудового казачества, который проходил в Москве.

В том же 1920 году Каширина возвращают в РККА и направляют, как опытного военачальника, на Южный фронт. Ему поручается командование кавалерийской группой из трёх дивизий — 2-й Ставропольской, 9-й Крымской и 7-й Самарской. Вскоре эта группа, носившая название Александровской, переформировывается в 7-й кавалерийский корпус.

Каширин действовал решительно. Узнав, что севернее Сиваша сосредотачивается врангелевская конница, он решил разбить её, не ожидая подхода 1-й и 2-й Конных армий под командованием С. М. Будённого и Ф. К. Миронова. Красная конница силой в три дивизии внезапно обрушивается на противника, выходит к Геническу. Вскоре его конники оказываются на крымской земле.

Николай Дмитриевич в рядах РККА удостоился двух орденов Красного Знамени. Первый получил за прорыв укреплений белых в районе города Мелитополя. За бои в Северной Таврии и за овладение в Крыму портовым городом Керчью награждён Почётным революционным оружием — шашкой, на золочёном эфесе которой был прикреплён его второй орден Красного Знамени.

После окончания Гражданской войны Каширин участвует в разработке военных реформ. Командует сперва 14-м стрелковым корпусом, затем — 1-м кавалерийским корпусом червонного казачества. В 1925–1930 годах занимает должности помощника командующего войсками Уральского, Белорусского, Московского и Северо-Кавказского военных округов.

С июня 1931 года по июль 1937 года командарм 2-го ранга Н. Д. Каширин командует Северо-Кавказским военным округом. Становится членом Военного совета Народного комиссариата обороны (НКО) СССР.

Он много уделял времени и сил созданию территориальных кавалерийских дивизий, основную массу которых составляло кубанское и терское казачество, вернее то, что от них осталось

после ведения политики «расказачивания», которая началась с «мероприятий» Льва Троцкого и Якова Свердлова.

В июле 1937 года Каширин назначается начальником Управления боевой подготовки Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Однако показать себя на этом высоком посту Николай Дмитриевич так и не успел.

В том печально известном в отечественной истории 1937 году его вместе с В. К. Блюхером, маршалом Советского Союза, и И. П. Беловым, тоже героем Гражданской войны, вводят в состав Военного трибунала по процессу маршала Советского Союза М. Н. Тухачевского.

Сталинские репрессии набирали обороты. В том же году и члены Военного трибуна сами оказались под неправедным судом. Каширин был арестован в августе 1937 года на своей квартире. Расстрелян 14 июня 1938 года в Москве.

Реабилитировали Николая Дмитриевича Каширина, как и многих других жертв сталинских репрессий, в сентябре 1956 года, во время так называемой «хрущёвской оттепели».

Борис Владимирович Анненков (1889–1927)

Генерал-майор. Командующий белой Отдельной Семиреченской армией

Происходил из дворян Новгородской губернии, сын отставного полковника. Окончил Одесский кадетский корпус в 1906 году, а через два года — московское Александровское училище. Вся дальнейшая офицерская служба его проходила в казачьих войсках, куда он был направлен по собственному желанию.

В чине хорунжего он был определён в 1-й Сибирский имени Ермака Тимофеева казачий полк. Командовал в нём сотней. Перед Первой мировой войной офицерская карьера Анненкова едва не оборвалась. За поддержку взбунтовавшихся казаков против рукоприкладства лагерного начальника Бородихина офицер (вместе с 80 казаками) был осуждён и приговорён к полутора годам заключения в крепости и ограничениям в правах. Эта мера наказания была заменена отправкой на фронт.

Воевать Анненкову довелось в составе 4-го Сибирского казачьего полка, в лесах Белоруссии. В первый год войны он удостаивается чина есаула. После поражения в Пинских болотах вывел остатки полка с боями в Гродно.

Там Анненков добился разрешения служить в конных партизанских отрядах, один из которых — Сибирской казачьей дивизии — он сформировал в 1915 году сам. Отличился смелостью и умением вести партизанские операции (диверсии) в тылу германских войск. За боевые заслуги награждается Георгиевским оружием. В 1917 году производится в войсковые старшины.

После развала Русского фронта в декабре 1917 года прибыл в Омск во главе своего отряда. Отказался подчиниться решению местного Совета о разоружении отряда. Анненков был объявлен вне закона. В январе следующего года возглавил в Омске подпольную казачью Организацию тринадцати. Верные ему казаки сосредоточились в ближайших к войсковой столице станицах.

19 марта 1918 года анненковцы совершили налёт на Омский войсковой собор, захватив знамя Ермака. Войсковой старшина

Анненков со знаменем в руках проехал по льду Иртыша и скрылся в Кокчетавской степи. Своей белой партизанской базой он сделал станицу Мельничную в 21-й версте от Омска. К весне 1918 года его отряд насчитывал 200 человек. Налётами на войсковые склады Анненков обеспечил своих людей вооружением.

В марте Б. В. Анненков избирается войсковым атаманом сибирского казачества. Избрание состоялось в станице Атаманской под Омском нелегально созванным войсковым кругом сибирских казаков.

Ещё до мятежа Чехословацкого корпуса (части французской армии) войсковой старшина Б. В. Анненков выступил против советской власти. Однако его партизанский отряд (называемый в документах дивизией) в составе Отдельных конной и стрелковой бригад (300 сабель и 300 штыков) к маю потерпел поражение.

Отряд атамана Анненкова стал одной из активных единиц антибольшевистского подполья Западной Сибири. Весной 1918 года его партизаны (до тысячи человек) выступили вместе с чехословаками. В Омске было образовано Временное Сибирское правительство.

Отряд Анненкова (1500 штыков и сабель) включается в состав 3-го Уральского армейского корпуса Сибирской армии генерала Ханжина и принимает участие в боях против красных войск В. К. Блюхера и Н. Д. Каширина. После взятия Троицка Анненков сформировал четыре полка, артиллерийский дивизион, ряд других подразделений. По решению казачьего круга произведён в полковники.

…Новая страница в биографии Анненкова начинается с приказа военного министра омского правительства Иванова-Ринова о подавлении восстания в Славгородском уезде Алтайского края. В сентябре 1918 года отряд анненковцев разогнал местный совет и провёл массовые экзекуции (порки) и расстрелы местных большевиков.

После подавления Славгородского восстания Партизанская дивизия, получившая имя атамана Анненкова, отправляется в Семиреченскую область. Там шло формирование белых частей для Семиреченского фронта. Но, сформировав шесть полков, Анненков отказался исполнить приказ из Омска о вхождении в состав 2-го Степного Сибирского корпуса генерала И. С. Ефтина, который действовал в Семиречье.

26 ноября 1918 года Анненков, воспользовавшись убытием войскового атамана семиреченского казачества А. М. Ионова, объявил себя атаманом Семиреченского казачьего войска. Но при этом не объяснил, снимает ли он с себя присвоенное ему звание атамана Сибирского казачьего войска.

Адмирал А. В. Колчак, став Верховным правителем России, постарался уладить конфликт в белом стане. В ноябре 1918 года он производит атамана Анненкова в чин генерал-майора и поручает ему в составе 2-го Степного Сибирского корпуса освободить юго-восточную часть Семиречья (современного Казахстана), а также ликвидировать Черскую оборону — сопротивление крестьян 13-ти сёл Лепсинского и Копыльского уездов.

Однако предпринятое в конце января 1919 года наступление Анненкова оказалось неудачным. Карательные экспедиции лишь ожесточили сопротивление населения белой власти. Черская оборона пала только после 16-ти месяцев сопротивления к июню 1919 года. Три роты красноармейцев, которые сдались добровольно, атаман включил в свою Партизанскую дивизию. Адмирал Колчак наградил Б. В. Анненкова орденом Святого Георгия 4-й степени.

Летом 1919 года Красная армия добилась перелома на Восточном фронте: колчаковские армии стали отступать. Генерал И. С. Ефтин приказал Анненкову возглавить оборону Семипалатинска, но тот согласился взять это дело на себя после передачи ему командования над всем 2-м Степным Сибирским корпусом. Ефтин был вынужден согласиться на такое условие. Однако Семипалатинск белые удержать не смогли.

Анненков пополнил свой поредевший корпус отступавшими к китайской границе частями Отдельной Оренбургской армии атамана А. И. Дутова, 4-го армейского корпуса генерала Бакича и создал собственную Отдельную Семиреченскую армию.

29 февраля 1920 года красное командование предложило атаману Анненкову добровольно сложить оружие, но тот ответил отказом. Войска советского Туркестанского фронта перешли в наступление и заняли основные населённые пункты Семиречья. Отряд Анненкова (остатки белой Семиреченской армии) расположился у приграничного перевала через Алатау.

10 мая белые перешли границу и сдались китайским властям, но разоружиться атаман Анненков отказался. Он выдвинулся к городу Урумчи, чтобы оттуда двинуться к Кобдо (Западная Монголия) для того, чтобы начать борьбу против советской власти на Алтае. В марте 1921 года китайцы всё же арестовали Анненкова и его штаб в Гучене и посадили в тюрьму в Урумчи.

Из заключения предводитель белых сил в китайском Туркестане был освобождён в феврале 1924 года. Под давлением белоэмигрантских кругов он дал согласие служить и командовать отрядом в войсках китайского генерала Фэн Юйсяна.

Оказавшись на свободе, деятельный белый атаман

представлял несомненную опасность для Страны Советов. О ГПУ против него была проведена операция, которой руководил советский военный советник в Китае В. М. Примаков. Анненков вместе с начальником своего штаба Денисовым 7 апреля 1926 года был захвачен в гостинице города Калган. Через территорию Монголии они были вывезены из Китая.

Летом 1927 года в городе Семипалатинске состоялся судебный процесс по делу бывших белогвардейцев Анненкова и Денисова. По приговору военной коллегии Верховного суда СССР «за зверства в Гражданской войне» белый атаман был расстрелян.

Кузьма Фирсович Крючков (1890–1919)

Хорунжий. Герой Первой мировой войны

Первый год Первой мировой войны 1914–1918 годов был отмечен многими подвигами русского воинства. Но в их ряду есть один особенно примечательный, совершённый донским казаком Кузьмой Крючковым, который прославил его имя на всю Россию. И сделал его героем Российской Императорской армии среди нижних чинов. Дело обстояло так.

С началом боевых действий 1-я армия генерала П. К. Ренненкампфа 4 августа начала наступление в пределы Восточной Пруссии, обходя действовавшую здесь 8-ю германскую армию севернее Мазурских озёр. С юга обходное движение совершала 2-я армия генерала Самсонова.

В авангарде 1-й русской армии шла 3-я кавалерийская дивизия, в составе которой находился 3-й Донской казачий полк. Её командир, чтобы выяснить обстановку перед собой, приказал выслать вперёд несколько конных разъездов. Один из таких разъездов, состоящий из шести казаков, возглавил приказной (ефрейтор) Кузьма Крючков.

Казачий разъезд благополучно перешёл границу Восточной Пруссии и оказался на неприятельской территории. На следующий день донцы обнаружили у одного из селений вражеский кавалерийский дозор из десяти всадников, а затем ещё один, состоявший из 17 человек. Это свидетельствовало о том, что где-то поблизости располагался крупный отряд немецкой кавалерии. Появление русских конников германцы не заметили.

Крючков, отправив с донесением к командиру полка двух казаков, с оставшимися под его командованием тремя казаками — Астаховым, Ивановым и Щегольковым — решил принять бой. Такое решение требовало большого мужества, поскольку о равенстве сил и говорить не приходилось.

Казаки спешились и устроили для неприятельских кавалеристов засаду. Когда те приблизились, донцы обстреляли немцев из винтовок, после чего, вскочив на коней, бросились на них в лихую атаку. Вражеские кавалеристы, поддавшись панике, стали уходить. Но четыре казака, держа пики наперевес, настигли их по дороге.

Крючков намного опередил своих товарищей и первый врезался в ряды отступавших вражеских всадников. Он взялся за шашку и стал ею рубить направо и налево. Через минуту к нему на поддержку подоспели Астахов, Иванов и Щегольков. На дороге завязалось ожесточённое сражение.

Немцам стало ясно, что на них напало всего горстка русских из четырёх казаков. Тем не менее исход яростного рукопашного боя оказался не на стороне двух германских кавалерийских разъездов: только трём всадникам удалось ускакать от расходившихся казаков, остальные остались лежать на поле боя убитыми и ранеными.

Победители тоже получили множество ранения, но остались в живых. Сам Кузьма Крючков получил в том бою 16 колотых ран, нанесённых ему пиками и саблями. Однако ни одна из них смертельной для жизни или крайне тяжёлой не оказалась, и отважный приказной остался в строю. Лично он уничтожил в том бою одиннадцать вражеских конных солдат.

О громком подвиге донского казака и трёх его боевых товарищей узнала с газетных и журнальных страниц вся действующая русская армия и вся Россия. Пожалуй, летом 1914 года никто из героев-фронтовиков не пользовался среди соотечественников такой популярностью, как бесстрашный конный воин Кузьма Крючков.

Командующий 1-й армией генерал П. К. Ренненкампф телеграфными строками поздравил наказного атамана Войска Донского с героическим поступком казака-донца. И сообщил, что он первым среди армейских нижних чинов награждён Георгиевским крестом 4-й степени. Такие же боевые награды получили и казаки Астахов, Иванов и Щегольков. После излечения в госпитале георгиевскому кавалеру был предоставлен заслуженный краткосрочный отпуск с отъездом на родину…

Герой Первой мировой войны был родом из хутора Нижне-Калмыковский Усть-Хопёрской станицы. Окончил станичную школу, занимался хлебопашеством. Строевую службу начал в 3-м Донском казачьем полку, с которым и встретил войну. Боевое крещение у него получилось героическим.

Вернувшись в строй, Кузьма Крючков продолжал сражаться доблестно и отважно. К концу войны он удостоился ещё двух Георгиевских крестов 2-й и 3-й степеней и двух Георгиевских медалей «За храбрость». За годы войны стал подхорунжим.

После демобилизации старой русской армии Крючков в составе своего 3-го Донского казачьего полка вернулся с фронта домой. Там он встретил начало Гражданской войны, встав на сторону Белого движения. Георгиевский кавалер стал участником

Вёшенского восстания 1919 года, сражаясь в рядах 13-го Донского казачьего полка.

Весной 1919 года за боевые подвиги в ходе Вёшенского восстания производится в офицеры и получает чин хорунжего. Кузьма Крючков участвовал во многих боях на Северном Дону, отличившись в ходе наступления деникинских войск (Донской белоказачьей армии). Погиб прославленный герой Первой мировой войны в августе 1919 года в бою под деревней Лопуховкой Саратовской губернии.

Григорий Михайлович Семёнов (1890–1946)

Генерал-лейтенант. Походный атаман Дальневосточных казачьих войск

Родился на берегах реки Онон в караульском посёлке Куранджа степной станицы Дурулгуевской Забайкалья (ныне Читинская область) в семье зажиточного, образованного казака. Образование получил домашнее: отец имел семь сундуков книг, среди которых были в том числе и буддистские сочинения. Кроме бурятского и калмыцкого языков владел ещё и английским языком. Хорошо знал конное дело и обладал необычайной физической силой.

Юношеские увлечения Григория Семёнова как-то не отвечали его будущему жизненному пути. Он живо интересовался археологией и палеонтологией, принимал участие в научной экспедиции, которая занималась раскопками в окрестностях Куранджи, предпринятой с целью пополнения экспозиции Читинского краевого музея.

В 1908 году Семёнов поступает в Оренбургское казачье училище, которое заканчивает через три года с чином хорунжего. Службу начал в 1-м Верхнеудинском казачьем полку, нижние чины которого в своей массе были бурятами. Кроме этого, Семёнов некоторое время преподавал в бригадной гимнастическо-фехтовальной школе.

В 1912 году с одной из сотен этого полка был отправлен в Ургу (ныне Улан-Батор, столица Монголии) для проведения военно-топографических съёмок. Там он прославился тем, что однажды проехал верхом 350 вёрст за 26 часов по морозной степи.

В январе 1914 года Семёнов переводится в 1-й Нерчинский казачий полк Уссурийской конной бригады. В рядах этого полка прошёл боевое крещение в начавшейся Первой мировой войне. В самом начале её участвовал в Варшавско-Ивангородской операции под русской крепостью Новогеоргиевск.

Первую мировую войну казачий офицер из Забайкалья начал с воинского подвига. В ноябре 1914 года он возвращался с несколькими казаками из разведки. Тем временем прусские уланы в бою захватили знамя 1-го Нерчинского полка, но на своё

несчастье на обратном пути повстречали казаков, которые в беспощадной атаке отбили полковой штандарт. За это дело Григорий Семёнов удостоился ордена Святого Георгия 4-й степени.

Через месяц он совершает на войне новый подвиг. Во время несения дозорной службы будущий белый атаман с одиннадцатью казаками нападает на заставу баварской пехоты, «снимает» её и берёт в плен 65 германцев. Наградой ему стало Золотое Георгиевское оружие — шашка с надписью «За храбрость».

В 1-м Нерчинском полку подъесаул Григорий Семёнов командовал 6-й сотней. А командиром полка в 1915 году был полковник барон П. Н. Врангель, который в своих воспоминаниях так отзывался о подчинённом:

«Семёнов, природный забайкальский казак, плотный коренастый брюнет, с несколько бурятским типом лица, ко времени принятия мною полка состоял полковым адъютантом и в этой должности прослужил при мне месяца четыре, после чего был назначен командиром сотни.

Бойкий, толковый, с характерной казацкой смёткой, отличный строевик, храбрый, особенно на глазах начальства, он умел быть весьма популярным среди казаков и офицеров. Отрицательными свойствами его были значительная склонность к интриге и неразборчивость в средствах достижения цели.

Неглупому и ловкому Семёнову не хватало ни образования (он кончил с трудом военное училище), ни широкого кругозора, и я никогда не мог понять — каким образом мог он выдвинуться впоследствии на первый план гражданской войны…»

Затем Григорий Семёнов воевал в составе 3-го Верхнеудинского полка Забайкальской казачьей дивизии, продолжая отличаться далеко не смиренным нравом. В начале 1917 года участвовал в наступательной операции на Кавказском фронте, которую проводил в Персии русский экспедиционный корпус. В мае 1917 года в чине есаула возвращается на Румынский фронт.

После Февральских событий есаул Семёнов избирается делегатом Всероссийского казачьего съезда, проходившего в Петрограде. Там он подаёт рапорт на имя А. Ф. Керенского, пока ещё военного министра Временного правительства с предложением сформировать у себя на родине, в Забайкалье, отдельный конный бурят-монгольский полк из добровольцев. В рапорте указывалась цель его создания:

«…Чтобы пробудить совесть русского солдата, у которого живым укором были бы эти инородцы, сражающиеся за русское дело».

В сентябре 1917 года Семёнов комиссаром Временного правительства выехал из Петрограда на восток, имея при себе крупную сумму денег для формирования полка бурят-монгольской конницы. Своей ставкой в Забайкалье он избирает не войсковую столицу город Читу, а приграничную железнодорожную станцию Маньчжурия (на территории Китая). У него в подчинении оказываются несколько офицеров и десяток казаков.

Октябрь 1917 года 27-летний полковник Григорий Семёнов, естественно, не принял. И сразу же стал готовиться к вооружённой борьбе с большевиками. Его отряд теперь стал называться Особым Маньчжурским. В этот белый добровольческий отряд принимали любого, кто утвердительно отвечал на три задаваемых волонтёру вопроса:

«В Бога веруешь?»

«Большевиков не признаёшь?»

«Драться с ними будешь?»

К ноябрю 1917 года в его отряде собралось около тысячи (по другим данным — намного меньше) отчаянных людей: офицеров и казаков, монголов из племени баргудов и китайских разбойников хунхузов.

Дальше события развивались так, как говорится в Большой Советской Энциклопедии (3-е издание): Григорий Семёнов поднял восстание в районе города Верхнеудинска (теперь — Улан-Удэ, Бурятия) на станции Берёзовка, положив начало Гражданской войне в Забайкалье. Однако после этого семёновцам пришлось отступить обратно на станцию Маньчжурия.

Особый Маньчжурский отряд усиливается офицерами и казаками Уссурийской конной дивизии, которая возвращалась домой после участия в неудачном походе генерала Краснова на красный Петроград. Командир дивизии генерал Хрещатицкий становится у Семёнова начальником штаба.

При помощи управляющего Китайской Восточной железной дорогой генерала Д. Л. Хорвата и японского командования полковник Семёнов вооружает своих людей, набирает новых добровольцев, среди которых особенно много оказалось конников из племени баргудов. В его отряде в скором времени появляется первая пехотная часть — батальон отслуживших солдат японской императорской армии.

В это время Совещание старших начальников забайкальского казачества избирает полковника Г. М. Семёнова войсковым атаманом Забайкальского казачьего войска.

В феврале 1918 года Семёнов со своим войском, основу которого составляли два полка конницы, переходит русско-

китайскую границу и начинает наступление на Читу. Однако красные отряды под командованием бывшего прапорщика Сергея Лазо отвечают им контрударом, и семёновцы снова отступают на станцию Маньчжурия.

В августе 1918 года вспыхивает мятеж Чехословацкого корпуса. Красные войска отступают из Забайкалья. Семёновцы занимают Читу. После этого атаман становится фигурой номер один среди белых военачальников к востоку от Байкала. Он формирует своё правительство, тесно взаимодействуя с японским командованием.

В ноябре 1918 года в Омске происходит переворот, в результате которого адмирал А. В. Колчак становится Верховным правителем России. Однако Семёнов, имевший под своим командованием до 20 тысяч штыков и сабель, не признал его.

Более того, атаман прервал телеграфную связь Омска с Востоком и стал задерживать грузы, которые шли от Антанты колчаковской армии по КВЖД и Транссибу. Немалая часть из них под угрозой применения силы изымалась семёновцами для себя: оружие, боеприпасы, военное снаряжение, провиант и прочее.

Колчаку пришлось произвести Григория Семёнова в генерал-майоры и назначить командующим 6-м корпусом своей армии, а также утвердить в звании походного атамана Дальневосточных казачьих войск — Забайкальского, Амурского и Уссурийского. И ещё назначить помощником командующего войсками Приамурского военного округа с правами военного губернатора Забайкальской области.

Семёнов начинает тайно готовить «основы своего будущего монгольского государства». В Даурии происходит съезд представителей ряда областей, населённых монголам и, кроме Халхи. Атаману присваивается княжеский титул «цин-вана», то есть «светлейшего князя», «князя 1-й степени». Григорию Семёнову подносятся драгоценные подарки — белый иноходец и шкура белой выдры, которая «родится раз в сто лет».

Колчак просит у атамана для начала наступления на Восточном фронте дать из своих сил хотя бы тысячу штыков, но тот отказывает Верховному правителю России даже в малой помощи. Вскоре колчаковская армия начинает отступление.

А тем временем в Забайкалье ширилось партизанское движение, которое охватило восточную часть области. Вскоре семёновская власть распространяется только на города и полосу вдоль железнодорожной линии Верхнеудинск — Чита — Маньчжурия.

4 января 1920 года адмирал Колчак подписывает, как Верховный правитель, свой последний указ о передаче Верховной

Российской власти главнокомандующему Вооружёнными силами Юга России генерал-лейтенанту А. И. Деникину.

В том же указе Колчак предоставляет атаману Григорию Михайловичу Семёнову «всю полноту военной и гражданской власти на всей территории Российской Восточной окраины» и производит его в генерал-лейтенанты. Атаман становится главнокомандующим вооружёнными силами Дальнего Востока и Иркутского военного округа.

После этого уже бывший Верховный правитель России адмирал Колчак был расстрелян большевиками в Иркутске на берегу Ангары и спущен под речной лёд. Колчак дал Семёнову новую власть, а остатки колчаковских войск спасли атаману жизнь.

К тому времени семёновцы держались только в юго-восточном углу Читинской области да в ряде мест Бурятии. От Иркутска на них наступала красная Восточно-Сибирская армия, с востока — партизаны Восточно-Забайкальского фронта. И тут на арене военных действий появились каппелевцы — остатки колчаковских войск, которые в зимнюю стужу совершили беспримерный 120-вёрстный переход по льду реки Канн, а затем по льду озера Байкал.

В Забайкалье каппелевские части под общим начальством генерала Войцеховского были сведены во 2-й и 3-й корпуса, а атаманские части — в 1-й корпус. Всего — примерно 30 тысяч человек. Общее командование осталось за атаманом Г. М. Семёновым.

Красное командование начало наступательную операцию против белых в Забайкалье, когда 15 октября 1920 года последний эшелон японских войск покинул край. Начались ожесточённые бои, самым крупным из них стал бой на станции Мациевская. В итоге в конце ноября остатки каппелевцев и семёновцев перешли границу Маньчжурии, где были разоружены китайскими властями.

Беженцы осели в основном в полосе КВЖД и городе Харбине, где положили начало его многотысячной белой эмиграции. Сам Семёнов прибыл в Приморье, где у него имелись войска. Но когда во Владивостоке на Соборе правителем Приамурского края и воеводой Земской рати был избран генерал М. К. Дитерихс, бывший начальник штаба Верховного правителя России адмирала Колчака, стало ясно, что Семёнову на Дальнем Востоке определяющей политической фигурой больше не быть.

Подвели его серьёзно и недавние союзники — японцы. Он отдал им на сохранение свой золотой запас — 2,2 тонны золота (золотой монеты и золотого лома), но Токио вежливо отказалось

вернуть его владельцу.

Став белоэмигрантом, атаман Семёнов не сложил оружия в борьбе против советской власти. Он сотрудничал с японским командованием в Маньчжурии (Маньчжоу-Го). Занимался формированием белогвардейских вспомогательных воинских частей, которые на случай войны с Советским Союзом становились резервом императорской армии.

Когда в 1945 году СССР объявил войну Японии и войска трёх советских фронтов начали наступательную операцию, атаман Семёнов был арестован органами контрразведки Красной армии.

Долгое время ходила версия о том, что бывшего белого генерала арестовали на аэродроме города Чаньчуня, куда по ошибке (там уже находились советские войска) приземлился его самолёт, пилотируемый японским лётчиком. В действительности всё было проще. Семёнов был арестован в местечке Какаши в собственном доме. Его доставили в Москву, где он был казнён (повешен) 30 августа 1946 года по приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР.

Харлампий Васильевич Ермаков (1891–1927)

Есаул. Прототип Григория Мелехова — главного героя романа М. А. Шолохова «Тихий Дон»

Михаил Шолохов, всемирно известный советский романист, лауреат Нобелевской премии 1965 года, создавая «Тихий Дон», главным героем сделал своего земляка, которого знал лично и с которым много беседовал о его жизни. Сегодня можно утверждать, что прототипом Григория Мелехова была действительно легендарная личность казачьего Дона в Первую мировую и Гражданскую войны — Харлампий Васильевич Ермаков…

У этого человека, даже для времён Гражданской войны в России, удивительная по личному трагизму судьба. Он прожил всего лишь немногим более 36 лет. Из них десять лет находился на военной службе, но какой?! Пять лет верой и правдой служил «Богу, царю и Отечеству» в старой русской армии. Три с половиной года служил в Красной армии. Полтора года прослужил в Белой армии.

И, кроме того, два с половиной года просидел в советских тюрьмах, пока его не расстреляли как «контрреволюционера» и «врага народа». Подпись под постановлением о расстреле Х. В. Ермакова поставил небезызвестный в истории СССР Генрих Ягода, причастный к массовым сталинским репрессиям, который в 1927 году был пока ещё только заместителем председателя ОГПУ.

А начинал Харлампий Ермаков свой жизненный путь так же, как подавляющая часть донских казаков на рубеже двух столетий.

…Родился на хуторе Базки (или хутор Антиповский) станицы Вёшенской Области Войска Донского (ныне Ростовская область). Вырос и получил воспитание в трудовой здоровой казачьей семье. Окончил вёшенскую двухклассную церковно-приходскую школу.

Много читал, занимаясь самообразованием. Своё образование Харлампий Ермаков основательно пополнил, уже находясь на службе. В 1914 году он прошёл курсы учебной команды и общеобразовательные в Новочеркасске; в 1917-м — краткосрочное обучение в Новочеркасском казачьем военном училище; в 1921 году — красные курсы в Таганроге.

Молодой казак начал действительную службу в январе 1913 года. До 1916 года он служил в 12-м Донском казачьем генерал-фельдмаршала князя Потёмкина-Таврического полку, который находился на русско-германском фронте. Получил чин подхорунжего, был взводным урядником.

В том, что Харлампий Ермаков являлся подлинным героем Первой мировой войны, сомнений нет, поскольку за первые два года боевых действий отважный донской казак станицы Вёшенской (как и шолоховский Григорий Мелехов) был награждён полным Георгиевским бантом. То есть имел все четыре Георгиевских креста — 1-й, 2-й, 3-й и 4-й степеней — и четыре Георгиевских медали «За храбрость»!

При этом надо учесть, что казак Ермаков был за это время 14 (!) раз ранен и имел контузию. В ноябре 1916 года, получив тяжёлое ранение в левую руку, был отправлен с фронта на излечение в Ростовский госпиталь, откуда затем его отправили домой.

В июне 1917 года он был мобилизован во 2-й Донской казачий запасной полк, стоявший в станице Каменской. Согласно Георгиевскому статуту, полный георгиевский кавалер производится в офицеры — в хорунжие. В Каменской он встретил Октябрь 1917 года и начало Гражданской войны на Дону, что стало самым сложным и противоречивым периодом в его жизни, равно как и в судьбе шолоховского героя.

…Первоначально хорунжий Харлампий Ермаков встал на сторону Советов, вступив в отряд Ф. Г. Подтёлкова. В бою с отрядом калединского офицера В. М. Чернецова (легендарного героя белого Дона) у станицы Лихой он получает ранение и отправляется домой.

В станице Вёшенской его в феврале 1918 года сперва избирают атаманом, затем председателем исполкома той же станицы, а вскоре, когда власть опять поменялась, он становится помощником станичного атамана. Но мирная жизнь длилась для Ермакова всего два месяца.

Летом и осенью 1918 года Харлампий Ермаков служит в рядах белой Донской армии генерала Краснова. Казачий офицер сражается на антибольшевистском Северном фронте в составе 26-го Донского казачьего полка, где был сотенным вахмистром. Полк воевал на Царицынском и Балашовском направлениях.

В декабре 1918 года вместе с казаками своего полка бросает фронт и возвращается домой, в станицу Вёшенскую. Там он волей судьбы (как и Григорий Мелехов) принимает деятельное участие в Верхнедонском (или Вёшенском) восстании казаков 1919 года, вспыхнувшем 12 марта.

Сперва хорунжий Харлампий Ермаков избирается командиром повстанческой сотни, затем командиром казачьего полка и вскоре после того назначается командиром отрядов Каргалинского района боевых действий, сведённых в дивизию под его начальством.

Естественно, возникает вопрос: почему недавний фронтовик, бросивший ряды белоказачьей армии генерала Краснова, уставший от войны с её кровопролитием, снова взялся за оружие? Что заставило его это сделать? Почему герой Первой мировой войны опять стал участвовать в новой для себя войне, войне Гражданской?

Причина была веская и смертельно опасная для человека, носившего на плечах офицерские погоны, а на груди «царские» кресты и медали. Вошедшие на Верхний Дон красные воинские части, получив циркулярное письмо Оргбюро ЦК РКП(б) от 24 января 1919 года за подписью Я. М. Свердлова, приступили к исполнению широкомасштабной операции по «расказачиванию». Во многих местах она вылилась в подлинный геноцид казачьего населения, массовые расстрелы казаков — стариков и лиц призывного возраста.

Офицер Харлампий Ермаков, в соответствии с требованиями вышеуказанного документа, подлежал безоговорочному уничтожению как «классовый враг». Поэтому он и оказался в рядах участников Вёшенского восстания, защищавших свои жизни, свои семьи, свой уклад жизни и право называться казаками.

Своей сводной дивизией хорунжий Ермаков командовал до соединения вёшенских повстанцев с Белой армией. Когда к станице Вёшенской подошла группа генерал-майора А. С. Секретова, он сдал командование дивизией и получил назначение офицером для поручений при его штабе. В августе 1919 года в бою под станицей Филимоновской получает ранение в левую руку и снова оказывается в госпитале.

В октябре выздоровевший Харлампий Ермаков назначается помощником командира полка по хозяйственной части, затем — по строевой части. Новый атаман Всевеликого войска Донского генерал А. П. Богаевский производит его сперва в сотники, а через месяц — в есаулы.

Белые войска на Юге России после неудавшегося деникинского похода на Москву отступали. Часть Донской белоказачьей армии уходила на Кубань. В начале марта 1920 года Ермаков под станицей Георгиевской с большой группой донцов попадает в плен к красно-зелёным.

Военнопленные белые казаки вскоре пополняют ряды

Красной армии. Красноармеец Харлампий Ермаков участвует во взятии Новороссийска. Вскоре становится командиром кавалерийского эскадрона, затем принимает дела командира 3-го отдельного кавалерийского полка.

Во главе этого полка, вошедшего в состав 1-й Конной армии, он принимает участие в боях на Польском фронте, участвует во взятии города Львова. Затем его полк перебрасывают вместе с другими будённовскими частями на Южный фронт, против Русской армии генерала Врангеля.

Ермаков чувствует, что недоверие к бывшему белому офицеру в его лице, несмотря на всю его воинскую доблесть, не ослабело у красного командования. Он дважды подвергается фильтрации в Особых отделах 1-й Конной армии и Юго-Западного фронта. Но ничего компрометирующего его не находят.

Ермакова переназначают во 82-й кавалерийский полк, в котором было много донских казаков. После завершения войны в Крыму полк перебрасывается на Дон, который всё ещё живёт отголосками Гражданской войны. Там ему поручают вести борьбу с повстанческими «бандами» Попова и Андрианова.

В середине 1921 года следует новое назначение — командиром школы младших командиров (дивизионной кавалерийской школы) в городе Майкопе. Ермаков продолжал расти по служебной лестнице в Рабоче-Крестьянской Красной армии (РККА)…

Но тучи уже сгущались над его головой. Командующий Северо-Кавказским военным округом, верный сподвижник Сталина, один из лидеров военной оппозиции на VIII съезде РКП(б) К. Е. Ворошилов развернул беспощадную борьбу с бывшими офицерами. В феврале 1923 года старший краском Харлампий Ермаков уволен из рядов РККА.

Он возвращается в станицу Вёшенскую, в родной хутор Базки. Его приглашают на работу в сельсовет. Но в том же 1923 году Ермакова арестовывают. Следствие не дало против него улик, и в следующем году бывший белый и красный офицер освобождается под поручительство. Решение об освобождении принял краевой суд.

Ермаков встречается с молодым, уже известным писателем Михаилом Шолоховым, своим земляком. Рассказывает ему о своей судьбе, об участии в войнах, о службе в трёх армиях — Российской императорской, Белой и Красной. Поразительная по личному трагизму судьба героя-казака поразила Шолохова. Так появилась идея создания «Тихого Дона» с главным его героем Григорием Мелеховым.

В январе 1927 года Харлампия Ермакова вновь арестовывают.

Но сфабриковать против него дело так и не удалось. Тогда вмешалась Москва — судебная коллегия Объединённого главного политического управления СССР, которая принимает расстрельное постановление.

Реабилитация состоялась только в августе 1989 года. Президиум Ростовского областного суда отменил постановление коллегии ОГПУ и прекратил дело в отношении Харлампия Ивановича Ермакова «за отсутствием состава преступления».

Михаил Александрович Шолохов (1905–1984)

Русский советский писатель. Дважды Герой Социалистического Труда. Академик АН СССР. Лауреат Нобелевской премии

Родился на хуторе Кружилин станицы Вёшенской Донецкого округа Области Войска Донского (ныне Вёшенский район Ростовской области). Отец его был выходцем из Рязанской губернии, поселившимся на Дону, мать — казачкой. Будущий великий советский романист рос и воспитывался в казачьей среде, с детства впитав в себя традиции и быт, нравы и историю верхнедонского казачества.

После учёбы в церковно-приходской школе поступил в гимназию, но закончил в ней только четыре класса: началась Гражданская война. Михаил Шолохов в автобиографии рассказывает о том времени:

«…С 1920 года служил и мыкался на Донской земле. Долго был продработником. Гонялся за бандами, властвовавшими на Дону до 1922 года, и банды гонялись за нами…»

С юных лет ему пришлось трудиться. Работал учителем, помогая ликвидировать неграмотность среди взрослого населения, делопроизводителем в станице Каргинской, продовольственным инспектором.

В 1923 году 18-летний Михаил Шолохов уезжает в Москву. Там он трудится чернорабочим, каменщиком, грузчиком, счетоводом в домоуправлении. Но ему хотелось писать, и начальные опыты литературной деятельности у него уже были.

В первые годы московской жизни был корреспондентом газеты «Юношеская правда». Там опубликовал под псевдонимом М. Шолох фельетоны «Испытание», «Три» и «Ревизор». Они свидетельствовали о наблюдательности и одарённости автора.

В 1920-х годах Михаил Шолохов печатается в газетах и журналах «Комсомолия», «Смена», «Прожектор», «Огонёк». Его ранние рассказы были объединены в сборники «Донские рассказы» и «Лазоревая степь», которые вышли в 1926 году. Они имели большой успех в читательской среде.

Шолохову, как писателю, очень повезло в начале творческого пути. Повезло благодаря его несомненно большому таланту

мастера прозы, которому суждено было стать романистом. Его соратник по перу, А. С. Серафимович (настоящая фамилия Попов), тоже родом донской казак, писал о 18-летнем Шолохове так:

«Как степной цветок, живым пятном встают рассказы товарища Шолохова. Просто, ярко и рассказываемое чувствуешь — перед глазами стоит. Образный язык, тот цветной язык, которым говорит казачество. Сжато, и эта сжатость полна жизни, напряжения и правды. Чувство меры в острых моментах, и оттого они пронизывают.

Огромное знание того, о чём рассказывает. Тонкий схватывающий глаз. Умение выбрать из многих признаков наихарактернейшее…»

Свой знаменитый роман «Тихий Дон», ставший классикой советской литературы, Михаил Александрович начал писать в 1926 году. Темой для него была Гражданская война на Дону и события, предшествующие ей. Перед этим он поселяется в родной станице Вёшенской, решив полностью посвятить себя писательской деятельности.

В 1928 году в журнале «Октябрь» были напечатана первая и вторая книги «Тихого Дона». Они имели огромный успех. Максим Горький, знаменосец пролетарской литературы, писал об авторе:

«Шолохов — судя по первому тому, талантлив…

Каждый год выдвигает всё более талантливых людей. Вот это — радость. Очень, анафемски талантлива Русь».

Созвучно с Максимом Горьким высказывался и такой известный деятель советской культуры, как А. В. Луначарский. Он писал в 1929 году о писателе из донской станицы Вёшенской:

«Ещё не законченный роман Шолохова „Тихий Дон“ — произведение исключительной силы по широте картин, знанию жизни и людей, по горечи своей фабулы. Это произведение напоминает лучшие явления русской литературы всех времён…

Шолоховский роман читается с захватывающим интересом и является ценным вкладом в литературу о массах».

Судьба главного героя «Тихого Дона» Григория Мелехова воплощала в себе весь трагизм исторических событий, перевернувших Россию за годы Гражданской войны. Этот невиданного размаха социальный катаклизм особенно остро отразился на казачьих областях, в том числе и на Дону. Всё, о чём писал Михаил Александрович, было им видано и прочувствовано в недалёкой юности.

Третья книга вышла в 1932 году, а четвёртая, заключительная — в начале 1940 года. За роман «Тихий Дон» писатель М. А. Шолохов удостоился Сталинской премии 1-й

степени (впоследствии она была названа Государственной премией СССР). Автор романа получил мировую известность.

Классик советской литературы Алексей Толстой отзывался о Шолохове-романисте самыми высокими, благодарными словами, выражая в них отношение общества к создателю эпопеи Гражданской войны на земле донского казачества:

«…Другое замечательное явление нашей литературы — Михаил Шолохов. Он целиком рождён Октябрём и создан советской эпохой. Он пришёл в литературу с темой рождения нового общества в муках и трагедиях социальной борьбы.

В „Тихом Доне“ он развернул эпическое, насыщенное запахами земли, живописное полотно из жизни донского казачества. Но это не ограничивает большую тему романа. „Тихий Дон“ по языку, сердечности, человечности, пластичности — произведение общерусское, национальное, народное…»

…Одновременно с последними книгами «Тихого Дона» Михаил Александрович работает над своим вторым замечательным романом — «Поднятая целина». Это новое эпическое повествование рассказывало о коллективизации сельского хозяйства. Первая книга романа вышла в 1932 году, вторая — только в 1960 году. За это произведение писатель удостоился Ленинской премии.

Второй шолоховский роман тоже вызвал массу откликов, суть которых заключалась в новом признании талантливости его автора. Н. С. Тихонов говорил о «Поднятой целине»:

«…Большая любовь к изображаемому, превосходное знание быта, умение широко раскрыть сильные характеры, человеческие страсти, показать, в чём сила руководителя, сделали книгу цельной, глубокой, выдающейся по силе воздействия».

С началом Великой Отечественной войны 1941–1945 годов и до её победного окончания Шолохов становится фронтовым корреспондентом газет «Правда» и «Красная звезда». 23 июня он послал телеграмму в Народный комиссариат обороны СССР:

«Наркому обороны Тимошенко

Дорогой товарищ Тимошенко. Прошу зачислить в фонд обороны СССР присуждённую мне Сталинскую премию первой степени. По Вашему зову в любой момент готов встать в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Шолохов».

Уже в первые месяцы войны на газетных страницах появились шолоховские очерки «На Дону», «На юге», «Казаки», «На смоленском направлении». Широкую известность в 1942 году получил его рассказ «Наука ненависти», а также первые главы так и не оконченного романа «Они сражались за Родину».

И после победного 1945 года эхо войны звучало в шолоховском творчестве. Лучшим произведением на эту тему стал его рассказ «Судьба человека», опубликованный в 1956 году. Последующая экранизация произведения имела огромный успех у кинозрителей.

Произведения М. А. Шолохова неоднократно переводились на многие иностранные языки, инсценировались и экранизировались.

Свою литературную деятельность Михаил Шолохов сочетал с широкой общественной деятельностью. Она была прежде всего связана с его родным Доном. Он совершал частые поездки по станицам и хуторам, встречаясь с земляками и читателями.

Шолохов был депутатом Верховного Совета СССР первых девяти его созывов. В 1939 году был избран действительным членом Академии наук СССР. С 1934 года — член правления Союза писателей СССР. Являлся членом Всемирного совета мира.

Михаил Шолохов избирался почётным доктором филологических наук Ростовского и Лейпцигского университетов, почётным доктором права Сент-Андрусского университета.

В 1965 году выдающемуся советскому писателю М. А. Шолохову присуждена Нобелевская премия по литературе.

В 1967 году ему присвоено звание Героя Социалистического Труда, а в 1975 году он награждён второй золотой медалью «Серп и Молот». Среди других наград писателя — четыре ордена Ленина, многие медали.

Михаил Александрович Шолохов ушёл из жизни 21 февраля 1984 года. Он был похоронен в станице Вёшенской, рядом со своим домом, превращённым в мемориальный музей великого русского советского писателя. Память о нём на казачьем Дону хранится свято.

Шолохов явился миру и Отечеству гением литературы советской эпохи. Равного ему нет и уже не будет.

В последующие времена к творчеству Михаила Шолохова постоянно обращаются исследователи, литераторы и сотни, сотни тысяч поклонников его таланта. Вот как ещё при жизни автора «Тихого Дона» и «Поднятой целины» отзывался о нём писатель

С. Н. Сергеев-Ценский:

«…Я назову дорогое всем нам имя Михаила Шолохова! В его произведениях мы видим алмазные россыпи русской речи. Не в словарях отысканное, не из запылённых фолиантов утащенное, а взятое писателем у самого хозяина языка — у народа — вот какое это слово!..

С молоком матери впитал писатель приёмы народного творчества и принёс их в русскую художественную речь. Поэтому так и поражают они своей смелостью и художественной силой.

Мне думается, что творческий путь Михаила Шолохова, его каждодневное общение со своими героями, слитность воедино с жизнью народной во всех её проявлениях — вот единственный правильный путь для настоящего народного писателя».

…Ко всему сказанному выше надо добавить следующее. Сын М. А. Шолохова — полковник Михаил Михайлович Шолохов — в 1990 году стал первым атаманом Союза казаков Области Войска Донского. Таким образом, он стал у истоков возрождения казачьих войск уже в новой России. И это глубоко символично.